

**Д
Д
Д**

Митрий

Митриевич

ОНСКОЙ

из всех стран, соединитесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО.

Вся Коммунистическая Партия (Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

ДВ/а

л. т. Гурья и Зюде.

ПОШЕЖИТ ВОЗВРАТ
4 июля 1924 г.

Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК от 4 июля

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Запрос тов. СОЛЫЦА.

Согласиться с предложением ОГПУ об освобождении ДОНСКОГО с высылкой в отдаленные местности.

Секретарь ЦК:

И. Гаман

Зюда
Гурья

Попки №10.

правила о порядке хранения см. на обороте.

Героям

Партизанами

Крепко дружбу крепко нас, всех
целию, как крепко, кою по небу
Благодарю за помощь - в работе,
и силе отпав. силе.

Сергеев Гаврилу

не раскрасив Нам друг Гав
22/11/36 Сергеев Гаврилу.

Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории,
археологии и этнографии Сибири
Томского государственного университета

Томский областной краеведческий музей

Дмитрий Дмитриевич Донской

Составитель, автор введения, литературной
обработки,
комментариев Я.А. Яковлев.

Под ред. Э.И. Черняка.

Издательство Томского университета

Томск - 2000

Дмитрий Дмитриевич Донской / Составитель, автор введения, литературной обработки, комментариев Я.А. Яковлев. Под ред. Э.И. Черняка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. - 380 с. 500 экз.

Впервые в России осуществлено издание, столь полно представляющее биографические материалы, касающиеся отечественного политического деятеля меньшевистской партии – члена Центрального комитета Партии социалистов-революционеров Дмитрия Дмитриевича Донского (1881-1936). Это имя, практически вымаранное из истории в советский период, наконец-то возвращается широкой читательской аудитории. Содержание книги составили «Воспоминания» его жены Н.М. Донской, статья и письма самого Д.Д. Донского, написанные им в годы ссылки в с. Парабель нынешней Томской области, недавно рассекреченные архивные документы о нём из разных хранилищ страны. За исключением части архивных, все остальные материалы, в том числе и фотографии, публикуются впервые. Вступление к книге с кратким очерком истории эсеровского движения в России и подробные комментарии делают книгу полезной и доступной не только для профессиональных историков, преподавателей средней и высшей школ, но и для всех, кому интересно прошлое революционного движения в России и общественно-политической жизни в Сибири первой трети XX в.

ISBN 5-7511-1176-1

**Оформление художника В.А. Кана
Рисунки на форзаце Л.А. Усова**

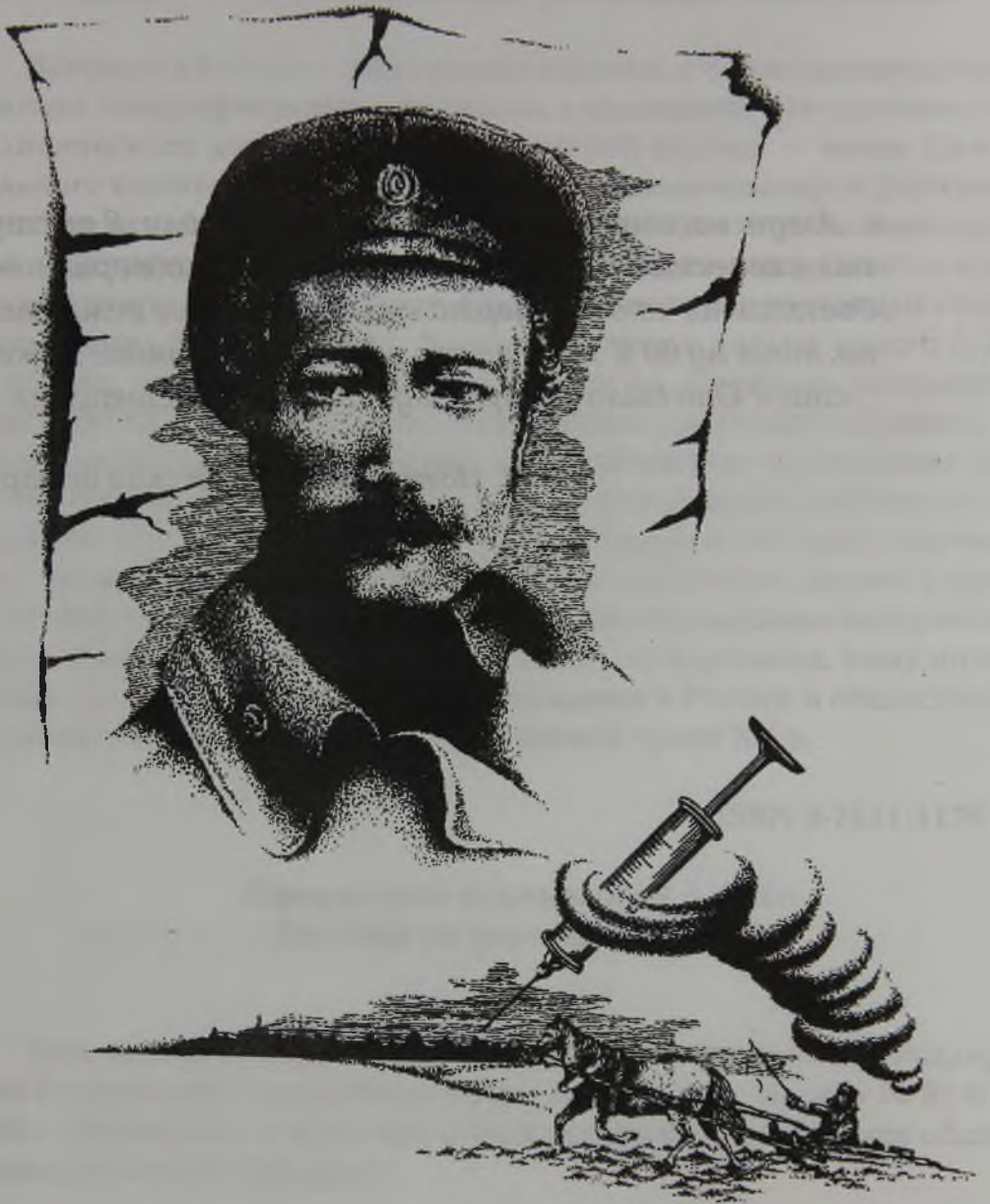
Работа подготовлена и опубликована при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-01-00064 «Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири»)

ISBN 5-7511-1176-1

© Я.А. Яковлев, составление, введение, комментарий. 2000.

«...Люди, несомненно храбрые. Мы их судили. Я выступал в качестве прокурора и могу сказать совершенно объективно, что они держались на процессе великолепно, хотя на 90 % им угрожал расстрел... Личное мужество? Оно было у эсеров в достаточной степени»

М.Н. Покровский, советский историк

Дмитрий Дмитриевич Донской — имя из небытия

Краеведческий поиск увлекает не только желанием познать непознанное, высветить во тьме прошлого нерядовое имя или событие, но и непредсказуемостью итогов самого исследовательского процесса. Нередко намеченная цель на пути её достижения неожиданно отодвигается на неопределённое время, затмевается вдруг возникшей иной — более яркой и привлекательной. И тогда возникают почти детективные сюжеты...

В 1996 г. я комплектовал книгу историко-краеведческих очерков «Земля парабельская». Среди прочих включил в неё и работу журналиста С.П. Уразова «Инициалы Д.Д.Д.», опубликованную за пару лет до того в колпашевской газете «Советский север»¹. Она, конечно, более соответствовала газетному жанру, поскольку во многом строилась на устных свидетельствах — за давностью лет неполных, искажённых и в значительной мере субъективных. Для серьёзного историко-краеведческого исследования всегда нужны письменные документы. Но слишком уж хорош был сюжет. Во-первых, для парабельчан фигура главного героя — врача Дмитрия Дмитриевича Донского — уже давно стала мифологической, и грех было бы не посвятить ей несколько страниц книги о Парабелли. Во-вторых, тема советской ссылки 1920-х гг. в сибиреведении (и не только) разработана очень и очень слабо. В этом можно убедиться, взяв в руки любое обзорное историческое исследование — хоть сугубо научное, хоть научно-популярное. Там может повествоваться о царской ссылке (раньше — только о большевиках, теперь — и о членах других оппозиционных самодержавию партий), о гражданской войне, об установлении советской власти — и сразу эпоха Магнитки, Стаханова, Великой Отечественной. Как будто не было у нас целого десятилетия, когда дорвавшиеся до власти большевики — вчерашние невольники Нарыма, Туруханска, Нерчинска — с упоением гнали в места своих бывших ссылок новые партии осуждённых. Причём не своих закоренелых врагов, не сторонников царизма или

---

¹ Уразов С. Инициалы «Д.Д.Д.» // Советский север. 9, 20 авг., 1, 6, 17, 22, 27 сент. 1994 г. № 90, 95, 100, 102, 107, 109, 111; То же // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 252-266.

Временного правительства — те либо полегли в схватках гражданской войны, либо эмигрировали, — а своих вчерашних союзников — эсеров, меньшевиков, бундовцев... Доктор Донской был одним из них — членом Партии социалистов-революционеров, причём далеко не рядовым.

Тот сборник очерков вышел, и я посчитал для себя сюжет о Д.Д. Донском исчерпанным. Но судьба распорядилась иначе. После рассказа о книге по «Радио России» из Подмосквья в Томск вдруг пришло письмо от... сына героя очерка. Он полный тёзка своего отца — Дмитрий Дмитриевич Донской. Тоже медик, ныне профессор, один из пионеров отечественной биомеханики. Несмотря на преклонный возраст, а родился он в 1910 г., — чрезвычайно активен: читает лекции студентам, пишет научные работы, ездит с выступлениями по конференциям, бегаёт на лыжах 50-километровые дистанции, накручивая за зиму более 1300 км лыжни...

Постепенно открывшаяся общность взглядов и интересов привела к переписке, последняя — к передаче материалов о жизни Д.Д. Донского-старшего: копий писем, фотографий, и самое главное — воспоминаний о нём его жены, то есть матери моего любезного респондента.

Писались они для узкого семейного круга, а вовсе не для печати, и Д.Д. Донскому-младшему пришлось испытать некоторую душевную борьбу, прежде чем решиться на их обнародование. Однако он, человек высокой культуры и широкого кругозора, пришёл к пониманию, что записки его матушки в форме публикации гораздо шире сугубо фамильной хроники.

Решающим толчком для такого решения стали появившиеся в последние годы две публикации о его отце, насколько я знаю — единственные. Краткая характеристика первой по времени, подготовленной С.П. Уразовым, дана чуть выше. Её несомненная заслуга в том, что в определённой мере она послужила катализатором в сегодняшнем проявлении образа Д.Д. Донского на тщательно подретушированной и затенённой в прошлые десятилетия коллективной «фотографии» нашей недавней отечественной истории. Но, к сожалению, непроверенная устная информация, положенная в основу этого очерка, стала причиной множества грубых фактических ошибок.

Не удивительно, что часть их была повторена уже в сугубо научной работе². Впрочем, бросить в такой ситуации камень в её авторов

---

² *Бондаренко А.А., Красильников С.А. Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 199-214.*

было бы верхом несправедливости, поскольку архивных документов о парабельском периоде жизни нашего героя к той поре было найдено не очень много. И большинство этих источников было весьма специфического свойства — кляузы партийных и фальсификации репрессивных органов 1920-1930-х гг. (часть их опубликована в этой книге). Поэтому обращение историков к дополнительной информации из газетной публикации С.П. Уразова было вынужденным.

В силу изложенной ситуации выход в свет «Воспоминаний», как незатейливо назвала свои записки Надежда Михайловна Донская, писем самого Д.Д. Донского и обнаруженных недавно архивных документов о нём — это не только дань памяти одного из известных деятелей российской новейшей истории, но и заметное расширение круга источников по революционному движению России начала века, летописи Партии социалистов-революционеров и истории Томской области 1920 — 1930-х гг.

В этом отношении они важны ещё и вот почему. За прошедшие десятилетия пресловутый классовый подход в истории вообще, а новой и новейшей, в особенности, привёл к тому, что она стала восприниматься в большей мере как деятельность масс, социальных классов и групп, в меньшей — политических партий и организаций. Как верно заметил по этому поводу историк Н.А. Васецкий: «Общественные процессы исследовались на макроуровне, к микро-структурам в лучшем случае отношение было снисходительное... С конца 1920-х гг. отечественная история не просто обезлюдела: вместе с интересом к изучению деятельности отдельной личности был потерян и вкус к познанию индивидуального в истории, без чего немислимо представить её неповторимость, неоднозначность событий и социального поведения тех самых классов и групп...»³.

Изучение личностного фактора строго соизмерялось с теми оценками, что были высказаны в работах основателей марксизма-ленинизма. Если она была отрицательной, то дальше бесконечного повторения расхожей цитаты, превращавшейся в ярлык, дело и не шло. Положительный же отзыв включал зелёный свет той или иной персоналии на страницах исторических исследований и беллетристики. Но освещались они, как правило, под одним углом зрения — «рыцарь без страха и упрёка», «титан мысли и дела», «исключительно общественная личность»... Наиболее ярким примером может служить широко известная серия «Пламенные революционеры», где героизация персонажей доведена до предела. Хотя, как и у всех лю-

³ Васецкий Н.А. Троицкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. С. 3.

дей, у них были свои пороки и слабости, существовали браки, жёны, дети; как и все политики, они совершали неблагоприятные поступки и не отличались чистотой морали. Но всё это осталось за строками «революционных евангелий» либо проговорено спешно и невнятно. Главный тезис был один — «делать жизнь с кого».

Использование именно этой двухцветной — только чёрно-белой — палитры в портретистике живых людей, творивших нашу недавнюю весьма многокрасочную историю, и отталкивало многих от самой исторической науки и от исторической литературы. В познании персонажей прошлого необходимы совершенно иные

жизнеописания — в том числе и такие, какое сделано Н.М. Донской. В нём автор не взгромождает своего героя на божницу, хотя именно этого мы вправе ожидать от любившей женщины, жены. Нет, он предстаёт в них разным и оттого становится по-человечески понятным, а значит и близким. Чужая жизнь вызывает интерес, стремление поразмышлять над причинами и следствиями его деяний, желание соизмерить с ними собственные поступки и чаяния.

Конечно, «Воспоминания», как и любое сочинение мемуарного жанра, не могут быть совершенно полными и объективными. Часть жизни главного героя, причём именно та, что была бы наиболее интересна для историков, не вынесена на бумагу. И тому здесь есть два объяснения. Во-первых, одной из форм политической борьбы партии эсеров был, как известно, террор, а Д.Д. Донской в 1917 — 1918 гг. в должности руководителя Военной комиссии при Центральном комитете партии как раз возглавлял это направление работы. Столь специфическая деятельность, само собой, велась в условиях полнейшей конспирации, и, как правило, даже близкие люди, для их же собственного

Н.М. Донская в с. Парабели. 1926-1927 гг. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

блага, не посвящались в эту сторону жизни боевиков. Поэтому Н.М. Донская многое из биографии своего мужа просто могла не знать. Вторых, скорее всего, не всё даже из известного ей она захотела обнародовать. И это объяснимо. Пережив три десятилетия кровавого сведения счётов коммунистами сначала со своими вчерашними политическими противниками, потом — с союзниками и, наконец, — друг с другом; видя множество трагедий, когда сын отвечал за деяния отца, она, конечно же, во имя благополучия собственного сына и внуков не могла рассказывать о вооружённой борьбе своего мужа с большевиками, даже если что-то и знала. Более того, основной лейтмотив мемуаров — это попытка политической реабилитации Д.Д. Донского, упорно проводимая автором мысль о его полном «обольшевичивании». Причём это позиция всей семьи. Д.Д. Донской-младший — честный человек, убеждённый коммунист, фронтовик, всю свою жизнь посвятивший социалистическому строительству — во всех письмах ко мне упорно проводит эту же идею и негативно реагирует на любое публичное напоминание об антибольшевистской деятельности отца.

При такой позиции трудно ожидать на страницах мемуаров подробностей жизни их героя в революционные и первые послереволюционные годы.

И тем не менее хотелось бы предостеречь читателей рассматривать жизнеописание семьи Донских лишь как сугубо частную хронику. В этом случае, быть может, не было бы необходимости в её публикации. Воспоминания при всей их поверхностной заурядности и сухости изложения дают массу представлений о прошлом. Причём для понимания последнего предлагают два пути — рациональный и эмоциональный.

Да, записки изобилуют мелкими бытовыми деталями, которые запомнились автору, дороги ей и которые, скорее всего, остались бы за рамками воспоминаний профессионального литератора, историка или политика. То же относится и к именам, наверно, ласкающим слух семье Донских, но ничего не говорящим читателю. Но рядом со всем этим повествуется о серьёзнейших исторических событиях, присутствуют имена известнейших деятелей отечественного и европейского революционного движения нашего столетия. Многогранная действительность ушедшей эпохи, просеянная через решето времени, представлена сегодня в книжных строках или музейных экспозициях уже рафинированной. Ведь поэтический тезис «Большое видится на расстоянии» логически можно переформулировать в «Малое не видится на расстоянии». Подобный подход даёт знание прошлого, но не даёт его ощущения на эмоциональном уровне, которое в восприятии истории нередко

даже более важно и действенно. «Воспоминания» же, где «брат Вася с супругой Женей», попавший под медведя парабельский мальчик или случайные знакомые по мюнхенской эмиграции соседствуют с крупными политиками (Ф.Э. Дзержинский, И.М. Майский, Б.В. Савинков, И.И. Радченко, Э. Левине, Д.Б. Рязанов, Э. Вандервельде) и деятелями культуры (Л.А. Сулержицкий, Б.В. Веселовский), с которыми общались Донские и имена которых включены сегодня в энциклопедии, вызывают именно это ощущение достоверности. Ещё более оно укрепляется, когда автор совершенно свободно чередует разноуровневые, с точки зрения историка, факты своей жизни: отравление мужа грибами и разгон «матросом Железняком» Учредительного собрания, забытый в трамвае сахар и левозэеровское антибольшевистское восстание в Москве, свои растоптанные валенки и процесс 1922 г... Все эти события человеческой жизни, не пропущенные через источниковедческий фильтр историка-профессионала, именно своей совокупностью придают особое очарование и рассказу.

Но это вовсе не значит, что предназначены они исключительно для историков. Совсем наоборот. Их лексика, суховатый, но доверительный стиль, сопутствующий комментарий — всё способствует тому, чтобы читателем этой искренней хроники двух человеческих судеб — автора и её мужа — мог стать даже самый неискушённый в истории человек.

Мемуары освещают в большей мере личную жизнь Д.Д. и Н.М. Донских, в меньшей степени — их общественную работу и почти целиком оставляют в стороне политическую деятельность. Публикуемые письма и статья главного героя книги, архивные документы в своём большинстве касаются нарымского, последнего периода его жизни. Поэтому для лучшего понимания излагаемых далее событий их необходимо предварить рассказом о Партии социалистов-революционеров, к которой принадлежали и герой, и автор «Воспоминаний» и судьба которой, в конечном итоге, определила и их жизнь. Без такого предисловия что-то может показаться малопонятным.

Итак. После идейного и организационного краха народничества, представлявшего собою целую эпоху в русском революционном движении, наиболее активная его часть организовалась в нелегальные группы, названия которых впервые содержали в себе определения «социалист-революционер»: «Заграничный союз социалистов-революционеров» (1894 г.), «Северный союз социалистов-революционеров» (1896 г.), «Южная партия социалистов-революционеров» (1897 г.).

Оживление общественно-политической жизни в стране способствовало сближению этих и других кружков и групп в единую левонародническую «Партию социалистов-революционеров» (ПСР). Организационная работа 1896 — 1902 гг. по её строительству завершилась оформлением на политической российской арене партии аграрного социализма. Обнародованная в 1896 г. программа объявляла методами её борьбы пропаганду, агитацию, индивидуальный террор и массовые революционные выступления. В 1901 г. у ПСР появился свой печатный орган — газета «Революционная Россия». В первые годы наиболее быстрыми темпами партия росла в южных земледельческих губерниях империи — Полтавской и Харьковской, где не без её участия в 1902 г. прошли крупные крестьянские волнения. К этой же поре относится начало партийной биографии Д.Д. Донского, жившего тогда в Киеве.

Основной социальной опорой новой партии было крестьянство — самый многочисленный класс России. Но её идеологи, прежде всего В.М. Чернов, сын которого окажется потом вместе с Д.Д. Донским в парабельской ссылке, стремились к формированию «надклассовой партии». Они прекрасно видели, что в эпоху их идейных предшественников российский «народ» был представлен крестьянством, теперь же в это понятие стал входить и народившийся пролетариат. Поэтому предлагаемая эсерами программа, помимо идейного наследия народничества, содержала и положения марксизма (например, о революционной роли городского пролетариата), других революционных учений. Это позволило партии привлечь в свои ряды широкие социальные слои — и крестьянство, и рабочих, и студенчество, и интеллигенцию. Особой популярностью пользовалась её земельная программа — лакмусовая бумажка всех политических партий во всех российских революциях. Она предусматривала безвозмездную передачу пашни из частной собственности в общенародное достояние и уравнительное распределение среди земледельцев — как единоличников, так и объединённых в товарищества. Забегая вперёд, можно отметить, что именно эти положения легли в 1917 г. в основу знаменитого «Декрета о земле» и обеспечили большевикам крестьянскую поддержку.

Составной частью партийного строительства эсеров было и создание в 1901 г. их Боевой организации. Правда, эта структура была почти автономна от партии: не контролировалась Центральным комитетом, имела самостоятельное членство, кассу и устав. Но именно она, проведя в период 1902 — 1911 гг. более 200 громких террористических актов против высших чиновников на террито-

рии всей Российской империи, создала авторитет ПСР и сформировала вокруг её членов ореол революционной романтики.

Эклектика партийной программы и широкое представительство в партии различных социальных слоёв не могли не иметь своим следствием появление внутренних платформ и групп. Их действительно было немало в истории ПСР. А первое размежевание произошло в декабре 1905 — январе 1906 гг. на I съезде, когда часть группировавшихся вокруг журнала «Русское богатство» членов партии назвали себя «народными социалистами». Они не разделяли эсеровские установки на безвозмездное изъятие земли у помещиков, террор и вооружённое восстание, объявив себя сторонниками парламентских способов политической борьбы.

Террор в адрес именитых служителей самодержавия эсеры, в соответствии со своей программой, сочетали с другими формами революционного движения. В 1905 г. они приняли активное участие в антиправительственных выступлениях — от организации забастовок и манифестаций до вооружённых схваток своих боевых дружин на баррикадах. В последовавшие затем годы наступления самодержавия эсеры, как и социал-демократы, использовали политику лавирования. Так, они проигнорировали I Государственную думу. В период II думы, согласно решениям II съезда партии в феврале 1907 г., создали собственную фракцию, однако срок её действия оказался слишком коротким, чтобы парламентские усилия эсеровских депутатов принесли какие-то позитивные результаты. В выборах III думы, проходивших в условиях подавления самодержавием демократических устремлений российского общества, эсеры не участвовали, перенеся все усилия на внепарламентские методы борьбы, прежде всего — террористические. IV думу они также проигнорировали. Но тактику изменили. В это время партия активно и успешно работала в легальных организациях — профсоюзах, кооперации, страховых советах, рабочих клубах и т.д.

Именно проблема выбора способов революционной деятельности стала поводом для идейных разногласий, продолжавшихся и в эти годы. Правое крыло партии требовало отказа от террора и перехода лишь к легальным методам борьбы; левые, наоборот, настаивали на усилении физического насилия в отношении активных сторонников самодержавия. В широком идеологическом и тактическом диапазоне между этими крайними позициями существовало множество групп и организаций эсеровского толка.

К Первой мировой войне идеологи партии выдвинули теорию гиперимпериализма с необходимым тактическим выводом, что про-

тивником революции является наднациональный, а не национальный империализм. Однако она разделялась не всеми членами партии, поэтому с вступлением России в войну эсеры не смогли выработать единой позиции: одни поддерживали «оборонцев», предлагавших свернуть борьбу с самодержавием вплоть до победы в войне, другие примкнули к «интернационалистам», призывавшим солдат повернуть штыки против своей буржуазии, третьи заняли промежуточную между ними позицию. Это было продолжением раскола партии. В дальнейшем эсеры-интернационалисты по многим вопросам революционной тактики стали выступать единым блоком с большевиками. В целом за годы Первой мировой войны из-за отсутствия единой идейной и тактической позиции ПСР значительно ослабила свои позиции в российском революционном движении.

Возрождение партии, особенно количественное, началось после свержения самодержавия. С февраля 1917 г., помимо мещан, служащих, рабочих, военных, эсерами стало огромное число крестьян, которых привлек лозунг безвозмездного наделения землёй — по 30 десятин на человека. К лету партия стала самым массовым политическим объединением страны и насчитывала, по разным оценкам, от 400 тыс. до 1 млн чел.⁴ Она получила большинство в советах рабочих депутатов, в руководстве ряда профсоюзов, солдатских комитетов и т.д. Например, эсер А.Ф. Керенский вошёл в руководство Петроградского совета рабочих депутатов, затем — в сформированное с помощью последнего Временное правительство, которое призвано было сосредоточить в своих руках власть вплоть до созыва общедемократического Учредительного собрания. Позже, как известно, он стал последним председателем этого правительства.

Параллельно с Временным правительством формировались и другие органы власти — советы. Прошедшие в июне 1917 г. Всероссийские съезды советов рабочих и солдатских депутатов и советов крестьянских депутатов показали уверенное доминирование в них членов ПСР. Но даже в условиях реального двоевластия в стране и своего большинства в советах эсеры не настаивали на передаче этим структурам всей полноты власти, как это сделали позже большевики, едва став преобладающей силой в советах. Это противоречило программным установкам ПСР. Во-первых, она считала произошедшую революцию буржуазной, а потому сотрудничество с буржуазией — естественным. Во-вторых, от первого до последнего дня су-

---

⁴ Спирин Л.М. *Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 301-302.*

ществования своей партии эсеры оставались защитниками общедемократических свобод, диктат одной партии — хоть чужой, хоть своей — был для них неприемлем.

Исходя из этих положений, эсеры вошли в правительственную коалицию с буржуазными партиями, прежде всего с кадетами. Если в первом составе Временного правительства, сформированном в начале марта, работал только один «министр-социалист» - А.Ф. Керенский, то во втором кабинете, созданном два месяца спустя, таковых было уже шестеро из шестнадцати, причём трое из них принадлежали ПСР. Но и эта ситуация, как показал прошедший в мае — июне 1917 г. III партийный съезд, не объединила, а наоборот продолжила раскол. Правые эсеры считали необходимым участие в коалиционном правительстве, поскольку это, хотя и медленно, но давало возможность осуществлять социалистические преобразования через высший государственный исполнительный орган. Левые отрицали всякое сотрудничество с кадетами и другими буржуазными партиями, настаивая на формировании исключительно социалистического правительства и немедленном проведении всех демократических реформ.

Твёрдая ориентация ПСР на демократизацию власти и неприятие однопартийной системы привела в июле к ликвидации двоевластия в пользу Временного правительства во главе с эсером А.Ф. Керенским.

Однако углублявшийся экономический кризис, затягивание правительственного решения земельного вопроса, неудачи на фронте и активная агитация большевиков вели к падению популярности ПСР и усилению РСДРП(б). Это заставило эсеров внести коррективы в свою тактику. В августовские дни наступления Л.Г. Корнилова на Петроград социалисты-революционеры выступили на защиту революции вместе с большевиками и меньшевиками. Начавшиеся в эти дни разногласия с Временным правительством, подыгрывавшим контрреволюционерам, всё более усиливались.

Однако трудящимися эсеры воспринимались союзниками непопулярного правительства, и поэтому доверие к ним продолжало падать. Воспользовавшись этим, большевики начали успешно выдавливать бывших лидеров из советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, к сентябрю заменив в большинстве из них своими представителями. Последние же сразу обострили вопрос о передаче власти от правительства советам. Из ПСР в это время начался массовый отток рядовых членов, недовольных нерешительной позицией своего ЦК. К октябрю окончательно оформилась партия «левых социалистов-революционеров интернационалистов», кото-

рая проводила самостоятельную политику, но организационно оставалась в рамках ПСР. По большинству тактических вопросов левые эсеры были уже ближе к большевикам, чем к правому крылу своей партии. Единственным камнем преткновения будущих союзников оставалась проблема власти: эсеры оставались последовательными сторонниками «диктатуры демократии», народовластия, большевики — «диктатуры пролетариата», своей партии.

Однако и те, и другие посчитали возможным оставить эту проблему пока открытой и создать блок с опорой на общие позиции в решении других вопросов. Он оформился в октябре в виде совместного Военно-революционного комитета для подготовки вооружённого восстания. В его подготовке и практическом осуществлении левые эсеры принимали активнейшее участие, которое долгие годы потом официальной советской историей усиленно замалчивалось или извращалось.

А вот после удачного захвата власти и обсуждения перспектив дальнейших действий скрываемое до поры до времени противоречие между двумя партиями-победительницами стало выходить на первый план. Левые эсеры считали, что роспуск Временного правительства даст дополнительный импульс для решительного проведения революционных преобразований и созыва общедемократического Учредительного собрания. Срочное разрешение этих назревших проблем было велением времени. Не случайно А. Блок в «Двенадцати» одной строкой дал портрет эпохи:

От здания к зданию

Протянут канат.

На канате — плакат:

«Вся власть Учредительному Собранию!»

Большевики, постепенно подминая под себя советы, уже начали заменять лозунг народного представительства лозунгом диктатуры пролетариата. Если эсеры называли Учредительное собрание «последним маяком измученной страны», то большевики всё чаще и чаще — презрительным словечком «учредилка».

Но компромиссное сотрудничество продолжалось. Например, левые эсеры приняли участие в работе II Всероссийского съезда советов, а не покинули его вслед за остальными однопартийцами, решившими проигнорировать этот форум. Результатом компромисса стал и «Декрет о земле», который по своему содержанию соответствовал программе уравнительного землепользования эсеров и в формулировке которого, по признанию В.И. Ленина, «большевики ни слова своего не вставили..., а списали его... с тех крестьянс-

ких наказов..., которые были опубликованы эсерами в эсеровской газете»⁵. Большевики прямо заявляли о своём принципиальном несогласии с этим декретом и вынужденном его принятии лишь под давлением своих союзников по коалиции, за которыми стояла крестьянская масса. Позже, как выяснилось, этот декрет, многим представлявшийся поначалу основным завоеванием революции, оказался не более чем тактической уловкой большевиков: сформулированное эсерами и узаконенное под их же давлением право русского крестьянина на землю очень скоро, с началом колхозного строительства было попорано и не восстановлено до сих пор.

Но компромисс между союзниками имел поначалу чёткие идейные и организационные границы. Например, в большевистское правительство эсеры входить отказались, пока ещё сохранив верность тезису о едином правительстве с участием всех социалистических партий.

Однако это было лишь делом времени. Далеко разошедшиеся политические дороги правых и левых эсеров и всё более осязаемое смыкание вторых с большевиками поставили на повестку дня вопрос об организационном расколе партии. И 20 ноября 1917 г. «левые социалисты-революционеры интернационалисты» провели свой I съезд, освободившись от формальных обязательств перед общим ЦК и некоторыми идейными установками партии.

Последнее позволило им уже через две недели ввести в правительство 7 человек и принять из рук большевистского Всероссийского центрального исполнительного комитета (высшего законодательного органа) портфели наркомов земледелия, юстиции, городского и местного самоуправления и т.д. Представители левых социалистов-революционеров были направлены во все коллегии Совета народных комиссаров (высшего исполнительного органа).

Это был союз, обусловленный историческим моментом. Эсеры к нему подталкивали стремление провести свои социально-экономические установки через властные структуры и растущая после принятия «Декрета о земле» популярность большевиков среди крестьян — основного, как сейчас бы выразились, электората ПСР. Коммунисты же шли на сотрудничество, поскольку их влияние на земледельцев оставалось пока ещё не столь сильным, чтобы осуществить поставленный на повестку дня лозунг «союза рабочего класса и крестьянства». До той поры советы рабочих и солдатских депутатов продолжали контролироваться большевиками, советы крестьянских депутатов — эсерами. Помимо прочего, блок двух партий

⁵ Цит. по: Гусев К. Крах партии левых эсеров. М., 1963. С. 136.

привёл и к объединению их представителей в советах и других выборных органах по всей стране. Поставленная большевиками цель крестьянской поддержки пролетарской революции была выполнена с помощью левых эсеров; столкновение интересов разных социальных групп в деревне вплоть до спровоцированного вооружённого способа разрешения этого конфликта произойдут позже.

Однако работа в большевистском правительстве была не изменой левых социалистов-революционеров своим идейным установкам, а лишь вопросом их тактики. Используя своё присутствие в высших органах власти, они пытались легально препятствовать сползанию страны к однопартийной диктатуре и репрессиям: протестовали против распоряжения СНК запретить газеты и арестовать лидеров буржуазных партий, делали попытки поставить деятельность чекистов под контроль наркомата юстиции... Всё было тщетно.

А что же делали в это время остальные эсеры? Они занимали более непримиримую позицию в отношении политики большевиков и после октябрьского захвата власти последними тут же начали сопротивляться свершившемуся насилию. Уже 26 октября (8 ноября) 1917 г. они участвовали в организации похода на Петроград 3-го конного корпуса под командованием А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова. Кстати, на рассылаемые в этот день верховным главнокомандующим в ставку и штабы всех фронтов телеграммы с требованием прислать верные правительству части оперативно пришёл ответ только с Кавказского фронта. Он содержал негодование по поводу насилия над Временным правительством, обещал поддержку и был подписан главнокомандующим Пржевальским и комиссаром фронта Д.Д. Донским⁶. 28 октября (10 ноября) 1917 г. в Петрограде социалистами-революционерами был создан «Комитет спасения родины и революции» (его возглавлял А.Р. Гоц — соратник и товарищ Д.Д. Донского), в Москве — «Комитет общественной безопасности». Эти комитеты в обеих столицах и некоторых других крупных городах организовали вооружённое сопротивление насильственному захвату власти, однако попытки превратить эти акты в широкомасштабные акции не увенчались успехом. Эсеры же были руководителями многих антибольшевистских забастовок, прокатившихся по всей стране.

На прошедшем 26 ноября — 5 декабря 1917 г. IV съезде ПСР вновь была продемонстрирована верность своим программным установкам. Резолюция гласила: рабочий класс составляет меньшинство населения России, и, хотя бы уже на этом основании, его дик-

⁶ История гражданской войны в СССР. М., 1947. Т. 2. С. 313.

татура неправомочна. Поэтому партия решительно противилась концентрации власти в руках Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и продолжала выступать за созыв Учредительного собрания. На этом же съезде была создана Военная комиссия при ЦК партии эсеров для организации вооружённого сопротивления насаждавшейся власти большевиков. Возглавил её избранный 82 из 174 голосов в члены Центрального комитета Д.Д. Донской.

Однако из-за боязни самоуничтожения социалистических сил в междоусобице и установления буржуазной диктатуры масштабных антибольшевистских выступлений с оружием в руках эсеры в этот момент ещё не предпринимали. Они полагали, что всё расставят на свои места выборы в Учредительное собрание.

Судьба этого парламента — один из самых трагических эпизодов в истории России XX столетия и Партии социалистов-революционеров. Этот высший законодательный орган, избравшийся на демократических принципах всем населением страны, должен был стать единственным и полновластным хозяином русской земли после свержения абсолютизма. По крайней мере, именно это утверждали все российские партии социалистической ориентации — и большевики, и меньшевики, и эсеры — в период правления Временного правительства. Ситуация изменилась после октябрьского захвата власти большевиками.

Выборы в Учредительное собрание проходили всего через 17 дней после этого события. Большевики ещё не успели значительно упрочить своё положение, чтобы помешать созыву так не желаемого теперь ими многопартийного парламента и даже поначалу возлагали на него некоторые политические надежды. Но им не суждено было оправдаться. К 1918 г. партия эсеров, отстаивавшая принцип народовластия, утвердившая свой авторитет решительным поведением в ходе российской революции и ставшая самым популярным политическим объединением страны, пользовалась мощной поддержкой крестьянства. Именно это сословие обеспечило партии, имевшей единые, без разделения на фракции списки для голосования, большинство депутатских мест в Учредительном собрании. Историки называют разное число граждан, отдавших свои голоса эсерам, — от 17,5-17,9 млн чел., или 39-40%⁷, до 29,9 млн чел., или 58%⁸. Нет един-

⁷ Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России... С. 301; Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л.: Наука, 1976. С. 273.

⁸ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. С. 168.

ства и в статистике партийной принадлежности депутатов парламента. Одни источники указывают, что из 703 чел., избранных по округам, 268 имели партийные билеты ПСР и только 168 — РСДРП(б)⁹. Другие из 715 депутатов к эсерам относят 412, к большевикам — 183¹⁰. В любом случае, по сравнению с другими партиями, даже с получившими около четверти голосов избирателей большевиками, победа социалистов-революционеров была внушительной.

В список ПСР № 3 парламентариев от Кавказского фронта тогда был включён и член этой партии, комиссар фронта, военный врач Д.Д. Донской.

Такое сокрушительное поражение на выборах подтолкнуло большевиков к решительным действиям уже в первый день работы парламента 5 января 1918 г. Убедившись в собственном фиаско и не желая терять уже сосредоточенную в своих руках власть, они покинули заседание практически сразу же после его открытия. Следом ушла и фракция левых эсеров. А затем ВЦИК принял «Декрет о роспуске Учредительного собрания», и в ночь на 6 января охрана Таврического дворца, где проходило заседание, разогнала избранных народом депутатов (этот эпизод описан свидетельницей Н.М. Донской). Следом была расстреляна мирная демонстрация в поддержку парламента.

Собравшийся в следующие дни III Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов узаконил Совет народных комиссаров как единственный полномочный орган новой власти. Разумеется, это не могло не вызвать противодействия сторонников народовластия. Эсеровская фракция Учредительного собрания, продолжая сохранять свою организационную целостность и взяв на себя функции сохранения российского парламента, в составе 10 групп разъехалась по стране для организации и практического проведения антисоветской работы¹¹.

Левые же эсеры в это время ещё продолжали сохранять политическую коалицию с большевиками — их совместные фракции были самыми крупными в советах на местах. Но, как и любой союз на тактической, а не на идейной платформе, это объединение было компромиссным, а значит, по своей сути крайне непрочным, временным. Всегда присутствовавшие противоречия резко и скоро обо-

⁹ Гусев К. Крах партии левых эсеров... С. 125.

¹⁰ Колесниченко Д.А. Виктор Михайлович Чернов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 296-334.

¹¹ Черняк Э.И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 151.

Д.Д. Донской на родине. По словам его сына, присутствовавшего при фотографировании, в руках он держит газету с известием о разгоне Учредительного собрания. М. Хмельник Подольской губ. Январь 1918 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

стрились в вопросе о Брестском мире: большевики настаивали на принятии ультимативных и оскорбительных для государственности России требований Германии, левые эсеры отстаивали лозунг продолжения войны с её, по их мнению, постепенным перерастанием в мировую революцию. Идейное поначалу разногласие не могло не вылиться в организационный раскол: в марте 1918 г., после ратификации IV Чрезвычайным Всероссийским съездом советов подписанного большевиками Брестского мира, эсеры вышли из Совета народных комиссаров (остав-

шись, правда, во ВЦИКе и советских учреждениях).

После разгона парламента и заключения мира с Германией эсеры уже не видели для себя иного способа борьбы с большевиками, кроме вооружённого. В мае 1918 г. на VIII совете ПСР Е.М. Тимофеев (один из товарищей Д.Д. Донского и будущий его «сопроцессник») в своём докладе «О текущем моменте» от имени Центрального комитета обнародовал основные политические цели: аннулирование позорного мира с Германией, ликвидация нелегитимного правления Совета народных комиссаров, возрождение народовластия в лице Учредительного собрания. Вслед за членами эсеровской фракции Учредительного собрания для конкретной антибольшевистской работы на местах выехали и «цекисты». Как указывает историк К.В. Гу-

сев, «для практического осуществления решений... ЦК социалистов-революционеров следующим образом распределил свои силы: 8 членов ЦК оставались в Москве, 4 — направлялись в Поволжье, 2 — в Приуралье, 1 — на Ижевский и Воткинский заводы, 1 — на Украину, 2 — в Петроград. Два члена ЦК... были направлены за границу...»¹². Д.Д. Донской был одним из четвёрки, направленной на Волгу, — с полномочиями «главного организатора» и руководителя Военной комиссии ЦК партии он перебрался в Саратов.

Поволжье и Сибирь — регионы со слабо развитой промышленностью и крепким сельским хозяйством — превратились в социальную базу и военные плацдармы для антибольшевистской борьбы партии эсеров. В первом из них центром «военной работы» поначалу стал Саратов. Здесь обосновались наиболее активные члены военной комиссии, была снята конспиративная квартира для нелегально стекавшихся офицеров. Целью выступления было свержение силами скомплектованного батальона советской власти в городе. Однако чекисты сумели вовремя раскрыть организацию, арестовать часть её участников и изъять оружие, предотвратив таким образом попытку мятежа.

Больших успехов эсеры добились в другом волжском городе — Самаре. Сразу после разгона Учредительного собрания в городском гарнизоне и близлежащих сёлах были скомплектованы их боевая дружина и подпольная офицерская организация, которые в союзе с чехословацким корпусом 8 июня 1918 г. низложили советы в Самаре. Впервые эсеры получили возможность осуществления главной своей цели — передачи власти Учредительному собранию. Но поскольку лишь 96 — 97 депутатов разогнанного полгода назад парламента смогли собраться в Самаре, сформированное в июле правительство назвали «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч). В него, кстати, вошёл и И.М. Майский — товарищ родителей Д.Д. Донского по их тобольской ссылке и друг Д.Д. и Н.М. Донских со времён германской эмиграции. У него в доме летом 1918 г. жила приезжавшая к мужу в Самару Надежда Михайловна.

Целью своей деятельности «Комитет...» объявил консолидацию разобщённого за годы революции по классовым и партийным признакам российского общества. Были разрешены основные демократические свободы, отменены все ограничения на торговлю хлебом, подтверждено право крестьян на полученную землю. Была объявлена война большевистскому режиму и Германии. Опираясь

---

¹² Гусев К.В. Партия эсеров... С. 229.

на собственные вооружённые силы и чехословацкий легион, Комуч контролировал значительные районы Поволжья.

Однако логика гражданской войны и расслоение крестьянства не позволили добиться провозглашённой цели. Эсеровское правительство оказалось между монархически настроенным офицерством и демократически ориентированными рабочими и крестьянами. И те, и другие были недовольны политикой «Комитета членов Учредительного собрания».

Подобное же произошло и в Сибири, где местные социалисты-революционеры тоже не дремали. В январе 1918 г. в Томске было образовано Временное сибирское правительство во главе с эсером П.Я. Дербером, которое объявило Совет народных комиссаров врагом народа и призвало к созыву Учредительного собрания и автономии Сибири. Перебравшись затем в Харбин, оно оставило на местах своих уполномоченных из числа членов Учредительного собрания. Последние после белочешского мятежа под именем «Западно-Сибирского комиссариата» и взяли на себя всю полноту власти в регионе. Структура и политика этого эсеровского правительства не отличалась от поволжского Комуча, однако его век оказался менее долгим. Уже в июне 1918 г. власть вернулась к тем членам Временного сибирского правительства, кто не уехал с П.Я. Дербером, а остался в Западной Сибири. Возглавил новый состав Совета министров П.В. Вологодский. Этот орган не был чисто эсеровским, и его политику уже трудно назвать демократической. Самое главное — были сняты два основных эсеровских лозунга: уравнительное землепользование (национализированная советами земля возвращалась хозяевам) и передача власти Учредительному собранию (правительство выступало за единоличное правление).

Эсеровские вооружённые выступления против большевиков под лозунгами возвращения власти Учредительному собранию прошли и в некоторых других крупных российских городах. В их подготовке и осуществлении активную роль сыграл созданный Б.В. Савинковым «Союз защиты родины и свободы». Естественным, хотя и неожиданным союзником ПСР стали чехи и словаки мятежного корпуса, разделявшие идею многопартийного демократического парламента. Да и сама политика большевиков в деревне — безвозмездное изъятие так называемых «хлебных излишков», волевое насаждение комитетов бедноты, репрессии против зажиточных крестьян — способствовала росту числа сторонников эсеров.

Однако наступление Красной армии и требования Антанты о консолидации антибольшевистских сил заставляли ПСР во имя со-

юза с буржуазией всё дальше и дальше отходить от своих принципов и программных установок. Их стремление создать оппозиционное большевикам демократическое правительство становилось всё более иллюзорным, а идейный и организационный разброд всё более ощутимым. Это подтвердило в сентябре 1918 г. и Уфимское государственное совещание, в котором участвовали «Комитет членов Учредительного собрания», «Временное сибирское правительство» и ещё добрый десяток правительственных образований из неконтролируемых большевиками регионов. Оно закончилось компромиссом между социалистами-революционерами и несоциалистами — созданием Директории из 5 чел., которой была делегирована вся полнота власти. Среди историков нет единства в вопросе о партийной принадлежности этой пятёрки, но большинство соглашались, что она была преимущественно эсеровской.

Собравшийся вскоре после этого совещания ЦК ПСР осудил его итоги и провозгласил тезис «третьей силы» — борьбу с контрреволюцией и на большевистском, и на антибольшевистском фронтах. Кстати, это циркулярное письмо имело для партии негативные последствия. Вошедший в сформированный Директорией Совет министров, А.В. Колчак 18 ноября того же года объявил себя «верховным правителем России». И в качестве доказательства ненадёжности союзников по антибольшевистской коалиции использовал этот документ.

Демократы-эсеры, борющиеся с классово-диктатурой большевиков, попали из огня да в полымя — под авторитарную власть «верховного правителя». ЦК партии объявил его мятежником. В ответ тот расстрелял часть партийной верхушки, остальные были вынуждены уйти в подполье. Даже виднейшие социалисты-революционеры из пятёрки Директории едва не поплатились жизнью; только по личному ходатайству П.В. Вологодского перед А.В. Колчаком карательные меры в их отношении ограничились высылкой из Сибири через Владивосток.

Уже этот факт — сотрудничество с Директорией, а затем и с правительством А.В. Колчака одних эсеров и вооружённая борьба с этими властными институтами других — наглядно показал глубокое расслоение ПСР.

Вопрос о созыве Учредительного собрания с повестки российской истории был снят. С демократией в эсеровской трактовке на западе страны покончили советы, на востоке — колчаковцы. Эсеровские правительства в Архангельске и Баку закончили своё существование с высадкой интервентов.

Оставалась ещё одна надежда — формируемая Добровольческая армия на юге. Несмотря на монархические настроения определённой части офицерства, многие её участники и сам А.И. Деникин поддерживали идею Учредительного собрания. В Киеве, например, эсеры вошли в городскую управу. Определённую роль в налаживании контакта правых социалистов-революционеров с «белыми» сыграл Д.Д. Донской. Заместитель председателя Уфимского горкома ПСР докладывал: «Тов. Донской особенно сильно обращал внимание на необходимость завязать самую тесную связь с югом..., ибо это, во-первых, самая сильная армия; во-вторых, не заражённая ядом сепаратизма. Туда, между прочим, посланы Руднев и Бунаков, которых Донской просит назначить представителями от Всероссийского временного правительства. У Донского мне был представлен штаб-офицер академик А.Т. Гаевский, представитель алексеевской армии...»¹³. Однако альянс некоторой части ПСР с белым движением был кратким: в октябре-ноябре 1919 г. ЦК партии объявил поддержку А.И. Деникина противоречащей социалистическим установкам.

Не прекращалась антибольшевистская борьба эсеров и на советской территории. В начале 1918 г. была создана боевая группа во главе с Г.И. Семёновым (Васильевым), одним из участников которой — Сергеевым — 20 июня 1918 г. был убит комиссар по делам печати, пропаганды и агитации в Петрограде В. Володарский. ЦК партии тут же публично заявил о своей полной непричастности к этому акту. Дальнейшие события в официальной советской истории изложены следующим образом: «После убийства Володарского боевая организация перебралась в Москву, где начала подготовку покушения на В.И. Ленина. При этом её члены потребовали от Гоца гарантий, что Центральный комитет социалистов-революционеров не заявит о своей непричастности к покушению и открыто признает убийство В.И. Ленина делом партии. Гоц дал такие заверения Семёнову. 30 августа 1918 г. после выступления на заводе Михельсона В.И. Ленин был тяжело ранен выстрелом эсерки Каплан. В тот же день в Петрограде эсером Канегиссером был убит председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. ЦК эсеров не сдержал слова, данного своим боевикам. Он и на этот раз трусливо отказался от ответственности за совершённые по его указке преступления... Ложь лидеров настолько возмутила даже самих террористов, что многие из них отошли от партии, и группа Семёнова распалась»¹⁴.

¹³ Цит. по: Гусев К.В. *Партия эсеров...* С. 293.

¹⁴ Гусев К.В. *Партия эсеров...* С. 294-295.

Яростный антибольшевизм эсеров не мог не вызвать тревоги правящей партии. Против них на контролируемой коммунистами территории начались репрессии, в июне 1918 г. по постановлению ВЦИК они были выведены из его состава и из всех советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где ещё присутствовали. Эти меры привели к падению численности и популярности организаций социалистов-революционеров в крупных городах Европейской России, не задев пока Сибирь и Поволжье.

А как развивались события на противоположном фланге партии? На определённом этапе — неплохо. Выйдя в марте 1918 г. из СНК, левые эсеры сохранили своё присутствие в советах и других выборных органах. Более того — они его увеличили и упрочили. Во-первых, из-за уже упомянутой антикрестьянской политики большевиков, обеспечивавшей эсерам дополнительных сторонников. Во-вторых, по причине увеличения своей социальной базы за счёт электората правых эсеров и меньшевиков, изгнанных в июне 1918 г. большевиками из всех органов власти. Теперь всем недовольным коммунистами оставалось голосовать только за левых эсеров.

Меж тем разногласия в коалиции, и так достаточно резко обозначившиеся в период заключения Брестского мира, продолжали углубляться. Декреты мая-июня 1918 г. о продовольственной диктатуре и формировании комитетов бедноты вызвали резкие антибольшевистские настроения в деревне. Эсеры, как выразители крестьянских интересов, должны были реагировать на эти процессы. Большевики натравливали вооружённых рабочих на крестьян и последних друг на друга; эсеры пытались примирить эти социальные силы. Началось сначала скрытое, агитационное, а затем и открытое противоборство левых социалистов-революционеров политике большевиков, распространилось их участие в вооружённых выступлениях крестьян.

Активно поддерживали они и антибольшевистское забастовочное движение в городах. Выступали также против создания регулярной Красной армии, применения смертной казни.

Однако главным камнем преткновения вчерашних союзников по октябрьскому восстанию оставалась проблема Брестского мира. Для срыва развивавшегося процесса мирных соглашений с Германией левые эсеры во время работы V Всероссийского съезда советов организовали 6 июля 1918 г. убийство посла этой страны В. Мирбаха. Это послужило сигналом для вооружённого выступления левых эсеров в Москве под руководством М.А. Спиридоновой, В.А. Карелина, П.П. Прошьяна (между прочим, первая — бывший член Президиума ВЦИК, другие — бывшие наркомы СНК РСФСР). На

их стороне был отряд особого назначения ВЧК численностью 800 чел. и боевые дружины эсеров общим числом 1000 чел. пехоты и 80 чел. кавалерии. Огневая мощь отряда состояла из 4 броневиков, 48 пулемётов и 8 орудий. На усмирение было отправлено 720 пехотинцев, 72 конника, 4 броневика, 40 пулемётов и 12 орудий.

Поначалу события развивались для восставших весьма благоприятно. Был захвачен телеграф, арестовано 27 крупных советских, военных и партийных руководителей, в том числе и сам председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский. Но широкой поддержки у солдат Московского гарнизона, не обрадованных перспективой продолжения войны с Германией, и у гражданского населения это выступление не получило. Вдобавок среди его руководителей не оказалось ни одного сколько-нибудь грамотного военного специалиста. В итоге к вечеру первого же дня была арестована М.А. Спиридонова, а на следующий день латышские стрелки и австро-венгерские военнопленные (интернационалисты) подавили восстание.

Также неудачно закончились попытки вооружённых левозесеровских выступлений и в Петрограде, Витебске, Пензе, некоторых других городах. Не остались безучастными наблюдателями и крестьяне — за вторую половину 1918 г. в уездах произошло 11 восстаний под лозунгами левых эсеров. Они тоже закончились поражениями. Часть участников этих антибольшевистских акций была расстреляна сразу, остальные — в 1930-х гг.

Это была единственная смелая попытка массового вооружённого выступления социалистов-революционеров против большевиков. И до, и после этого их политика в отношении правящей партии отличалась отсутствием решительных боевых действий и противоречивостью. Отсюда — их индивидуальный террор, отсюда — агитация и публичные осуждения, то есть меры, способные возбудить революционный энтузиазм народа. Очевидно, правы те, кто видит причину этого в идейном постулате эсеров о первичности «инициативы масс». «Партия должна включаться в революционный процесс на втором этапе», - считали они. Даже в 1922 г. они верили, что власть большевистского террора будет сметена революционным порывом рабочего класса.

Проигрыш в военном противостоянии вынудил ЦК левых эсеров в августе того же 1918 г. принять решение об уходе в подполье. Противоположная сторона, наоборот, закрепляла победу — к концу года левозесеровские представители были выведены из советов всех уровней. Это были последние члены некоммунистической

партии в структуре российской власти, отныне и надолго она станет однопартийной.

Всё выходило по-ленински: жернова двух диктатур стирали в пыль демократические устремления социалистов-революционеров. Наступило горькое разочарование в союзе и с большевиками, и с буржуазией. Чтобы не потерять свою последнюю опору — крестьянство, которое страдало от продовольственной диктатуры В.И. Ленина, с одной стороны, и принципа помещичьего землевладения А.В. Колчака и А.И. Деникина, с другой, — эсеры, «третья сила» вынуждены были под лозунгом «За Учредительное собрание» пойти в свой «последний и решительный бой». Причём сразу на два фронта: в советской России — с большевиками, в Сибири — с колчаковцами.

Такое развитие событий вызвало глубокий идейный и организационный кризис в Партии социалистов-революционеров. Появились оппозиционные к своим Центральным комитетам группы, которые стояли за единение всех социалистов (большевиков, меньшевиков и эсеров). В левом крыле сторонники сотрудничества с большевиками сформировали партии «народников-коммунистов» (Москва), «революционных коммунистов» (Саратов). Первые в октябре 1918 г., а вторые в октябре 1920 г. вошли в компартию. В лагере правых эсеров к концу 1919 г. сформировалась группа «Народ», тоже затем в основной своей части влившаяся в РКП(б). В том же 1919 г. этому примеру последовал «Сибирский союз социалистов-революционеров», на следующий год — эсеры Белоруссии и т.д. Активно шёл развал губернских организаций. Политическая партия, от одного названия которой когда-то бледнели высшие чины Российской империи, всё больше и больше превращалась в разрозненные дезориентированные и испуганные группки.

Хотя попытки бывшей партийной консолидации предпринимались. 6 — 9 февраля 1919 г. в Москве собрались делегаты с территории, контролируемой большевиками. На вопрос «Что делать?» было предложено три ответа: «Сотрудничать с большевиками, воевать с буржуазией», «Воевать и с большевиками, и с буржуазией», «Политически бороться с большевиками, воевать с буржуазией». Прошло последнее предложение. Этим событием ПСР официально завершила свою вооружённую борьбу с большевизмом, объявленную в мае 1918 г.

Приветствуя это решение, ЦК ВКП(б), где тоже находились сторонники единения всех социалистических сил, сделал ответный шаг — 19 февраля принял постановление о «легализации правых социалистов-революционеров», которое через неделю было утверждено ВЦИК. Правда, оно более являлось пропагандистской акцией и прак-

тической ценности почти не имело. Уже через 10 дней легализованная газета эсеров «Дело народа», продолжавшая агитировать против большевиков, была вновь запрещена, ЦК опять ушёл в подполье.

Летом 1919 г. и второй руководящий орган — ЦК левых эсеров, — видя большую опасность со стороны вооружённой буржуазии, тоже принял решение о прекращении вооружённой борьбы с советами и концентрации всех сил против контрреволюции.

Однако силы партии были уже не те. И дисциплина тоже. Например, многие низовые организации и члены партии отказались выполнять «мировые» решения своих нерешительных и непоследовательных ЦК и не прекратили антисоветской вооружённой деятельности. Большевики, надо сказать, давали этому достаточно поводов, отвергая любую, даже самую лояльную оппозицию. На всех территориях, освобождаемых от белых, они сразу же обращали свои силы против эсеров.

Всё же в этот период вооружённые усилия ПСР были направлены в одну сторону — на борьбу с буржуазной контрреволюцией на Украине, в Причерноморье и в Сибири. Последний регион рассматривался в качестве наиболее реального для установления народовластия хотя бы на части бывшей империи. Колчаковская политика вызывала недовольство местного населения, одной из форм которого стало создание партизанских отрядов. Поскольку сформированы они были преимущественно из крестьян, уже испытавших на своей шкуре большевистскую продрозвёрстку, влияние эсеров — сторонников аграрного социализма — в них было подавляющим. Получили они поддержку и со стороны зарубежных союзников, которые приняли выдвинутую ПСР идею о создании на востоке бывшей Российской империи буферного небольшевистского демократического государства.

Осенью 1919 г. для общесибирского антиколчаковского восстания в Иркутске был создан Политцентр, к которому в январе 1920 г. и перешла власть. Ему же чехословаки передали и пленённого «верховного правителя России». Программа Политцентра предусматривала установление мира с большевистской Россией, создание автономной Восточно-Сибирской республики, вывод иностранных войск и осуществление всех гражданских свобод. Однако за годы гражданской войны образ Учредительного собрания уже потерял былую привлекательность, большей популярностью пользовался лозунг «Вся власть советам» (хотя очень часто с добавлением «без коммунистов»). Эта причина, а также приближение Красной армии стали причиной передачи власти эсеровским Политцентром боль-

шевистскому Военно-революционному комитету. Рухнула последняя надежда социалистов-революционеров реализовать свои идеи в практике государственного строительства.

Освободившись от вооружённой борьбы с белым движением, большевики могли теперь сосредоточить свои силы на уничтожении социалистической оппозиции. Как пишет голландский историк, автор любопытной книги о социалистах-революционерах М. Янсен, «к концу 1919 г. ЧК всерьёз занялась охотой на членов ЦК ПСР»¹⁵. В этом году были арестованы Д.Д. Донской, С.В. Морозов и Е.М. Ратнер. В следующем году аресты продолжились, поэтому в июне оставшиеся на свободе руководители партии из-за невозможности функционирования Центрального комитета в полном составе вынуждены были создать Организационное бюро. К середине 1921 г. все члены ЦК и активисты ПСР оказались либо в застенках ЧК, либо в эмиграции. Поэтому для руководства партией или, точнее, её остатками было создано Центральное бюро из пяти членов. Позже и они оказались за решёткой.

Такой накал репрессий ещё более ускорил процесс распада партии. С этого момента уже давно наметившийся раскол между Центральным комитетом, находящимся теперь к тому же под арестом, и низовыми организациями ПСР стал необратимым. Не успела конференция 10 низовых партийных организаций в Москве в сентябре 1920 г. принять осторожную резолюцию о неизбежности вооружённой борьбы с большевистской властью в отдалённом будущем (!), как тут же получила осуждающее письмо арестованного ЦК, считавшего главным содержанием текущего момента «организационную работу». Едва развернулась антибольшевистская крестьянская война на Тамбовщине, как Оргбюро ПСР назвало её «полубандитским движением». Как только последний в истории Партии социалистов-революционеров X съезд, собравшийся в августе 1921 г. в Самаре, огласил резолюцию о безотлагательном свержении диктатуры большевиков, как тут же 10 членов ЦК передали из Бутырской тюрьмы письмо с мнением, что единственный путь к этому — не восстание и партизанская война, а «организация рабочих масс». Такая лояльность, если не сказать более, ЦК по отношению к власти оказалась бесперспективной во всех отношениях, даже в отношении собственной безопасности. Уже через год им было предъявлено обвинение в антибольшевистских действиях партии, от которых они так усиленно пытались откеститься публичными осуждениями.

---

¹⁵ Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 35.

Но это будет позже. На финальном отрезке и после гражданской войны ПСР, даже войдя в противоречие со своими официальными лидерами, пыталась продолжать борьбу за социализм в своём понимании. Тем более после разгрома белого движения враг остался только один — коммунисты. Надо сказать, что это не было последней попыткой обречённого. Реальной основой для противостояния стали беспартийные «советы трудового крестьянства», возникавшие в ответ на проводимую советами политику «военного коммунизма». В борьбе против общего врага кое-где на местах произошло даже объединение правых и левых эсеров.

Самым заметным в серии крестьянских вооружённых выступлений под лозунгами социалистов-революционеров стало восстание в Тамбовской губернии 1920-1921 гг., известное в советской истории как «Тамбовский» или «Антоновский» (по фамилии лидера, по некоторым данным, члена ПСР А.С. Антонова) мятеж. Крестьянская армия насчитывала 21 полк и 1 бригаду общей численностью около 50 тыс. чел. Но против регулярных частей Красной Армии с огромным боевым опытом и под руководством таких видных военачальников как М.Н. Тухачевский и Г.И. Котовский, мужики оказались бессильны. Официально ПСР не имела отношения к этим событиям, её влияние было косвенным — в форме создания Крестьянского союза, агитации, участия в них отдельных членов партии. Тем не менее в приговоре процесса 1922 г. будет указано, что лидеры эсеров несут ответственность за тамбовские события и их жертвы.

Немало крови попортило большевикам и Западносибирское восстание 1921 г., руководимое Сибирским областным комитетом эсеров и Сибирским крестьянским союзом. В этом же ряду стоит и вооружённое выступление моряков Кронштадта.

Требования восставших были по-прежнему «эсеровскими»: политическое равенство всех граждан России независимо от классово-принадлежности, отмена продразвёрстки и свобода торговли, уравнильное землепользование. Лишь лозунг «За Учредительное собрание!» был заменён на «Советы без коммунистов!» и «Власть советам, а не партиям!».

Велась и экономическая борьба, особенно через органы кооперации, где у эсеров были традиционно сильные позиции.

Решительное и жестокое подавление коммунистами крестьянских выступлений, сопровождаемое политическим заигрыванием (например, временным освобождением Тамбовской губернии от продразвёрстки), привело к ликвидации последних очагов вооружённой борьбы эсеров. А отмена продразвёрстки, введение новой

экономической политики, которую последние однозначно признали контрреволюционной, и активная пропагандистская деятельность большевиков значительно сузили социальную базу ПСР среди крестьянства и стали ещё одним крупным шагом к её полному краху. Арест и эмиграция лидеров партии, приведшие к пассивности Центрального комитета, ещё более усилили процесс идейных брожений в партийных рядах, что неминуемо обусловило дальнейший раскол и без того уже надтреснувшего единства. Многочисленные легальные и подпольные группы и объединения, вроде «Единой партии левых социалистов-революционеров объединённых (синдикалистов и интернационалистов) Украины», неподконтрольных либо только частично подконтрольных ЦК, вели бесконечные слияния, разъединения и перегруппировки, что трудно признать плодотворной партийной тактикой. Резко возросло число партийных ренегатов, клеймивших в официальной большевистской печати установки и действия ПСР (Г.М. Ратнер, А. Краковецкий, Я. Дворжец). Увеличились и колонны дезертиров, которые уходили от партийной деятельности в профессиональную (социолог П. Сорокин, экономист Н.Д. Кондратьев, генерал А. Верховский) и даже пополняли ряды коммунистов.

Помимо приведённых выше объективных причин, это стало результатом и достаточно продуманной тактики борьбы с эсерами со стороны РКП(б), сосредоточившей в своих руках всю репрессивную и идеологическую мощь государства. Действия против политических оппонентов разворачивались в широком спектре — от прямого подавления до политического заигрывания. К середине 1922 г., расправившись со всеми сторонниками царизма и буржуазии, подавив все эсеровские вооружённые выступления, большевики решили поставить точку в истории этой партии и жирный восклицательный знак в своём триумфе. Этого требовали и обстоятельства.

Во-первых, экономическая и политическая ситуация в разрушенной войной стране была весьма плоха, и это вызывало резкое возмущение не только ограбленного крестьянства, но и голодных рабочих — основной социальной базы большевиков. Значит, требовалось во что бы то ни стало не допустить смычки недовольного народа с остатками политической оппозиции. Лучшим способом для этого было полное уничтожение этой оппозиции, которая, в первую очередь, была представлена партией социалистов-революционеров — и более непримиримых, и более активных, и более популярных, чем остальные.

Во-вторых, надо было срочно снять с себя ответственность за развязывание гражданской войны, принесшей стране столько трудностей и унесшей миллионы жизней. Значит, требовался козёл отпущения, на которого можно было бы возложить все эти грехи и отвести от себя возможный взрыв недовольства народных масс.

В-третьих, ликвидация оппозиции должна была сопровождаться гарантией её полной политической смерти. Единственная возможность этого — абсолютная компрометация её лидеров, идей и действий в глазах как современников, так и потомков.

В-четвёртых, необходимость международного признания советского государства требовала демонстрации на международной арене внутренней демократии, привлечения к себе симпатий социалистических сил за рубежом. С этой целью ещё 6 февраля 1922 г. в стране формально была ликвидирована система ЧК, вместо которой было создано Государственное политическое управление с более ограниченными полномочиями, и объявлено намерение рассматривать политические дела «исключительно в судебном порядке». В апреле делегация Коминтерна говорила об этом в Берлине на конференции трёх Интернационалов. Теперь заявленную демократизацию необходимо было подтвердить на практике.

В-пятых, в глазах той же мировой общественности разгром социалистической оппозиции нужно было представить не как стремление компартии посчитаться со своими противниками, а как волю народа.

Наверное, можно продолжить анализ, найдя и «в-шестых», и «в-седьмых»... Причин расправиться с политически инакомыслящими и, попутно, идеологически укрепить своё внутреннее и международное положение у большевиков было предостаточно. И лучшим способом для этого мог бы стать судебный процесс.

Если есть причины, будет и следствие. Видимо, именно для запланированного процесса в тюрьмах до поры до времени и берегли несколько десятков активистов и членов ЦК партии эсеров, арестованных ещё в 1919-1920 гг. Коснуться их голов за три прошедших года, наполненных гражданской войной, было для коммунистов опасно ещё и из-за нужды в союзниках, в роли которых в силу своей антибуржуазности волей-неволей приходилось выступать эсерам. Теперь же позиции большевиков были крепки, и нужда в бывших союзниках отпала.

Подвернулся и счастливый случай: 2 декабря 1921 г. в руки чекистов попал архив ЦК ПСР. Уже 28 декабря того же года (в исторической литературе имеется и иная дата — 28 февраля 1922 г.) по предложению Ф.Э. Дзержинского ЦК РКП(б) принял решение о процессе

над эсерами и организовал для этого особую «тройку» в составе самого председателя ВЧК, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина. Проведённая ими подготовительная работа в феврале следующего года завершилась официальным объявлением о грядущем суде в печати.

С этой целью и были извлечены на свет божий 34 члена ПСР, обвинённых в террористической и другой подрывной антисоветской деятельности. Одиннадцать из них были 4 года назад избраны в российский парламент — Учредительное собрание, где большевиков видеть тогда не захотели. Теперь пришла пора поквитаться за прошлое и дать урок на будущее. Начался хорошо отрежиссированный спектакль, основной целью которого было донести до российского и заграничного зрителя контрреволюционную, вырожденческую и террористическую суть некогда популярной в России партии.

Это был первый инсценированный большевиками политический процесс над своими противниками. И последний на все сталинские десятилетия, когда подсудимые открыто высказали свои взгляды, поддержав сформированную ещё народниками традицию поведения на суде. «Органы» учтут этот опыт. На всех дальнейших политических процессах обвиняемые — уже коммунисты, внутрипартийная оппозиция — будут лишь каяться и просить о помиловании. Только диссидентствующая внепартийная оппозиция вновь возродит традицию смелого политического противостояния обвинителям на суде.

Формирование нужного большевикам общественного мнения началось ещё до начала процесса. В феврале 1922 г. в Берлине с тайной подачи ЧК была напечатана брошюра бывшего члена Военной комиссии эсеров Г.И. Семёнова «Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров за 1917-1918 гг.». В ней автор, вступивший в ПСР только в 1917 г., начавший сотрудничать с ЧК уже в 1919 г. и переметнувшийся в ВКП(б) в 1921 г., обнародовал, а частично фальсифицировал сведения о террористической деятельности эсеров, в частности о покушении на В.И. Ленина. Чуть позже он, уже вместе со своей сообщницей Л.В. Коноплёвой, повторил то же в советской прессе и в показаниях в ВЧК. Большевикам это давало великолепную возможность представить своих политических оппонентов в роли банальных уголовников.

Следствие велось сначала видным деятелем ГПУ Я.С. Аграновым, а затем председателем Верховного революционного трибунала Н.В. Крыленко и его женой, председателем следственной комиссии того же трибунала Е. Розмирович. Им оставалось лишь привлечь к следствию ещё находившихся на свободе эсеров, чьи фамилии

были подробно выписаны иудушкой Семёновым, и выявить среди них готовых к сотрудничеству.

Параллельно с этим в стране и за рубежом развернулась широкомасштабная идеологическая подготовка к процессу. За неделю до его начала В.И. Ленин выдал наркомю юстиции Д.И. Курскому инструкцию «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики». Она сопровождалась ремаркой: «Ни малейшего упоминания в печати о моём письме быть не должно». Вот как раскрывает суть этого наказа М. Янсен: «Ленин настаивал на организации ряда «образцовых процессов» с целью усиления репрессий против меньшевиков и эсеров, образцовых «по разъяснению народным массам, через суд и через печать, значения их», «образцовых, громких, воспитательных процессов», сопровождаемых значительным «шумом» в печати. Ведь «воспитательное значение судов громадно». Судьи должны были руководствоваться «революционным правосознанием», «считаться не только с буквой, но и с духом» коммунистического законодательства и не отступить перед приговором к расстрелу. Партия должна была воздействовать на судей и «шельмовать и выгонять» тех, которые поступали иначе. Таким образом, целью процесса эсеров не было выявление правды — он должен был служить средством пропаганды против политических противников»¹⁶. В этой концепции суда — истина не важна, нужны лишь репрессии и пропаганда — уже проглядывали его результаты.

В соответствии с инструкцией лидера партии отдел агитации и пропаганды ЦК РКП(б) для освещения процесса прикрепил к нему 40 ведущих журналистов страны, провёл всероссийское совещание партагитаторов, подготовил для своих губернских комитетов циркулярное письмо. Последнее предписывало организовать на местах широкую пропагандистскую кампанию по изобличению эсеров как врагов советской власти, пособников и агентов Антанты, наймитов международного капитала. Был опубликован ряд книг и брошюр с негативным освещением деятельности ПСР, для чего были привлечены все имевшиеся в распоряжении интеллектуальные силы вплоть до наркома просвещения А.В. Луначарского, редактировавшего тезисы для агитаторов «К процессу правых эсеров». Эта продукция убеждала, что социалисты-революционеры — это «декаденты-авантюристы», «незрелая нервическая молодёжь», а их партия — «вместилище самых ужасных пороков».

¹⁶ Янсен М. Суд над эсерами // Огонёк. 1990. № 39. С. 15.

Любопытный штрих. В череде появившихся в редакциях газет писем с «разоблачением» партии социалистов-революционеров были и два послания экс-меньшевика и нью-большевика И.М. Майского, опубликованные 25 и 27 мая в «Правде». В них он заявил, что готов добровольно дать показания против эсеров на суде (и позже дал их). В условиях, когда многие скрывались от ГПУ в эмиграцию, в подполье, чтобы, как выразился тогда В.Б. Шкловский, «не давать показаний против своих бывших товарищей», когда добровольно вызывались выступить на суде в защиту обвиняемых, что было равно самоубийству, такой поступок кажется по меньшей мере странным. Ведь Н.М. Донская несколько раз в своих «Воспоминаниях» подчёркивала дружеские отношения и своего мужа, и его родителей с И.М. Майским, а Д.Д. Донской-младший вслед за ней назвал его «чуть ли не единственным, самым близким другом» своего отца.

За словом, как известно, должно следовать дело. В соответствии с циркулярным письмом своего ЦК, губернские комитеты компартии во многих регионах России организовали массовые антиэсеровские митинги и демонстрации, провели собственные идеологические кампании — лекции, рабочие конференции, открытые собрания партячек, выставки и т.д. В Томске, к примеру, массовым тиражом была напечатана антиэсеровская листовка, а читатели «Красного знамени» ещё до начала процесса могли прочесть 10 материалов того же содержания, специально подготовленных агитпропом ЦК РКП(б) для провинциальных газет. Так что заседания трибунала с 8 июня до 7 августа по задуманному сценарию были хоть и важнейшей, заключительной но лишь частью этой широкой полугодовой пропагандистской кампании.

На инспирированные властями антиэсеровские митинги в Петрограде пришло 200 тыс. чел., в Харькове — 120 тыс. чел., в Донбассе — 55 тыс. чел., в Новониколаевске (Новосибирске) — более 10 тыс. чел. 9 июня прошёл общегородской митинг в Томске¹⁷. Однако, как и положено, самая многочисленная акция была проведена в Москве, там в демонстрации, согласно официальным данным, участвовало до 300 тыс. чел. Она была организована 20 июня и приурочена к четвёртой годовщине покушения на В. Володарского. Истерия в печати, недельная работа агитаторов на заводах и фабриках, специальный укороченный рабочий день принесли свои результаты. Вот как представлено это шествие писателем А.Н. Рыбаковым в

¹⁷ Добровольский А.В. *Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации*. Новосибирск, 1997. С. 34, 35.

его знаменитой повести «Кортик»: «На углу Большой Никитской дорогу Мише преградили колонны демонстрантов. Шли рабочие Красной Пресни. Над колоннами двигались длинные, во всю ширину улицы, полотнища: «Смерть наёмникам Антанты!», «Смерть агентам международного империализма!». Демонстранты шли к Дому союзов, где в Колонном зале происходил суд над правыми эсерами. С Лубянской и Красной площадей шли новые колонны. Шли рабочие Сокольников, Замоскворечья, рабочие «Гужона», «Бромлея», «Михельсона»... Шумели комсомольцы. С импровизированных трибун выступали ораторы. Они говорили, что капиталисты Англии и Америки руками предателей-эсеров хотели задушить Советскую республику. Им не удалось этого сделать в открытом бою, интервенция провалилась, и теперь они организуют заговоры, посылают к нам шпионов и диверсантов...».

В конце этого дня, в нарушение всех процессуальных норм и здравого смысла, демонстранты были даже впущены на вечернее заседание трибунала, где, впад в политическую истерию, до глубокой ночи митинговали и требовали смерти обвиняемым.

Каждый день газеты отдавали подробностям суда целые полосы, где наряду с официальными разносами Н.И. Бухарина публиковались карикатуры Б.Е. Ефимова и В.Н. Дени.

Мне Наркомюст сказал
- "Садитесь".
Я сам рад.

Карикатура на Э. Вандервельде в советской прессе. Из кн.: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М.: Возвращение, 1993. С. 22.

Не оставались в стороне и поэты. В.В. Маяковский избрал объектом своих нападок приехавшего для защиты обвиняемых бельгийского социалиста Эмиля Вандервельде:

Судить?! За пулю Ильичу?!

За что? Двух-трёх убили?

Не допущу! Лечу!»

Надел штаны Эмилий¹⁸.

Не отставал и другой служитель музыки, представлявшийся как «Демьян Бедный – мужик вредный»:

Там Тимофеев ерундит,

А Гендельман всё гендельманит,

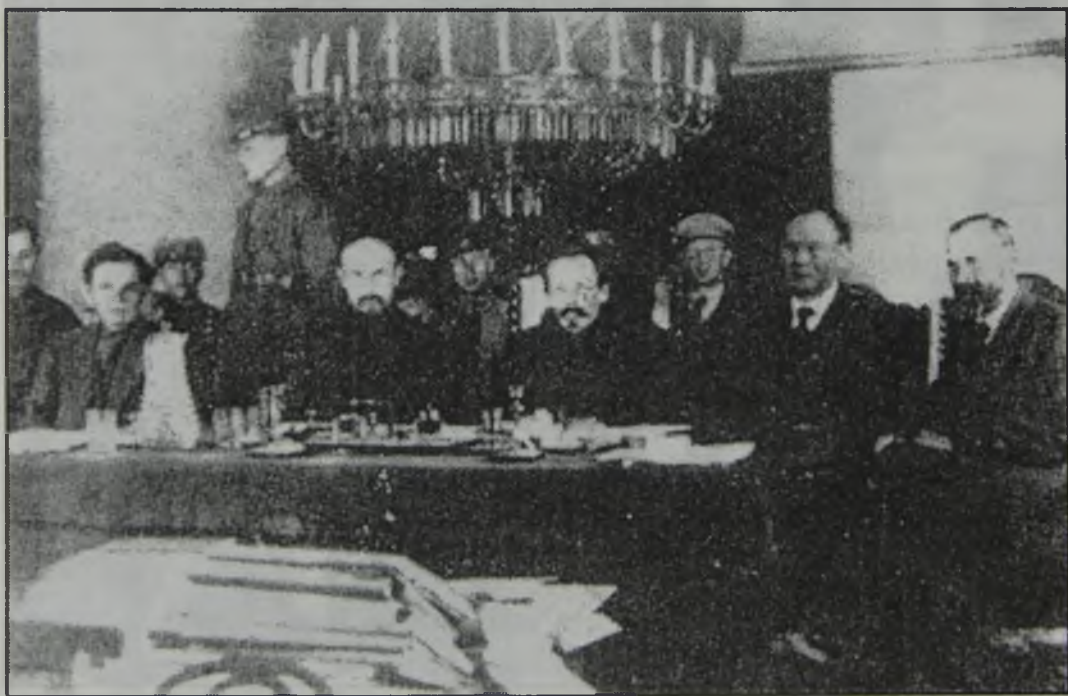
А Гоц – кого такой бандит

Фальшивым пафосом обманет?

Слова, слова, слова, слова...

Хоть ясно всё, как дважды два¹⁹.

Известный режиссёр Дзига Вертов снимал пропагандистский фильм «Процесс эсеров».

Трибунал. В середине – Г.Л. Пятаков. Из кн.: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М.: Возвращение, 1993. С. 19.

¹⁸ Маяковский В.В. Балада о доблестном Эмиле // Известия. 28 мая 1922 г.

¹⁹ Бедный Д. Гнетучка // Правда. 20 июля 1922 г.

Дело рассматривалось в высшей судебной инстанции того времени — Верховном Революционном трибунале при ВЦИК. Председательствовал на процессе Г.Л. Пятаков — «Юра», как называет его автор «Воспоминаний» по имевшейся ещё с их совместного детства привычке. В состав суда вошли А.В. Галкин, О.Я. Картели, Н.М. Немцов и Ф.И. Озол. Обвинителями выступали военспец Н.В. Крыленко и два «красных интеллигента» — А.В. Луначарский и М.Н. Покровский. Все они были членами ВКП(б), а председатель трибунала входил даже в её ЦК, так что о внепартийном характере суда не могло быть и речи.

В ходе процесса обвиняемые были разбиты на две части. Так называемую «первую группу» составили 22 чел., которые не пошли на сотрудничество со следствием и открыто отстаивали свои политические взгляды. В их числе было 12 членов ЦК: А.Р. Гоц, Д.Д. Донской (он был одним из главных обвиняемых, в подавляющем большинстве документов процесса его фамилия указана второй), М.А. Веденяпин, М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн, Н.Н. Иванов, М.А.

Обвиняемые «первой группы» и адвокаты. Верхний ряд: Д.Ф. Раков, Д.Д. Донской, Ф.Ф. Федорович, А.В. Либеров, В.А. Жданов (адвокат), С.В. Морозов, Л. Розенталь (переводчик), Е.С. Берг, А.С. Тагер (адвокат), С. Розенфельдт (адвокат). Средний ряд: Л.Я. Герштейн, М.А. Лихач, Е.М. Тимофеев, Е.М. Ратнер, А.Р. Гоц, Г.Л. Горьков. Нижний ряд: П.В. Злобин, М.И. Львов, В.В. Агапов, В.Л. Утгоф. Из кн.: Янсен М. *Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров*. М.: Возвращение, 1993. С. 11.

Лихач, С.В. Морозов, Д.Ф. Раков, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеев и Ф.Ф. Федорович. Остальные 10 участников представляли собою активистов из рядовых членов партии: В.В. Агапов, А.И. Альтовский, Н.И. Артемьев, Е.С. Берг, Г.Л. Горьков, П.В. Злобин, Е.А. Иванова (сестра члена ЦК Н.Н. Иванова), А.В. Либеров, М.И. Львов и В.Л. Утгоф.

«Вторая группа» состояла из 12 чел.: И.С. Дашевский, Ф.Т. Ефимов, Ф.В. Зубков, В.И. Игнатъев, Л.В. Коноплева, Ю.В. Морачевский, П.Н. Пелевин, Г.М. Ратнер, Г.И. Семёнов, Ф.Е. Ставская, К.А. Усов и Ф.Ф. Фёдоров-Козлов. Они признали свою вину и публично обвинили своих бывших товарищей по партии, более того, своих бывших партийных руководителей, в тягчайших государственных преступлениях.

Это привело к странной логике сценария трибунала. Она оказалась выстроенной таким образом, что защитники и участники одной группы становились обвинителями другой.

«Первую группу» защищали известные ещё с дореволюционных времён адвокаты: Н.К. Муравьёв (председатель Политического Красного Креста), А.С. Тагер, В.А. Жданов, С.А. Гуревич, Г.Л. Карякин, А.Ф. Липскеров, М.А. Оцеп, Г.Б. Пагушинский, С. Розенфельдт и Б.Е. Ратнер. Первые трое имели давнюю репутацию либералов и немалый опыт политических процессов.

Защитниками «второй группы» обвиняемых выступили не профессиональные юристы, а деятели компартии, некоторые — высокого уровня: Н.И. Бухарин, М.П. Томский, А.А. Биценко, В. Вегер, Р.П. Катанян, Н.Н. Овсянников, И.Н. Стуков, С.Б. Членов, П.А. Шубин. Знаменательно, что многие из них вместе с председателем трибунала через полтора десятка лет пройдут тот же путь застенков и судов, который в 1922 г. сами прокладывали для других. А Н.И. Бухарину аукнется и эсеровский процесс — в его расстрельном приговоре среди прочего будет и обвинение... в организации покушения Ф.Е. Каплан на вождя революции.

После оголтелой идеологической подготовки такой подход к кадровому составу участников трибунала подтверждал очевидную цель организаторов последнего — превратить процесс из судебного в «воспитательный», заменив правовые нормы «революционным правосознанием». Ещё более это стало очевидным после бурной реакции европейских социалистов на это событие. Они оказались весьма озабочены готовившейся большевиками расправой над социалистами-революционерами. Поэтому 2-5 апреля 1922 г. в Берлине на общей конференции делегации Второго и Венского Интернационалов поставили перед Коминтерном среди прочих условий и требование по

процедуре грядущего трибунала: его гласность, возможность участвовать в качестве защитников западным социалистам и невынесение подсудимым эсерам смертных приговоров. Делегация коммунистов под руководством К.Б. Радека, заинтересованная в объединении всех социалистических сил для поддержки советского правительства на готовившейся международной конференции в Женеве, вынуждена была принять эти требования. Поэтому 25 мая в Москву для защиты своих российских соратников приехали представители Второго и Венского Интернационалов — Э. Вандервельде и А. Вотерс из Бельгии и Т. Либкнехт и К. Розенфельд из Германии. Разумеется, их подопечными стали подсудимые «первой группы».

В ответ на это большевики в качестве международной поддержки защиты «второй группы», которая, как уже говорилось, автоматически становилась обвинителем «первой», пригласили видных деятелей Коминтерна — А. Грамши, Ф.Я. Кона, Б. Куна, Ж. Садуля.

Такой двойной — российский и интернациональный — принцип формирования двух групп защиты логически потребовал его распространения и на группу обвинения. Для включения в её состав Коммунистический Интернационал делегировал в Москву К. Цеткин из Германии, А. Муна из Чехословакии и Д. Бокани из Венгрии. Помимо этого, в качестве «политических экспертов» на процесс приехали лидеры Французской и Чехословацкой компартий Л.-О. Фроссар и Б. Шмераль, Т. Бэлла из Англии и И. Иорданов из Болгарии.

После этого процесс приобрёл международный характер и был направлен не только против российских социалистов-революционеров, а против социалистов вообще.

Впрочем, процедурные вопросы защиты «первой группы» были сняты по-большевистски — решительно и скоро. Была создана совершенно невыносимая обстановка попрания правовых и процессуальных норм конституционного государства. Трибунал отклонял большинство просьб обвиняемых и не впускал в зал заседания их сторонников, вызывал преимущественно свидетелей обвинения, а не защиты, ограничивал адвокатам «первой группы» допуск к документам и ответил отказом на все их протесты и т.д. В конце концов социалистам было заявлено, что Верховный трибунал не считает себя связанным берлинским соглашением, в том числе и в части о невынесении смертных приговоров. Уже через неделю, не вынеся такой вакханалии, прямых угроз и оскорблений вплоть до плевков в лицо, не желая придавать своим присутствием политическому судилищу видимость правового процесса, Э. Вандервельде и его партийные соратники уехали.

Не намного дольше продержались и русские адвокаты. 21-24 июня, т.е. сразу же после санкционированного трибуналом митинга в зале заседаний, о котором упоминалось выше, они опротестовали это решение. По их мнению, подкреплённому соответствующей законодательной базой, допуск посторонних лиц в зал суда противоречил всем международным и даже советским юридическим нормам, и поэтому они требовали замены состава президиума трибунала. В ответ на это последний обвинил защитников в «заскоружности буржуазного мышления» и сослался на «революционное понимание пролетарского права». Адвокаты, вслед за западными социалистами, отказались служить ширмой позорному судилищу и заявили о самоотводе. Обвиняемые «первой группы» публично поддержали это решение. Следствием конфликта стало заключение трёх ведущих адвокатов на несколько недель в тюрьму и последующая их административная высылка из Москвы. Остальные защитники тоже были подвергнуты репрессиям.

Голоса западных левых интеллектуалов (А. Франса, Р. Роллана, М. Кюри, Г. Уэлса, Ф. Нансена, А. Эйнштейна и др.) и осмелившихся протестовать соотечественников, например А.М. Горького или легендарной В.Н. Фигнер (последней подсудимые сумели передать приветствие), никто не пожелал слушать.

И в результате всего этого эсерам пришлось защищаться самим. Но это не было защитой в юридическо-процессуальном понимании этого слова. Ещё представителям социалистических Интернационалов и отечественным адвокатам они заявляли, что не признают за большевиками права быть судьями, а за собой роли обвиняемых и будут не защищаться, а обвинять. Социалисты-революционеры подняли брошенную большевиками перчатку и, продолжая традиции русского революционного движения, не отказались от превращения процесса в метод политической борьбы.

Их лозунгом стали слова А.Р. Гоца, приведённые в мемуарах Н.М. Донской: «Наша судьба не может иметь значения для наших выступлений». Основным содержанием весьма активных речей подсудимых стало обвинение обвинителей — вскрытие диктаторской сущности большевизма. А.И. Альтовский прямо назвал большевистскую Россию «огромной каторжной тюрьмой для народа». Е.М. Ратнер заявила, что не считает советское правительство социалистическим, поскольку социализм и власть террора несовместимы. Л.Я. Герштейн предугадал, что коммунисты приведут «не к социализму, а к ужаснейшей реакции»; а Н.И. Артемьев — что этим процессом коммунисты начинают «новую эру кровавых расправ»... Не случайно много

позже В.Т. Шаламов назовет эсеров «легендарными героями революционной России» и оценит, что в 1922 г. они «уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...»²⁰.

В результате развернувшихся политических дебатов обе партии, на знаменах которых ещё недавно были написаны одни и те же лозунги революции и социализма, обвинили друг друга в измене этим идеалам и подыгрывании интересам буржуазии. Эсеры утверждали, что социализм невозможен без политических свобод и народовластия, большевики признавали оправданным насилие в интересах построения социализма.

Среди этих ярких обличительных выступлений не было речи Д.Д. Донского. Газеты отмечали: «Донской, как обычно, отмалчивается». Трудно сказать, что послужило причиной такого поведения — осторожность человека при угрозе смертной казни, растерянность, ревизия собственных политических убеждений, что-то ещё или всё вместе. Со слов его сына, сам Дмитрий Дмитриевич спустя десятилетие объяснял это так: поддерживать «первую группу» не позволяли уже начавшиеся идейные разногласия, примкнуть ко «второй» — моральные установки. «Я... уже и на процессе занимал обособленное положение по сравнению со всеми активными сопроцессниками. Я особенно брезгливо отношусь к тем из «кающихся», которые бичуют себя перед самым фактом надвигающейся на них кары. Каждое такое покаяние мною расценивается как акт купли и продажи», — говорил он в 1931 г.²¹.

Ясно, что суд стал политическим ристалищем, а не способом выяснения истины, в которой, складывается такое впечатление, не были заинтересованы ни эсеры, ни большевики. Поэтому до сих пор истинная роль и героя нашей книги Д.Д. Донского в деятельности ПСР и, особенно, в террористических акциях 1918 — 1919 гг. остаётся за пределами знаний истории.

Г.И. Семёнов при поддержке других подсудимых «второй группы» утверждал, что в мае 1918 г. он обратился к членам ЦК ПСР А.Р. Гоцу и Д.Д. Донскому с предложением сформировать «центральный боевой отряд» для борьбы с лидерами большевиков террористическими средствами. И это предложение было принято. В июле того же года, передислоцировавшись из Петрограда в Москву, Г.И. Семёнов

²⁰ Цит. по: Леонтьев Я. Заложники революции // Общая газета. № 37. 18-24 сентября 1997 г.

²¹ Спецдонесение по разработке бывшего члена ЦК ПСР [Д.Д. Донского], отбывающего ссылку в с. Парабель Нарымского округа Запсибкрая. Полностью см. в подборке архивных документов.

имел ещё две встречи с А.Р. Гоцем, во время которых до него от имени ЦК было доведено мнение о неотложности покушения на В.И. Ленина и дано обещание взять ответственность за этот акт. Позже это же честным словом заверил и Д.Д. Донской. Только после этого в группу была принята Ф.Е. Каплан, предложившая себя в качестве исполнительницы теракта. Д.Д. Донской проявил инициативу во встрече с ней, одобрил предстоящую операцию, но настоял, чтобы она в случае ареста в интересах партии не признавалась в принадлежности к социалистам-революционерам. После покушения 30 августа 1918 г. ЦК ПСР в прессе отверг свою причастность к этому. Подобное же произошло и с убийством В. Володарского.

Подсудимые «первой группы» отрицали эту версию. Да, утверждали они, Г.И. Семёнов в качестве организатора членов боевых дружин имел встречи с А.Р. Гоцем и Д.Д. Донским. Но речь на них шла лишь о формировании отрядов для открытой вооружённой борьбы, а не о создании террористической группы или планах покушения на большевистских вождей. Да, соглашался Д.Д. Донской, я выразил желание встретиться с Ф.Е. Каплан накануне покушения на В.И. Ленина, но лишь затем, чтобы посоветовать ей отказаться от своего намерения и предупредить её о выводе из партии в случае неповиновения. Поэтому ЦК оставил за собой право заявить о непричастности ПСР к покушению.

А дальше начались аргументы и контраргументы каждой из сторон.

«Первая группа» доказывала:

- Г.И. Семёнов утверждает, что обсуждал вопросы террора только с А.Р. Гоцем и Д.Д. Донским. Но ведь московские организации работали под руководством других членов ЦК — Е.М. Тимофеева и Е.М. Ратнер. Почему же он не искал встреч с ними?

- Ф.Е. Каплан перед казнью дала показания, что «действовала по собственному побуждению» и «ни к какой партии себя не относит».

- В.К. Вольский (заметим: оппозиционер в партии социалистов-революционеров и идейный противник её ЦК) честно заявил на следствии о своём разговоре с Г.И. Семёновым, в котором последний признался о неведении планов покушения на В.И. Ленина никого из ЦК, в том числе А.Р. Гоца и Д.Д. Донского.

Сегодня в их поддержку можно добавить:

- Через 10 лет после процесса находящийся в тюрьме эсер А.В. Либеров рассказывал товарищам, что во время последней накануне покушения его встречи с Ф.Е. Каплан та говорила об отклонении руководством партии её предложения убить В.И. Ленина.

- Ещё до угрозы ареста и трибунала, в 1919 г. член ЦК ПСР В.М. Зензинов писал, что Ф.Е. Каплан весной 1918 г. предлагала себя в качестве убийцы В.И. Ленина, но ЦК отказался.

- Один из участников группы Г.И. Семёнова, оказавшийся во время процесса за рубежом, тогда же заявил, что его руководитель никогда не имел разрешения на теракты от ЦК, но ложно убеждал боевиков в этом.

И т.д.

Имелись свои доводы и у защитников «второй группы»:

- С самых первых дней существования партии эсеров её боевое крыло действовало достаточно автономно от ЦК. Чаще всего в целях конспирации о террористических планах извещалось лишь несколько партийных руководителей.

- Ф.Е. Каплан могла дать следователям показания о своей непричастности к ПСР, выполняя полученное накануне приказание Д.Д. Донского.

- В истории ПСР было немало случаев, когда по «тактическим соображениям» руководство партии отреклось от действий своих боевых групп.

И т.д.

Трудно найти истину в такой разногласии мнений и заявлений. Даже такое важное обстоятельство, как встреча Д.Д. Донского с Ф.Е. Каплан накануне покушения на В.И. Ленина, так и не получило однозначной оценки. Сам факт разговора не оспаривается никем. А вот его суть, которая смогла бы пролить свет на роль Дмитрия Дмитриевича, осталась известной лишь им двоим. Даже его последняя фраза «Ну, подумайте» может иметь бесконечное число толкований. Обвинитель Н.В. Крыленко, с подачи Г.И. Семёнова, трактует её двояко, но равно обвинительно. Сначала он намекает, что имело место одобрение готовившегося акта: «Свидание состоялось, и член ЦК Донской говорил с намеченным исполнителем — эта версия вполне отвечает логике». Затем прямо обвиняет в неприятии мер для предотвращения покушения: «Это после резолюции ЦК, запрещающей террористические акты!.. Донской говорит только: «Ну, подумайте» — и уходит, и оставляет её поступать, как она хочет, предупредивши только о том, что она будет вне партии. Так не делают! Если боевики задумали вредный политический акт, значение которого чрезвычайно велико, то он, Донской, должен был принять все меры...». Сам обвиняемый на вопрос, встречался ли он с Ф.Е. Каплан лишь для того, чтобы отговорить её от задуманного покушения, ответил уклончиво: «Может быть, для этого».

Не совсем понятна роль Д.Д. Донского и после покушения на В.И. Ленина. Как уже говорилось, через неделю после выстрелов Ф.Е. Каплан ЦК ПСР опубликовал заявление о своей непричастности к происшедшему. Это возмутило боевиков, которые теперь представляли в роли обычных убийц, а не борцов за социал-революционные идеи. Один из них был послан к Д.Д. Донскому за объяснениями и по возвращении объявил, что получил предложение продолжать теракты, но анонимно, «под именем какой-нибудь «чёрной маски» или «чёрного ворона». Сам подсудимый Донской такую встречу отрицал²².

Как бы там ни было, но трибунал признал, что покушение на В.И. Ленина совершила «боевая группа при ЦК ПСР», которая «действовала не самочинно, а по указаниям ЦК или группы членов ЦК». Роль Д.Д. Донского в руководстве террористической деятельностью и ранении В.И. Ленина признавалась бесспорной. Однако доказательно суд не подтвердил ни одну, ни другую из приведённых выше точек зрения.

Как это часто в жизни бывает, истина может лежать посередине. Представляется объективной такая оценка роли ЦК, и Д.Д. Донского в том числе, в терактах 1918-1919 гг.: «... Фанни Каплан не действовала по инструкции ЦК ПСР, и поэтому обвинения против социалистов-революционеров из первой группы безосновательны. Но и полностью невиновными эти люди не были. Они не противостояли принципиально использованию террора... очевидно потому, что их неприятие режима было сильнее неприятия покушения на убийство. По сути они считали самих большевиков ответственными за покушения, например, на Володарского и Ленина, и расценивали такие покушения как спонтанное проявление недовольства народа политикой большевиков»²³.

Приговоры трибунала, которые формулировались, конечно же, не им, а верхушкой ВКП(б) и Коминтерна, были заранее обусловлены поставленными В.И. Лениным политическими задачами судебного процесса. И, прежде всего — окончательным организационным разгромом оппозиции и «образцовой, громкой, воспитательной» (читай — устрашающей) ролью судебных итогов для пока ещё остававшихся на свободе членов Партии социалистов-революционеров.

Обвиняемые «первой группы», проявившие верность партийным идеям и принципам, в полной мере почувствовали реализован-

²² Крыленко Н.В. Судебные речи. Избранное. М., 1964. С. 262-265.

²³ Янсен М. Суд без суда... С. 110.

ный на практике большевистский принцип диктатуры пролетариата: из 22 чел. по одной статье нового Уголовного кодекса РСФСР было осуждено 7 чел., по двум статьям — 3 чел., по трём статьям — 1 чел., по шести статьям — 4 чел. и по семи статьям — 6 чел. Преступления по восьми статьям были инкриминированы одному — Д.Д. Донскому. Двенадцать из этих подсудимых (В.В. Агапов, А.И. Альтовский, М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн, А.Р. Гоц, Д.Д. Донской, Н.Н. Иванов, Е.А. Иванова, М.А. Лихач, С.В. Морозов, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеев) были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Пятеро (Н.И. Артемьев, М.А. Веденяпин, А.В. Либеров, Д.Ф. Раков, Ф.Ф. Федорович) получили по 10 лет тюрьмы; трое (Е.С. Берг, М.И. Львов, В.Л. Утгоф) — по 5 лет, один (Г.Л. Горьков) — 3 года и ещё один (П.В. Злобин) — 2 года.

Соответственно, лояльность в адрес «второй группы», открывшейся для следственных и судебных органов и способствовавшей достижению поставленных большевиками перед процессом целей, была полнейшей. Большинство из её участников — боевики с практическим стажем деятельности! — даже не содержались под арестом и свободно посещали заседания трибунала. Более того, успевших вступить в ВКП(б) бывших боевиков-активистов Г.И. Семёнова и Л.В. Коноплёву не «предали суду», а «просили явиться» перед судом.

Соответственно и наказание им оказалось несравнимо более мягким. К смертной казни были приговорены только трое (руководитель боевой группы Г.И. Семёнов, Л.В. Коноплёва и член ЦК «народных социалистов» В.И. Игнатъев). Семеро получили тюремное заключение: 1 чел. (Ф.Т. Ефимов) — 10 лет, 3 чел. (Ф.В. Зубков, К.А. Усов, Ф.Ф. Фёдоров-Козлов) — по 5 лет, 2 чел. (П.Н. Пелевин, И.С. Дашевский) — по 3 года и 1 чел. (Ф.Е. Ставская) — 2 года. Двое (Ю.В. Морачевский и Г.М. Ратнер) трибуналом и вовсе были освобождены от наказания²⁴.

Более того, одновременно трибунал обратился с просьбой к ВЦИК помиловать «вторую группу» осуждённых, поскольку они сотрудничали со следствием и «добросовестно заблуждались при совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции». И уже на следующий день, 8 августа 1922 г. это обращение по поводу всех осуждённых «второй группы», в том числе и трёх «смертников», было удовлетворено.

Предложили подать прошение о помиловании и замене смертной казни на тюремное заключение и осуждённым из «первой груп-

²⁴ Янсен М. Суд без суда...С. 150-152.

пы», но они единодушно отказались это сделать. Поэтому расстрельный приговор 12 из них, в том числе и Д.Д. Донскому, первым пунктом того же постановления Президиума ВЦИК был утверждён. Но... приостановлен на неопределённое время и поставлен в прямую зависимость от дальнейшего поведения их соратников по партии. Жизнь осуждённым сохранялась лишь при условии, что ПСР «прекратит подпольно-заговорщицкую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу... Применение Партией социалистов-революционеров методов вооружённой борьбы... неизбежно приведёт к расстрелу осуждённых...»²⁵. Л.Д. Троцкий, настаивающий в своих мемуарах на авторстве этой идеи, с удовлетворением констатировал: «Вожди партии превратились в заложников».

Помимо тех политических дивидендов от процесса, о которых говорилось раньше, большевики хотели получить и получили ещё один — условие прекращения терактов против себя. И приговорённая верхушка эсеров должна была послужить гарантом этого. Конкистадоры в Америке таким образом приобретали золото, русские казаки в Сибири — мягкую рухлядь, коммунисты — спокойное правление...

Протесты заключённых (серия голодовок, самоубийство члена ЦК рабочего С.В. Морозова) и международная кампания в их поддержку через полтора года всё-таки привели к позитивным сдвигам в их судьбах. Постановлением Президиума ВЦИК от 14 января 1924 г. приговоры осуждённых по делу партии эсеров были пересмотрены: расстрелы, в том числе и Д.Д. Донскому, заменены 5-летним заключением; тюремные сроки наполовину сокращены. Для всех завершение наказания оформлялось 3-летней ссылкой в отдалённые районы страны. Но это была лишь временная уловка: за исключением А. Альтовского никто из них никогда больше на свободу не вышел.

Поскольку и подготовка, и ход процесса носили явно политический характер, правовая оценка его итогов не может быть однозначной. Официальную точку зрения, закреплённую в советской истории, можно прочесть хотя бы в книге уже цитированного на этих страницах К.В. Гусева: «Показания свидетелей и обвиняемых, многочисленные неопровержимые документальные материалы раскрыли всю глубину падения эсеровских вождей, тесную связь ЦК этой партии с международным империализмом, контрреволюционную деятельность, грязные методы борьбы против Советской влас-

²⁵ Этот пункт постановления полностью опубликован в подборке архивных документов.

ти. В ходе процесса были вскрыты фальшь эсеровской программы и авантюризм тактики, охарактеризованы причины и этапы эволюции этой партии от соглашательства к контрреволюции»²⁶.

Однако есть и другие оценки этого весьма важного в становлении коммунистическо-бюрократического авторитаризма события. В сжатой форме это может быть представлено мнением М. Янсена: «...Суд над социалистами-революционерами был предназначен не для того, чтобы выявить правду, а для того, чтобы настроить общественное мнение против социалистов-революционеров»²⁷.

Он же²⁸, а также А.И. Солженицын²⁹ аргументируют и разворачивают это мнение. Последний в «Архипелаге ГУЛАГ» не скрывает своих антипатий к эсерам, но признаёт, что обвинения, а значит, и приговоры их лидерам на судилище 1922 г. совершенно незаконны.

Во-первых, все поставленные им в вину действия относились к 1917 — 1918 гг. А 27 февраля 1919 г., как уже говорилось выше, в ответ на решение эсеров прекратить антибольшевистскую деятельность вооружёнными средствами, правительство объявило им амнистию. В 1922 г. её применили, но выборочно - лишь к тем, кто порвал с Партией социалистов-революционеров. В постановлении ВЦИКа трёхлетней давности таких условий и ограничений не было. То есть Д.Д. Донской и его товарищи по партии были осуждены за деяния, которые до того были амнистированы на высшем уровне.

Во-вторых, новый Уголовный кодекс был принят лишь за неделю до начала заседаний трибунала. А в юриспруденции существует правило: «Нет преступления, если нет закона». Получается, что эсеры судили по законам, не существовавшим при совершении инкриминируемых им преступлений.

В-третьих, официально вопрос террористической борьбы с большевизмом в 1918 г. трижды обсуждался на заседаниях ЦК правых эсеров и трижды отвергался. В действительности же совершённые членами партии покушения не удалось связать с ЦК даже изощрённому следствию и нахрапистому обвинению трибунала. Единственная ситуация, которая казуистически может служить обвинением подсудимым руководителям партии, — это то, «что эсеры не приняли мер по прекращению индивидуальных террористических актов своих безработных томящихся боевиков... что партия эсеров не донесла на себя...». Однако даже это не даёт правовых основа-

²⁶ Гусев К.В. *Партия эсеров...* С. 365-366.

²⁷ Янсен М. *Суд без суда...* С. 49.

²⁸ Янсен М. *Суд без суда...* С. 153-155.

²⁹ Солженицын А.И. *Архипелаг ГУЛАГ*. М., 1991. Т. 5. С. 260-261.

ний судить обвиняемых «первой группы» по статьям, относящимся к совершению террора.

В-четвёртых, применённая к подсудимым ст. 60 УК РСФСР карала за участие в организациях, стремящихся к свержению советской власти вооружённым путём. Да, в 1922 г. это юридическое положение имело определённый смысл: существовала конкретная власть, которая защищала себя от возможной вооружённой оппозиции. Но в 1918 г. была совершенно иная ситуация — две партии боролись за победу. И, если бы трибунал заседал тогда, с конституционной точки зрения, на скамье подсудимых должны были бы сидеть большевики. Ведь именно они тогда с оружием в руках свергли законную власть: в октябре 1917 г. — правительство, а в январе 1918 г. — Учредительное собрание. Партия социалистов-революционеров, наоборот, тогда поддерживала законную власть.

Процесс, а особенно сопровождавшие его прямое давление, шантаж, аресты и изоляция эсеров, сформированное общественное мнение были сильным ударом по партии, но не достигли окончательно той цели, которую ставили перед собой коммунисты. Имелся и обратный эффект. Мужественное поведение и обвинительные речи подсудимых членов ЦК, нарушение демократических процессуальных норм при ведении заседаний, моральная поддержка зарубежных социалистов, осуждение мировым сообществом политических преследований в советской России — всё это помогло не разрушиться партии в один момент. Если коммунистам потребовались заложники, значит они видели, что Партия социалистов-революционеров в качестве политической силы пока ещё оставалась реальностью?

Действительно, сразу после окончания трибунала кое-где, например в Нижегородской губернии, начался даже рост эсеровских ячеек. Во время этого процесса, 5 — 7 июля 1922 г. в Москве прошла конференция левых эсеров, а в сентябре состоялось их объединение с максималистами.

Однако история уже двигалась не в выгодном для них направлении. Социалисты-революционеры уже не представляли собою единой партии с руководящим центром, консолидирующей дисциплиной, общей стратегией и тактикой. Всё это ушло в прошлое, остались лишь разрозненные организации и группы, эфемерно объединённые эсеровскими названиями и оппозиционным отношением к РКП(б). Конечно, этого было мало для противостояния фронтальному наступлению на них большевиков. Узаконив в конце того же 1922 г. право внесудебного вынесения приговоров, карательные

органы заполнили эсерами тюрьмы, ссылки и появившиеся концлагеря. В декабре того же года пока ещё малоизвестный Л.П. Берия провёл процесс над Закавказской организацией ПСР.

Параллельно с силовыми методами активно использовались и политические. Например, получила широкое распространение опробованная на трибунале тактика противопоставления лидеров и рядовых членов партии. 18 — 20 марта 1923 г. в Москве с большой помпой собрался «Всероссийский съезд бывших (рядовых) социалистов-революционеров». На нём присутствовало только 45 (по другим данным, 50) делегатов, но это не помешало им объявить о роспуске партии и лишении полномочий членов её ЦК, призвать всех рядовых эсеров перейти в РКП(б). Одновременно инспирированные властями конференции бывших (рядовых) членов этой партии проходили во многих регионах страны. В Сибири, например, первая из таких имела место в Омске 29 июля 1923 г. Компартия специально разработала условия приёма для бывших своих «союзников-врагов» — и, как утверждала советская пресса, почти 6 тыс. членов ПСР в короткое время сменили свою партийную принадлежность. Тогда они ещё не знали, что подавляющее их большинство через несколько лет будет вычеркнуто из списков коммунистов в результате партчисток, а в конце 1930-х гг. — репрессировано.

Политика большевиков оказалась правильной: шельмование и прямое судебное преследование лидеров эсеров параллельно с репрессиями, заигрыванием и перетягиванием на свою сторону рядового состава помогли добиться желаемого — обе эсеровские партии прекратили своё существование. В конце 1923 — 1924 гг. прошли их конференции, где было озвучено решение о самороспуске. Неудачей закончилась и предпринятая в то же время попытка некоторых активистов создать объединённый подпольный центр правых и левых эсеров. Арест последнего Центрального бюро ПСР относится к 1925 г.

Чуть дольше функционировали заграничные центры партии, куда перебрались и некоторые бывшие лидеры. Например, до конца 1920-х гг. в Берлине выходил левозеровский журнал «Знамя борьбы». Но русская эмиграция — политически разношёрстная и раздираемая склоками — уже не могла стать объединяющей базой для какой-то реальной политической силы, в том числе и для социал-революционной.

К рубежу 1930 — 1940-х гг. все оставшиеся в СССР члены Партии социалистов-революционеров — и покорившиеся, и непокорные, — были репрессированы.

Вот эти-то изгибы исторического пути Партии социалистов-революционеров и стали тем руслом, по которому протекла река жизни Д.Д. Донского. Понятно, что у такой реки интересен каждый участок, поворот, плёс... Но, наверное, наибольшее представление о ней может дать приустьевый участок, где она готовится слиться с Морем Вечности и поэтому успокаивается, становится широкой и открытой. Обращение к заключительному отрезку жизни героя этой книги оправдано ещё и характером исходного материала — все письма, рукопись статьи, большинство архивных документов и немалая часть «Воспоминаний» отражают именно этот, парабельский, период. Выстроенные в хронологической последовательности, снабжённые необходимыми комментариями и отражающие в своей совокупности разные стороны жизни, эти документы уже сами по себе — готовая биография. Необходимо обратить отдельное внимание лишь на некоторые её сюжеты.

Чем же этот период отличен от других? Хотя бы тем, что, за исключением детства в Хмельнике, не было в бурной жизни Д.Д. Донского 12-летнего периода проживания на одном месте. Не было таких жёстких рамок в сферах приложения собственных сил и возможностей, в контактах с окружающим миром, людьми. Такие ограничения при наложении их на возраст подведения жизненных итогов, конечно же, не могли не наложить своего отпечатка на образ мыслей и жизни парабельского узника.

Бесспорно, наибольший интерес вызывают политические убеждения столь неординарной общественной фигуры, как Д.Д. Донской. Вся его предыдущая жизнь, начиная с самой ранней юности, прошла под знамёнами социалистов-революционеров. Под ними он пережил эмиграцию, ссылки, тюрьмы, стал видной фигурой в политической жизни страны. И ни разу, в отличие от многих и многих, не был замечен в измене принципам и лозунгам своей партии. Даже после окончания гражданской войны, когда немало видных эсеров и меньшевиков спешно вливались в большевистскую элиту и безбедно лепили свою общественную карьеру дальше.

Публикуемые источники не дают однозначного ответа на вопросы: «Остался ли верен Д.Д. Донской прежним политическим убеждениям в последние 12 лет своей жизни или отошёл от них?», «Еже ли была ревизия и эволюция взглядов, то в каком направлении?».

Воспоминания жены, статья и письма самого Дмитрия Дмитриевича недвусмысленно указывают на полное принятие им коммунистической идеологии и даже на его практические действия по поддержке советской власти. Если проанализировать слова и дей-

ствия Д.Д. Донского до и после его приезда в Парабель, то может сложиться впечатление, что говорилось и делалось это двумя совершенно разными людьми.

По словам Н.М. Донской, полное разочарование мужа политической социалистов-революционеров наступило уже к процессу 1922 г., практически сразу же после насильственного прерывания своей активной политической деятельности в этой партии. Она прямо пишет: «Дмитрий Дмитриевич сказал мне тогда: «Этот процесс — осиновый кол, вбитый в могилу Партии социал-революционеров». Его положение было трудным: он уже не разделял прежних взглядов, но из чувства солидарности с товарищами не мог заявить об этом, не мог не понести с ними единой ответственности». Кажется странным сравнение процесса с осиновым колом в устах Д.Д. Донского — одного из главных подсудимых. Ведь оно прямо заимствовано из речи Н.И. Бухарина — официального обвинителя и идейного противника! — на массовом антиэсеровском митинге во время этого процесса.

Мысль об отходе отца от прежних убеждений настойчиво повторяет в письмах ко мне и Донской-младший: «Уже к процессу 1922 г. он разуверился в ПСР... На судебных заседаниях члены ЦК выступали с яркими речами, кроме отца, о котором в газетах писали: «Донской, как обычно, отмалчивается». Но он не мог предать товарищей, как это сделал Г.И. Семёнов, который и вёл провокационную линию на террор, который и организовал покушение Каплан... В такой обстановке Дмитрий Дмитриевич предпочёл расстрел, а не предательство осуждённых с ним товарищей».

Ясно, что в семье сложилось твёрдое убеждение, будто её глава весьма скоро после разгона большевиками Учредительного собрания, за которое он боролся, отрёкся от своего славного социал-революционного прошлого, воспринял коммунистическую идеологию и пошёл под суд исключительно из благородства товарищеской солидарности.

Как-то столь быстрое политическое перерождение Д.Д. Донского не увязывается с фактами его биографии. На что же, если не на личные убеждения, опиралась его подпольная деятельность в 1917 — 1918 гг., когда он официально был избран членом ЦК ПСР, главным содержанием которого стало вооружённое сопротивление власти большевиков? Тоже только на чувство солидарности с товарищами? Трудно в это поверить. В тот период бурных социальных потрясений многие из потерявших политические ориентиры отходили от революционной борьбы, это было естественно. Однако для главного героя «Воспоминаний», наоборот, то время стало пиком

его политической активности. Вряд ли она была обусловлена исключительно долгом товарищества, здесь должны были присутствовать и идейные мотивы. Вот поэтому кажется странным, что такой закалённый политический боец, прошедший и аресты, и ссылку, и эмиграцию, мог так быстро отказаться от своих убеждений.

А неукротимость характера Д.Д. Донского?! Её тоже надо учитывать в размышлениях об эволюции его политических взглядов. Люди подобного склада нередко настаивают на своём ещё и из чувства сопротивления насилию над ними. Ведь после вынесения смертного приговора в 1922 г. он отказался писать прошение о помиловании, а после истечения тюремного срока в 1924 г. добивался освобождения голодовкой. Зачем так уж упорствовать, ежели ты стоишь на одной идейной платформе со своими палачами?

Легче поверить, что смена полюсов и полный отказ от идей и деяний своей политической жизни произошли у Д.Д. Донского в 1930-х гг. Немолодой уже человек с бурной и полной лишений жизнью за плечами, последние 18 лет которой прошли в тюрьме и ссылке, отсутствие каких-либо светлых перспектив в будущем... Тягостная ситуация, которую сама автор «Воспоминаний» охарактеризовала так: «Писал, что очень устал от жизни, от бесконечной борьбы, от вечного недоверия окружающих». Тут немудрено дойти и до ревизии своих убеждений. И в беседах с приезжавшим в 1935 г. в Парабель сыном хвалить программу ВКП(б), признавать «всю деятельность социал-революционеров в 1918 — 1919 гг. не только ошибочной, но и преступной».

Чем же подтверждает автор «Воспоминаний» своё мнение о смене политических вех супруга? Его письмами. В них действительно постоянно и подчёркнуто звучат слова о полной лояльности советской власти. Вот только одна пространная цитата: «...Я не мог не улыбнуться, когда он (сын. — Я.Я.) пресерьёзно уверял меня, что ты стала, ну как бы выразиться, «современной, советской» что ли. Радуюсь очень, если это так, если действительно шелуха прошлых десятилетий под напором реальной действительности слетела. Этот процесс только прогрессивный, и мне кажутся люди, которые судорожно цепляются за свои прошлые, жизнью разбитые убеждения, какими-то ихтиозаврами, а речи в духе раскрывшихся чаяний на недавнем процессе в Москве — каким-то бредом умалишённых или маньяков. Читал про этот процесс, как сказку, как сон, и казалось, что люди эти бредили все эти годы 18 — 19 годами, давно забытыми, пережитыми, позорными заблуждениями детских лет... Смотрят — и не видят, слушают — и не слышат, а что хуже всего —

не желают ни видеть, ни слышать; те неисправимы. Я себя не чувствую в числе неисправимых и с большим интересом приглядываюсь, прислушиваюсь, читаю газеты упорно и подбираю всякие крупицы большой жизни, долетающей сюда весьма скупо...»³⁰.

Такие излияния — в каждом письме. И именно это назойливое повторение нередко вкупе с лексикой газетных передовиц подводят к мысли, что написаны они не для указанного на конверте адресата, а для других людей — тех, кто будет читать эти письма и решать судьбу их автора. А в перлюстрации своей переписки такой опытный подпольщик, как Д.Д. Донской, конечно, не сомневался. Этот опыт он приобрёл ещё во времена своей революционной деятельности при царизме. Знаменитый борец с социалистами жандармский полковник А. Спиридович тогда признавался: «Агентурные сведения, данные наружного наблюдения и перлюстрация являлись тремя главными источниками осведомления политической полиции»³¹.

Методы работы политического сыска не зависят от формы государственного режима. И Д.Д. Донской, бесспорно, догадывался, а может быть, и знал о таком вот распоряжении Полномочного представительства ОГПУ по Сибири от 29 апреля 1925 г.: «Установить тщательную и непрерывную перлюстрацию входящей и исходящей корреспонденции на имя Донского». Или о таком докладе местных чекистов в указанное представительство от 18 апреля 1925 г.: «Корреспонденция Донского нами подвергается перлюстрации с особым вниманием. Переписку Донской ведёт вне нарымской ссылки только с наркомздравом Семашко и своим сыном Дмитрием...».

Косвенным подтверждением того, что Д.Д. Донской помнил о перлюстрации своей переписки, может служить использование им сокращений в именах, понятных только адресату. Вряд ли все эти «муж Нины Алекс.», «Стася», «Мих. Ив. и Ал. Фёдор.», «старички, жёны и мужья»³² и другие зашифрованные персонажи его писем не представляли интереса для ОГПУ. Иначе, почему жена члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева — только «Стася», семья близкого к эсерам народовольца Михаила Ивановича Дрея — «Мих. Ив. и Ал. Фёдор.», а большевик и народный комиссар Н.А. Семашко — исключительно «Семашко» или даже «наркомздрав Семашко»? Представляется даже не случайным написание «ВКП(б)» в виде искажённой аббревиатуры «WKП» в одном из писем³³ - знающая латиницу жена

³⁰ Письмо от 23-27. II. 1931 г. Полностью см. в подборке писем.

³¹ Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 61.

³² Письмо от 1. I. 1925 г. Полностью см. в подборке писем.

³³ Письмо от 14. X. 1935 г. Полностью см. в подборке писем.

прочтёт, а вот полуграмотный перлюстратор из Парабели или Колпашева, может быть, и нет.

Ещё одним, на этот раз забавным, доказательством «двойного стандарта» Д.Д. Донского в отношении своей переписки может быть история со знаменитым афоризмом И.В. Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселей!». Разумеется, «политзэк» оценил издевательский пафос фразы и отнёсся к ней с огромной долей сарказма. Например, 9 января 1936 г. осведомитель докладывал, что Д.Д. Донской, прочитав в письме к нему от уехавшей из Парабели врача Э.М. Качановой знаменитый перл, несколько раз в разговорах «в иронической, насмешливой форме упоминал, что «Эмма Моисеевна уже цитирует фразами вождей». В донесении подчёркивалось, что подобный факт объект наблюдения «никак не может простить Качановой». В этом — истинное отношение Д.Д. Донского к советской действительности. И в те же дни — 13 января 1936 г. — он сам вставляет этот афоризм в письмо жене: «Радио из Москвы передаёт звуковую культуру, журнал — умственную и — «жить легче, жить веселее»³⁴. Здесь уже — маскировка в расчёте на «третьего читающего».

Совершенно очевидно: всё, выходящее из-под пера Д.Д. Донского, писалось с учётом перлюстрации.

Два десятка лет работы в самой законспирированной партии России, постоянно находившейся в оппозиции и к царской, и советской власти, опыт ссылок, тюрем и эмиграции сделали осторожность неотъемлемой чертой его натуры. Это в полной мере проявилось и в нарымской ссылке. В то время, как анархисты, меньшевики и другие сосланные оппозиционеры вели свою общественную жизнь почти открыто, эсеры таковую тщательно скрывали. Документ 1927 г. констатирует: «Лидером с[оциал]-р[еволюционеров] и вообще всей политической ссылки является Д.Д. Донской. Группа с[оциал]-р[еволюционеров] замкнута и работу ведёт только внутри себя»³⁵. Отдельно здесь же подчёркивалась особая осторожность самого Дмитрия Дмитриевича: «В каждом новоприбывшем политическом «старые ссыльные» видят «шпика ГПУ», в особенности это наблюдается за Д.Д. Донским».

В такой ситуации, когда умный и осторожный человек знает или ощущает своё состояние «под колпаком», трудно ожидать от него откровений в переписке. И здесь возможны две линии поведения: или — назло врагам! — вызывающе открыто излагать свои мысли, или

³⁴ Письмо от 13. I. 1936 г. Полностью см. в подборке писем.

³⁵ Докладная записка «Жизнь и деятельность политссылки в Нарымском крае» от 10. II. 1927 г. Полностью см. в подборке архивных документов.

соблюдать конспирацию. Примером первого подхода могут служить письма Е.М. Тимофеева — самого, пожалуй, неукротимого из сопроцессников Д.Д. Донского по делу ЦК ПСР³⁶. Там — совершенно иной круг адресатов (бывшие друзья и соратники по партии в СССР и за границей) и иное содержание (информация о других репрессированных оппозиционерах большевизму, активное обсуждение новинок литературы, статей из советских и иностранных газет). В Парабели же попытка налаживания переписки с разбросанными по ссылкам товарищами по процессу имела место лишь в самом начале пребывания. Тогда были получены короткие записки от семей Гоцев, Тимофеевых, Либеров, Веденяпиных. Возможно, отправителей из числа бывших партийных соратников было больше — часть авторов посланий скрыта за сокращениями и аббревиатурами имён. Ими же заполнены сами тексты, когда речь идёт о третьих лицах. Эта особенность стиля, как и тот факт, что почти во всех случаях отправителями стали жёны, а получателем Надежда Михайловна, обусловлены, конечно же, конспиративными соображениями. Краткость сроков переписки и скудость числа адресатов дополняются предельной лаконичностью и содержательной нейтральностью посланий: в отличие от тимофеевских писем, в них изложены лишь приветы да уведомления о своём здоровье. К этой же поре относятся несколько зашифрованных имён и в письмах из Парабели: «Стася» — жена Е.М. Тимофеева, «старички, жёны и мужья» — очевидно, ссыльные семьи сопроцессников³⁷ и др. Но очень быстро исчезли даже такие поверхностные контакты с однопартийцами. С конца 1920-х гг. в письмах Д.Д. Донского нет ни одного упоминания или вопроса о судьбах его бывших товарищей, с которыми была связана большая часть его предыдущей жизни. И вряд ли причина этого кроется в глухомани Нарымского края, скорее всего, главную роль здесь сыграла осторожность Д.Д. Донского.

Поэтому нельзя относиться к его письмам, по крайней мере, дошедшим до нас, как к некоему откровению, источнику его душевных переживаний и политических пристрастий. Скорее наоборот: осторожный и расчётливый революционер сумел сделать из них канал демонстрации своей лояльности властям и целенаправленно комплектовал свою папку в ОГПУ-НКВД своеобразными расписками в политической благонадёжности.

³⁶ Е.М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. / Публ. М. Янсена // *Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1989. Вып. 7. С. 193-231.*

³⁷ *Письмо от 1. I. 1925 г...*

Нельзя здесь не сказать и о второй возможной цели Д.Д. Донского, которая, ежели она присутствовала, оказалась достигнутой в полной мере. Имеется в виду целенаправленное формирование коммунистического мировоззрения у жены и сына. Как опытный политик и проницательный человек, он к середине 1920-х гг. не мог не согласиться с тезисом, что «советская власть — это всерьёз и надолго». Не мог он не заметить и раскручивавшегося маховика репрессий, в том числе и против членов семей противников власти. Вполне мог знать, что помогавший Л.Д. Троцкому его сын Лёва странно погиб в Париже; видел, как сын соратника по партии В.М. Чернова, Борис, «тянет» ляжку ссыльного в Парабели... Как любящему отцу и мужу, а в наличии этого чувства у Д.Д. Донского сомнений при чтении писем и «Воспоминаний» не возникает, в сложившейся ситуации ему оставалось только одно — повернуть семью лицом к советской власти. А лучшим средством у главы семьи для этого могло быть одно — сделать вид, что повернулся сам, твёрдо убедить жену и сына в своём коммунистическом перерождении.

В том, что декларирование приверженности большевистскому мировоззрению было в какой-то мере маскировкой, активно используемой возможностью вырваться из ссылки к нор-

Д.Д. Донской с сыном в с. Парабели. 1929 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

мальной человеческой жизни убеждают другие документы — как раз не те, что вышли из-под руки Д.Д. Донского. Причём их анализ во времени показывает эволюцию мыслей и действий опального эсера в Парабели.

Появление Д.Д. Донского в Нарымском крае всколыхнуло политссылку, поскольку лидера такого масштаба — члена Центрального комитета крупнейшей российской партии — в регионе не было. Высокий партийный статус вкупе с личными лидерскими качествами сразу определили ему первое место в иерархии ссылки. «Донской... продолжает встречаться с политссылными», — докладывал Томский губернский отдел ГПУ по инстанции в июне 1925 г.³⁸ И дальше подробно описывал, какими способами видный оппозиционер общается со ссылными из окружавших Парабель деревень. «Лидером с[оциал]-р[еволюционеров] и вообще всей ссылки является Д.Д. Донской», — отмечали органы политического надзора и два года спустя в 1927 г.³⁹

По информации оперативных источников ОГПУ, на квартире Д.Д. Донского в сер. 1920-х гг. были нередки собрания политссылных Парабели. В донесениях сквозят фразы «обмен литературой», «установление нелегальных связей» и другие, призванные придать политическую окраску этим собраниям и навесить ярлык контрреволюционеров на их участников. Дело, скорее всего, обстояло несколько иначе. Ссылка того времени пока не утратила некоторых традиций обустройства своей жизни, сформировавшихся ещё в дореволюционные времена. Это было тем более нетрудно, поскольку для значительной её части, как и для Д.Д. Донского, советской ссылке предшествовала царская, они сами являлись носителями этого опыта. Их общественная жизнь включала в себя функционирование своих библиотек, столовых, касс взаимопомощи, выборных старост, хозяйственных собраний. Но всё это отнюдь не относилось к сфере политической жизни. Только товарищеские и партийные суды (например, над заподозренными в сотрудничестве с ОГПУ), некоторые из которых проходили под председательством Д.Д. Донского, можно, пожалуй, с некоторой натяжкой отнести к политическим акциям.

Очевидно, что более-менее значимой политической деятельностью Д.Д. Донской не занимался даже в этот, наиболее свой интен-

³⁸ Доклад Томского губотдела ОГПУ [о] деятельности политадминссылного, члена ЦК ПСР Донского Д.Д. за июнь месяц 1925 года. Полностью см. в подборке архивных документов.

³⁹ Докладная записка «Жизнь и деятельность...».

сивный в плане общения с «политическими», период ссылки. Чекисты объективно констатировали: «Партийной работы среди ссыльных, а равно и участия в нелегальных организациях со стороны Донского нами не замечены»⁴⁰. Оголтелые попытки увидеть политические происки в профессиональных действиях доктора Донского, например, в выколачивании денег для строительства больницы, как это имело место осенью 1926 г.⁴¹, здесь в расчёт брать не стоит. Документов о нападках и клевете в адрес «ссыльного цекиста ПСР» со стороны местных партийных органов за 12 лет парабельской ссылки накопилось немало, но они не содержат истинной информации о его политическом лице.

Чем же объяснить отход от политической деятельности Д.Д. Донского — политической фигуры российского масштаба? Скорее всего, реалиями времени и места. Трудно прогнозировать, как бы он повёл себя, окажись в эмиграции. Но в сложившихся условиях продолжение всякой борьбы с коммунистической властью было обречено на поражение. Он это прекрасно понимал и горько сожалел о недостижимости идеалов, которым он посвятил жизнь. Одно из его откровенных высказываний на этот счёт сер. 1925 г. сухим языком оперативной информации ОГПУ передано так: «В беседе с нашим осведомителем по вопросу о возможностях подпольной партработы Донской заявил: вести работу в подполье при современной обстановке почти невозможно, и, если бы он, Донской, оказался на свободе, то очутился бы в отношении партработы в затруднительном положении, т.к. не знал бы, что ему делать. С одной стороны, никого из старых товарищей по партработе на воле нет, а если и есть кто-либо, то местонахождения их ему не известны; с другой, молодые с[оциалисты]-р[еволюционеры] идут неправильным путём. Донской жалеет о том, что придётся окончить жизнь, не увидев с[оциал]-р[еволюционной] свободы, т.к., по его мнению, Соввласть укрепилась настолько, что скорого её падения ожидать невозможно»⁴².

Признание поражения своей партии не привело Д.Д. Донского к принятию коммунистов и их политики. Это можно было скрыть в письмах, утаить в разговорах, но трудно было спрятать в каждомдневном поведении. Насколько красноречиво одно только его распоряжение в адрес лозунга «Да здравствует ВКП(б) и её вождь т.

⁴⁰ Доклад Томского губотдела ОГПУ...

⁴¹ Закрытое письмо Парабельского районного комитета ВКП(б). Полностью см. в подборке архивных документов.

⁴² Доклад Томского губотдела ОГПУ...

Сталин!» - «Уберите, пожалуйста, у меня в кабинете лозунг, по крайней мере не так будет дико»⁴³.

Если уж он мог позволить себе такую фразу применительно к Сталину, нетрудно представить его отношение к местным властям. К последнему в какой-то мере примешивалась и традиция поведения с надзорными органами, сформированная в среде ссыльных революционеров в отношении ещё царских жандармов, — подчёркнуто независимого и брезгливого. Сохранилось много жалоб, что заведующий больницей Д.Д. Донской предпочитает брать на работу ссыльных, а не коммунистов. Сразу же после приезда в Парабель, в ноябре 1924 г. председателю уездного комитета РКП(б) он мог иронично заметить: «Хорошо вы ругаете своих классовых врагов. И вообще — ругаться вы мастера»⁴⁴. На записке председателя райисполкома с требованием явиться мог наложить свою резолюцию: ««Мне некогда. Если нужно, зайдите ко мне»⁴⁵. А в 1934 г. в лицо участковому коменданту — бросить: «Вас с петлицами я ненавижу, тем более — кто ходит со знаками отличия»⁴⁶. Такая независимость вызывала дикую злобу местной номенклатуры. В подтверждение этого нет даже смысла цитировать приведённые далее архивные документы — настолько часты в них нападки на «вызывающее поведение» Донского.

Однако со временем его позиция и поведение менялись. Первый 3-летний парабельский срок, который узник считал всего лишь промежуточным этапом между тюрьмой и свободой, завершился продолжением на год, потом ещё и ещё... Все родственники остались в европейской части страны, наладить привычную жизнь с женой, сыном и тёткой в Парабели не получилось — все они уехали. Азарт медицинской работы первых лет, когда деятельная натура требовала компенсации за вынужденное пятилетие тюремного бездействия, иссякал. Начинал сказываться и 50-летний возраст с неизбежными болезнями. Всё это подводило к жгучему желанию переезда из Парабели — оно сквозит во всех письмах 1930-х гг. Но канули в далёкое прошлое побег и эмиграции, теперь единственным способом выйти из ссылки была полная и безоговорочная лояльность власти. И Дмитрий Дмитриевич это понимал. Вставал лишь

⁴³ Спецсводка по агентурной разработке [Д.Д. Донского] по состоянию на 1 апреля 1936 г. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁴⁴ Товарищеское письмо секретарю Томского губкома т. Калашникову. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁴⁵ Жалоба коммуниста Олейникова. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁴⁶ Спецсводка Каргасокского районного отдела ОГПУ. Полностью см. в подборке архивных документов.

моральный вопрос — какую цену за эту самую лояльность нужно было заплатить?

Начальным шагом стал постепенный отход от общественной жизни нарымских ссыльных. Впрочем, этот процесс был неоднородным, помимо желания этого у Дмитрия Дмитриевича, здесь присутствовали и иные причины. Во-первых, с ужесточением режима в стране, когда в любом объединении стали видеть политическую подоплёку, постепенно сошла на нет сама общественная жизнь политссылки: какие могут быть старостаты, библиотеки и кассы взаимопомощи в условиях декларированного «нового витка классовой борьбы»? Во-вторых, Д.Д. Донской был натурой деятельной и предпочёл заняться конкретным делом, чем пустопорожней политболтовнёй, за которой, в чём он уже убедился, не могло последовать никаких реальных действий. Поэтому он оказался одним из немногих, кто в условиях ссылки смог или пожелал активно заняться профессиональной деятельностью. Строительство новой больницы — первой такого масштаба в Нарымском крае — со временем стало забирать всё время и все силы. В-третьих, оставшаяся на прежних, непримиримых к большевизму позициях часть ссылки сама отторгла Д.Д. Донского. В его характеристике мая 1929 г., готовившейся к окончанию очередного срока, это отмечено так: «Если первые годы пребывания в ссылке ДОНСКОЙ очень осторожно проявлял эсэровскую деятельность, то за последние два года таковой никакой политической работы как внутри ссылки, так и, судя по перлюстрации документов, за её пределами не ведёт. Своим поведением, как-то: половой распущенностью, активной работой по деревням вместе с работниками райисполкома по самообложению и распространению займов — как политический вождь в лице политссылки свой авторитет потерял, и последняя считается с ним лишь постольку, поскольку он — бывший член ЦК ПСР и вёл активную борьбу с коммунистами...»⁴⁷. Это понимал и сам Д.Д. Донской, в том же 1929 г. признавшийся: «С политссылкой связи не имею, большинство ссыльных считает меня советским человеком, частенько поругивает, но я не обращаю на это внимания»⁴⁸.

Следом наступило конкретное участие в советской работе, отмеченное в только что приведённой цитате и старательно выписанное самим Д.Д. Донским в письмах. Агитация за колхозы, займы,

⁴⁷ Характеристика на политссыльного Нарымского края, члена ЦК ПСР ДОНСКОГО Д.Д. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁴⁸ Спецдонесение по разработке бывшего члена ЦК ПСР [Д.Д. Донского]...

налоговое самообложение и т.п. — всё это не входило в его обязанности заведующего больницей и делалось добровольно.

Во всей этой деятельности, по-человечески вполне понятной, смущает приветствие и оправдание парабельским невольником акта спецпереселения 1930 — 1933 гг. — главной трагедии Нарымского края XX столетия. Бассейн р. Парабели был одной из основных зон расселения ограбленных и изгнанных из своих домов десятков тысяч крестьян. Только с сентября 1931 по декабрь 1932 г. рядом с Д.Д. Донским, в Парабельской комендатуре было расселено от 23683 до 33787 чел.⁴⁹, и он собственными глазами видел их страдания и смерть. Трудно себе объяснить, как он — многолетний борец за уравнительное землепользование этих самых крестьян — мог вдруг рьяно броситься на защиту совершенно противоположной, колхозной точки зрения и в январе 1932 г. заявить: «... Большевики правы, и никакая другая постановка вопроса не может быть рассматриваема иначе, как контрреволюционная. Один факт высылки в Нарымский край кулачества, т.н. спецпереселенцев, для обжитья его и обработки его сырьевых богатств, с одной стороны, и с другой — ликвидация этого паразитического, мешающего в районах коллективизации крестьянства — безусловно, верное решение большевиков, обеспечивающее дальнейший рост колхозного движения в деревне». Особенно в этих рассуждениях поражает цинизм, с каким говорилось об «иждивенчестве» людей, ежедневно сотнями вымирающих от голода и болезней в парабельских спецпосёлках: «[Местное] крестьянство стало относиться к спецпереселенцам иначе — кулацкие настроения спецпереселенцев оттолкнули от себя их. Попрошайничество даже тогда, когда они обеспечены, не перестало изживаться среди них. Даже ко мне в больницу, когда приходит спецпереселенец, то его сразу видишь по его клянчанию дать то одно, то другое, чтобы за порошок хины выменять себе после хлеба. Переселенцев надо варить ещё долго, чтобы вытравить их кулацкие замашки»⁵⁰. Через 2 года практическим следствием таких рассуждений Д.Д. Донского стал его отказ лечить спецпереселенцев⁵¹. Единственным оправданием этому остаётся надежда, что первое заявление оперуполномоченному ОГПУ было неискренним,

⁴⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг. / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пащенко, Р.К. Суханова. Новосибирск, 1993. С. 277, 287, 292-295, 308.

⁵⁰ Рапорт оперуполномоченного секретно-политического отдела Нарымского оперсектора ОГПУ Толмачёва. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁵¹ Спецводка Каргасокского районного отдела ОГПУ...

лишь видимостью внешней лояльности, как и многое из сказанного и написанного Д.Д. Донским в те годы. А второе — брошено местному чекисту в азарте полемики по проблеме финансирования больничного строительства.

Вслед за органами советской власти с 1929 г. начинается и сотрудничество Д.Д. Донского с ОГПУ. Надо оговориться сразу: это не было тем «сотрудничеством с органами», которое стало уже синонимом участия в оперативных разработках в качестве осведомителя или внештатного сотрудника. Ни в одном архиве, в том числе и в архиве ФСБ, не обнаружилось документов о такой роли Дмитрия Дмитриевича. Уверен: их и не может быть в природе.

Сотрудничество выразилось в том, что опальный эсер в устных беседах начал усиленно декларировать свою приверженность к коммунистическому мировоззрению и советской власти. Но факт даже таких бесед — это уже огромная эволюция во взглядах и поступках Д.Д. Донского, ведь всего пятилетие назад он председательствовал на партийных судах над теми, кто поступал таким образом. Заигрывание с чекистами на рубеже 1920 — 1930-х гг., как и появившиеся в этот же период куски писем «для перлюстратора», как и агитационная работа в пользу колхозов, преследовали одну цель — вырваться из ссылки. Сделанные в те годы сотрудникам ОГПУ заявления, часть которых приведена в подборке архивных документов, сводятся примерно к следующему: «Бурное социалистическое строительство в Советском Союзе под руководством компартии и энтузиазм, который бьёт ключом, многочисленной массы трудящихся, показали всю правоту большевиков, и тому, кто не хочет этого понять, остаётся только жить воспоминаниями о прошлом. Я целиком ваш и готов свою лепту внести в дело социалистического строительства»⁵².

К каким-то послаблениям режима такие заявления, очевидно, приводили. Примером своеобразного «соглашения сторон» может служить хотя бы рапорт оперуполномоченного Нарымского ОГПУ Толмачёва о своей встрече с Д. Д. Донским, первая часть которого содержит излияния собеседника о признании советской власти, а вторая — просьбу о переводе в Колпашево либо увольнении неудобных лиц из больницы. Часть этих просьб была удовлетворена⁵³.

Но и аппетиты чекистов в разработке Д.Д. Донского всё более и более возрастали. Сначала осторожно, а затем всё настойчивее и настойчивее они требовали большего — публичного выражения лояльности советской власти и осуждения своей прошлой социал-ре-

⁵² Спецдонесение по разработке бывшего члена ЦК ПСР [Д.Д. Донского]...

⁵³ Рапорт оперуполномоченного секретно-политического отдела...

волюционной деятельности. Но это уже выходило за границы тактики выживания, за границы лавирования и игры в «кошки-мышки» с режимом. Это становилось вопросом человеческой морали и этики революционера. А ни тем, ни другим Д.Д. Донской, как выясняется, поступиться не мог или не хотел. В положении несвободного человека ему оставалось лишь продолжать своё лавирование между желанием покинуть ссылку и стремлением сохранить достоинство и самоуважение.

В 1929 г. он, выдавая аванс, отказывался под таким предлогом: «Я совершенно никакой политической деятельности не проявляю против Советской власти и политику компартии в большинстве вопросов одобряю, и в нужный момент Вы можете рассчитывать получить от меня поддержку в виде письма и т.д. Теперь же в период нахождения в ссылке такого письма я дать не могу, т.к. практика дачи декларации показала, что ни та, ни другая сторона этим удовлетворена не будет»⁵⁴.

Через 2 года он высказался ещё более определённо, хотя в той же осторожной манере: «За время моего пребывания в ссылке я никакой антисоветской работы не вёл, не веду и вести не намерен... Что я советский человек, Вам это, надо полагать, хорошо известно. Однако бичевать себя, как это сделали другие, как-то: ГРОМАНЫ, КОНДРАТЬЕВЫ и даже САВИНКОВ и прочая дребедень, я не хочу. Таких людей презирают не только их бывшие единомышленники, но в не меньшей степени и те, перед которыми они себя бичуют. Я не бичевал себя и тогда, когда известным Вам процессом был приговорён к высшей мере социальной защиты, хотя уже и на процессе занимал обособленное положение по сравнению со всеми активными сопроцессниками. Я особенно брезгливо отношусь к тем из «кающихся», которые бичуют себя перед самым фактом надвигающейся на них кары. Каждое такое покаяние мною расценивается как акт купли и продажи. Моя прошлая революционная деятельность... и вообще моя психология не совместимы с такими актами купли и продажи. **Я предпочитаю получать по-прежнему надбавки к срокам своей ссылки, чем быть в положении вечно кающегося** (выделено нами. — Я.Я.). Я хочу прийти к вам честным путём и подать себя целиком и полностью строительству социализма... Отсюда Вам должно быть понятно, почему я не могу дать удовлетворяющего документа, находясь в ссылке»⁵⁵.

⁵⁴ Спецдонесение по разработке бывшего члена ЦК ПСР [Д.Д. Донского]...

⁵⁵ Спецдонесение по разработке бывшего члена ЦК ПСР [Д.Д. Донского]...

Апофеозом отношений Д.Д. Донского с ОГПУ и одновременно последней настойчивой попыткой склонить его к публичному появлению стала история подготовки им рукописи к публикации (брошюры или статьи — в источниках указано по-разному). В документах ОГПУ она названа «На советском посту» или «Семь лет на посту советского врача», в рукописи Дмитрия Дмитриевича — «Восемь лет из жизни врачебного участка в Нарымском крае (1924 — 1932 гг.)»⁵⁶. Уже в этом — далеко не только лексическом несходстве — виден разный подход заказчика и исполнителя к планируемой идеологической акции. Задумка была правильная: книга бывшего члена ЦК Партии социалистов-революционеров, когда-то официально объявленного главным организатором покушения на вождя мирового пролетариата, а теперь раскаявшегося и ударно строящего социализм в большевистской трактовке, — это подтверждение верности пути ВКП(б), это удар по проискам западных социалистов и оппозиционеров всех мастей, это, наконец, успех работников ОГПУ. Хотя вряд ли это было придумано чекистами. Судя по тому, что Полномочное представительство ОГПУ по Запсибкраю докладывало о её выполнении своему непосредственному руководству в Москву, вопрос, скорее всего, был инициирован и курировался ЦК ВКП(б).

Предложение написать о своей деятельности по становлению здравоохранения в Нарымском крае и политических воззрениях Д.Д. Донской получил, очевидно, в 1930 г. или начале 1931 г. По крайней мере, 25 апреля 1931 г. секретно-политический отдел краевого ПП ОГПУ (г. Новосибирск) уже запрашивал своих томских коллег о настроении Д.Д. Донского и ходе его работы над рукописью⁵⁷. Где-то в то же время или чуть раньше состоялся контакт автора с представителем «заказчика» — оперуполномоченным ОГПУ по Западно-Сибирскому краю В.П. Дербенёвым. Были согласованы содержание и сроки подготовки рукописи.

Работа над ней, судя по всему, весной и летом 1931 г. уже шла. И, как видно из документов, содержание излагалось в стиле уже сложившихся между автором и ОГПУ отношений: врачебная деятельность в Парабели показывалась в русле достижений социалистического строительства, лояльность советской власти демонстрировалась, но никаких громких политических заявлений и, по выражению Д.Д. Донского, «бичеваний» не было. Осенью того же года В.П. Дербенёв прислал из Новосибирска письмо с просьбой или требо-

⁵⁶ См. её далее в книге.

⁵⁷ Запрос Полномочного представительства по Запсибкраю ОГПУ. Полностью см. в подборке архивных документов.

ванием усилить в рукописи именно последний акцент. Как писал в ответ сам автор, эта записка его смутила, и он приостановил работу⁵⁸. Впрочем, это могло быть лишь поводом, поскольку парабельский невольник не рвался к публичному изложению своей политической платформы.

Зимой «заказчик» решил ещё раз подтолкнуть тянувшего уже более года волюнку автора, и 13 января 1932 г. из Колпашева в Парабель с письмом всё того же В.П. Дербенёва прибыл оперуполномоченный секретно-политического отдела Нарымского оперсектора ПП ОГПУ Толмачёв. Из его подробного рапорта об этой встрече, полностью приведённого в подборке архивных документов⁵⁹, видно, что Д.Д. Донской остался на прежних позициях: он убеждал в своей верности политике компартии и советской власти, соглашался подготовить рукопись в требуемом прокоммунистическом и просоветском духе, но настойчиво отказывался от покаяния. «Меня смущает, — говорил он посыльному, — почему так настойчиво хотят получить от меня покаяния в прошлом и признания его контрреволюционным. Я не могу сейчас этого сделать. Мне кажется, что не всё у меня в прошлом такое плохое, что нуждалось бы в огульном поругании»⁶⁰.

В переданном тогда же письме В.П. Дербенёву в краевое ОГПУ Д.Д. Донской, как и прежде, намекал на возможность дать нужные чекистам заявления, но только после освобождения: «Публиковать эту статью с заключением я смогу только при условии полного отсутствия даже видимости нажима, чтобы это не имело никакого характера покаяния или просьбы о помиловании»⁶¹. Здесь же было дано обещание окончить рукопись к весне того же 1932 г.

Новосибирские чекисты доложили обстоятельства дела в столицу и 8 апреля получили оттуда инструкции по политическому содержанию рукописи.

Обещанная статья, однако, поступила в Новосибирск только осенью — в октябре. И не того содержания, какого ждал «заказчик». 15 ноября 1932 г. полномочное представительство ОГПУ по Запсибкраю в очередном докладе в Москву отмечало: «Вследствие того, что она не отвечает полностью нашим требованиям, которые при составлении были предъявлены [Д.Д. Донскому], её пока что

⁵⁸ Рапорт оперуполномоченного секретно-политического отдела...

⁵⁹ Рапорт оперуполномоченного секретно-политического отдела...

⁶⁰ Рапорт оперуполномоченного секретно-политического отдела...

⁶¹ Рапорт оперуполномоченного секретно-политического отдела...

печатанием задерживаем... С восстановлением связи с Нарымом ... будет вызван в Новосибирск для переговоров о переделке брошюры в нужном нам направлении...»⁶².

С поездкой в сибирскую столицу ничего не получилось, и весной — уже в марте 1933 г.! — автора вызвали в Колпашево, центр Нарымского округа. Там перед ним вопрос о политическом заявлении в рукописи поставили резко, «декларативно», как сказано в докладной записке. Д.Д. Донской не отступил и на этот раз. В сложившейся уже во взаимоотношениях с властями манере он дипломатично отказался таким образом: «Я вполне с Вами согласен, что она [рукопись. — Я.Я.] носит несовершенный, незрелый характер, что в ней не выявлена обобщающая точка зрения, и материал во многом подлежит переделке и переработке, за что я готов взяться. Внесение же личного момента, оценки прошлой своей деятельности, осуждение её, отмежевание и пр. — то, о чём говорится глухо в конце статьи, — сейчас невозможно. Хотя я давно уже понял и решительно осудил те колоссальные ошибки, я бы сказал даже преступления, если бы они диктовались своекорыстными мотивами, которые у меня — в прошлом, и я стараюсь по мере сил и возможности их хоть слегка загладить своей работой и быть полезным делу революции и социализму. Невозможно потому, что это будет звучать неубедительно для всех, т.е. для коммунистов, для беспартийных, для колеблющихся. Контрреволюционеров же, матёрых волков, я переубеждать не собираюсь... Звучать будет неубедительно потому, ибо я нахожусь в ненормальных условиях [для] обычного советского гражданина. Я в ссылке, я без голоса, и мой голос, если я его подаю, будет звучать неубедительно... Сейчас международная ситуация такова, что моё декларативное выступление не даст ничего эффективного. Одни скажут, что я просто продался, а другие, что я испугался угроз, репрессий... Другое дело, если обстановка изменится в худшую для Советского Союза сторону (интервенция, война и т.п.). Тогда я сделаю такое выступление в советском духе, о котором вы не предполагаете»⁶³.

Больше трёх лет длилось давление на Д.Д. Донского с требованием публичной поддержки советской власти и отказа от своей прошлой деятельности. И он устоял, не сделал этого. В то самое время, когда многие и многие его бывшие соратники, находясь в гораздо

⁶² Спецдонесение по делу члена ЦК ПСР [Д.Д. Донского], отбывающего срок ссылки в с. Парабель Запсибкрая. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁶³ Докладная записка по члену ЦК ПСР ДОНСКОМУ Д.Д. Полностью см. в подборке архивных документов.

лучших условиях, громко каялись и пели осанну коммунистической власти. Это ли не лучшее доказательство, что Дмитрий Дмитриевич не изменил своим убеждениям и делу своей жизни?!

Очевидно, предполагал он и последствия своего упорства. Его дипломатия и лавирование могли лишь оттянуть ужесточение режима, но не предотвратить его. Чекисты не зря ели свой хлеб: игра Д.Д. Донского стала им понятной довольно скоро. Начальник Каргасокского райотдела НКВД в служебных документах отмечал: «Учитывая, что Донской — человек хитрый и очень осторожный, верить в искренность его заявлений нельзя». Сотрудник Полномочного представительства ОГПУ по Запсибкраю в сентябре 1933 г. после окончательного отказа Д.Д. Донского усилить политический акцент в своей рукописи сделал вывод: «В течение ряда лет, начиная с 1929 г., [Д.Д. Донской] последовательно проводит политику доказательства своей лояльности к Советской власти, добиваясь этого исключительно «словесным» путём. В то же время упорно уклоняется от политической оценки деятельности ПСР и дачи в условиях ссылки декларативного документа»⁶⁴.

Странным образом с периодом переговоров Д.Д. Донского и ОГПУ о содержании публикации совпадает продление очередного срока его ссылки. Согласно «Выписке из протокола №... Особого совещания при коллегии ОГПУ от 10 июля 1934 г.», приведённой в подборке архивных документов, пятый срок его парабельской ссылки закончился 9 июня 1931 г. Однако решение о шестом — двухлетнем — было принято постановлением Коллегии ОГПУ только 22 сентября 1933 г. и с оговоркой «считая срок с 5 сентября 1932 г.». Если в документе нет ошибки, то получается, что с 9 июня 1931 г. по 22 сентября 1933 г. Д.Д. Донской содержался в ссылке без какого-либо законного основания. Но ведь это и было временем активного давления на него для политического заявления. Только после окончательного отказа сделать его в 1933 г. и появилось постановление коллегии ОГПУ об очередном продлении ссылки. Так что вполне возможно предположить: ценой публичного заявления Д.Д. Донского была назначена свобода.

Отказавшись от неё, Дмитрий Дмитриевич так и остался в статусе ссыльного с ярлыком «контрреволюционера» и «убийцы Ленина», а значит и в глазах многих — врага советской власти. Классовая ненависть к нему местной партийной и советской номенкла-

⁶⁴ Спецдонесение по разработке бывшего члена ЦК ПСР [Д.Д. Донского]...

туры, подогреваемая пропагандой, усиливалась и независимостью поведения и суждений этого незаурядного человека.

Свою долю в отношении внесла и элементарная боязнь местных чиновников от разных ведомств нести ответственность за столь именитого невольника. Парабельская, каргасокская и колпашевская номенклатура — малограмотная и забитая — ненавидела и боялась Д.Д. Донского одновременно. Помимо раздражающего явного интеллектуального превосходства свалившегося на их голову ссыльного, суеверный ужас для этой низжайшей ступеньки партийной и советской номенклатуры внушал его ранг «члена Центрального комитета партии». С рубежа 1920 — 1930-х гг. этот титул в компартии был поднят на заоблачную высоту, невольно переносимую с политическим знаком «минус» и на ссыльного эсера. Было два способа избавиться от опасного подопечного — оклеветать и отправить в тюрьму либо дать благожелательную оценку и ходатайствовать об освобождении. Предпринималось и то, и другое. Первый, более распространённый, способ долго не действовал из-за осторожного, умного поведения Д.Д. Донского и острого дефицита его специальности в крае. Второй не срабатывал по причине репрессивной политики против эсеров на самом высоком государственном и партийном уровне⁶⁵.

Создание невыносимых условий для жизни и работы, травля, доносы о политической неблагонадёжности, бытовом разложении и профессиональной непригодности сопровождали Д.Д. Донского все 12 лет его парабельской жизни. Особенно активными они были в начале и конце этого периода.

Приезд ссыльного «чекиста ПСР», как уже говорилось, вызвал большой переполох в нарымских коридорах власти. А уж какой резонанс приобрёл факт выделения в конце 1924 — начале 1925 гг. хорошим знакомым Д.Д. Донского, народным комиссаром здравоохранения А.Н. Семашко в адрес Парабельской больницы на борьбу с эпидемией малярии 2 кг хины и 250 руб.! Местным бонзам приветствовать бы инициативу заведующего больницей, сумевшего добиться дополнительного финансирования в округ. Тем более, все основания для того имелись, поскольку наибольший удар вспыхнувшая в 1923 — 1924 гг. в этом регионе малярия нанесла именно по Парабельскому району: в округе болели 15-17% населения, в райо-

⁶⁵ Ещё в мае 1929 г. местные чекисты дали свой отзыв: «Оставление его в нарымской ссылке, по нашему мнению, нецелесообразно» (Характеристика на политссыльного Нарымского края...).

не — 47,2%⁶⁶. «Малярия, охватившая в том году поголовно всё население района, превратилась в социальное бедствие: не убирали сено, не ловили рыбу, орех оставался на кедрах, даже хлеб на маленьких полосках стоял несжатый», — так описывал позже ту эпидемию сам Дмитрий Дмитриевич. Да и сам он после службы на Кавказе стал, по его выражению, «маляриком». Но всё это совершенно не волновало местных чиновников. В действиях заведующего больницей они увидели единственное — подрыв собственного авторитета, разумеется, отождествляемого с покушением на советскую власть. Развернувшаяся вакханалия травли хорошо отражена в архивных документах, представленных далее, и в публикации А.А. Бондаренко и С.А. Красильникова⁶⁷, поэтому нет смысла останавливаться на ней подробно. Необходимо лишь отметить, что в сферу конфликта оказались втянутыми все партийные и советские органы от Нарымского уездного комитета ВКП(б) до ЦК ВКП(б) и от Нарымского исполкома до Сибирского краевого комитета.

Поражает бесстыдство, с каким из желания осложнить жизнь Д.Д. Донского лгали недоброжелатели — причём не только парабельские обыватели или осведомители ОГПУ, но и официальные лица. В их трактовке 2 кг хины легко превращались в пуд (выступление уполномоченного ГСПС Бахарева на уездном совещании секретарей райкомов ВКП(б)⁶⁸, а всю жизнь работавшая акушеркой при своём брате-докторе и жившая в его доме почти на уровне прислуги тётя Донского-младшего — в частную владелицу «больницы-роженицы» (письмо секретаря Парабельского райкома ВКП(б) Иванова)⁶⁹.

После нескольких лет относительного затишья на рубеже 1920 — 1930-х гг., вызванного более тесными контактами Дмитрия Дмитриевича с местными руководителями в строительстве больницы и с чекистами в попытке совместного пропагандистского выступления, наступил новый период его травли. В 1934 г., например, окружной отдел НКВД «зарезал» разрешение подведомственного ему Каргасокского районного отдела на выезд Д.Д. Донского во время отпуска

---

⁶⁶ Бова П.А. *История и современное состояние здравоохранения Нарымского края. Диссертация... канд. мед наук. Томск, 1966. // Научная библиотека Сибирского государственного медицинского университета. № 207622. С. 209.*

⁶⁷ Бондаренко А.А., Красильников С.А. *Дмитрий Дмитриевич Донской в нарымской ссылке... С. 210-211.*

⁶⁸ *Протокол № 7 совещания секретарей райкомов Нарымского уезда от 2 января 1925 года. Полностью см. в подборке архивных документов.*

⁶⁹ *Закрытое письмо Парабельского районного комитета ВКП(б)...*

на Кавказ⁷⁰. Хотя сейчас из его писем видно, сколько светлых надежд уставший и немолодой уже человек вкладывал в эту поездку⁷¹.

В значительной мере нападки на «заклятого врага партии» (это определение — из протокола) усилились с разворачиванием кампании репрессий, в которой бывшим эсерам отводилась одна из главных ролей. Среди предвестников грядущих кровавых акций было закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. о необходимости повышения большевистской бдительности. Разумеется, во время его обязательного обсуждения в Парабели — и в райкоме ВКП(б)⁷², и на собрании райпартактива⁷³ — речь шла исключительно о Д.Д. Донском и его ближайшем окружении. Он оказался виноват во всём: в ложном раздувании собственного авторитета путём дискредитации своих коллег и понуждения больных писать о нём благодарственные письма в газету; в контактах с «вредителями» Опытного поля, дающими неверные метеосводки; в доступе к пишущей машинке, которую он, по логике выступавших, мог использовать в антисоветских целях... Досталось и товарищам Дмитрия Дмитриевича, в частности сотруднику комендатуры Михайлову. Самое страшное, что из всего этого вздора был сделан совершенно конкретный вывод — нужен задокументированный компромат. Председатель одного из собраний, секретарь Парабельского райкома ВКП(б) Яскерович, так «подвёл черту»: «Здесь много говорили о Донском, но эти разговоры мы не всегда подкрепляем нужными материалами, а поэтому мы ещё не всё сделали»⁷⁴.

Впрочем, товарищ Яскерович в этом случае либо заблуждался, либо лукавил. В это время «нужные материалы» уже собирались. Потеряв всякую надежду подвести, по выражению каргасокского чекиста, «хитрого и очень осторожного» Донского под политическую статью, на него уже комплектовался компромат о врачебном непрофессионализме.

Очень сложный вопрос, насколько эти данные были объективными. Устные воспоминания парабельцев на этот счёт, собранные в статье журналиста С.П. Уразова, прямо противоположны — от

⁷⁰ Запрос Нарымского окружного отдела НКВД. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁷¹ Письмо от 13. IV. 1934 г. Полностью см. в подборке писем.

⁷² Протокол № 5 закрытого заседания Парабельского районного комитета ВКП(б) от 15 августа 1936 г. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁷³ Протокол № 1 собрания райпартактива села Парабели, состоявшегося 16 августа 1936 г. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁷⁴ Протокол № 1 собрания райпартактива села Парабели...

«Дмитрий Дмитриевич как врач-профессионал, пользовался среди больных и всего населения парабельской округи огромнейшим уважением и авторитетом» до «хирург он был неважный»⁷⁵. Не вносят ясности и письменные документы. В одних речь идёт о большой популярности Донского-врача⁷⁶, в других коллеги (медсестра Перевозчикова, врач Качанова) говорят о его 100% операционном браке⁷⁷. Несколько известных документов из органов здравоохранения тоже не проливают свет на уровень врачебной работы Д.Д. Донского, давая высокую оценку только его административным и организаторским качествам. Как и уже упоминавшиеся записки знаменитого хирурга А.Г. Савиных, где отмечено лишь «довольно приличное» качество больницы доктора Донского⁷⁸.

Оставляя этот вопрос открытым, следует всё же обратить внимание на некоторые обстоятельства. Во-первых, на выборочность отложения архивных документов в связи с социальным статусом Д.Д. Донского и готовившимся судом над ним — комплектовался, в первую очередь, компрометирующий материал. Во-вторых, на отсутствие профессиональных и независимых мнений компетентных лиц. И, в-третьих, на ту грустную обыденность лечебной работы, которая родила поговорку «У каждого врача есть своё кладбище».

Как бы там ни было, но параллельно с разгромными выступлениями о повышении большевистской бдительности в августе 1936 г. прокуратура уже готовила уголовное дело на Д.Д. Донского по обвинению в халатном отношении к служебным обязанностям. Эти деяния подпадали под ст. 111 УК РСФСР и наказывались тюремным заключением сроком до 3 лет.

Суть обвинения заключалась в следующем. 2 июня 1936 г. в Парабельскую районную больницу поступил больной Александр Матвеевич Мухачёв 31 года с диагнозом «аппендицит». Причём нигде в документах не удалось найти его социального статуса, хотя позже народная молва, а следом за ней и некоторые публикации упорно приписывали больному ранг «ответственного работника»⁷⁹ и даже «секретаря райкома»⁸⁰. Скорее всего, такой сюжетный ход сфор-

⁷⁵ Уразов С.П. Инициалы «Д.Д.Д.»... С. 254, 263.

⁷⁶ Докладная записка «Жизнь и деятельность...».

⁷⁷ Спецсводка по агентурной разработке [Д.Д. Донского]...

⁷⁸ Савиных А.Г. Опыт работы и организации хирургической помощи на севере реки Оби в остяко-самоедско-тунгусских районах // Труды Томского мед. ин-та. Томск, 1933. Вып. 1-3. С. 244-285. То же (фрагм.) // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 222-229

⁷⁹ Бондаренко А.А., Красильников С.А. Дмитрий Дмитриевич Донской в нарымской ссылке... С. 212.

⁸⁰ Уразов С.П. Инициалы «Д.Д.Д.»... С. 264.

мировался в сознании парабельцев позже — по аналогии с прогревшим через полтора десятка лет «делом врачей» и другими процессами о «вредительстве».

Ещё одной «трагической деталью», столь любимыми в устном народном творчестве, стало утверждение, что этот больной умер прямо на операционном столе Д.Д. Донского. Она тоже перекечывала на страницы книг⁸¹. Но и это неправда. На самом деле, А.М. Мухачёв был прооперирован на удаление аппендицита Д.Д. Донским 6 июня и умер в больнице 10 июня.

Комиссия, производившая вскрытие трупа 11 июня, однозначной причины смерти не выявила, но уголовное дело было возбуждено. Как видно из предсмертной записки Д.Д. Донского, показания о его халатности, повлекшей смерть больного, дала сотрудница больницы Никольская. Сам обвиняемый свою вину отрицал, видя причину летального исхода в недостаточной стерилизации перевязочного материала и ослабленном состоянии организма пациента: «В делах Мухачёва я не виновен, прочтите внимательно и с доверием... мои объяснения, и вы поймёте, что перевязочный материал, который за моей спиной безобразно стерилизован, с одной стороны, и натужение ущемлением...сопротивляемость организма М[ухачёва], с другой, явились причиной катастрофы. «Халатность» — не то слово, «несчастье» надо сказать»⁸².

Оправдания Д.Д. Донского имели под собой основания, поскольку автоклав был неисправен, и стерилизация действительно проводилась некачественно. Экспертиза автоклава могла бы дать дополнительные аргументы защите обвиняемого (хотя вряд ли изменила бы результат суда), но... он исчез. И это уже позволяет предполагать фальсификацию дела Д.Д. Донского. Сам он, прекрасно понимая подоплёку событий, в том же предсмертном письме с иронией и надеждой одновременно напишет: «Ради курьёза: быть может, вам удастся расследовать, кто украл из больницы всю арматуру автоклава и так лишил меня возможности доказать, что наш автоклав был негоден к употреблению, почему можно считать, что автоклава в больнице нет».

Перипетии этого дела, имевшего трагический финал — самоубийство Д.Д. Донского, полностью изложены в его предсмертных письмах, архивных документах, «Воспоминаниях» Н.М. Донской, опубликованных в этой книге. Их отражение в народной памяти зафиксировано в публикации С.П. Уразова⁸³. Остаётся лишь кратко восстановить хронологическую канву тех дней.

⁸¹ *Загорожный А.А., Сакс Ф.Ф. Хирург А.Г. Савиных. Томск, 1996. С. 27; Бондаренко А.А., Красильников С.А. Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке... С. 212.*

⁸² *Предсмертное письмо в Парабельский народный суд. Полностью см. в подборке писем.*

⁸³ *Уразов С.П. Инициалы «Д.Д.Д.»... С. 262-265.*

В первой декаде сентября Д.Д. Донскому было вручено обвинительное заключение, суд был назначен на 13-е число. Думается, что Дмитрий Дмитриевич понимал серьёзность ситуации: он чутко следил за политическими событиями в стране, только что пережил шельмование при обсуждении вышеупомянутого закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. Не мог он не отметить и неслучайность того факта, что впервые жалоба на его врачебную деятельность имела своим следствием судебное разбирательство. Но, как деятельная, боевая и оптимистичная натура, просто так покориться судьбе он не мог.

Обращение в райком ВКП(б), секретарь которого лишь пару недель назад призывал на собрании «подкреплять нужными материалами» обвинения Д.Д. Донского, разумеется, было бесполезным. Попытки реанимировать контакты с людьми из местных органов НКВД и, напомнив им свои многолетние просоветские и прокоммунистические высказывания, свою врачебную и общественную деятельность, угрозой самоубийства получить хоть какую-то поддержку в пользу наказания принудительными работами, а не тюремным заключением, тоже натолкнулись на полное равнодушие⁸⁴. Поскольку обвинение строилось на фактах профессиональной деятельности, были предприняты попытки дать объяснения и найти поддержку в структурах здравоохранения. Но и это оказалось бесполезным: заведующий Нарымским окрздравом Н.Н. Киселёв отбыл в командировку в Новосибирск — центр Западно-Сибирского края (не по этому ли поводу?), а телефонные звонки в крайздрав никого не находили. Ситуацию и возникшее настроение Д.Д. Донской описал так: «Когда на чашку весов легла моя работа и злостная болтовня Никольской, спасающей свою шкуру, то вера была ей. Я думал отчаянно бороться, сопротивляться, я бросился от Яскеровича (секретаря Парабельского райкома ВКП(б). — Я.Я.) к Артюху (начальнику Парабельского районного отделения НКВД. — Я.Я.), от Артюха к Киселёву (заведующему Нарымским окружным отделом здравоохранения. — Я.Я.) — и везде встречал насмешку, недоверие, иронию, иногда издевательства... Моё обращение в край, где меня, как будто, знают и ценят, оказалось неудачным... Кольцо всё суживается, тупик безысходный. Три месяца я живу в этом тяжёлом состоянии, переутомлённый предыдущей непосильной работой. Нет сил убедиться, что мне не верят публично и, главное, нет никакой надежды когда-нибудь и где-нибудь добиться этого»⁸⁵.

⁸⁴ Донесение Нарымского окружного отдела НКВД от 17 сентября 1936 г. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁸⁵ Предсмертное письмо в Парабельский народный суд...

Нервозность вносило и многократное перенесение сроков суда по причине задержки в Новосибирске эксперта Н.Н. Киселёва. Наконец, был объявлен окончательный срок — 22 сентября. К этому дню в Парабель прибыли все действующие лица трагедии — судьи, адвокат, группа врачей. Был готов и главный герой, но вовсе не для той роли, что ему отвели в сценарии. Свою роль он выписал для себя сам.

Определённо, нельзя рассматривать самоубийство Д.Д. Донского только как спонтанный акт слабого и отчаявшегося человека. Конечно, перспектива очутиться в 55 лет среди уголовников в лагере страшила. К этому примешивалась и чисто человеческая обида — ведь 12 лет ссылки, заполненной самоотверженной работой по обустройству здравоохранения в крае, общественно — полезным трудом и многократно проявленной лояльностью к советской власти, по нормальной логике должны были иметь иной итог. Но всё это закалённый жизненными лишениями узник был в состоянии пережить. Не это было главным мотивом его решения. Здравомыслящий и наблюдательный, он прекрасно понимал ход разворачивавшихся в стране событий, осознавал свою дальнейшую судьбу — и не принимал её. Всегда определявший свою жизнь сам и только сам, он и на этот раз остался верным своему кредо.

Как и прежде, за размышлениями Дмитрия Дмитриевича следовало решение, за решением — действие. Оттягивание сроков суда позволило ему завершить некоторые земные дела и достойно подготовиться к последнему в своей жизни испытанию. Предвидя грядущие хлопоты, он оформил отпуск своей второй жене — медсестре Таисии Ериферьевне Ивановой, перевёл на её сберкнижку свои сбережения. В день суда 22 сентября около полудня написал 4 записки с последними приветами, объяснениями и распоряжениями — сыну, коллективу больницы, заведующему Нарымским окружным отделом здравоохранения и в Парабельский народный суд⁸⁶. По ним можно судить, что писались они не в спешке и нервозности, а спокойно и обдуманно. Предусмотрено, кажется, всё, вплоть до судьбы удочерённой девочки (вот ещё один неожиданный поворот в биографии Д.Д. Донского, требующий дальнейших архивных разысканий!). Не исключено, что вопрос об уходе из жизни обсуждался с женой — судя по его последним словам⁸⁷ и предсмертным письмам, - единственным близ-

⁸⁶ Полностью опубликованы в подборке писем.

⁸⁷ Акт состояния Д.Д. Донского от 23 сентября 1936 г. Полностью см. в подборке архивных документов.

ким человеком из парабельского окружения. Основанием для такого подозрения служат два факта. Во-первых, упорное подтверждение ею всех ложных показаний умиравшего Дмитрия Дмитриевича о неупотреблении им ядов перед консилиумом коллег во избежание насильственных мер предупреждения последними летального исхода⁸⁸. Любящая жена, к тому же — медицинский работник, вела бы себя абсолютно наоборот, если бы она заранее не подчинилась решению и воле мужа. Во-вторых, странная оговорка в предсмертном его письме в судебные органы: «Остальным имуществом, как денежным, так и вещевым, распоряжается моя жена Т.Е. Иванова... **Если она тоже погибнет вслед за мной** (выделено нам. — Я.Я.)...».

Что детально было после написания писем — знал только сам Д.Д. Донской. Доподлинно лишь известно, что он ввёл себе морфий. В записке своему непосредственному начальнику Н.Н. Киселёву он написал: «Впрыснул себе под кожу морфий». Бывшая работница больницы П.Е. Кочетова рассказала несколько иначе — укол был сделан в подъязычную железу⁸⁹.

И в выборе Д.Д. Донским способа ухода из жизни тоже видится поступок обдуманый и глубоко символический, а не просто наиболее возможный для практикующего врача. В конце концов, доступных в его положении способов самоубийства было великое множество. Столь спокойные и обстоятельные приготовления к смерти с неизбежностью влекут за собою и размышления об итогах жизни. Осознанно выбранным путём Дмитрия Дмитриевича был путь революционной деятельности, и он же был звёздным часом его судьбы. Представляется, что в своих размышлениях о смерти он не мог не думать об этом, не мог не вспомнить своих соратников, в том числе и тех, кто на общем для них пути борьбы ушёл из жизни добровольно. У народовольцев и эсеров наиболее достойной формой протеста российского революционера на каторге и в ссылке считалось самоубийство, а самой распространённой формой последнего было отравление морфием. Так покончил с собой в знак протеста против телесных наказаний политкаторжан в 1910 г. в Горно-Зерентуйской тюрьме Е.С. Сазонов (доподлинно не известно, был ли он знакомым Дмитрию Дмитриевичу, но с его невестой Е.А. Прокофьевой чета Донских была дружна). По той же причине товарищи Е.С. Сазонова по неволе, переведённые после его самоубийства в Куто-

⁸⁸ Акт состояния Д.Д. Донского от 23 сентября 1936 г...

⁸⁹ Уразов С.П. Инициалы «Д.Д.Д.»... С. 264.

минскую тюрьму, через 2 года тоже коллективно приняли яды — преимущественно опять же морфий. Попытка совместного самоотравления 14 чел. на той же Акатуйской каторге предпринималась и в 1907 г. И перечисленные случаи — далеко не единственные. Морфий стал последним оружием эсеров в отстаивании своего человеческого достоинства, своего, а не чужого права на решение собственной судьбы. И через призму этой традиции самоубийство бывшего члена ЦК Партии социалистов-революционеров Д.Д. Донского — и именно в выбранной им форме — видится не просто реакцией уставшего и испуганного человека, а последним в этой жизни протестом против насилия, единственным оставшимся способом проявить своё моральное превосходство и над палачами, и над их громко кающимися в те годы жертвами.

Полным достоинства было и его поведение после смертельного укола. Никаких истерик, никаких поздних раскаяний или попыток предотвратить роковой конец. Наоборот. Прочтите «Акт состояния Д.Д. Донского от 23 сентября 1936 г.»⁹⁰ - сколько самообладания! Какой спектакль сыграл перед коллегами умирающий человек, чтобы они не заподозрили его в отравлении и не смогли изменить избранное им решение! Если верно изречение, что о жизни человека можно судить по тому, как он умирает, то судьбу Д.Д. Донского, бесспорно, надо признать состоявшейся и достойной.

Умер Д.Д. Донской 24 сентября 1936 г. в 6 час. 35 мин.

В ноябре того же года, очевидно, через очень значимые в православной погребальной обрядности 40 дней, тоже введя себе морфий, ушла из жизни и Т.Е. Иванова. Вот когда стали понятными просьбы «поберечь Тасю» в предсмертных письмах Д.Д. Донского и, особенно, красноречивая оговорка в одном из них: «Если она тоже погибнет вслед за мной...». Неизвестно, знал ли он выявленную психологами закономерность совместного суицида в счастливых браках старшего по возрасту, творчески одарённого мужа и молодой жены (один из примеров — отравившиеся через несколько лет знаменитый писатель С. Цвейг и его супруга Лотта), но в намерения Таисьи Ериферьевны последовать за ним, похоже, был посвящён.

Закономерен вопрос: не поторопился ли Дмитрий Дмитриевич в своём решении? Не было ли других выходов из создавшейся ситуации? Как показали дальнейшие события, его анализ и прогноз собственной судьбы были точны, а принятое и исполненное решение — единственным.

⁹⁰ Полностью опубликован в подборке архивных документов.

ПАРABELЬСКИЙ

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Отдел Актов Гражданского Состояния

ПАРABELЬСКИЙ
РАЙОННЫЙ СОВЕТрайон
ПАРABELЬСКОГО КРАЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о смерти № 21Гр. ДонскойДмитрий Дмитриевич (фамилия)

(имя и отчество)

умер (ла) 24 Октября 1936

(прописью и цифрами год, число и месяц)

Земельного участка т.н. в д. Давыдовское т.н. в д. Давыдовское

в книге записей актов гражданского состояния о смерти за

числа 24 Октября м-ца произведена соответ-

ная запись

Место смерти

Род Парабельский район Парабельский уезд Земельного участкаселение Парабельский область Земельного участка

т и причина смерти

Б. М. Отравление

бюро ЗАГС

Делопроизводитель

Зак № 3633

Свидетельство о смерти Д.Д. Донского.

Дело было не в докторе Донском, а в эсере Донском; не в истинной или мнимой его вине в смерти пациента, а в социальном заказе на репрессии. В эти месяцы всех выживших видных эсеров собирали по ссылкам и, проводя через суд, определяли в тюрьмы. Например, Е.М. Тимофеев был уже арестован, а через несколько месяцев за решётку был переведён А.Р. Гоц и другие. Думается, что в любом случае приговор Д.Д. Донскому был бы обвинительным. Об этом говорит и тщательность его подготовки, и неслучайная оговорка начальника Парабельского райотдела НКВД Артюха в день по-

хорон Д.Д. Донского: «Процесс не состоялся ввиду того, что Донской, дабы не стать пред судом, где будет разоблачён в своей уголовной деятельности (выделено нами. — Я.Я.), отравился путём впрыскивания морфия...»⁹¹. Вот так: ещё до суда было ясно, что «будет разоблачён».

Ещё более красноречивы документы 1937 г., опубликованные в нашей архивной подборке. Д.Д. Донской, даже покойный уже к тому времени, конечно же, не мог быть обойдён вниманием в развернувшейся вакханалии террора. По состряпанным делам, он оказался в центре «контрреволюционных кадетско-монархической и эсеровской организаций, которые по заданиям японской разведки и зарубежной белогвардейской организации...вели активную подготовку к вооружённому выступлению против соввласти, намереваясь поднять вооружённое восстание в момент внешних осложнений»⁹². Оказывается, подходивший к своему шестому десятку лет доктор «развернул активную работу по формированию боевых повстанческих отрядов, диверсионных и террористических групп из числа враждебной части высланного в Нарым кулачества...», вербовал отставных офицеров в «повстанческую дивизию» и «занимался» другими действенными формами антисоветской деятельности... И на основании этого бреда люди шли под расстрельную статью. Для многих из соприкасавшихся с Д.Д. Донским и отмеченных в «Воспоминаниях» парабельчан тот чёрный год оказался последним в жизни, об этом говорят комментарии к мемуарам Н.М. Донской и архивным документам.

Нет ни малейшего сомнения, что живому Д.Д. Донскому была бы отведена одна из главных ролей в трагическом спектакле, развернувшемся менее чем через год после его ухода из жизни. Слишком уж он был крупной фигурой для Нарымского края, слишком уж привыкли компетентные органы за 12 лет ссылки считать его «контрреволюционным лидером». Его жизнь и неизбежный финал были predeterminedены, и всё это вершилось бы чужими руками. Он сумел победить даже в этом своём последнем бою, избавив себя от физических и моральных мук и оставшись хозяином в решении собственной судьбы.

Ещё один сюжет биографии Д.Д. Донского, требующий к себе внимания, важен для томского краеведения. До сих пор в силу всем

⁹¹ Докладная записка Парабельского районного отделения НКВД. Полностью см. в подборке архивных документов.

⁹² Обвинительное заключение по делу № 7112. Полностью см. в подборке архивных документов.

понятных причин остаётся в тени его роль в становлении здравоохранения огромного региона, называемого раньше Нарымским краем, а сейчас — Томским Севером. Его имя ни разу не упомянуто даже в наиболее полных на нынешний день исторических исследованиях на эту тему — в диссертации П.А. Бовы⁹³ и монографии его же в соавторстве с В.Ф. Олейниченко⁹⁴.

В литературе, вышедшей из-под пера профессиональных медиков, только в монографии А.А. Задорожного и Ф.Ф. Сакса удалось найти несколько строк о деятельности Д.Д. Донского на уровне народного здравоохранения: «В 1930 г. хирургический отряд А.Г. Савиных выезжал в Нарымский край, в с. Парабель, работал в течение 53 дней... С большой теплотой профессор А.Г. Савиных в своих дневниках вспоминает о первых организаторах здравоохранения Нарымского края: враче с дореволюционным стажем А.А. Кузьминском⁹⁵... и особенно о выдающемся московском хирурге Д.Д. Донском, который был сослан в Нарымский край после восстания левых эсеров в Москве. Благодаря их энергии была не только построена больница на 30 коек, но и организована значительная медицинская помощь населению обширного края. Хирург Д.Д. Донской успешно выполнял не только многие плановые типовые хирургические операции, но и осуществлял неотложную хирургическую помощь больным»⁹⁶.

Здесь есть две неточности. В Москве Д.Д. Донской официальной медицинской практикой не занимался (врачебная работа в Бутырской тюрьме — не в счёт), поэтому быть «выдающимся московским хирургом» не мог. И второе — заслуга строительства новой больницы в Парабеле принадлежит исключительно Д.Д. Донскому. Да, пионерская роль Александра Константиновича (а не «А.А.», как у А.А. Задорожного и Ф.Ф. Сакса) Кузьминского в становлении органов здравоохранения в Нарымском крае важна и бесспорна, Д.Д. Донской, как это образно говорят, «стоял на плечах своего предшественника». Но врач-ветеран скончался в 1925 г., а первые отдельные постройки больничного комплекса возникли только в 1927 г. Главный стационар и вовсе начал возводиться в 1929 г.

⁹³ Бова П.А. *История и современное состояние здравоохранения Нарымского края*. Дисс... канд. мед. наук. Томск, 1966 // Научная библиотека Сибирского государственного медицинского университета. № 207622.

⁹⁴ Бова П.А., Олейниченко В.Ф. *Очерки по истории здравоохранения Томской области*. Томск, 1986.

⁹⁵ См. о нём комментарий к «Воспоминаниям» Н.М. Донской.

⁹⁶ Задорожный А.А., Сакс Ф.Ф. *Хирург А.Г. Савиных... С. 27.*

На этом месте есть смысл немного отвлечься и выяснить отношения Д.Д. Донского и А.Г. Савиных — ведь в характеристике первого А.А. Задорожный и Ф.Ф. Сакс ссылаются на дневники второго. Этот сюжет тоже не разработан в томском краеведении.

Казалось бы, что может быть общего у ссыльного «контрреволюционера», с одной стороны, и обласканного властями лауреата Сталинской премии и депутата Верховного Совета СССР — с другой? К счастью, несмотря на старания свести все человеческие отношения к общественным и даже более — опустить их до уровня лишь классово-политических, жизненные связи были и остаются более разнообразными. У Дмитрия Дмитриевича и Андрея Григорьевича было немало общего — и в возрасте (первый был только на 7 лет старше второго), и в биографиях (оба в одно время служили в медчастях на Кавказском фронте в Первую мировую), и в образовании (закончили медицинские факультеты университетов)... Так что схожие взгляды и интересы у этих двух незаурядных людей наверняка были.

И уж никак нельзя в этом сомневаться в области их профессиональной деятельности, ведь в пору их знакомства оба работали врачами. Первая их встреча, скорее всего, произошла летом 1930 г., когда хирургический отряд А.Г. Савиных на 53 дня выезжал на работу в с. Парабель. С 1919 по 1932 г. было осуществлено семь подобных поездок по Нарымскому Приобью, и их результаты обобщены в публикации А.Г. Савиных 1933 г.⁹⁷. Д.Д. Донскому там посвящено несколько строк: «В последние годы построена довольно приличная для края больница на 25 — 30 коек (д-р Донской Д.Д.) с расчётом для оперативной работы, т.е. устроена операционная, стерилизационная, отдельно гинекологическое и родильное отделение. Оборудование больницы достаточно для того, чтобы можно было в любой момент развернуть даже сложную и большого масштаба хирургическую работу... В работу отряда влился целиком весь медперсонал больницы, состоящий из двух врачей (Донской Д.Д. и Григорьева А.А.) и 4 средних медработников». Сказано, вроде бы, немного. Но с учётом того, что в публикации больше нет ни слова ни об одном другом местном медицинском работнике, с которыми приходилось сталкиваться уже тогда именитому хирургу, становится понятным его особое внимание к парабельскому коллеге.

Сам Д.Д. Донской сотрудничество с А.Г. Савиных в письме жене описал так: «Лето я провёл очень интересно. Был хирургический

⁹⁷ Савиных А.Г. Опыт работы и организации хирургической помощи на севере реки Оби...

отряд; оперировали и специалисты уха, горла, нос[а] и вообще. Я сначала ассистировал, потом мне ассистировали. Работали полным ходом... Такой интенсивной работы, пожалуй, я в своей жизни не помню. Больница с честью выдержала экзамен и испытание, и приезжие гастролёры рассыпались в комплиментах. И ни одному из многих тысяч съехавшихся больных ни в чём не отказали...»⁹⁸. Есть упоминание об этой работе и в публикуемой статье Д.Д. Донского «Восемь лет из жизни врачебного участка в Нарымском крае (1924 – 1932 гг.)».

Очевидно, и профессиональный уровень Д.Д. Донского, и сложившиеся у него с А.Г. Савиных отношения через год послужили основанием для приглашения его поработать в составе очередного выездного отряда, на этот раз – в Каргаске. Дмитрий Дмитриевич написал тогда супруге: «Сейчас нахожусь накануне отпуска и очень в нём нуждаюсь. Выезжать куда-либо в город не придётся, так как это, по слухам, сейчас очень накладно, а во-вторых, по соседству приехал опять хирург проф[ессор] Савиных и уже закидывает удочку, чтобы я на время отпуска поехал к нему помогать в работе. Признаться, мне это улыбается, и, если официально позовут, то я упираться не буду»⁹⁹. Очевидно, Д.Д. Донскому не удалось осуществить это намерение из-за своего статуса ссыльного и соответствующего ограничения на право передвижения, не случайна ведь оговорка «если официально позовут».

Думается, что свет на взаимоотношения этих людей могли бы пролить дневниковые записи А.Г. Савиных, на которые указывают в вышеприведённой цитате А.А. Задорожный и Ф.Ф. Сакс. Но увы... В архиве прославленного хирурга, с которым эти авторы работали и который ныне хранится у его дочери О.А. Осиповой, ни письменных материалов, ни фотографий той поры мне найти не удалось. Хотя скрупулёзность Андрея Григорьевича и его сохранившиеся многолетние дневники склоняют к мысли, что такие записи могли существовать. Фотографирование же во время той парабельской поездки подтверждают два факта. Во-первых, сохранившийся в семье А.Г. Савиных стеклянный негатив участников медицинского отряда (без Д.Д. Донского), опубликованный 66 лет спустя в краеведческой сборнике «Земля парабельская»¹⁰⁰. Во-вторых, 3 фотогра-

⁹⁸ Письмо от 15. IX. 1930 г. Полностью см. в подборке писем.

⁹⁹ Письмо от 5. IX. 1931 г. Полностью см. в подборке писем.

¹⁰⁰ Савиных А.Г. Опыт работы и организации хирургической помощи на севере реки Оби в остяко-самоедско-тунгусских районах (фрагм.) // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 223.

фии, на двух из которых присутствует Д.Д. Донской, воспроизведены в указанной публикации профессора 1933 г.¹⁰¹. На одном из снимков они сняты вместе.

Вполне возможно, что все документы, связанные с Д.Д. Донским, были уничтожены А.Г. Савиных в недобром 1937-м, когда НКВД фабриковал уже упоминавшееся выше громкое дело о «контрреволюционной кадетско-монархической и эсеровской организации» в Нарымском крае и центральном участии в ней Дмитрия Дмитриевича. Понятно, что в тех условиях беспредела каждый документ, подтверждающий знакомство с опальным эсером, мог быть смертным приговором его владельцу. Тем более, как рассказала О.А. Осипова, попытка ареста А.Г. Савиных предпринималась. Лишь ошибка в оформлении ордера вынудила тогда нагрянувших поздно вечером энкавэдэшников уйти восвояси с обещанием прийти «завтра утром». Много бумаг могло сгореть в ту тягостную ночь. Думается, что и единственный на сегодняшний день негатив парабельской поездки Андрея Григорьевича уцелел лишь потому, что в группе запечатлённых на нём людей Д.Д. Донской отсутствует.

Кстати, именно фотографии подтверждают факт их контактов помимо общей работы в Парабели в 1930 г.: снимки в публикации А.Г. Савиных и оттиски, высланные Д.Д. Донским жене и сыну, отпечатаны с одних негативов.

Их близкие отношения отражены и в двух устных преданиях.

Первое из них поведала Ольга Андреевна Осипова, кстати, сама ещё ребёнком в 1930 г. участвовавшая в той поездке отца в Парабель. Она рассказала, что оба медика относились друг к другу с обоюдной симпатией и уважением. В доме Савиных несколько десятилетий бережно хранился стетоскоп из слоновой кости, подаренный Андрею Григорьевичу Дмитрием Дмитриевичем.

Вторая история, рассказанная Александром Антоновичем Задорожным — одним из авторов книги о А.Г. Савиных, тоже подтверждает неформальные отношения этих людей. Однажды, когда они после бани находились в расслабленном состоянии и благодушном настроении, к ним подошёл местный житель и с благодарностью за полученное лечение протянул приезжему хирургу нехитрое угощение — то ли рыбину, то ли горшочек масла... Андрей Григорьевич, не выносивший подношений, мгновенно взъярился и начал стыдить парабельца с позиций городского врача времён построе-

¹⁰¹ Савиных А.Г. Опыт работы и организации хирургической помощи на севере реки Оби в остяко-самоедско-тунгусских районах // Труды Томского мед. ин-та. Томск, 1933. Вып. 1-3. С. 272-273 (рис. 8-10).

ния социализма. В разговор вмешался Д.Д. Донской и мягко, но настойчиво стал объяснять гостю искренность односельчанина и ответственность его поступка нормам деревенской этики. Дело кончилось миром — подарок был принят. Это очень напоминает эпизод, описанный в «Воспоминаниях» Н.М. Донской: реакция Дмитрия Дмитриевича на первый его «парабельский гонорар» была столь же негодующей. Однако годы в Нарымском крае отучили его от некоторого городского снобизма, убедили в нравственности правил общежития той среды, где он оказался.

И, наконец, документальным подтверждением их довольно тесного и неформального общения может служить спецдонесение сибирских чекистов в Москву от 1932 г.: «14 октября с.г. из Каргаска на пароходе «Карл Либкнехт» возвращался профессор Томского мединститута САВИНЫХ. Во время остановки парохода у пристани Парабель к САВИНЫХ в каюту приходил [Д.Д. Донской]. Спустя некоторое время из каюты стали слышны громкие разговоры, особенно [Д.Д. Донского], который произнёс тост профессору САВИНЫХ, восхваляя его как знаменитого хирурга, даровитого и умного человека»¹⁰².

Пора, однако, вернуться к врачебной деятельности Д.Д. Донского в Нарымском крае. Ко времени его появления здесь ситуация с медицинским обслуживанием была очень тяжёлой, хотя уже и начала несколько стабилизироваться. Главной проблемой был дефицит кадров. В 1921 г. во всём Нарымском крае оставался единственный врач — А.К. Кузьминский¹⁰³. В 1923 г. врачей было уже пятеро, но для территории в 264000 кв. км¹⁰⁴ это было каплей в море. Заведующий районным отделом здравоохранения В.А. Костерин на уездном съезде советов 23 февраля того года вынужден был признать: «Если положение не улучшится, то Нарымский край может остаться без медперсонала»¹⁰⁵. Накануне приезда Д.Д. Донского, 1 марта 1924 г., в Нарымском крае работало всего 4 врача, 9 лекпомов, 2 акушерки и 1 оспопрививатель. На одного врача приходилось 6000 чел. населения и около 60 000 кв. км территории. К 1928 г. в округе насчитывалось 8 врачей, к 1930 г. — 21.

Поэтому нет ничего удивительного в столь огромном объёме работ, который сразу же начал выполнять Д.Д. Донской. Здесь нет необходимости приводить медстатистику — эти цифры обильно рассыпаны по всему содержанию книги: и в «Воспоминаниях» его жены, и в его специальной статье и письмах, и в архивных доку-

¹⁰² Спецдонесение по делу члена ЦК ПСР...

¹⁰³ Статистика медперсонала дана по: Бова П.А. История и современное состояние здравоохранения Нарымского края. Дисс.... канд. мед. наук... С. 176, 198, 273.

¹⁰⁴ Сенников В.А. Нарым. Новосибирск, 1939. С. 3.

¹⁰⁵ Цит. по: Бова П.А. История и современное состояние здравоохранения Нарымского края. Дисс... канд. мед. наук... С. 176.

ментах. Отметим лишь, что показатели просто потрясающие, и только практикующие врачи могут в полной мере оценить, что значит принимать в среднем 70 чел. в день. И так — не день, не неделю, а 12 лет и почти без перерывов! При этом часть пациентов обслуживалась на дому, а это значит, доктору приходилось пешком, на лошади, в лодке преодолевать огромные пространства. Ведь, судя по документам, его пациентами были жители и обских деревень, и парабельских, и тымских. Д.Д. Донской-младший в одном из писем писал: «Его Карьку, который бешено обгонял любого хоть в санях, хоть в телеге, знали на всех дорогах за сотни вёрст, и задние обозники кричали передним: «Обоз, стой! Пропустите доктора!»».

Уже только лечебная деятельность оставила бы имя Д.Д. Донского в памяти нарымчан и на скрижалях сибирской истории, но ему удалось большее. Памятником его трудам стала новая больница в Парабели — долгое время лучшая и самая крупная в округе (за исключением Колпашевской, но та имела статус окружной).

Не хочется занимать внимание читателя перечнем свершений Д.Д. Донского на этом трудном пути созидания, тем более он сам хорошо описал это в публикуемой далее статье «Восемь лет из жизни врачебного участка в Нарымском крае (1924 — 1932 гг.)». Но трудно преодолеть соблазн и не сравнить только две даты — год приезда и год смерти Дмитрия Дмитриевича.

Итак. 1924 г. — только что открытый Парабельский врачебный участок представляет собой две постройки из 5 комнат, частью занятых домашним скотом и птицей, 5 человек штата и сваленное в сарае больничное хозяйство из полуразбитого инвентаря, посуды и одежды из марли.

1936 г. — новый Парабельский больничный комплекс состоит из амбулатории, лаборатории, больницы (с операционным, родильным, гинекологическим, инфекционным отделениями, солярием, дезокамерой, моргом). Сюда же входит огромный хозяйственный блок из кухни, прачечной, жилых построек для персонала, скотофермы, свинарника, продовольственных складов, огородов, покосных угодий и т.д. Всё снабжено необходимым оборудованием и исправным инвентарём. Через руки Д.Д. Донского и его коллег ежегодно проходит до 30000 пациентов из числа жителей всех северных районов Нарымского округа. В районе уже с 1932 г. действуют 5 больниц на 125 коек, 10-12 фельдшерских пунктов, 14 яслей и 6 детских площадок. Все они укомплектованы средним и младшим медперсоналом, в значительной своей части подготовленным из числа местных жителей Д.Д. Донским. Помимо лечебной работы, в районе впервые и в значительных масштабах проводится санитарно-профилактическая и просветительская деятельность.

Между этими двумя датами — 12 лет истинно подвижнического труда Д.Д. Донского. Он был главным мотором этих преобразований. Это он использовал своё личное знакомство с наркомом здравоохранения Н.А. Семашко для ходатайства о получении Парабельским райисполкомом ссуды на строительство больницы¹⁰⁶. Это он, в ущерб личной безопасности, нарушал отношения с местными чиновниками и убеждал, уговаривал и угрожал, чтобы получить финансирование на стройку от райисполкома, сельсоветов, переселенческого управления, общественных, торговых и кооперативных организаций. Это он, по его же собственному выражению, «облизывал и выпестовывал свою больницу»¹⁰⁷.

Именно она, больница, стала главным делом последних его 12 лет. Закрадывается мысль, что свою деятельность на поприще нарымского здравоохранения он со временем стал считать вообще главным достижением всей своей жизни. К этому склоняет содержание его предсмертных писем, в которых, как представляется, человек всё-таки волей или неволей подводит какой-то жизненный итог. Так вот, в них, помимо просьб и распоряжений личного характера, нет ничего из бурной и насыщенной общественной жизни Дмитрия Дмитриевича — только больница. «Берегите больницу. Не разбегайтесь», - наказывает он коллегам¹⁰⁸. «Поберегите больницу от развала», - просит он начальство¹⁰⁹. «Всю библиотеку, инструментарий, микроскоп и проч[ее] медицинское имущество передаю больнице, которую умоляю беречь от развала... Да, ещё остался жеребёнок (гнедой) и белая лодка — оба мои, включите их в инвентарь больницы!», - высказывает он последнюю волю судебным инстанциям¹¹⁰.

Мотором такой фанатичной, самоотверженной деятельности Д.Д. Донского была неуёмность и энергичность его натуры, помноженная на умение и привычку трудиться. Человек масштабных дел, ареной деятельности которого была вся страна, волею судеб оказался вдруг запертым в глухом таёжном селе в несколько десятков домов и ограниченным в приложении своих сил только медицинской сферой. Разумеется, он страдал от этого. Редкое его письмо не несёт слов сожаления о своей оторванности от больших дел, о не-

¹⁰⁶ Письмо от 2. I. 1926 г. Полностью см. в подборке писем.

¹⁰⁷ Письмо от 18. VII. 1931 г. Полностью см. в подборке писем.

¹⁰⁸ Предсмертное письмо персоналу Парабельской больницы (кроме Никольской). Полностью см. в подборке писем.

¹⁰⁹ Предсмертное письмо окрздраву Киселёву Н.Н. Полностью см. в подборке писем.

¹¹⁰ Предсмертное письмо в Парабельский народный суд...

возможности более масштабной самореализации. Вот лишь несколько его горьких сетований: «Нельзя въестся в действительность всеми уцелевшими зубами»¹¹¹; «...Если бы была возможность, то я три дня в неделю проводил бы вне больницы и не в выслушивании и прописывании рецептов, а в беседах, санобработке и проч. Но увы, для меня эти возможности очень ограничены по разным причинам... Сейчас работать можно и должно..., но не в таких глухих и захолустных дырах и не в моей шкуре»¹¹²; «Ну, довольно обо всех этих горячих и живых вопросах, которые, увы, для меня остаются так далеки от окружающей действительности»¹¹³; «...Существованием вне жизни, вне людского общества, вне «бытия, которое определяет сознание»¹¹⁴.

Единственное, что осталось в жизни такой общественной личности, как Д.Д. Донской, - его медицинская деятельность. Это тоже с грустью постоянно подчёркивается в его письмах: «А работа — это вся моя жизнь. Ведь другого ничего нет»¹¹⁵; «А кроме того, родная, ведь это единственное, чем я живу эти годы»¹¹⁶. Но сложивша-

Строительство нового стационара больницы в Парабели. Ок. 1929-1930 гг. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

¹¹¹ Письмо от 18. VII. 1931 г...

¹¹² Письмо от 23-27. II. 1931 г...

¹¹³ Письмо от 27. II. 1931 г. Полностью см. в подборке писем.

¹¹⁴ Письмо от 17. IX. 1933 г. Полностью см. в подборке писем.

¹¹⁵ Письмо от 1. VII. 1934 г. Полностью см. в подборке писем.

¹¹⁶ Письмо от 13. I. 1936 г...

яся ситуация имела своим следствием и положительный момент: вся нерастратенная энергия, всё стремление к самореализации были направлены только в одну сторону — и это не могло не привести к столь значимым результатам.

Была и другая причина энергичной медицинской деятельности Д.Д. Донского.

Почему он, пожалуй, единственный из прошедших процесс 1922 г., после тюремного заключения ни разу не переменял место ссылки, в то время как другие бесконечно перемещались по стране, неся при этом материальные, моральные, а то и физические издержки? Об одной из причин — демонстрируемой лояльности советской власти — речь уже шла. Но имелись и другие. И немаловажной среди них была острая нужда в местах нового его пребывания в его профессиональных качествах медика, особенно в первые годы. Статистика на этот счёт уже приводилась.

Местные партийные органы с первого же дня развернули травлю Д.Д. Донского и других врачей из числа ссыльных, хотя именно последние в 1920-х гг. начали формировать медицинские кадры и

Коллектив Парабельской больницы. Третий слева в верхнем ряду — заведующий Д.Д. Донской, четвертая слева в среднем ряду — медсестра Т.Е. Иванова, четвертая слева в нижнем ряду — врач Э.М. Качанова. Ок. 1930 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

обустроить здравоохранение в Нарымском крае. В феврале 1925 г. Д.Д. Донской, успев за полгода создать врачебный участок, валился с ног от наплыва больных, наконец-то получивших доступ к врачебной помощи. А секретарь Нарымского уездного комитета РКП(б) Рябов депешами по инстанции уже спешил избавиться от него: «...С увеличением ссыльных начинает расти и их активность, и, что печальнее всего, их усилие направляется на разложение наших партийных и комсомольских товарищей и срыв нашей совместной работы... Ведётся эсеро-меньшевистская работа в Парабели, часть[ю] и в Колпашево, но главным центром [является] Парабель с Донским, там сейчас штаб. Губкому придётся поставить вопрос перед ЦК о снятии Донского и других ссыльных врачей с работы, иначе им представляется широкое поле деятельности работы среди крестьянства...»¹¹⁷.

И партийные, и государственные, и карательные структуры рады были бы убрать Д.Д. Донского из Парабели, да нечем было его заменить на посту доктора и заведующего больницей. Органы здравоохранения, радуясь энергичности и деловитости нечаянно приобретённой штатной единицы, не лезли на рожон в спорах с партийной властью, но и не «копали» под своего работника, нередко выдавали ему лестные устные и письменные отзывы¹¹⁸. Это, однако, не останавливало местных коммунистов, предпочитавших, очевидно, болеть, чем лечиться у «классово чуждого» доктора. Райкомовские работники выражались конкретно и грамотно: «...В районе Парабель существует больница при ссыльном враче Донском, который, несмотря на обещания как со стороны самого окружкома, а также тов. Ширшова из окрздрави и ГПУ, до сих пор остаётся в больнице»¹¹⁹. Рядовые коммунисты «сигнализировали наверх» без изысков в выражениях: «Что же преследует в этих отношениях Донской?... Он создаёт мнение масс, что он не признаёт никого, и что хочет, то и делает, прикрываясь специальностью. Но в чём же дело? Долго мы будем терпеть такие гнусности и долго ли будет эта сволочь портить нашу кровь? По-моему, дело за окрздравом. Если он нам пришлёт врача, то мы через комфракцию выгоним [Донского] со службы, и этим самым дадим ему почувствовать, что он находит-

¹¹⁷ Товарищеское письмо секретарю Томского губкома т. Калашникову...

¹¹⁸ Протокол № 7 совещания секретарей райкомов Нарымского уезда от 2 января 1925 года; Мнение о Парабельском врачебном участке. Полностью см. в подборке архивных документов.

¹¹⁹ Закрытое письмо Парабельского районного комитета ВКП(б)...

ся в ссылке. А поэтому просьба в окружном воздействовать на окр-здрав о посылке нам врача»¹²⁰.

Д.Д. Донской видел эту возню и прекрасно понимал, что его относительное благополучие, даже в положении ссыльного, напрямую зависит от деятельности на медицинском поприще в крае. Отсюда его несколько ревнивое отношение к мнению окружающих о своей роли в Парабельской больнице и намеренное её подчёркивание в разговорах и письмах. Свои чаяния работой облегчить своё положение Д.Д. Донской в одном из последних писем изложил так: «12 лет тому назад я приехал в Парабель с твёрдым намерением работать, не покладая рук, и своей работой искупить хоть отчасти то, что при моём участии было сделано против революции. Я тешил себя надеждой, что работой своей и тем, что я создал на пустом месте, я приобрету доверие и партии, и правительства и смою с себя позорное клеймо контрреволюционера»¹²¹.

Каковы бы ни были мотивы и причины многотрудной деятельности Д.Д. Донского по становлению здравоохранения в Нарымском крае, сегодня очевидна его огромная и пионерская роль в этом деле. Он, пожалуй, единственный из сотен нарымских политссыльных — и царской поры, и советской, — кто сумел время ссылки не потратить на бездействие и пустопорожнюю политическую болтовню, а наполнить созидательной деятельностью на благо этого края. Одно это, не будь у него в жизни других заслуг, обеспечило б ему своё место в сибирской истории.

Последний необходимый сюжет в повествовании о Д.Д. Донском, его жизни и его эпохе — небольшой рассказ о его жене Надежде Михайловне Донской, авторе «Воспоминаний». Он тем более необходим, поскольку главным героем своих мемуаров она сделала мужа, сама скромно оставшись в тени. Это несправедливо, ибо в значительной мере Дмитрий Дмитриевич стал тем, кем он стал, и сделал столько, сколько он сделал, благодаря долгой и неустанной поддержке Надежды Михайловны.

Родилась она 12 (25) сентября 1885 г. в Москве. Девичья фамилия — Филипченко. Родословная этой семьи и в восходящих, и в нисходящих коленах заполнена, может быть, и не столь громкими, но достаточно известными именами людей, сделавших целью своей жизни служение отечеству. Хотя бы краткие их биографии нужны здесь ещё и для облегчения восприятия записок Н.М. Донской, на страницах которых многие из них упоминаются.

¹²⁰ Жалоба коммуниста Олейникова...

¹²¹ Предсмертное письмо в Парабельский народный суд...

Отец — Филипченко Михаил Ефимович (1849 — 1908) — являлся одним из авторов системы свекловичного сахароварения, был награждён медалью за выдающиеся научные труды по сельскому хозяйству. Его отец, дед Надежды Михайловны, — Ефим Иванович Филипченко (1805-1861) — вёл свой род от запорожских казаков, был соучеником Н.В. Гоголя по «Гимназии высших наук» в Нежине, служил младшим лекарем Аракчеевского кадетского корпуса. Бабушка по линии отца — Елена Николаевна Божерянова — имела своими родителями переводчика Коллегии иностранных дел молдаванина Николая Константиновича Божерянова (1775 — 1818) и шведку Мари Сулин Сведеборг (ум. в 1815 г.).

Мать — Филипченко Людмила Фёдоровна, урождённая Кистьяковская (1863 — 1934) — была по образованию математиком, закончила вольнослушательницей Киевский университет. До революции занималась общественной деятельностью в области женского сельскохозяйственного образования. Её отец — Фёдор Фёдорович Кистьяковский — был популярным в Киеве врачом и в то же время являлся членом «Земли и воли», распространителем прокламации «Великорус». Через него Людмила Фёдоровна была двоюродной сестрой известного физико-химика, академика АН СССР Владимира Александровича Кистьяковского (1865 — 1952)¹²², а через свою

Семья Филипченко: Елена, Людмила Фёдоровна, Екатерина, Надежда (слева направо). Оз. Штарсберг около Мюнхена. 1912 г. Из домашнего архива А.А. Русаковой.

¹²² Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 589, стб. 1.

Е.М. Филипченко и А.Б. Ельяшевич в Германии. Ок. 1908 г. Из домашнего архива А.А. Русаковой.

мать — Варвару Васильевну Бугаеву — двоюродной сестрой знаменитого писателя-символиста Бориса Николаевича Бугаева (Андрея Белого) (1880 — 1934)¹²³. В близких родственных отношениях находилась она и с селекционером Львом Платоновичем Симиренко, автором сорта «Ранет Симиренко».

В семье Филипченко было трое дочерей. Старшая — Надежда Михайловна.

Средней из сестёр была Екатерина Михайловна (1887 — 1942). Она вышла замуж за Александра Борисовича Ельяшевича, ставшего позже видным политическим деятелем и профессором экономики. Как и Д.Д. Донской он был избран в члены ЦК ПСР на IV съезде (26 ноября — 5 декабря 1917 г.)¹²⁴. Вместе с мужем Екатерина Михайловна получила образование в Германии (в 1913 г. закончила Тюбингенский университет с защитой докторской диссертации), работала экономистом. Погибла она в 1942 г. в блокадном Ленинграде. Их сын, который часто упоминается в «Воспоминаниях», — Михаил Александрович Ельяшевич (1908 — 1996) — был выдающимся физиком-теоретиком, автором трудов по атомной и молекулярной спектроскопии. С 1956 г. являлся академиком Белорусской ССР. В 1949 и 1950 гг. — лауреат Сталинской (Государственной) премии;

¹²³ Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 127, стб. 2.

¹²⁴ См. о нём комментарии к «Воспоминаниям» Н.М. Донской.

Семья Ельяшевич. Верхний ряд: Михаил, Александр Борисович; нижний ряд: Екатерина Михайловна, Алла. г. Ленинград. Ок. 1926 г. Из домашнего архива А.А. Русаковой.

в 1966 г. — лауреат Ленинской премии¹²⁵. Дочь — Алла Александровна Ельяшевич, в замужестве Русакова (род. в 1923 г.) — доктор искусствоведения, проживает в г. Санкт-Петербурге.

Младшая сестра - Елена Михайловна Филипченко-Моренец (1891 — 1978) — была по образованию медиком. В студенчестве — ок. 1922 — 1924 гг. — по так называемому «делу старост» арестовывалась и высылалась в Холмогоры. Позже занималась исключительно медицинским делом: была учеником и ассистентом известного клинициста, академика АМН Г.Ф. Ланга¹²⁶, одним из организаторов службы скорой помощи в г. Ленинграде. Кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР, орденоседец, участник Великой Отечественной войны. Двенадцать лет работала главным терапевтом г. Ленинграда.

¹²⁵ Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 432, стб. 3.

¹²⁶ См. о нём примечание к письму Д.Д. Донского от 13.01.1936.

В контексте жизни и «Воспоминаний» Н.М. Донской интересны ещё персоналии двух её двоюродных братьев.

Александр Александрович Филипченко (1883 — 1937[?]) занимался активной революционной деятельностью, провёл 4 года на каторге, откуда бежал за границу. Закончил медицинский факультет в Италии, стал крупным микробиологом, специалистом по крови. Работал в Институте Пастера в Ленинграде. Был женат на Анне Васильевне Сухомлиной — дочери видного народовольца. Оба они — и зять, и тесть — были арестованы в чёрном 1937-м и погибли.

Его родной брат Юрий Александрович Филипченко (1882 — 1930) по молодости тоже не чурался революционной борьбы. Поэтому позже постоянно находился в поле зрения ВЧК — ОГПУ: в 1919 г. привлекался к следствию по обвинению в принадлежности к Партии социалистов-революционеров, в 1925 г. ленинградские чекисты сообщали своим томским коллегам, что по той же самой причине они держат его на учёте¹²⁷. Однако после октября 1917 г.

Александр Александрович Филипченко, Александр Борисович Ельяшевич, Надежда Михайловна Донская, Екатерина Михайловна Ельяшевич (верхний ряд); Дмитрий Дмитриевич Донской, Елена Михайловна Филипченко, Юрий Александрович Филипченко (нижний ряд). Г. Мюнхен. Ок. 1911 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

¹²⁷ Доклад Томского губотдела ОГПУ [о] деятельности политагмссыльного члена ЦК ПСР Донского Д.Д. за июнь месяц 1925 г. См. в подборке архивных документов.

все свои усилия он сосредоточил на научном поприще, заняв в 1919 г. профессорскую кафедру Петроградского университета. Как указывают советские энциклопедии, является автором «трудов по наследственности человека, генетическим основам селекции, проблемам эволюции. Пионер применения вариационной статистики в биологии»¹²⁸.

Уже из этих кратких биографических описаний можно заметить, что род Филипченко отличался тягой к творческой жизни и революционной деятельности. Причём последняя имела чётко выраженную народническую и социал-революционную ориентацию. Интересно, что даже замужем две из трёх сестёр Филипченко оказались за членами ЦК ПСР!

Оба этих стремления — к творчеству и революции — вобрала в себя и юная Надежда Михайловна. Сразу же после окончания в 1902 г. 8 классов Литейной гимназии в Петербурге, куда к тому времени переехала семья, и поступления на Высшие (Бестужевские) женские курсы, она начала читать подпольную революционную литературу, приступила к общественной работе в столовой для детей рабочих за Невской заставой. В 1904 г. она уже в качестве пропагандиста Партии социалистов-революционеров вела занятия в нелегальных рабочих кружках, а в 1905 г. участвовала в революционных событиях в столице, за что в декабре была арестована и только через 3 мес. пребывания в пересыльной тюрьме выпущена под залог. Это испытание не остудило пыла молодой революционерки, и сразу же после освобождения она вернулась к агитационной работе, на этот раз — среди курсисток и молодых членов партии. В январе 1907 г. она познакомилась с находившимся в столице на нелегальном положении Д.Д. Донским и начала вместе с ним заниматься революционной пропагандой среди железнодорожных телеграфистов.

Возможно, одновременно с этим молодая эсерка имела какое-то отношение и к Боевой организации партии. Сама она об этом говорит вскользь, но сам факт привлечения её к суду именно по делу о подготовке покушений на императора Николая II, главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича и премьер-министра П.А. Столыпина говорит сам за себя. Столь высокие имена, в том числе и самого российского самодержца, сделали процесс очень громким.

Из задуманного боевики группы Б.Н. Никитенко, входившей, по словам Б.В. Савинкова, в петербургский «летучий боевой отряд

¹²⁸ Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 1425, стб. 1.

Северной области» под руководством Л.И. Зильберберга¹²⁹, лишь попытались предпринять теракт против великого князя. По одним данным, 13 февраля 1907 г. под его поезд на путь Царскосельской железной дороги был подложен разрывной снаряд, но неудачно. По другим — исполнитель был замечен охранным отделением ещё на вокзале. В любом случае эта попытка не была осуществлена. Но разоблачила заговорщиков, и уже 31 марта начались аресты участников группы и следствие. Н.М. Филипченко занималась революционной пропагандой среди телеграфистов как раз на Царскосельской железной дороге, поэтому быстро попала в поле зрения охранного отделения.

К делу было привлечено 18 чел. Ещё трое из фигурантов следствия, в том числе и Н.М. Филипченко, сумели скрыться. В публикации К. Маркелова 1925 г., знакомого со следственными документами и бывшего очевидцем процесса, об этом сказано так: «...Была установлена связь... (готовивших покушение. — Я.Я.) со слушательницами высших женских курсов... Надеждой Филипченко»¹³⁰.

Закрытый судебный процесс Петербургского военно-полевого суда проходил 7 — 15 августа 1907 г. Подсудимые были разбиты на 3 группы. В первую — «организаторы» — входило 5 чел.: Б.Н. Никитенко, Б.С. Синявский (К.М. Пуркин), В.А. Наумов, М.А. Прокофьева (с ней семья Донских поддерживала впоследствии дружеские отношения в эмиграции) и А.С. Пигит. Трое первых обвиняемых были приговорены к смертной казни через повешение. Центральный комитет и фракция ПСР в Государственной думе официально заявили о непричастности к этой акции и отреклись от террористов (ситуация очень напоминает 1918-1922 гг., когда при покушении — и опять на главу государства — верхушка Партии социалистов-революционеров вновь публично отказалась от боевиков). Позже, по данным уже советских историков, участие ЦК партии в деле о покушении на цареубийство было доказано.

Но Надежда Михайловна уже в начале апреле 1907 г. оказалась в Мюнхене. И только через 7 лет вернулась в Россию. Период эмиграции, особенно в сравнении с последующей жизнью, наполненной ссылками, арестами, короткими тюремными свиданиями с мужем, беспределом 1930-х, великой войной и эвакуацией, был, наверное, самым счастливым в её жизни. Молодость, беспечность, любимые ею танцы, жизнь в Европе, замужество, рождение пер-

¹²⁹ Савинков Б.В. *Воспоминания террориста*. М.: Мысль, 1991. С. 303, 304.

¹³⁰ Маркелов К. *Покушение на цареубийство в 1907 г. // Былое*. 1925. № 3. С. 139.

венца — всё было тогда. И неудивительно, что этим годам уделено так много внимания в её «Воспоминаниях».

Нет смысла повторять сказанное ею. Стоит лишь обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, на то большое влияние, которое Надежда Михайловна оказала на формирование художественного кругозора и вкуса своего супруга. Одарённая от природы, она всю свою жизнь живо интересовалась искусством, в Мюнхене училась в художественной школе, брала частные уроки чеканки, дизайна, много читала. Даже из Парабели она просила сына выслать оставшиеся в Москве её книги по истории искусства на немецком языке¹³¹. Не исключено, что при ином раскладе судьбы её врождённые качества и устремления могли бы сформироваться в законченную фигуру незаурядного художника. Надо думать, два десятка лет рядом с человеком, тонко понимающим и ценящим искусство, не могли пройти для Д.Д. Донского бесследно. Сколько ему дало хотя бы предпринятое по настоянию молодой жены свадебное путешествие по Италии!

Второе, что сразу бросается в глаза при чтении «Воспоминаний», это чувство искренней любви и уважения автора к герою повествования, своему мужу. Уже отсюда — и твёрдость духа, и высокая жертвенность. Все годы она была опорой и поддержкой любимому человеку. Уступая его просьбе, она — молодая мать — позволяет спрятать приготовленный для теракта динамит рядом со своим только что родившимся ребёнком. А потом, не желая подвергать опасности мужа, сама уносит ставшую ненужной взрывчатку и топит в реке. Несколько раз она спасала его от смерти в самом прямом смысле слова — когда он отравился грибами в Генуе, когда умирал от заражения крови в Тобольске. Но и не в столь экстремальных случаях она была первой, а нередко и единственной, кто спасал Дмитрия Дмитриевича на его полном превратностей жизненном пути. Она обивает с прошениями пороги высоких кабинетов, поддерживает его на тюремных свиданиях, добровольно следует за ним в две ссылки... Она — ангел-хранитель и вполне земная женщина — делает всё, чтобы облегчить физические и моральные страдания любимого человека. Желая развеять безысходность парабельской ссылки и вдохнуть новые жизненные силы в мужа, она даже решает родить ещё одного ребёнка, и только неудачная беременность мешает ей сделать это.

¹³¹ Письмо от 10. XI. 1926 г. Архив УФСБ по Томской области.

Жертвенная любовь сохранилась и позже — даже после семейного разрыва. Это она позволила Надежде Михайловне не уронить своё достоинство, когда в жизнь её мужа вошла другая женщина, и поступить по высшей мерке духовности. В таких ситуациях нормой этики в семьях, где оба супруга были революционерами, был уход жены. Н.К. Крупская предлагала В.И. Ленину расстаться, узнав об его увлечении И. Арманд. То же самое сделала Н. Седова после вскрывшейся связи своего мужа Л.Д. Троцкого с женой мексиканского художника Д. Риверы. Схожая ситуация была в семье лидера эсеров и многолетнего знакомого Донских В.М. Чернова. Взаимное уважение в этих случаях считалось более самоценным, нежели семейная жизнь. Надежда Михайловна не отказала оставшемуся в ссылке супругу в духовной опеке и поддержке и после расставания, порукой чему — его доверительные и тёплые письма, публикуемые в этой книге.

После описанных в «Воспоминаниях» событий, то есть после отъезда в 1928 г. из Парабели в Ленинград, Н.М. Донская работала научным библиографом Ленинградском областном доме работни-

Е.М. Филипченко-Моренец, Н.М. Донская, А.Б. Ельяшевич (слева направо).
Москва. Июль 1966 г. Из домашнего архива А.А. Русаковой.

ков просвещения и в библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В 1937 г. она переехала к сыну в Харьков, где стала работать в научной библиотеке местного университета. Вместе с ней военные 1941 — 1944 гг. провела в эвакуации в г. Кзыл-Орде, где работала преподавателем немецкого языка в Объединённом украинском университете и госпиталях. Была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.». На пенсию вышла с должности главного библиотекаря Харьковского госуниверситета в 1946 г. и сразу же переехала к сыну в г. Москву, где и проживала до 1974 г.

Её и Дмитрия Дмитриевича Донского сын при рождении 28 ноября 1910 г. тоже был наречён Дмитрием. После окончания в 1926 г. средней школы в г. Москве и в 1932 г. Первого Ленинградского медицинского института начал работу в Институте курортологии в г. Москве. В 1934 г. переехал в Харьков и трудился сначала в Украинском НИИ физической культуры, а затем заведовал кафедрой анатомии Государственного института физической культуры Украины. С первых дней научно-практической деятельности и до сегодняшнего дня область интересов Д.Д. Донского — движение в спорте. Разрабатывал первые в стране программы по биомеханике, которые со временем легли в основу пособий и учебников. С 1936 г. изучал, преподавал и пропагандировал горно-лыжную технику, технику лыжных гонок. В должности председателя Горной секции Украины участвовал в организации первых в стране альпинистских лагерей, научно разрабатывал вопросы физической подготовки альпинистов, теорию их спортивной тренировки. Великую Отечественную войну прошёл от боёв под Киевом в июле 1941 г. до освобождения Вены в апреле 1945 г. Был одним из организаторов системы госпиталей легкораненых, получившей распространение на фронтах, обучал кадры военно-санитарной службы, вёл научные исследования по лечению

Д.Д. Донской-младший. Австрия. 1945 г.
Из домашнего архива Д.Д. Донского.

и восстановлению боеспособности раненых. После войны вернулся в Москву, продолжил изучение и становление в СССР биомеханики. Работал в Центральном НИИ физической культуры, заведовал кафедрой анатомии Омского института физической культуры, в 1955 — 1963 гг., вновь вернувшись в ЦНИИФК, занимал должность заместителя директора по научной работе. Позже начал преподавать биомеханику в Государственном центральном ордена Ленина институте физической культуры (сейчас — Российская государственная академия физической культуры), где трудится и по сей день. Автор около 200 научных и методических работ, в том числе 5 учебников по биомеханике, переведённых на 14 языков и изданных в ГДР, ФРГ, Польше, Румынии, Болгарии, Кубе, Японии, Корее, Китае, Италии. Пропагандировал достижения своей науки и читал лекции во многих странах зарубежья. В течение ряда лет был членом редколлегии журнала «Теория и практика физической культуры», членом экспертной комиссии ВАК СССР. Принимал участие в создании Международного общества биомехаников, почётным членом которого является с 1979 г. Избран также членом-корреспондентом Международного Совета по физическому образованию и спорту при ЮНЕСКО ООН. Кандидат биологических наук и доктор педагогических наук, профессор. Награждён двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, тринадцатью медалями, Почётным знаком Спорткомитета СССР «За заслуги в развитии физической культуры и спорта» и Почётным знаком Минвуза СССР «За отличные успехи в работе», имеет звание «Заслуженный работник физической культуры РСФСР». В настоящее время живёт и работает в Московской обл.

Он имеет двоих детей, прямых внуков Д.Д. Донского-старшего.

Дочь — Донская Татьяна Дмитриевна, по мужу — Большакова (род. 25 июня 1932 г.). Она продолжила профессиональную традицию Донских и стала медиком. Сейчас она — профессор, доктор медицинских наук, академик Медицинской Академии им. И.М. Сеченова. Живёт в г. Москве.

Сын — Донской Алексей Дмитриевич (род. 23 мая 1949 г.), инженер-электронщик.

От них ныне здравствуют 2 правнука и 1 правнучка Д.Д. Донского-старшего, 1 праправнук и 2 праправнучки.

Материал по генеалогии родов Донских и Филипченко содержится также в примечаниях к «Воспоминаниям», письмам и архивным документам.

Закончить это вступление хочется той же историей, с которой оно начато. В 1996 г., готовя к публикации очерк С.П. Уразова, ни в государственных, ни в ведомственных, ни в домашних архивах зна-

комых историков я не смог найти ни одного документа о парабельском периоде жизни Д.Д. Донского. Более того, никто даже не знал его физиономически, чтобы попытаться обнаружить на коллективных фотографиях. Так и вышел тот очерк без серьёзных документальных оснований и без единой иллюстрации. Прошло только 3 года — и теперь читателю предлагается солидный объём информации об одном из заметных российских политических деятелей XX в. Причём сведения эти представлены в самых разнообразных формах — воспоминаниях близкого человека, статье и письмах самого Д.Д. Донского, архивных документах, фотографиях.

Это было бы невозможно без активной помощи и поддержки Д.Д. Донского-младшего, который, без преувеличения, был главным вдохновителем и основным источником информации при подготовке этой книги. Сведениями о родословной поделилась также его двоюродная сестра, племянница Донского-старшего А.А. Русакова (Ельяшевич).

Высказывая слова глубокой благодарности, к этим именам необходимо добавить и имена исследователей, которые бескорыстно передали для публикации некоторые из приведённых здесь архивных документов:

- канд. ист. наук, доценту исторического факультета Томского госуниверситета А.А. *Бонгаренко* (материалы из Центра документации новейшей истории Томской области);
- докт. ист. наук, профессору Новосибирского госуниверситета, заместителю директора по научной работе Института истории СО РАН С.А. *Красильникову* (материалы из Архива Президента РФ);
- канд. ист. наук, начальнику подразделения, подполковнику В.Н. *Уйманову* (материалы из архива Управления ФСБ по Томской области).

Кстати, содержание книги, особенно архивная подборка, даёт представление не только о личности и судьбе Д.Д. Донского. Оно гораздо шире и содержит всё ещё остающуюся малодоступной информацию о составе, моральном и политическом климате нарымской политссылки 1920-х гг., методах работы с ней карательных органов.

Немало имеется в нём и имён тех, кто творил нашу недавнюю историю, кто вслед за Д.Д. Донским мог бы перед смертью сказать: «И мой мёд есть в этом...». За каждым таким именем — жизнь, судьба, эпоха. И возвращение их в нашу жизнь — наш научный и нравственный долг.

Я.А. Яковлев

Воспоминания

Надежда Михайловна Донская

В нынешнем 1966 г. исполнилось 30 лет после гибели моего мужа Дмитрия Дмитриевича Донского. Бурные события этого периода заслоняли память о нем. Теперь же, на склоне жизни, мне хочется многое вспомнить и записать. Наши внуки мало знают о нем, может быть, их заинтересуют эти строки о деде.

Последние 8 лет его жизни, с 1928 г. мы жили вдалеке друг от друга. Он — в Парабели в ссылке, я с нашим сыном — в Ленинграде. Переписывались изредка — 2-3 письма в год. Но эти послания были полны взаимного уважения и памяти о прожитых вместе годах.

Со студенческих лет он связал себя с революционным движением, примкнув к народническому течению. Это помешало ему включиться в коммунистическое строительство и, быть может, совершить в жизни все, на что он был способен. Он был очень активным и способным человеком, энергичным организатором, талантливым врачом. Обладал особой способностью подхода к окружающим и вызывал к себе их доверие. Даже малознакомые люди несли к нему свои думы и огорчения, потому что он умел ободрить, поддержать.

* * *

Родился он в Варшаве 8 мая 1881 г. Мать, Софья Алексеевна¹ - дочь русского генерала А. Тимофеева (очевидно, обрусителя Польши), всегда с нежностью вспоминала своего отца. С ее слов, это был мягкий хороший человек. Но ведь ей было всего 10 лет, когда он умер. А каков он был - русский генерал в эти годы в Польше? Мать свою, польку, она не любила. Светская, легкомысленная женщина, она вскоре после смерти мужа вновь вышла замуж. Соне — так звали в детстве Софью Алексеевну - дома жилось плохо, она не могла забыть отца. Школу она не посещала, мать взяла ей учителя — студента-медика Дмитрия Николаевича Донского.

Родом он был из с. Лебедяни Тамбовской губ., из многодетной мелкопоместной дворянской семьи. Окончив семинарию, молодой человек хотел продолжать образование, но семинаристов в русские университеты не принимали. Поэтому ему пришлось уехать в Варшаву. Здесь он пробивался уроками - семья не могла ему помогать.

Соня была миниатюрная миловидная блондинка с нежным цветом лица и живыми голубыми глазами. Имела очень настойчивую, живую, всегда деятельную натуру. Вскоре она подружилась со своим учителем, постепенно это чувство перешло в горячую любовь. Ей было около 16 лет, когда она взяла небольшой узел с вещами и ушла из дому к своему учителю, навсегда покинув мать. По понятиям передового студенчества того времени, они не стали оформлять свой брак.

Жилось им трудновато. Дмитрий Николаевич заканчивал учебу, подрабатывать уроками не хватало времени. Как-то Соня зашла в модный магазин, где раньше её мать заказывала ей и себе наряды, и предложила свои услуги. Ей поручили делать вышивки для модных платьев. Вышивала она хорошо, обладала тонким вкусом. Но платили ей мало, в основном зарабатывала она на заказчицах. Все же это было подспорьем для молодоженов.

Когда она ждала ребенка, Дмитрий Николаевич для поддержания здоровья отправил её в деревню. Но бойкая Соня быстро соскучилась и примчалась по весенней распутице обратно. Может быть, по этой причине у неё родился сын раньше времени, семимесячный. Ребенок был слабый, и она делала всё возможное, чтобы вырастить его. К той поре Дмитрий Николаевич закончил университет и его направили на работу в местечко Хмельник Винницкого уезда Подольской губ.

Выехали они на перекладных лошадях, в ненастную погоду. Приехали в дождь и слякоть поздно вечером. Софья Алексеевна, выглянув из коляски, горячо заявила, что она не выйдет - пусть запрягут лошадей, и она возвращается в Варшаву. Дмитрий Николаевич с присущим ему спокойствием стал уговаривать жену хотя бы переночевать. Кое-как она согласилась. А утром взошло солнце, и захолустный городок сразу стал выглядеть веселей. Молодой врач с утра познакомился с городом. И они остались в нём — на всю жизнь.

Сняли просторный дом. У Дмитрия Николаевича сразу образовалась большая практика. Местное еврейское население любило лечиться. Шли к нему и окрестные крестьяне, многочисленные в этих местах помещики. Например, живший в Хмельнике помещик Ксидо. В своё время он был адъютантом генерала А.М. Стесселя — коменданта Порт-Артура². Позже женился, получив в приданное за женой, глухой богатой помещицей, большое имение. В этом имении проживал с женой и больной отставной генерал Стессель. Через несколько лет в расположенном неподалеку имении Войтовцы

начал работать агрономом мой брат Василий Михайлович Филипченко.

С детьми Донским не везло. После первенца Мити у них родилась дочка - Любушка. Ей было 5 лет, когда она умерла от черной оспы — отец не сделал ей прививки. Позже был ещё сын Коля. Он был крепким, здоровым мальчиком. Но Митя привез из Киева скарлатину: сам легко переболел, а младший брат погиб. Так остался один Митя. Мать дрожала над ним и очень ревниво оберегала.

Дмитрий Николаевич был хорошим врачом и скоро стал пользоваться большой популярностью. Но он не только хорошо зарабатывал, а нередко сам помогал неимущим пациентам, выписывая им бесплатно лекарства. Когда он возвращался домой, жена вытаскивала из его карманов деньги, оставляя ему только на мелкие расходы. Она решила построить свой дом.

Скопив тысячу рублей, она купила на краю города хороший участок над речкой и начала строительство. Заняло это несколько лет. Дом был, по тогдашней моде, в ложнорусском стиле, из красного кирпича. В десять просторных комнат, с большой верандой. У Дмитрия Николаевича был большой кабинет с отдельным боковым входом для больных. Он не вмешивался в планы жены — предоставлял ей полную свободу и лишь выкладывал деньги. Отдельную комнату занимала библиотека с большими застекленными шкафами и пианино. Софья Алексеевна не получила систематического образования, но очень много читала, часто покупала книги. Она собрала большую библиотеку классики и постоянно выписывала из Киева новинки. Вообще она старалась устроить дом как можно уютней. В гостиной мебель была обита ее вышивками, ковер тоже был вышит её руками.

Одновременно строились и подсобные постройки — конюшня (Дмитрию Николаевичу уже нужны были лошади для поездок), коровник. Корову они привезли с родины хозяина — из Лебедяни.

Софья Алексеевна много заботилась об учебе сына. Сама изучала языки, чтобы помогать ему, а когда подошло время, отвезла его в Киевскую первую гимназию. Это учебное заведение было одним из лучших, в нём учились мои братья и дяди по маминной линии.

Но Софья Алексеевна занималась не только домашними делами, но и активной общественной жизнью. Так, она принимала энергичное участие в борьбе с холерой: сама заразилась и еле выжила. Участвовала в народных чтениях и других мероприятиях. Была хорошим оратором.

В Киеве она устроила сына на полный пансион у вдовы польки. Учился мальчик хорошо, знания давались ему легко. Сохранились похвальные грамоты при переходах в очередной класс. Он рано покончил с религией, никогда не учил уроков по Закону Божьему, но любил вступать в споры с попом — и тот считал его знающим. К окончанию гимназии Дмитрий Дмитриевич шёл на золотую медаль. Но на выпускной экзамен по Закону Божьему приехал какой-то высокий чин из духовенства. Донского вызвали для ответа первым. И он не смог ответить на самые элементарные вопросы — кажется, по символу веры. С трудом получил тройку. А между тем по русско-му языку на тему "Почему мы должны дорожить своими памятниками древности" его сочинение было лучшим не только в классе, но и во всём округе. Осенью он собирался поступать на медицинский факультет.

У квартирной хозяйки была хорошенькая дочка Нюся, немного моложе Дмитрия Дмитриевича. У молодых людей возник невинный роман. Киев, особенно весной, когда он весь утопает в цветущих садах, всегда был полон увлекающейся молодежи. Юноша решил жениться и даже привозил Нюсю в Хмельник. Когда он сказал о своём решении матери, она бурно запротестовала. Немало было истерик и слёз, пока она согласилась. Отца убедить было легче. В августе [1899 г.] жених поехал за невестой. В доме начали готовиться к свадьбе: делать запасы, откармливать птицу. Но по пути в Киев, раздумывая о будущем, молодой человек пришёл к выводу, что ему не хочется обзаводиться семьей и терять свободу в 20 лет. Нюся встретила его, они пошли гулять в Ботанический сад при университете, и Дмитрий Дмитриевич стал осторожно убеждать девушку отложить свадьбу. Разумеется, сначала были слёзы, но ведь он обладал способностью убеждать людей. Мать Нюси любила своего жильца и о другом женихе для дочери и не мечтала — она была тоже очень огорчена. Домой Дмитрий Дмитриевич к удовольствию своих родителей вернулся один.

В сентябре он поехал поступать на медицинский факультет Киевского университета. Около этого времени его отец выписал приехать свою младшую сестру Сашу³. Та прослушала в Киеве акушерские курсы, а Дмитрий Николаевич в своей медицинской практике хотел иметь помощницу. Но жизнь сложилась иначе. Саша больше помогала Софье Алексеевне в её большом хозяйстве. В доме имелись кухарка и горничная, но много сил требовал выросший сад. Перед верандой располагалась большая клумба чудных роз, дальше шла аллея сирени самых различных цветов и сортов. Было

много многолетних цветов, ягодных кустов, яблонь, груш. Огород, наоборот, был маленьким — лишь редис, салат, огурцы. Но рядом имелся большой участок, который хозяйка отдавала под огород исполу соседке. Помимо сада требовался и уход за коровой, которую Саша не доверяла никому. Работать девушке приходилось с утра до вечера.

Со своим племянником — Дмитрием Дмитриевичем — она дружила, ведь у них было только несколько лет разницы в возрасте. А вот с Софьей Алексеевной сложились странные отношения. Саша очень любила ее. Но иногда, утомленная непосильной работой, она бунтовала. Тогда происходили бурные сцены. Проходил день, и Саша вновь обнимала жену брата. Обе плакали — и опять наступал мир. Личной жизни у нее не было, и мало-помалу из миловидной девушки она превратилась в истомленную, увядшую женщину. В воскресенье она уходила в сад и в тени отсыпалась за неделю. Я застала её уже такой. Она вызывала у меня сочувствие, и я всегда заступалась за неё. Намного позже, уже на склоне лет, у Саши совсем испортились отношения с Дмитрием Дмитриевичем, и она навсегда уедет от него из Парабелы.

В университете Д.Д. Донской сблизился с революционно настроенными студентами, познакомился с нелегальной литературой⁴. В начале 1901 г., когда он был на втором курсе, в Киеве произошли большие студенческие волнения. Министр просвещения, который ввёл "Временные правила..." об ограничении свобод студентов, был освистан, ему не дали выступить⁵. Сто восемьдесят три студента после этого были отданы в солдаты, среди них — Дмитрий Дмитриевич. У В.И. Ленина есть статья об этом⁶. Солдатчину Донской с десятком товарищей по университету отбывал в Виннице. Сохранился их общий снимок. К сожалению, воспоминания Дмитрия Дмитриевича об этих днях погибли в парабельской ссылке.

В гимназии и университете он не отличался крепким здоровьем, но на военной службе очень поздоровел, раздался в плечах. Суровая дисциплина, простая пища пошли ему на пользу. Вчерашние

Д.Д. Донской: вчера студент — сегодня солдат.

Г. Винница. 27 июля 1901 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

студенты не унывали, держались дружно, пропагандировали солдат, учили их потихоньку революционным песням. То же происходило и в других воинских частях⁷. Однажды приехал важный чин. Выстроили весь полк. Генерал обратился к солдату небольшого роста, на котором мешком висела форма, явно выдавая недавнего студента: "Где не разрешается быть нижним чином?". Солдат, а им был Дмитрий Дмитриевич, сделал шаг вперед и, не спуская, как и полагалось, с начальства насмешливого взгляда, отрапортовал звонким голосом: "Нижним чином не разрешается показываться в публичных местах: театрах, трамваях, ресторанах, кабаках, публичных домах, т.е. всюду, где бывают господа офицеры". От столь дерзкого ответа генерал побагровел от гнева, круто повернулся и ушёл. Но что он мог сделать — ответ ведь был правильный? В другой раз Донской шёл по улице в Виннице, навстречу ему - молодой человек с девицей. Говорит ей: "Хочешь, я тебя рассмешу?". И обращается к солдату по-французски. А тот отвечает ему на том же языке. Конфуз, но — другой стороны.

Дмитрий Николаевич часто навещал сына.

Между тем несколько воинских частей отказались заменить баствовавших сельскохозяйственных рабочих. Начальство усмотрело здесь злокозненные действия студентов и решило отозвать их из полков. Так они через полгода оказались возвращены в вуз.

В городах было беспокойно, стали частым явлением забастовки, митинги. Один из таких митингов собрался в Киеве около университета. Дмитрий Дмитриевич выступал на нём, забравшись на тумбу. В это время мимо ехал генерал-губернатор Трепов⁸, брат знаменитого Трепова⁹. Его имение было недалеко от Хмельника, Дмитрий Николаевич Донской в качестве врача бывал у него, так что семьи были знакомы между собой. Увидав Донского-младшего, губернатор остановил экипаж: "А вы что тут делаете, Дмитрий Дмитриевич?". Узанный оратор быстро соскочил с тумбы, но было уже поздно. Вечером к нему на квартиру пришел околоточный с постановлением в 24 часа покинуть Киев без права жительства в университетских городах.

Итак, прощай, университет! Дмитрий Дмитриевич вернулся в Хмельник, где на домашнем совете было принято решение продолжить обучение за границей - в Вене. Затруднения были лишь в том, что после скарлатины он начисто забыл немецкий язык. Это стало ясно в первый же вечер в Вене, когда он с товарищами пошёл в театр и не понял там ни слова. Но энергичные занятия языком, посещение лекций скоро позволили русскому студенту с головой уйти в учёбу.

На каникулы — домой. А там в это время распространялись революционные настроения. Частые забастовки происходили на селе, на свекловичных полях¹⁰. Их часто организовывал и возглавлял молодой Донской. А осенью — опять за учебу.

За границей в то время училось много женской молодежи, которая в России не могла получать образование в высших учебных заведениях. Дмитрий Дмитриевич вскоре забыл о Нюсе и начал увлекаться развитыми, интересными девушками, с которыми учился. Сначала это была тихая блондинка Ева Кранц. С нею он познакомил меня позже — в 1917 г. в Петрограде. Мы были гостями её семьи. Она в то время работала врачом в Гинекологической клинике около университета. Затем пришло увлечение красивой энергичной брюнеткой Раисой Шабад по партийной кличке "Наташа". С ней я тоже познакомилась позже — во время её приезда осенью 1908 г. в Мюнхен. Тогда она привезла своего младшего брата Мишу в политехнический институт и просила Дмитрия Дмитриевича, или "Доночку", как она его называла, опекать брата. Мы часто брали его с собой на концерты, в кафе и даже ездили летом 1909 г. вместе на дачу в Графрат.

А в Хмельнике в те годы жизнь шла своим чередом. В доме Донских было шумно илюдно. Летом собиралась молодёжь — читали газеты, нелегальную литературу, спорили. Хозяйка дома была активной участницей этих сходов. В Хмельник в это время был выслан толстовец Л.А. Сулержицкий¹¹, впоследствии активный деятель Художественного театра. Он тоже часто бывал у Донских. Летом революционного 1905 г. эти собрания не могли не обратить на себя внимания администрации. Как-то хозяйке сообщили, что Дмитрия Дмитриевича хотят арестовать. В тот же вечер он потихоньку уехал из дому. Полиция нагрянула на следующий день. Перерыли весь дом, потыкали шашками даже поленицы дров, но тщетно. А через некоторое время вышло постановление о высылке Донских в Тобольскую губернию. Их отвезли в тюрьму в Литин. Дом остался на попечение Саши.

Софья Алексеевна держалась очень независимо. Когда им разрешили ехать за свой счет, она, нарядно одетая, выходила на станциях в сопровождении конвойного, обращая на себя всеобщее внимание. Её супруг чувствовал себя хуже, был подавлен. Он хоть и был лево настроен, но никогда не принадлежал ни к каким партиям и называл себя "анархистом".

По приезде в Тобольск они познакомились с очень приятной и культурной четой Вилькошевских¹². Муж бал присяжным поверенным, жена — Мария Васильевна — занималась хозяйством. Жили они в небольшом деревянном доме. Да и весь Тобольск в те годы был больше деревянным, даже многие улицы были покрыты доска-

Д.Н. Донской (крайний справа) в ссылке. С. Демьянское Тобольской губ. 1906 г.
Из домашнего архива Д.Д. Донского.

ми. Поселили Донских в с. Демьянском¹³, там же отбывал ссылку и И.М. Майский¹⁴. Кажется, там же был и Л.Д. Троцкий¹⁵.

Софья Алексеевна принимала активное участие в жизни колонии. Одно время при её содействии было даже устроено общественное питание. Однако северный климат не пошёл южанке впрок, она заболела тяжелой малярией. Это вынудило её супруга хлопотать о возвращении домой. Они вернулись в Хмельник через два года. Женщина еле держалась на ногах, температура доходила до 40 градусов. Дмитрий Николаевич повёз её лечиться за границу, но ничто не помогало. Подозревали даже рак. Они вернулись домой. Здесь, роясь в старых лечебниках, Дмитрий Николаевич натолкнулся на лечение настойкой из листьев подсолнечника. И оно мало-помалу помогло восстановить силы больной.

Сын — Дмитрий Дмитриевич — в это время [1907 г.] уехал из Хмельника в Петербург, где на нелегальном положении жил по паспорту своего товарища Сергея Ивановича Радченко. Брат последнего — Иван Иванович — был видным большевиком, в 1890-е гг. работал с В.И. Лениным¹⁶. Донской начал активно сотрудничать в партии социал-революционеров (в те годы — среди железнодорожников города) и сразу выдвинулся благодаря своей энергии и инициативности.

Я, в те годы — Надежда Михайловна Филипченко, тоже уже участвовала в революционном движении. Еще в конце 1905 г. я ра-

ботала за Невской заставой, в конце декабря была арестована. После трёхмесячной отсидки была выпущена на поруки. Осенью 1906 г. начала работу среди строителей, но неудачно. После этого лишь вела кружки на курсах. В январе 1907 г. моя подруга Вера Дрентельн познакомила меня с Дмитрием Дмитриевичем на концерте Гофмана на хорах Дворянского собрания. В антракте, сидя в амбразуре окна, он быстро задал мне несколько вопросов, а затем предложил работать пропагандисткой среди телеграфистов. Я согласилась. Позже были встречи в столовой технологического института. У нас сложились дружеские отношения, но близкого знакомства не было. В начале апреля, едва избежав ареста, я перешла на нелегальное положение, а летом по паспорту своей подруги Ядвиги Полвинской была вынуждена уехать в Мюнхен. Там я получила от него письмо. В нем были строки, что, живя бок о бок с хорошим человеком, не ценишь его, и только при расставании приходит понимание, кем он был.

Из начала моей мюнхенской жизни мне запомнился один вечер лета 1907 г. Мне было только 22 года. Вместе со своей приятельницей Анной Михайловной Петровой мы ходили обедать в пансион Фюрматр. Там же столовалось много поляков, некоторые из которых хорошо говорили по-русски. С одним из них — студентом политехнического института — мы очень дружили. Как-то раз он пригласил нас на польский вечер.

У меня был хороший украинский костюм: белая мережевая рубашка с маленьким красным рисунком, отороченная черной бархаткой красная

Н.М. Донская в эмиграции. Г. Мюнхен. 1909 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

юбка, сине-зелёный фартук в красную клеточку и чёрная бархатная корсетка. На шее висела низка из 30 кораллов и пара ниток янтаря, а на спине целый каскад ярких разноцветных лент. Волосы были гладко причесаны и заплетены в одну толстую косу. На голове была надета красная стричка - шерстяная тесемка, собранная втрое, на ногах — красные чулки и туфли.

Мы пришли к самой мазурке. Дирижер-поляк - красивый высокий блондин в безупречном фраке — пришёл со своей женой - высокой брюнеткой в чёрном кружевном платье. Он объявил: поляки прикрепляют к себе голубые бантики, неполяки - розовые. Сначала был объявлен танец неполяков. Ко мне подошёл неуклюжий немец в китайском красном халате, из-под которого были видны чёрные брюки и стоптанные ботинки. Он сразу сказал мне, что мазурку не танцует, а танцует польку-мазурку, и при этом потешно брыкнул в сторону ногами. Я невольно оглянулась на своих спутников. Танцевать с ним было неудобно, и танец как-то не клеился. Только когда по команде дирижёра дамы заняли одну сторону зала, а кавалеры другую, я почувствовала себя свободной и вся отдалась чарующим звукам мазурки.

Проходя мимо дирижера, я счастливо улыбнулась ему. "Теперь танцуют поляки", - с этими словами дирижёр направился в нашу сторону и попросил нашего спутника представить меня. Затем поклонился и подал мне руку. Я улыбнулась ему, и мы начали танец. С ним было замечательно танцевать. Потом он произнёс: "Теперь каждая пара танцует соло". Мы лихо пронеслись по залу, он стал на одно колено, а я порхала вокруг. Затем он снова подал мне руку, мы вихрем промчались до половины зала, где он подхватил меня своими сильными руками и прокрутил три раза в воздухе. Раздались аплодисменты. Затем мой партнёр поставил меня на землю, отвёл на место, поблагодарил и поцеловал руку. Я была на седьмом небе. После этого мы сразу пошли домой.

В России осенью того же 1907 г. Дмитрий Дмитриевич был арестован, опознан и выслан в г. Берёзов Тобольской губ. Когда он ехал по этапу, в том же вагоне под большой охраной следовали каторжане-долгосрочники. Им решили организовать побег: перепилили ножные и ручные кандалы, основательно споили конвой. Пока Дмитрий Дмитриевич отвлекал солдат разговорами, через открытое окно на ходу поезда удачно выбросили несколько человек. Успех окрылил — решили устроить побег и закованным. Когда их, раскачав, выбрасывали из окна, кандалы загремели, и конвой спохватился. Не сразу

сообразили остановить поезд, и побег удался. Подозрение за это происшествие на Дмитрия Дмитриевича не упало.

Как раз в это время его родители, возвращавшиеся из ссылки, жили в Тобольске у Вилькошевских. Дмитрий Николаевич обратился к губернатору с просьбой разрешить под честное слово сына отпустить его на пару дней из тюрьмы для свидания с родителями, тем более мать была тяжело больна. Ответ был положительным.

Дмитрий Дмитриевич слово сдержал и из Тобольска не сбежал, сделал он это позже. На пароходе ему предстоял путь в 1 000 верст в г. Берёзов - знаменитое место ссылки Александра Меншикова¹⁷. Общительный узник сумел сдружиться с конвоем и уже вскоре выходил на пристанях без охраны. После одной из таких остановок он на пароход не вернулся, а быстро дошел до села и нанял перекладных лошадей. В форменной фуражке Министерства народного просвещения он беспрепятственно миновал Тобольск и примчался в Тюмень. А уж из неё добрался до Москвы.

Здесь опять началась привычная жизнь — нелегальное положение, революционная работа. В то время в Москве, как выяснилось много позже, среди подпольщиков была провокатор Серебрякова — скромная пожилая женщина. Даже её сын, также участвовавший в организации, не знал о деятельности матери. Было много провалов. Дмитрий Дмитриевич решил уехать в эмиграцию. Ему помогла знакомая женщина-врач: укрыла в своей частной лечебнице, купила билет до границы. Как потом выяснилось, она тоже была связана с охранкой, о роли Серебряковой ничего не знала. Но выдать своего подопечного она не могла, так как только лишь ей одной было известно о его отъезде — его арест сразу бы раскрыл её. Между тем и Донские-старшие в это время выехали за границу для лечения Софьи Алексеевны. В Париже произошла встреча семьи.

Летом 1908 г. Дмитрий Дмитриевич решил закончить своё медицинское образование. Тогда же он приехал в Мюнхен повидаться со мной и Александром Борисовичем Ельяшевичем¹⁸ — мужем моей сестры Кати¹⁹. Они тоже жили в Мюнхене — в маленькой квартире городского района с названием Швабинг. Катя ждала рождения ребёнка.

В июне того же года скоростижно скончался мой отец²⁰. Мы с Катей не могли быть на его похоронах. Мама²¹ с ещё одной моей сестрой Леночкой²² приехали к нам в Германию. Я ездила встречать их в Берлин.

Мы с Леночкой и мамой поселились в небольшом пансионе Мальзен-Хаструп. Я познакомила их с Дмитрием Дмитриевичем.

Своим вниманием и сердечностью он покори́л маму. Часто втроем — он, я и Леночка — мы бродили по городу, бывали в кафе, пивных. Перед отъездом мама просила Дмитрия Дмитриевича опекать меня.

Я сняла комнату в Швабинге, стала работать в мастерской художника Грэбера. Он поселился рядом, в маленькой комнатке у рабочих. Встречались мы с ним ежедневно, обедали в школе кулинарии рядом с моим домом, а вечером ужинали либо у меня, либо у него. Ему пора было начинать занятия медициной. Он спросил меня, оставаться ли ему в Мюнхене или уезжать в другой город. Я ответила "оставайтесь", и наши встречи продолжались.

Мюнхен тех лет был одним из культурнейших центров Германии. В нем было до 10 тысяч художников: объединение "Шолле" ("Scholle"), знаменитый журнал "Симплициссимус" ("Simplicissimus")²³, где работали О. Гульбрансон²⁴, Г. Тома²⁵ и другие, много частных художественных школ. Многие наши художники из "Мира искусства"²⁶ приезжали сюда работать, например Игорь Грабарь²⁷. В Старой Пинакотеке хранилось богатое собрание старой живописи, особенно немецкой. В Новой Пинакотеке выставлялась современная немецкая живопись: М. Либерман²⁸, В. Лейбль²⁹, А. Бёклин³⁰, Ф. фон Штук³¹. В частной галерее Шаха можно было познакомиться с копиями итальянцев, картинами сказочника М. фон Швинда³², глиптотекой³³ древней скульптуры. Интересен был Исторический музей. Выставки часто бывали в частных галереях, например у Бракля. Привозили французских импрессионистов, В. Ван Гога³⁴. В консерватории преподавалось музыкальное искусство. Давалось много концертов — как местными, так приезжими силами. Работал хороший оперный театр, где много ставили Р. Вагнера³⁵. С Нового года до Поста в Мюнхене царствовал шумный, веселый карнавал с костюмированными балами. И — замечательное мюнхенское пиво, особенно знаменитое в марте в Пауланербрау (Paulanerbrau).

Из учебных заведений Мюнхена были широко известны университет и политехникум с большими научными силами.

В первый год моей жизни в Мюнхене я училась в художественной школе (мой учитель Хайки на вопрос нашей хозяйки обо мне ответил: "Дама особенно талантлива").

Вокруг города было изобилие живописных озер и высоких гор. Всё это привлекало много иностранцев и туристов, которые создавали своеобразную богему и формировали определённый строй жизни. Но коренное население было клерикальным и черненьким. Недаром отсюда пришел Гитлер. Поначалу мне приходилось много

вращаться среди немцев. Но на следующий год с приездом Дмитрия Дмитриевича, Кати и Шуры Ельяшевичей у нас сложилась своя компания.

Русская колония из учащихся и эмигрантов группировалась вокруг читальни, были партийные группы. Дмитрий Дмитриевич пользовался большим авторитетом. Был постоянным председателем на общих собраниях, лекциях. Осенью и среди зимы колонией устраивались вечера. Первый год я на них отплясывала. Но в 1908 г., после смерти отца, танцевать не хотелось, и я взялась за продажу цветов. Обычно она давала мало дохода. В первый раз я закупила в знакомом магазине много срезанных цветов — красных роз, гвоздик, хризантем и других. Магазин их доставил, дал вазы. Успех был большой, мы выручили 300 марок. А после аукциона Дмитрий Дмитриевич за 30 марок закупил весь остаток. Я и впоследствии организовывала цветочную распродажу. Около этого дела и организовалась вся наша компания: Катя с Шурой, Иван Михайлович Майский, супруги Приходько, Леонид Моисеевич Пумпянский³⁶. И.М. Майский был выслан за границу, языка не знал. Поселился он у рабочих, стал энергично изучать немецкий язык, немецкое рабочее движение — и скоро стал выступать на собраниях, пописывать в местной социал-демократической газете.

Д.Д. Донской и И.М. Майский (слева направо) в эмиграции. Июль 1914 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

Из дому Дмитрию Дмитриевичу не могли присылать на жизнь. Он с помощью Лутугина³⁷, брата одного из ведущих работников журнала "Русское богатство"³⁸, устроился корреспондентом по освещению в этом издании германского рабочего движения.

Наша компания была большой и дружной. Мы тесно общались с И.М. Майским, который почти ежедневно заглядывал к нам, с четой Ельяшевичей. Была ещё одна супружеская пара, с которой мы часто встречались, - Ольга Борисовна и Юрий Петрович Приходько. Ольга, в девичестве — Тесленко, училась в консерватории Лейпцига по роялю и поначалу приехала в Мюнхен к своему жениху Шуре Зильберману. Как это часто бывает, они считались женихом и невестой чуть ли не со школьной скамьи. Но, познакомившись с весёлым, красивым Юрием Петровичем, она увлеклась им, и они поженились. Забегая вперёд, можно написать, что лет через 15, когда у них уже был сын-подросток, они разошлись, и она всё же вышла замуж за А. Зильбермана. Юрий Петрович - хороший фотограф и талантливый рентгенолог — был основателем первого в Киеве рентгенологического института. В годы культа личности он был арестован и только благодаря хлопотам Ольги Борисовны избежал трагического конца. Был сослан и умер в ссылке от воспаления лёгких.

Леонид Моисеевич Пумпянский — самый молодой и всеобщий любимец нашей компании — был холостяк, умница и оптимист. Позже с его первой женой — Марией Николаевной Левиной — я вместе работала в библиотеке в Харькове. С самим Леонидом Моисеевичем и его второй супругой Лидией Харлампиевной мы много раз встречались в Ленинграде.

Перед новым 1908 годом в Мюнхен приехала моя подруга по гимназии Вера Дрентельн. Она знала, что в нём находились я и Дмитрий Дмитриевич, в которого она была влюблена. На зимние каникулы он уговорил меня поехать отдохнуть в горы, на озеро Шлурзее. Через недельку в выходной день вся компания приехала ко мне. Отсюда мы ушли пешком до другого озера — Тегернзее. Там было организовано катанье на санках с гор, некоторые из которых достигали вышины до 1000 м. Мы сняли в гостинице две комнаты: одну для женщин, другую для мужчин. Продукты привезли с собой. Весело, с песнями провели вечер, а наутро пошли кататься на салазках. Дорога в гору шла сначала лесом, зигзагами. Справа поднимались пешеходы, слева мчались санки. На поворотах с саней кричали "Берегись!". К вершине деревья исчезали. В домике можно было отдохнуть, закусить. Здесь давали сани, а внизу, после спуска, их возвращали. Вера предложила Дмитрию Дмитриевичу катиться на

санях вместе, но он ответил, что лучше поодиночке. Я поехала первая, а он через несколько шагов вскочил озорно на запятки моих саней, и мы помчались вдвоем, оставив озадаченную Веру. Он мне рассказал, что накануне в укромном уголке она бросилась ему на шею с объяснением в любви, но он холодно сказал, что сейчас занят только окончанием университета. А у нас с ним уже было принято решение соединить свои судьбы, но об этом мы пока никому не говорили, даже родителям.

А весной мы написали им и позвали в июле на свадьбу. Софья Алексеевна спросила, зачем нам нужна процедура заключения брака. Ведь они в молодости не признавали официального оформления супружеских отношений. Но мы настаивали. Во-первых, ради моей мамы. Кроме того, так было удобнее возвращаться в Россию.

Итак, летом они приехали. Мы встречали родителей жениха на Мюнхенском вокзале. Первыми вопросами Софьи Алексеевны были: "Почему вы не выехали встречать нас на ближнюю станцию? Почему невеста не прислала свою фотографию?". Я была немного озадачена её резкостью. У нас не сразу сложились хорошие отношения, надо было привыкнуть к её прямолинейности. Но с годами, особенно после появления моего сына и её внука, мы с ней все больше сближались, у нас установились настоящие сердечные, дружеские отношения.

Дмитрий Дмитриевич заранее съездил в Штутгарт, где мы должны были венчаться, и обо всем договорился. Мама уже была знакома с Донскими. До того она проводила лето у моего брата Васи, а это рядом с Хмельником. Мы выехали в Штутгарт в субботу. Остановились в гостинице, у вокзала. Вечер накануне нам требовалось поветь. Мы решили соблюдать и эту, и все другие формальности, лишь бы венчание прошло благополучно. Ведь у нас не было полного порядка в документах, и нам нельзя было вызывать никаких подозрений.

Венчание проходило в воскресенье после обедни. Я была в белом костюме, но без цветов и фаты. Обе мамы — в нарядных темных платьях. В церкви, кроме нас, — причт и советник российского консульства Дмитрий Дмитриевич Жеребцов. После обряда Софья Алексеевна вдруг решительно подошла к ним и пригласила к 6 час. на ужин. Оказывается, она уже успела договориться в гостинице о праздничном столе с вином и шампанским.

И вот — торжественное застолье в пустом зале. Меня усадили рядом с гостями, и Дмитрий Дмитриевич попросил быть с ними любезней. В конце ужина я должна была попросить советника кон-

сульства временно выдать мне мой паспорт. Официальная причина: для лечения Софьи Алексеевны мы должны выехать в Наугейм и там получить по паспорту деньги из России. В действительности дело было в другом. После бракосочетания меня должны были вписать в паспорт мужа, а мой документ отослать в место его выдачи, то есть в Санкт-Петербург. А паспорт был липовый. Он был получен сестрой Леночкой, потом якобы его потерявшей, тщательно вымыт и заполнен моими данными. Дмитрий Николаевич сидел рядом со священником, и оба изрядно выпили. Священник все время изливался — какую приятную семью он видит, не то что какие-то нигилисты, студенты без роду и племени и т. д.

После ужина Дмитрий Дмитриевич и я вместе с Д.Д. Жеребцовым поехали в консульство. Диакон, он же технический секретарь, вынул из сейфа и вручил мне долгожданный паспорт. В дальнейшем, после получения денег я его, разумеется, не вернула. А в тот вечер по возвращении в гостиницу, мы застали Софью Алексеевну в отчаянии: её супруг исчез. Но Дмитрий Дмитриевич быстро нашёл и привёл его. Оказывается, отец сидел со священником в соседней пивной — оба в градусе — и рассказывал ему о своей ссылке, но собеседник уже ничего не понимал.

Ночным поездом уехали в Наугейм. Это широко известный, а потому постоянно переполненный курорт, свободное помещение найти трудно. Поэтому мы сразу направились в Фридберг — городок в нескольких километрах. Устроились в просторном хорошем отеле "Трапп". Обедали и завтракали по очень доступным ценам в ресторанчике при нём, а ужинали в своём номере овощами и фруктами. Каждое утро родители Дмитрия Дмитриевича поездом ездили в Наугейм: мать — на ванны и процедуры, отец — за компанию, на ванны. Софья Алексеевна выписала ванны и нам с мужем, хотя они не требовались. Мы не пользовались поездом, а добирались пешком по красивому парку. Мама пробыла недолго, она не очень сошлась с Софьей Алексеевной, уж очень разные были у них характеры.

В Наугейме в это время лечилась Александра Ивановна Пятакова, она была тяжелая сердечница. Жила со своей родственницей. Мы с мужем как-то зашли к ней. Она шутливо сказала ему: "А я на Вас в обиде, я всегда мечтала, что Надюша будет моей невесткой". Дмитрий Дмитриевич опекал её: посоветовал делать уколы мышьяка, мы ежедневно заглядывали к ней. Часто говорили о её любимце Юрочке³⁹, он был тогда в ссылке в Сибири⁴⁰. "Я не могу говорить о нём со своей родственницей, она мне не сочувствует", - жаловалась она нам. Как-то она приехала к нам в Фридберг и привезла огром-

ный букет белых роз. А мы ей, провожая, поднесли такой же букет розовых. Дмитрий Дмитриевич при расставании ни за что не соглашался взять предлагаемые ею 100 марок за уколы. Тогда она сказала, что на эту сумму закажет ему красные бархатные ночные туфли, шитые золотом. Посмеялись — и ему пришлось взять деньги.

Рядом был Франкфурт-на-Майне, мы несколько раз ездили туда за покупками.

Через месяц Донские уехали. Мы вернулись в Мюнхен, а затем в Графрат — тихое красивое местечко на озере. Мы устали от Наугейма, а в деревне царили покой и тишина. Дмитрию Дмитриевичу нравилось здесь, он убеждал меня пожить здесь до начала занятий. Но у меня были другие замыслы. Мама оставила мне 1000 руб., и я хотела на эти деньги съездить в Италию посмотреть искусство и памятники. Муж, скрепя сердце, согласился. Зато как он потом был благодарен за эту поездку! Ведь никогда позже у нас уже не бывало ни свободного времени, ни денег. Его мать сказала, что она тоже собиралась привезти нам 1000 руб., но перед поездкой к нам она затеяла покраску стен и потолка в библиотеке "под Версаль", и это влетело ей как раз в запланированную для подарка сумму. Перед отъездом мы сняли в Мюнхене две солнечные комнаты на Гизелаштрассе, в том же доме, где жила Мария Борисовна — сестра моего зятя Шуры Ельяшевича.

Мои немецкие друзья посоветовали нам пожить на Гардазее — озере на границе Австрии и Италии, в местечке Сан-Виджилио. Мы поехали на это озеро, взяли круговые билеты - Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь, Генуя, Милан и через Цюрих домой. Начали всюду спрашивать о Сан-Виджилио, но никто не слышал о таком месте. Наудачу сели на пароход — и вот оно, везенье! Оказывается, капитан знал: это — небольшой поселок, пристани нет, остановка по гудку.

До сих пор картина той нашей прекрасной поездки стоит перед моими глазами. Открывается она видом с парохода: чудесное сине-зеленое озеро, богатая южная растительность, обилие роскошных отелей на берегу и, конечно, много туристов. Весь берег усыпан мелькающими огоньками. Дмитрий Дмитриевич начинает подтрунивать над моим Сан-Виджилио, но капитан даёт гудок и к пароходу подходит большая лодка с хозяином гостиницы. Мы пересаживаемся в неё. Подъезжаем к берегу. Открывшийся вид напоминает фантастическую картину А. Бёклина "Остров мертвых"⁴¹: высокие кипарисы, белое здание гостиницы с красными лоджиями и небольшая часовня за площадкой, дворик у самой воды, в центре его — большой платан в окружении обеденных столиков. Нам по-

дают ужин, местное вино и прекрасные фрукты — душистый виноград, груши, персики, винные ягоды. С лодок, раскиданных по озеру, слышны серенады. Комнаты с видом на озеро все заняты, наша выходит на площадку.

Утром мы идём купаться, хозяин даёт купальные костюмы. За усадьбой — небольшая гора с виноградниками, налево — рощи маслин, направо — парк и усадьба местного помещика. Мы много бродим, купаемся, едем в Верону — она недалеко. В дневные часы сидим в лоджии. Благодаря воде, жары нет. Я старательно изучаю немецкие путеводители и книги об Италии. Отдых после Наутейма — чудесный. Часто вечерами под гитару и мандолину обитатели гостиницы поют. Я делаю наброски с воды (к сожалению, позже они пропали, сохранилась лишь одна наивная детская копия Митюши).

Через две недели с неохотой мы покидаем это милое пристанище, теперь наш путь лежит в Венецию. Приезжаем туда в лунную ночь. У ступеней вокзала плещется вода канала, проглядываются тёмные силуэты лодок. Гондольер, стоя на носу, гребёт особенным веслом. Каналы узкие, на углах горят фонари. Гребцы окликают друг друга в темноте, чтобы не столкнуться лодками. По широкому Гранд-каналу выезжаем на взморье. В воде отражаются живописные дворцы. В небольшом отеле на набережной мы снимаем комнату. Утром вся Венеция преображается, становится серебристо-голубой — и небо, и море, и город.

На площади Пиаццетта любимся замечательным Дворцом Дожей⁴² - легким, в колоннах снизу и мраморной коробкой стен сверху. Стены — розовато-жёлтые, с легким голубым рисунком, точно прозрачные. Это одно из самых красивых зданий на свете. Собор Святого Марка⁴³ эклектичен, в его цветовой гамме много золота, но он хорошо гармонирует со всем окружением. Знакомство с городом начинаем с картинных галерей. Праздничные Веронезе, Тициан, Тьеполо, более тёмный Тинторетто⁴⁴ ... Памятники, храмы... Дмитрий Дмитриевич удивляется, как уверенно я вожу его в этом лабиринте прекрасного. Но ведь недаром я сидела над книжками.

Дня три — и мы едем дальше. Отправляемся ночью в вагоне 3-го класса, ведь расстояния небольшие. В вагоне шумно, грязно, душно. И к тому же итальянцы любят плевать на пол. Но у нас завязываются самые дружеские беседы. Они очень расположены к русским и не любят немцев. Под утро подъезжаем к Флоренции. Красивые, зеленые, лесистые холмы. В гостинице переодеваемся, берём ванну и отправляемся в город.

Флоренция совсем другая: здесь гармонично соседствуют и замечательные памятники эпохи Возрождения, и живой, весёлый современный город. Сначала мы идем к Собору⁴⁵, Баптистерию⁴⁶, потом на площадь Синьории, оттуда — в музеи Уффици⁴⁷, Питти⁴⁸, в церкви. В капелле Медичи поражает игра мягкого, льющегося сверху света на белом и чёрном мраморе. Не хочется шуметь и говорить, настолько сильно настроение покоя. А площадка над городом с церковкой Сан-Миниато⁴⁹ и великолепной фигурой Давида⁵⁰ гениального Микеланджело⁵¹!.. Увлечена не только я, но и Дмитрий Дмитриевич. С трудом покидаем музеи после последнего звонка. Десять дней пролетают быстро, и мы едем в Рим.

Впечатлений слишком много, мы уже устали, и не хочется ничего смотреть. И все же сидим среди развалин Римского Форума, идём к величественному собору Святого Петра⁵². В Ватикане любимемся замечательной Сикстинской капеллой⁵³ с росписью Микеланджело, Рафаэля⁵⁴... Дней через пять наш путь лежит в Неаполь.

Тут в музеи уже не ходим. Любуемся морем, дымящимся Везувием. Едем на Капри, в Голубую пещеру, но наверх не поднимаемся. Следующий маршрут — в Помпеи. Там испытываем сильное волнение от восстановленных домов с внутренними двориками, росписями, водоёмами у входа. Меня особенно трогают глубокие колеи на узких улочках — следы от повозок, в которых рабы возили патрициев по их любимому летнему городу.

Из Неаполя пароходом перебираемся в Геную. Едем, как и везде, 3-м классом. Это в трюме, а поскольку пароход идёт в Америку, он набит переселенцами. Душно, грязно, тесно. Один из механиков за небольшую мзду уступает нам свою чистую двухместную каюту. Днём он даже приносит нам судовой обед — разумеется, макароны. Море нам нравится. Оно точно блюдечко воды под огромным небесным сводом.

В Генуе мы уже ничего не осматриваем, даже Кампо-Санто⁵⁵. На последние небольшие деньги покупаем сувениры друзьям, пару шелковых одеял и шляпу "Борзалино" для Дмитрия Дмитриевича (она хранится у меня до сих пор). В Милане осматриваем только собор, точно сотканный из каменных кружев, и фреску Леонардо да Винчи "Тайная Вечеря"⁵⁶. Она потускнела, но всё же прекрасна.

Прекрасные места! Прекрасные времена!

Во время этого путешествия мы обычно плотно обедали с бутылкой вина, а ужинали у себя только овощами и фруктами. А под конец поездки, уже в Генуе, решили сходить вечером в ресторан. Я взяла какое-то безобидное блюдо, а Дмитрий Дмитриевич выбрал

что-то непонятное с громким названием. И вот уже в пути ему стало плохо. Ночевали мы в Цюрихе, где самочувствие совсем ухудшилось: температура поднялась выше сорока, сильные боли, озноб... Он решил, что это тиф. Нам пришлось даже взять извозчика до вокзала, хотя он находился совсем рядом. Весь путь из Цюриха мне пришлось провести сидя, держа голову полулежавшего мужа на своих коленях. Дома были вынуждены опять взять извозчика, поскольку самостоятельно двигаться больной не мог.

Вечером собралась наша компания. Мы привезли большую бутылку вина в соломенной обертке — "Кьянти". Начали угощать им своих друзей, но получился небольшой конфуз. Я не знала, что для сохранности этого вина итальянцы заливают его сверху оливковым маслом. Поэтому первые рюмки пились с трудом. Дмитрию Дмитриевичу и в этот вечер, и в пару последовавших дней было плохо, болели суставы. Постепенно он пришёл в себя, но плохое самочувствие длилось до декабря. Скорее всего, это было отравление, грибами.

Я решила поступить в школу прикладного искусства, руководимую Дебшицем. Там обучали особому стилю во многих областях — от оформления жилья до изготовления ювелирных изделий и тканей. Принимая мое заявление, Дебшиц сказал: "Русские — способные мастера, но у них нет терпения, мало кто выдерживает 5 лет учебы". Я все же поступила и стала с увлечением работать — сперва на общем отделении "по украшению плоскости". Однако после Наугейма и Италии чувствовала себя неважно. Дмитрий Дмитриевич повёл меня к профессору Мюллеру, крупному терапевту. Тот нашёл выдох в правом лёгком, запретил работать, велел усиленно питаться и больше гулять. Я стала обедать в пансионе и, конечно, ушла из школы Дебшица. Он оказался прав в своём мнении: ещё одна русская не выдержала. Я знала лишь одну армяночку, которая закончила школу по специальности обоев и потом работала в Москве.

В начале 1910 г. я стала поправляться и начала посещать на полдня мастерскую по гравировке на меди.

На лето мы с мужем поселились в тихом поселке на высоком берегу большого Штарнхергерзее. Тут же снял комнату И.М. Майский. Вечерами мы вместе ужинали в нашей комнате, я готовила. Обедали каждый у своих хозяев. Много гуляли, катались по озеру на лодке. Как-то ездили в скромный дворец наследника Людвига Баварского.

Однажды к нам приезжал из Гамбурга Евгений Левине по партийной кличке Борис Борисович⁵⁷. Большой, грузный и какой-

то особенно обаятельный, он интересно рассказывал об искусстве среди рабочих. Позже, в 1919 г. он возглавил революционное движение в Мюнхене, был избран президентом Баварской республики, а через 3 дня арестован и казнён. Ленинградский писатель М.Л. Слонимский в своей "Повести о Левине"⁵⁸ рассказал о его гибели. Официальный адвокат Е. Левине, человек правых взглядов, поражен был мужеством и спокойным отношением к приговору своего подзащитного.

В конце лета приезжала Софья Алексеевна, она всё ещё не избавилась от малярии. К той поре у нас уже сложились дружеские отношения, она очень радовалась, что мы ждали ребенка. Правда, пробыла она недолго.

Осенью Катя и Шура Ельяшевичи после окончания университета уехали из Мюнхена⁵⁹. Они уступили нам свою скромную трехкомнатную квартиру с мебелью и посудой за 150 марок. Располагалась она около Английского парка на Окамштрассе. А в начале ноября к нам приехала мама. В эти дни вся Россия была под впечатлением ухода Льва Толстого из дома и его кончины 10 ноября⁶⁰ в Астапове. 14 ноября, в воскресенье, к нам пришли друзья — И.М. Майский, чета Приходько. В тот день выпал снежок, и мы долго гуляли по тихому парку. Вернулись уже в сумерки, и я кормила компанию скромным ужином — картошкой с селедочками. Позже они всегда вспоминали об этом вечере.

А утром Дмитрий Дмитриевич отвёз меня на машине скорой помощи в клинику Дёдерлайна, у которого он писал работу для получения докторской квалификации. Мне отвели отдельную хорошую палату. И вот вечером появился на свет Митя⁶¹. Счастливый отец всё подходил к его кроватке и говорил: "У меня есть сын, и это — мой сын!". В клинике к нам были очень внимательны, первую ночь даже разрешили мужу спать на диване. Профессор Дёдерлайн тоже посетил меня. Это был красивый старик. Меня поразила крупная серая жемчужина в его галстуке. В палате появились цветы: большая белая азалия от Ольги Борисовны Приходько и корзина белых лилий. Дмитрий Дмитриевич сказал, что её прислала Мария Алексеевна Прокофьева⁶², невеста Е.С. Сазонова⁶³, погибшего в Зерентуе. Это была красивая девушка, болевшая туберкулезом. Через несколько лет она умерла в Ницце. Перед возвращением домой Юрий Петрович Приходько сделал удачный снимок Мити у меня на руках. Посетили меня и брат Вася с супругой Женей, они как раз совершали свадебное путешествие и были проездом в Мюнхене. Ребенок и я чувствовали себя хорошо.

Перед отъездом домой муж сказал, что должен поговорить со мной. Оказывается, к нему от Б.В. Савинкова⁶⁴ приехала М.А. Прокофьева. Готовилось покушение на Николая II. Еще раньше Борис Викторович приезжал к Дмитрию Дмитриевичу с предложением вступить в Боевую организацию эсеров. Однако муж категорически отказался, хоть и обещал возможную помощь. На этот раз Мария Алексеевна привезла пуд динамита с просьбой временно его сохранить. Половину Дмитрий Дмитриевич отдал на хранение художнику Баклушинскому — многодетному, нуждающемуся, но верному человеку. А 20 фунтов он хотел спрятать у нас, но без моего согласия не мог этого сделать. В первый момент я испугалась: "А как же наш сын?". Муж улыбнулся: "При осторожности ничего не произойдет, ну, а если произойдет, тогда не только от нас, но и от дома ничего не останется". Я размышляла не более пары минут. Имею ли я право отказаться, если речь идет, быть может, о свержении самодержавия? Нет. И я дала согласие. Решили положить пакет с динамитом за шкаф в нашей спальне и не впускать в неё нашу горничную, хорошенькую легкомысленную Марию.

Дома нас ждали мама и наши друзья. И.М. Майский принёс вазон розовых азалий. Мы наладили уход и питание Мити. Приобрели колясочку, ванночку, детские весы. Ребенок был спокойный, хорошо развивался. Мы постоянно консультировались с молодым хорошим врачом.

Прошло шесть недель. Дмитрий Дмитриевич сказал, что покушение на императора отменено из-за провокации и что надо уничтожить динамит. Он намеревался утопить его в Изаре. Я запротестовала. Ведь его все знали, и нельзя было исключать слезки. Я же сидела дома и была вне подозрений. Когда стемнело, я взяла продуктовую кошёлку, положила в неё пакет и пошла в парк. Было безлюдно. Я смогла беспрепятственно спуститься к реке и опустить в неё пакет. Все обошлось хорошо.

Дмитрий Дмитриевич заканчивал университет. Держал государственные экзамены, сдавал хорошо.

Я хотела летом вывезти Митюшу за город. Поместила объявление в газете "Munchiner Muste Nachrichten", что ищу комнату с пансионом за 100 марок. Муж посмеивался, был уверен, что никто не откликнется. Однако пришли две открытки с приглашением. Я поехала посмотреть дачный поселок около Лесного кладбища, где город давал участки в рассрочку. Хозяйкой была старушка, жена пенсионера, бывшего почтового чиновника. В небольшом домике в зарослях дикого винограда и вьющихся лиловых цветов на втором этаже сдавалась светлая хорошая комната. Я договорилась с хозяйкой и в мае переехала с Митей сюда.

В 1911 г. Дмитрий Дмитриевич кончил университет и стал работать у симпатичного врача Эпштейна, социал-демократа, врача рабочей кассы. Работал без оплаты, но получал бесплатный обед⁶⁵. Это была хорошая практика. К нам он приезжал по воскресеньям и четвергам.

В это время в Мюнхен приехали мои двоюродные братья — Юрий и, после четырёх лет сибирской каторги, Шура⁶⁶.

Осенью того же года мы переехали с Окамштрассе в квартиру на Гизеллаштрассе. Три небольшие солнечные комнаты, кухня, комната для домработницы; освещение, плита и утюги газифицированы... За всё это — всего 40 марок. Здесь мы и прожили до отъезда в Вену. Митюша в возрасте ещё до года стал ходить, всё понимал, но не говорил. Начали размышлять, как дальше жить. Ни в Германии, ни в Италии иностранцы не могли получить работу, не приняв подданства. Надо было ехать домой.

В феврале 1912 г. приехали Донские. Пригласили домой греческого священника окрестить Митюшу. Сыну было уже больше года, он бойко бегал и воевал с священником. Крестным отцом стал Дмитрий Николаевич, крестной матерью — Александра Федоровна, жена Михаила Ивановича Дрея⁶⁷.

Н.М. Донская, Е.М. Ельяшевич, Д.Д. Донской, А.Б. Ельяшевич, Е.М. Филипченко, А.А. Филипченко. Г. Мюнхен. 1911 г.
Из домашнего архива А.А. Русаковой.

Сёстры: Н.М. Донская, Е.М. Ельяшевич,
Е.М. Филипченко. Г. Мюнхен. 1911 г. Из
домашнего архива А.А. Русаковой.

Это была удивительная, чудесная, очень дружная пара. Как народоволец, он прошёл сибирскую ссылку. И какая-то особенная печать мягкости, правдивости и принципиальности, лежавшая на народовольцах, отличала и его. Александра Федоровна, дочь читинского городского головы, была типичной крепкой сибирячкой. С ней я посещала цикл лекций по искусству. Она была ярким приверженцем чистоты и порядка, что вызывало ироничное подтрунивание супруга. У нас с ними были очень дружеские отношения и в Мюнхене, а затем и в Москве.

Дмитрий Николаевич перед возвращением на родину предложил сыну поработать домашним врачом в Вене у его бывшего пациента — парали-

зованного старика графа Замойского. В далёком прошлом тот был блестящим офицером, прожигателем жизни и, как часто бывает в таких случаях, со временем женился на богатой, но некрасивой девушке старше его по возрасту. У неё было имение в Подольской губернии, где свёкор и вёл врачебное наблюдение за стариком. Теперь Замойские перебрались в Вену. Посещала их лишь пожилая дочь, вдова, она играла заметную роль в аристократических кругах города. Своих взрослых дочерей она никогда не привозила к отцу. Перспективы для врачебной работы были не очень радостные, но прельщали выгодные условия: полный пансион и 300 руб. в месяц золотом. Дмитрий Дмитриевич согласился на 3 месяца. На самом деле этот срок продлился 2 года.

Весной муж уехал в Вену. Я осталась с Митюшей.

Лето мы провели семьёй Филипченко: я с сыном, Катя с Шурой Ельяшевичем, приехавшие из Санкт-Петербурга мама, Леночка и Мишутка⁶⁸. Сняли приличную дачу в Штарсберге на берегу большого озера. Из того периода жизни запомнился один эпизод. Ещё до приезда мамы и сестёр я жила на даче с Митюшей и домработницей. Однажды

перед домом бродячий музыкант заиграл на скрипке веселый народный танец "Лендлер" ("Ländler"). Я пошла за деньгами. И в этот момент мне вдруг вспомнились весёлая вечеринка в школе Гребера, учёба в мастерской. Глянула на себя в зеркало — в волосах уже первые седые пряди... Мне уже 27 лет! И вдруг так жаль стало уходящей молодости, что я горько заплакала.

Лето провели хорошо. Митюша рос, хорошо начал болтать по-немецки, много играл с Мишей. Мама удивлялась его самостоятельности. Он со второго этажа сам спускался вниз в гости к хозяевам дачи, особенно ему нравился дед. Дмитрий Дмитриевич как-то раз навестил нас на пару дней.

Осенью сестра Леночка отвезла меня в Вену. Я ждала ребёнка. Мы поселились в русском пансионате Шермессер, который в нескольких объединённых квартирах держали три сестры. А Дмитрий Дмитриевич жил на вилле у старика и днём, а иногда и вечерами заглядывал к нам.

Я родила девочку, назвали её Таночкой. Хорошенький, голубоглазый, беленький ребёнок, она была очень спокойной, но слабенькой. Лишь впоследствии я узнала, что у неё был тяжёлый порок сердца. Теперь с ним справляются, но в те годы он был неизлечим. Иногда она слабела, синели ручки, губки, она безжизненно лежала. Дмитрий Дмитриевич очень любил дочку. Осенью после насморка она заболела воспалением уха с нарывом в железах. Отец сам её оперировал. Она была очень терпеливой.

Когда я поправилась, мама привезла Митюшу. За месяц он отвык от меня. В первый день сидел у бабушки на коленях и смотрел исподлобья. Сестрёнка очень заинтересовала его. Когда я назвала её "Таня", он переделал по-своему — "Тана". Через день он уже узнал меня, бегал следом и лопотал по-немецки: "Нарисуй уточку, нарисуй уточку". Я ему рисовала уточек. Для ухода за сыном была нанята девочка-чешка лет шестнадцати по имени Милена.

Муж очень добросовестно относился к своим обязанностям врача графа Замойского. Живому и ответственному, ему нелегко дались эти

Д.Д. Донской в эмиграции. Г. Вена (?). Ок. 1912-1914 гг. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

годы самоотверженного затворничества. Приезжать к нам он мог лишь от 3 до 4 час. Иногда ему удавалось выкроить и вечер. Тогда мы шли в кафе, встречались там с русскими. В те времена произошло знакомство с Д.Б. Рязановым⁶⁹. Жил в Вене и Л.Д. Троцкий. Но он держался особняком, его не любили⁷⁰.

С началом 1913 г. приехала Софья Алексеевна. Она стала уговаривать нас отдать ей Митюшу. Жена старика Замойского предлагала Дмитрию Дмитриевичу на лето поселиться на даче, куда потихоньку собиралась переехать и я с дочкой. Но во избежание раскрытия этой "конспирации" шустрого мальчика нам нельзя было брать с собой. После колебаний я согласилась отпустить сына к его бабушке, но очень переживала эту разлуку. Он говорил только по-немецки, но говорил великолепно, как настоящий немчик.

Лето того года мы провели на даче под городом Хинтербрюль около Мёддинга. Она была большой, двухэтажной, окружённой садом. Рассказывали, что её построил какой-то герцог для своей любовницы, артистки Мэри Гальтон, исполнительницы роли гейши в оперетте⁷¹.

За это время наша девочка поправилась, выросла. В сентябре приехала моя сестра Леночка и отвезла ее к Донским в Хмельник. Мы же всё больше склонялись к решению вернуться на родину, хотя мужа там ждала неотбытая ссылка, а меня суд. Но тут я тяжело заболела и три месяца была прикована к кровати. Жили мы там же, в больших полупустых комнатах. Дмитрий Дмитриевич делил время между больным стариком и мной. Зимой дедушка приезжал к нам на пару дней и привозил Митюшу. К Новому году я стала поправляться — и вдруг телеграмма о скоропостижной смерти дочки от сердечного припадка. Тяжело было потерять ее. Мы оба очень любили то маленькое приветливое существо. Чтобы отвлечь меня, Д.Д. устроил меня в Вене в санаторий с грязелечебницей. Лечение помогло, и к весне 1914 г. я стала на ноги.

Мы подали заявления в русское посольство: я — о желании предстать перед судом, Дмитрий Дмитриевич — о возвращении в ссылку. Разрешения были получены. В моей бумаге было сказано, что я возвращаюсь в Россию "для отдачи себя в руки правосудия". Я уезжала первой, муж меня провожал. Поезд из Вены уже трогался, а он всё ещё шёл рядом, и мы смотрели друг другу в глаза... Так кончился наш самый счастливый период жизни.

На границе жандармский офицер долго не вызывал меня для осмотра вещей и перехода на русскую половину вокзала. Я подошла к нему с вопросом. Оказывается, что он всё это время вызывал почему-то не Донскую, а Ронскую, при этом демонстративно пронося эту фамилию с ударением на "о" и с еврейским акцентом.

Долго смотрел на меня и кучу моих вещей с удивлением. Наконец я попала в объятия встречавшей меня на границе Леночки. Она уже взяла билеты. Пока ехали, у наших окон на остановках постоянно топталась личность "в гороховом пальто". Приехали в Петербург в субботу вечером.

В воскресенье суд был закрыт, и я провела этот день дома. Я не была здесь семь лет! Уже умер отец. Из квартиры на Знаменской наши переехали в большую квартиру на улице Перовской⁷². В одной комнате стояла моя обстановка, там никто не жил. Оказывается, это сохраняли для меня. Папа говорил: "Это — для Надюши, когда она вернется". Мама переехала с Леночкой в квартиру на 8-й Линии. Она была расположена на четвёртом этаже и состояла из пяти невысоких комнат. Как хорошо дома, какой у мамы вкусный кофе!

Наутро я пошла с защитником в окружной суд на Литейный. Мой адвокат - элегантный молодой человек по имени Дмитрий Дмитриевич (фамилию не помню), видимо, довольно правых убеждений — привёл меня к следователю Белевцеву. Допрос длился два часа. Ведь после громкого процесса, по которому я должна была проходить, минуло уже семь лет. Тогда слушалось дело по покушению на великого князя Николая Николаевича и П.А. Столыпина. Было много провокаций. Результатом суда стало три смертных приговора: лейтенанту морской службы Никитенко, студенту Синявскому и телеграфисту⁷³. Меня, с одной стороны, обвиняют в участии в боевой организации (чего никогда не было), с другой, — в пропагандистской деятельности среди телеграфистов Царскосельской железной дороги (что, собственно, и было). Но одно исключает другое. Я стою на своём: "Я мирно жила за границей, там ни в чём не замешана, на революционерку не похожа". Следователь вызвал защитника: он не будет меня арестовывать и выпустит на поруки в случае внесения залога в 1000 руб. Защитник позвонил моей маме, которая тут же привезла на требуемую сумму акций сахарного завода с обещанием заменить их на деньги завтра же. Радостные, мы с ней вернулись домой. Спустя неделю пришлось ещё раз сходить на допрос, а ещё через неделю-две меня вызвал прокурор военного суда, что располагался около дворца Юсуповых, и поздравил с окончанием дела.

Сразу же телеграфировала радостную весть Дмитрию Дмитриевичу в Вену и Донским в Хмельник. Муж немедленно по пропуску выехал в ссылку, лишь на один день по пути заехал к своим родителям. В Тобольске ему предложили два места ссылки: либо в Берёзове с правом врачебной практики, либо под Тобольском без оногo. Он выбрал последнее, поселившись в большом селе Чёрном на берегу Вагая, в 100 верстах от Тобольска. Местная больница пустовала, вра-

чей не было — и он, конечно же, начал лечить. А вскоре получил и официальное утверждение в должности. Так что решение в итоге оказалось выигрышным. Для Сибири 100 вёрст — не расстояние, за несколько часов на перекладных можно было ездить в Тобольск.

А я поехала в Хмельник к сыну. Он очень вырос, прекрасно говорил по-русски, а немецкий, наоборот, почти забыл. Бабушка много занималась с ним, у него была масса игрушек, учебных пособий. Ей не хотелось делить со мной воспитание внука. Муж писал, что бы я пожила в Хмельнике. Однако Софья Алексеевна, читая от него письма, прибавляла, будто бы от него, что он меня очень зовёт.

Я колебалась, но, в конце концов, решилась ехать в Сибирь. Грустно было вновь расставаться с ребенком. В Киеве зашла к Александре Ивановне Пятаковой⁷⁴. Она тяжело болела, не вставала с постели. Я поделилась с ней своими сомнениями. "Поезжай-поезжай, это правильно, ребенок не уйдет от тебя. А молодого мужа не надо оставлять одного, мало ли что может случиться", - по-женски мудро ответила она. Когда через два года я возвращалась домой и заехала в Киев, то застала её уже в гробу.

Через Петербург я поехала в Тобольск, от Тюмени — пароходом. В дороге чем-то отравилась, приехала совсем больной. Муж встречал меня на пристани и, как будто, не очень обрадовался моему приезду. В Тобольске ночевали у Вилькошевских, которые давали приют ещё старшему поколению Донских. На следующий день на перекладных отправились в Чёрное. Дмитрий Дмитриевич поселился у вдовы Татьяны Егоровны, умной оборотистой сибирячки. Платил за хорошую комнату и полный стол 20 руб. Договорились, что теперь за двоих мы будем платить 40 руб., но готовить должна была я сама. Хозяйка лишь обязалась предоставлять все продукты, кроме молока и масла. Продуктов, надо сказать, тогда было огромное изобилие — мясо, рыба, дичь, сливки, сметана, превосходное масло.

Меня поразила жизнь сибиряков. Они трудолюбивы, у них своя культура. После темпов Запада было странно видеть неторопливость, размеренность, несуетность людей. В селе проживали 20 ссыльных, многие с семьями. Местную интеллигенцию представляли судья, лесничий, пристав, учителя, священник, поддерживавшие со ссыльными дружеские отношения. Мы тоже бывали у них на званых вечерах, главное содержание которых составляли обильная еда и карты. Публика малоинтересная. Любили азартные игры, и я вскоре начала с этим бороться, поскольку Дмитрий Дмитриевич был горячим игроком. Он никогда не огорчался проигрышам, тогда как остальные из всех сил старались этого не допускать.

Как всегда, муж много работал. С утра его путь лежал в больницу, стоявшую на окраине села, над рекой. К вечеру необходимо было

Ссылный Д.Д. Донской (четвёртый слева) среди медперсонала больницы с. Чёрного Тобольской губ. 22 июня 1915 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

провести обход больных в стационаре на 10 коек. Кроме этого, было много разъездов. Одно время на селе появились два типа, будто для закупки птицы, а на самом деле для слежки, но Дмитрий Дмитриевич скоро сумел их выдворить.

Шёл 1914 год. Софья Алексеевна затеяла летом достраивать второй этаж — две комнаты для нас. В день объявления Первой мировой войны у дома сняли крышу, и стройка пошла полным ходом. Однако фронт приближался, и осенью 1915 г. Донские, оставив дом на попече-

Ссылный Д.Д. Донской (крайний справа) с родителями и сыном в с. Чёрном Тобольской губ. Зима 1915/1916 гг. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

нии Саши, приехали к нам. Несколько возов с вещами увезли на Полтавщину. В это время, чтобы Дмитрию Дмитриевичу быть ближе к работе, мы уже перебрались из села в домик врача при больнице, сделав предварительно его капитальный ремонт. Прежде в нём жил фельдшер с семьёй, но Дмитрий Дмитриевич снял ему квартиру в селе. Около дома мы развели небольшой садик и огород. Из тайги, что за речкой, на берегу которой стояла больница, привезли кусты смородины, малины. Ссылные часто бывали у нас. Для ребятишек устроили детский садик на 6-7 человек. Когда приехали Донские с Митюшей, сын тоже занимался в этом садике...

Места там были живописные. Мы часто большой компанией устраивали походы с кострами и песнями. Лето — с июня до сентября — было жаркое, а зимой нас заносило снегом так, что нельзя было пройти несколько метров до больницы, пока сторож лопатой не прогребал проход. Наша входная дверь открывалась наружу, и в таких случаях мы не могли выйти из дома из-за насыпанных сугробов.

Каждую осень Дмитрий Дмитриевич ездил за 40 вёрст в село Загвазино⁷⁵. Там он вёл прием больных, а я на ярмарке закупала для больницы и для себя продукты, особенно пудами топленое масло по 15 руб. за пуд. После одной из таких поездок муж сказал, что у него был неприятный больной. Он нечаянно всадил себе заряд в плечо, и рана нехорошо загноилась.

Через неделю у нас были гости, играли в карты. Дмитрий Дмитриевич чувствовал себя плохо: его лихорадило, лицо горело, температура поднялась выше 38 градусов. Уложили в кровать. А наутро температура подскочила до сорока, опухла рука. Дмитрий Николаевич в это время уже постарел, потерял профессиональные навыки. Он начал уверять, что это — простуда, пустяки. А муж сказал мне: "Я думаю, что это хуже, лучше ехать в Тобольск". Я пошла к фельдшерице, однако та тоже начала убеждать меня, что я напрасно волнуюсь. "А если это заражение крови?", — спросила я. "Тогда необходимы срочные меры", — был ответ.

К вечеру я спросила мужа, как он себя чувствует. Ему становилось все хуже, он был почти без сознания. "Может быть, всё же ехать в Тобольск?" — "Мне все равно". Я послала сторожа за перекладными лошадьми и сказала родителям, что везу его в Тобольск. Они оба, рассердились, обозвали меня паникёршей. А Дмитрий Дмитриевич уже никак не реагировал. Завернув его в доху и уложив на подушки в кошеву, мы тронулись в ночь. По пути пару раз останавливались на съезжей. К Тобольску подъезжали уже на заре. Около Абалакского монастыря⁷⁶, где позже держали Николая II с

семьей⁷⁷, в кедраче, залитом светом встававшего солнца, муж пришёл в себя. Стал говорить, что вряд ли выживет. "Не давай обета остаться вдовой", - попросил он тогда. Собрав все силы, я пыталась ободрить его. Скоро он опять затих.

Приехали в окружную больницу. Заведующий его знал, там же работал пленный австрийский хирург-профессор. Дмитрия Дмитриевича сразу унесли. Ко мне вышел врач с раздражённым вопросом: "Что же вы так запустили, почему поздно привезли?". После моих объяснений он с трудом поверил, что после заражения прошло всего три дня. "Сейчас начинаем операцию, приходите к вечеру". Пошла к Вилькошевским и только тут дала волю слезам. Вечером нашла его в общей палате: рука на вытяжении, температура все сорок, несколько надрезов до локтя, сплошной гной. Он был сильно слаб, но настойчиво просил зайти на утро к хирургу – австрийцу с просьбой ампутировать правую руку. Другого спасения он не видел.

К 8 час. утра я уже была у профессора с просьбой мужа. Тот улыбался: "А Вы его сегодня уже видали? Какие вы, русские, поспешные!". У Дмитрия Дмитриевича с утра температура уже опустилась до 38°, он улыбался: "Может быть, всё обойдется хорошо...". Я сразу дала телеграммы – его родственникам в Чёрное и своим в Питер.

Три недели он пролежал в больнице, я всё это время жила у Вилькошевских.

В 1916 г. фронт отошел от Хмельника, и Донские

С.А. и Д.Н. Донские по дороге из Сибири
домой в Подольскую губернию.
Г. Пятигорск. 1916 г.
Из домашнего архива Д.Д. Донского.

вернулись домой. Митюша остался с нами. Ему было 6 лет, он уже начал читать. На всё лето до самой осени приезжали мама с Леночкой. Сестра работала сестрой на кавказском фронте в трудных условиях. А к Новому году, по поводу 300-летия дома Романовых вышла амнистия, под которую подпал и Дмитрий Дмитриевич. Мы стали собираться в Петроград. Нас провожает толпа — друзья, местные крестьяне. Они говорили: "Такого доктора, как Дмитрий Дмитриевич, у нас никогда не было и не будет". Надо сказать, что квалификация и внимательность мужа в качестве врача оставляли у пациентов хорошие впечатления. Уже проживая в Чёрном, он получил письмо от жены старика Замойского, которая умоляла его вернуться: "Ни один врач не может так ухаживать за супругом, как это делали Вы".

Мы отправились в конце декабря 1916 г. на перекладных до станции Голышманово. Я запасла для мамы две жестяные банки топленого масла. Но нас напугали, что на железной дороге конфискуют продукты, и я, скрепя сердце, оставила ставший дефицитным в столице продукт. По этим же советам я набрала в дорогу много хлеба. Оказалось, всё зря: и хлеб в Голышманово был, и багаж не проверяли. А в Питере действительно было уже голодно.

Дмитрия Дмитриевича мобилизовали в действующую армию, но в январе 1917 г. разрешили съездить к родителям в Хмельник. Я с Митюшей там и осталась, а муж вернулся в Питер.

Февральскую революцию 1917 г. он встретил в Москве, был направлен на Кавказский фронт. Однако до него не доехал. В Тифлисе в это время избирался Совет солдатских и рабочих депутатов, в состав которого он вошёл в качестве заместителя председателя. А когда образовалось коалиционное правительство социал-демократов и социал-революционеров, он занял пост министра по военным и морским делам⁷⁸.

Леночка работала в Тифлисе сестрой милосердия, а осенью, перебравшись в столицу, стала заниматься на медицинских курсах. Софья Алексеевна и я в Хмельнике принимали активное участие в работе новой городской управы, особенно по продовольственному снабжению, ведь были введены хлебные карточки. Дмитрий Николаевич был уже тяжело болен и через год скончался. Среди лета того тревожного 1917 года Дмитрий Дмитриевич на несколько дней приезжал домой. В народном доме он горячо выступал против случившегося как раз в те дни корниловского восстания.

В сентябре я уехала в Петроград. Надвигались большие события в стране. На большом собрании Предпарламента я встретила

шумного Д.Б. Рязанова. Он мне сказал: "А мы будем бороться и бороться — с вами". Тем не менее этот горячий человек позже много помогал мне в тяжёлые годы тюрьмы моего мужа.

Я устроилась на работу в Министерство труда к Л.М. Пумпянскому. Там же работали А.Б. Ельяшевич и И.М. Майский. Октябрьские дни учреждения встретили враждебно, сначала бастовали. Мы не поняли величия свершившегося.

Наступил январь 1918 г. Дмитрий Дмитриевич был выбран депутатом Учредительного собрания, но на его заседание опоздал. Мы с Катей были на его открытии. Поскольку большинство мандатов принадлежало эсерам, председательствовал В.М. Чернов⁷⁹. Доклад по аграрному вопросу делал А.Б. Ельяшевич. В.И. Ленин не выступал. М.А. Спиридонова⁸⁰, лёжа на скамье, спала. Среди докладов вдруг появился взвод матросов, и Железняк⁸¹ приказал собравшимся разойтись. Так бесславно закрылось Учредительное собрание.

Глубоко подавленные, Шура, Катя и я в темноте возвращались домой. Что же это за парламент, который не смог отстоять себя?! Одни большевики сумели взять власть в свои руки.

Начались преследования. В Тифлисе у ворот дома, где жил Дмитрий Дмитриевич, вечером был застрелен офицер — скорее всего, пуля предназначалась Донскому. С трудом он вырвался из города. На первом же перегоне железнодорожники предупредили его, что следующим составом выехала группа для его ареста. Прошедший школу конспирации, он сошёл с поезда на следующей станции, по шпалам вернулся обратно, сел в другой состав и благополучно прибыл в Питер.

Он прожил с нами недолго на 8-й Линии, а затем был

Д.Д. Донской с сыном. М. Хмельник
Подольской губ. Январь 1918 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

вынужден перейти на нелегальное положение. Я работала тогда над выставкой "Россия до войны и теперь", организуемой Б.Б. Веселовским⁸². Муж иногда заходил ко мне на работу и в один из таких дней попросил зайти к одному железнодорожнику за служебным билетом, по которым члены Учредительного собрания разъезжались по домам. В апреле 1918 г. он уехал в Саратов.

В середине лета Софья Алексеевна сообщила мне, что у Митюши не ладно с лёгкими, и попросила приехать. Перед отъездом я решила повидать мужа. Дорога лежала через Москву, куда я попала как раз в дни убийства В. Мирбаха⁸³ и левозеро-восстания. В Саратове я прожила неделю на загородной даче у жены И.М. Майского. По возвращении в Петроград долго не было писем, я забеспокоилась и вновь поехала в Саратов. Но в Москве, когда я позвонила в Катину квартиру, дверь неожиданно открыл Дмитрий Дмитриевич...

В августе я уехала в Хмельник. На Украине вовсю полыхала гражданская война. Мама всё ещё жила у бабушки в Киеве, и я, коль уж оказалась в тех краях, решила навестить её. В Хмельнике было сытно, поэтому я положила в чемодан гостинцы — сало и другие продукты, — кинула туда же две смены белья и двинулась в Киев. Рассчитывала на недельку, а вернуться уже не смогла — путь отрезал Петлюра⁸⁴. Я надолго застряла в Киеве. Потом город заняли большевики.

В марте 1919 г. Дмитрий Дмитриевич написал мне из Москвы, где жил нелегально: "Если бы не трудности пути, я позвал бы тебя в Москву"⁸⁵. Этого было достаточно, чтобы я приложила все усилия к отъезду. В Киеве жили супруги Приходько — наши друзья по мюнхенской жизни, Е.М. Тимофеев⁸⁶, мой двоюродный брат Шура Филипченко. Последний и пообещал посадить меня на поезд Синего Креста с беженцами. Е.М. Тимофеев попросил попутно отвезти в Москву товарищам продукты — хлеб, сахар, сало. Я, конечно, согласилась. Но когда мы с Юрием Петровичем Приходько попробовали погрузить два мешка продуктов в санитарный вагон, нас не пустили. Место уже было занято более ответственными пассажирами. Пришлось мне сесть в пассажирский вагон только со своим чемоданом и небольшим запасом продуктов.

Ехали целых 8 дней. Рядом со мной была сестричка, которая возвращалась после двух лет работы на фронте — без денег, без вещей. Я её подкармливала в пути. В Москву прибыли ночью. Взяли со спутницей извозчика и по тёмным, заваленным снегом улицам поехали по адресу Дмитрия Дмитриевича. Долго искала во дво-

ре квартиру и, наконец, нашла с парадного на четвёртом этаже. Но через закрытую дверь хозяйка огорошила меня сообщением, что жилец уехал в Петроград и она не может меня впустить. Пока я спускалась вниз, кто-то из соседей подсказал, что жильца этой квартиры два дня назад "забрали". Моя спутница предложила мне попросить ночлег у её хозяйки, благо это было рядом. Та, хоть и неохотно, но пустила нас переночевать на раскладушках.

Утром я помчалась к нашим мюнхенским друзьям Александре Фёдоровне и Михаилу Ивановичу Дреям. Действительно, уже два дня как Дмитрий Дмитриевич был арестован. Они посоветовали обратиться к Екатерине Павловне Пешковой⁸⁷, дали её телефон. Мы договорились встретиться с ней в подъезде театра, где Екатерина Павловна тогда работала. Она как раз должна была везти передачу политическим в Бутырскую тюрьму. Сразу же посоветовала мне захватить продукты. На извозчике с большой передачей мы подъехали к массивному красному, кирпичному зданию тюрьмы. Распахнулись ворота. Мы вошли в просторное помещение с дверью с крупной решёткой, за которой располагалась ведущая наверх лестница. Екатерина Павловна с передачей ушла за решётку налево, наказав мне стоять у двери и пообещав вызвать мужа. Вскоре он в белом халате спустился по лестнице, на ходу улыбувшись и слегка кивнув мне, и ушёл налево к Екатерине Павловне. Она передала, что он посоветовал мне похлопотать о свидании через Д.Б. Рязанова.

Через день из Питера приехала Леночка. Свидание было получено, и мы отправились на него вместе. Подходя к тюрьме, встретили Раису Исидоровну Шабад — она жила в то время в Москве и шла после свидания с Дмитрием Дмитриевичем. На костюме у неё красовался букетик искусственных фиалок. А мы несли живые, душистые. При встрече муж сказал, что свидание с нами так же отличалось от свидания с Раисой Исидоровной, как наши фиалки друг от друга. Он был бодр, да и, надо сказать, все последующие 5 лет за решёткой никогда не терял мужества, поддерживал нас.

Итак, на целых 5 лет началась моя жизнь под стенами тюрьмы. Все они были тесно связаны с Е.П. Пешковой. Она была удивительной женщиной: энергичная, но внешне всегда спокойная, сдержанная. Среднего роста, с красивыми тёмными глазами и слегка вьющимися каштановыми волосами. Всегда в скромных тёмных платьях до полу. С 1918 г. она была председателем Политического Красного креста, который опекал политзаключенных. Ф.Э. Дзержинский⁸⁸ верил только ей. Она могла делать передачи, встречаться с заключенными.

Я всегда удивлялась, как она выдерживала в Красном Кресте. Он занимал маленькую квартиру на четвёртом этаже на Кузнецком мосту, которая постоянно была заполнена родственниками заключенных. Слезы, истерики, шум. А Екатерина Павловна — спокойная, немногословная. Одну зиму с утра и до начала работы я ходила к ней домой для разборки письменных заявлений. Она поила меня настоящим кофе с американскими продуктами. Муж знал её уже давно, ещё по Парижу. Потом Екатерина Павловна работала в Польском Красном Кресте по возвращению поляков на родину. Многие люди были ей благодарны за бескорыстную помощь. С А.М. Горьким⁸⁹, несмотря на развод, она сохраняла всю жизнь самые дружеские отношения. Недаром были изданы 500 писем их переписки⁹⁰. Последние годы жизни она трудилась в детских учреждениях и каждую неделю приезжала из Звенигорода с дачи для консультаций работников Дома Горького по его биографии и творчеству. Раза два в год я навещала её, и эти встречи всегда были интересны и радостны. Скончалась она 26 марта 1965 г.

В Москву я приехала без денег и вещей. Сначала поселилась в пустых неотопливаемых комнатах Любы Фриденсон на Самотечной Садовой, потом перебралась на Арбат, а оттуда — к своей дальней родственнице Соне Михалевской и её мужу Георгию Яковлевичу Фомину. Устроилась на секретарскую работу в Сибирскую контору "Закупсбыт". Вскоре там же стали работать Евгений Тимофеев и его жена Стася⁹¹. Как-то летом у меня произвели обыск и продержали с неделю в Бутырках. Вызволил Д.Б. Рязанов. Потом меня, как и жён других обвиняемых, проходивших по правозащитному процессу, арестовывали ещё пару раз. И всегда Рязанов помогал. Хороший он был старик, хоть и взбалмошный.

В 1920 г. Дмитрий Дмитриевич заболел сыпняком. До того он организовал при тюремной больнице хорошее сыпнотифозное отделение. Из персонала никто не заразился, но сам он, осматривая больных ещё до дезинфекции, подцепил заразу. Болел тяжело. Меня пустили к нему. Это была кошмарная встреча. Он бредил: говорил, что у него родильные схватки; что бабушка привезла Митюшу и тот приглянулся Дзержинскому, который хочет забрать его, но уступить не надо... Потом показал в угол, утверждая, что там идет Испанская революция. Вокруг громко стонали и бредили несколько десятков больных. Сестра увела меня и больше не пускала.

А когда он стал на ноги, нам разрешили находиться вместе сначала в другой больнице, а потом в санатории "Высокие горы". Тут он жил ещё с одним больным врачом в павильоне, стоявшем в боль-

шом саду. Надзора не было. Поздно вечером они сбегали через забор домой и возвращались лишь на рассвете. Когда ему стало лучше, его опять увезли в тюрьму.

Когда за решёткой оказались все товарищи Дмитрия Дмитриевича, с передачами стало ходить уже много жён. Нашим штабом была квартира Сары Николаевны Гоц⁹², её муж⁹³ тоже сидел. Этой семье хорошо помогали родственники — коммерсанты из заграницы. Я любила эту женщину за весёлый нрав и предприимчивость. Часто мы заранее стоваривались и приносили одинаковые передачи, поскольку у наших мужей было общее хозяйство. Подружилась я и со Стасей Тимофеевой — миниатюрной, вспыльчивой, но очень хорошей женщиной. Е.М. Тимофеев и А.Р. Гоц 10 лет пробыли на каторге в Александровском центре.

Под 1921 год Сара Николаевна подала мысль просить у Ф.Э. Дзержинского разрешение встретить Новый год с мужьями в тюрьме, как это велось раньше на каторге. Сразу позвонили секретарю председателя ВЧК, чтобы он нас принял. Уже вечером получили ответ: прийти наутро. Пошли Сара Николаевна и я. Зима была теплая, таяло. Моя подруга была в котиковой шубе, я — в плюшевом жакете. А ноги — в валенках. Особенно ужасны были мои — старые, большие, стоптанные. В комендатуре получили пропуск и с парадного хода с Лубянской площади прошли на второй этаж. Вошли в комнату со стульями вдоль стен и чистым зеркальным паркетом. А за нами — мокрые следы. Переглянулись — но что поделать? В следующей комнате нас встретил секретарь в щегольской военной форме и подвёл к большому шкафу. Оказалось, что это — дверь. Миновали ещё две комнаты и вошли в большой зал, в глубине которого за столиком увидели Ф.Э. Дзержинского. Мы прошествовали к нему по паркету, вновь оставляя мокрые следы. Хозяин кабинета, улыбаясь, пригласил сесть. Сара Николаевна, блестя своими лучистыми красивыми глазами, изложила нашу просьбу, я скромно молчала. Ф.Э. Дзержинский ответил, что лично у него возражений нет, но окончательный ответ может быть дан лишь после обсуждения этого вопроса с другими. Пообещал, что мы получим его вечером по телефону. Мы все ждали решения Лубянки у Сары Николаевны. Оно было положительным, на завтра была разрешена встреча.

Мы начали лихорадочно готовиться: добывать сладкое, возможные в то время закуски, печь у меня булочки. Время-то было голодное. На встречу мы с Сарой Николаевной поехали на извозчике, остальные — трамваем. И вот — двери тюрьмы широко распахнулись, и нас повели по коридорам направо в большую узкую комна-

ту с большим столом и скамьями. Мы расстелили скатерть, поставили посуду, угощенье, украсили стены еловыми ветками. Сторожа принесли огромный, на несколько ведер самовар. Были даже две бутылки вина. Вечер прошёл весело, радостно. Какой это был праздник для наших мужей! Ушли мы в 3 час.

А в январе 1921 г. Д.Б. Рязанов выхлопотал себе возможность взять Дмитрия Дмитриевича на поруки. Два месяца он прожил на Новой Басманной в квартире Сони [Михалевской]⁹⁴. Давний знакомый, нарком здравоохранения Н.А. Семашко⁹⁵, учитывая способности мужа, предложил ему возглавить организационный отдел Народного комиссариата здравоохранения — один из ответственных участков этой структуры. Но тот отказался, ссылаясь на своё несвободное положение. Он пошёл работать в курортный отдел этого же комиссариата, возглавляемый хорошим знакомым доктором Тизяковым,

А потом его опять перевели в тюрьму. Арестовали, когда я ездила в Тверь за картошкой.

Как то меня вызвал Н.А. Семашко. "Ваш муж недостойно ведет себя, он использует своё звание врача, чтобы вызволить заключенного. За такие вещи лишают права практики", - выразил он своё неудовольствие. Речь шла о свидетельстве о нервном состоянии молодого поляка, обвинявшегося в шпионаже. Я хорошо знала, что Д.Д. этого документа не выписывал, а лишь хлопотал о вызове специалиста-психиатра к этому больному. Так и объяснила наркому. Он тут же обратился к женщине — врачебному инспектору: "Извинитесь перед Донской. Вы ввели меня в заблуждение".

Но не всегда в тюрьме была такая либеральная обстановка, как во время памятной новогодней встречи. Как-то уже в 1922 г., подходя с передачами к Лубянке, мы услышали дикий вой. Оказалось, несколько сотен уголовных вторые сутки попеременно выли, протестуя против отказа администрации удовлетворить их требования. Политические их поддерживали. Нас не допустили к передаче. А на следующий день сказали, что наших заключенных здесь уже нет. Мы бросились к Е.П. Пешковой, Д.Б. Рязанову, ответственным коммунистам. Никто ничего не знал. Наконец выяснилось, что они — в вагонах на путях Ярославской железной дороги. Их увезли в Ярославль, в тесную, неустроенную тюрьму, на голодный паёк⁹⁶. Отправляли силой. Дмитрий Дмитриевич лёг на пол, и его за ноги стянули с четвёртого этажа. Он лишь поднимал голову, чтобы не расшибить её.

Как-то ко мне пришёл надзиратель из Ярославля с письмом от мужа. В нём сообщалось, что там очень плохо, что многие от недое-

дания уже не встают, что врача нет, что ему приходится много заниматься медицинской работой, леча и заключенных, и администрацию. Получаемые в качестве "гонорара" пайки хлеба он распределял между слабыми. Дома в тот раз у меня не было серьёзных запасов, отправила то, что имелось. Однако в дальнейшем этот человек возил мои посылки в Ярославль несколько раз.

Вскоре заключённых вернули в Москву, но уже не в Бутырки, а в тюрьму на окраине города. С одной стороны там был неохраняемый пустырь, куда выходили окна заключённых. Мы переговаривались через них. Для защиты на предстоящем процессе мы связались с адвокатом А. Тагером. Через некоторое время наших мужей перевели во внутреннюю тюрьму — в здание на Лубянской площади⁹⁷. Это был бывший жилой дом, не приспособленный для содержания заключенных, с тесными и очень душными камерами

Суд был назначен на 3 июня 1922 г.⁹⁸ По графику утренние заседания продолжались с 10 до 14 час., вечерние — с 16 до 19 час.⁹⁹ В воскресенье они не проводились. Посередине сцены Колонного зала Дома профсоюзов установили большой стол для судей¹⁰⁰. Председательствовать должен был Юрий Пятаков. Я его знала ещё по общим детским играм в Городище. У них в семье росло пять братьев, он был четвертым. Слева и справа от председателя были заготовлены места ещё для двух судей. Справа — для прокурора, общественного обвинителя А.В. Луначарского¹⁰¹, Б. Куна¹⁰², Н.В. Крыленко¹⁰³, кого-то ещё.

Слева стояли скамьи обвиняемых. На них должны были усесться 20 участников партии социал-революционеров, в том числе 12 членов ЦК¹⁰⁴. Рядом предполагалось разместить группу Семёнова¹⁰⁵ и Григория Ратнера¹⁰⁶, какую-то женщину и ещё пару человек. Это были уже коммунисты¹⁰⁷, их защищал Н.И. Бухарин¹⁰⁸. Несмотря на их более выгодное положение, они впоследствии так и не сумели использовать свою мощную защиту, выступали слабо и шумно. Даже председатель вынужден был их иногда одёргивать. Внизу было отведено место для корреспондентов, стенографисток и защитника А. Тагера¹⁰⁹.

Мы пришли очень рано и заняли первый ряд стульев. Скоро к нам подошёл комендант — молодой военный, желчный и неприятный поляк. Он потребовал, чтобы мы пересели в 15-й ряд, так как на эти места розданы билеты. Мы категорически отказались, он ничего не смог с нами сделать. Бесполезен оказался и вызванный им помощник, молодой весёлый матрос. Он лишь рассмеялся: "Ну, что с женщинами сделаешь?!". В конце концов, мы всё же вынуж-

дены были пойти на компромисс и пересесть во второй и третий ряды.

Каждое утро из внутренней тюрьмы привозили обвиняемых. Это был целый кортеж: впереди машина с военными, за ней большой фургон "Чёрный ворон"¹¹⁰ с конными милиционерами по бокам, а затем ещё несколько открытых машин. Это явление привлекало на тротуары много любопытных. Уже много лет спустя, проходя по Театральному проезду, я всегда вспоминала "Чёрного ворона".

Я не буду пересказывать ход процесса на протяжении двух месяцев вплоть до 8 августа. Обвинения были тяжкие. Шла ожесточенная борьба за власть, и сейчас ясно, что правда была на стороне большевиков. Дмитрий Дмитриевич сказал мне тогда: "Этот процесс — осинный кол, вбитый в могилу партии социал-революционеров"¹¹¹. Его положение на процессе было трудным: он уже не разделял прежних взглядов, но из чувства солидарности с товарищами не мог заявить об этом, не мог не понести с ними единой ответственности.

Обвиняемые резко защищали свои позиции. Как-то при свидании лидера эсеров А.Р. Гоца и председателя процесса Ю. Пятакова последний спросил: "Разве вы не понимаете, что ваши резкие выступления повлияют на приговор?". Подсудимый ответил: "Наша судьба не может иметь значения для наших выступлений". Очень резко и прямолинейно обвинял Н.В. Крыленко, требуя высшей меры. А речь общественного обвинителя А.В. Луначарского привела своей логикой и формой в восторг обвиняемых. От группы Семенова, как я уже отмечала, выступал Н.И. Бухарин. Кто бы тогда мог подумать, что через 15 лет и Крыленко, и Пятаков, и Бухарин сами будут обвинены?

Очень резок в обвинительной речи был Ф.Я. Кон¹¹² — седой, с резким голосом. После его речи выступал Е.М. Тимофеев. Он стоял бледный, говорил тихо, прерывающимся голосом. "Помнит ли Феликс Кон годы, когда он вместе с моим отцом был на Каре? Как он держал меня на руках?", — вопрошал подсудимый. А затем стал возражать на его обвинения. Зал слушал в полной тишине. Выступала и Клара Цеткин¹¹³. Громким голосом, по-немецки, она громила обвиняемых. Седые волосы развевались, руки были сжаты в кулаки. Один из обвиняемых ответил ей, что она напоминает старуху в поэме о Яне Гусе, что пришла подбросить несколько прутиков в костёр у его ног. Тяжело было обвиняемым слышать грозное обвинение группы питерских рабочих. Зная Дмитрия Дмитриевича артистка Художественного театра Коренева, присутствовавшая на заседании, вполголоса твердила: "Это же Голгофа, Голгофа...".

Мы посещали процесс каждый день. В перерыв не уходили домой, обходясь стаканом чая в буфете. Два раза в неделю в обеденный перерыв обвиняемым разрешали свидания. Питались они хорошо, сытно, даже нередко подкармливали и нас.

В начале июля ко мне подошел матрос, помощник коменданта, и пригласил пройти вниз. Там меня ждал Митюша. Он с бабушкой приехал из Хмельника. Я обратилась в записке к Ю. Пятакову с просьбой разрешить подсудимому Донскому встречу с сыном и матерью. Он ответил запиской же, что свидание будет дано завтра в обеденный перерыв, можно в его кабинете. Но от кабинета мы отказались. Свидание было тяжёлым. Софья Алексеевна всё время плакала. Как же так: сын, всю жизнь боровшийся за рабочих, сам теперь оказался на скамье подсудимых? Ни она, ни Митя на процесс не ходили.

Ю. Пятаков обращался ко мне по имени-отчеству. Таких записок у меня скопилось несколько штук, но раз во время обыска их забрали. Вообще, во время суда Юра держался выдержанно. Защитнику А. Тагеру выступить не дали. Не допустили до трибуны и представителей Второго Интернационала — Э. Вандервельде¹¹⁴ и Т. Либкнехта¹¹⁵, брата казнённого Карла Либкнехта¹¹⁶. Обвиняемые виделись с ними. У нас тоже была встреча, во время которой говорили с ними С.Н. Гоц и я, поскольку мы владели языками. Они нам сказали: "Ваши мужья держатся как герои". Сара Николаевна поднесла им большую деревянную шкатулку, вырезанную на каторге заключенными.

Еще до процесса Карл Радек¹¹⁷ заявил за границей от своего имени, что подсудимые казнены не будут¹¹⁸. За это ему попало. Е.П. Пешкова всё время посещала суд. Бывал и Д.Б. Рязанов. Часто на трибуне присутствовали видные члены партии. Накануне приговора у нас было свидание, очень тяжёлое. Дмитрий Дмитриевич передал мне и Леночке, которая приехала из Питера, небольшой чемоданчик. Там лежали лишние вещи и много сахара, который он скопил для нас. Вечером мы возвращались домой взволнованные и забыли сахар в трамвае.

И вот — приговор. Обвинения по четырём статьям, каждая из которых влечёт высшую меру наказания¹¹⁹. А затем вдруг странная оговорка: "Если приговор не будет приведен в исполнение, то 5 лет тюрьмы с зачетом предварительного заключения и затем 3 года ссылки и поражение в правах". Мы слушали приговор стоя. Никто из нас не проронил ни слезинки, держали себя в руках. Только зарыдала жена одного из группы Семенова, хотя к ним не была при-

менена высшая мера. Обвиняемых увели. При выходе из зала приговорённым к высшей мере давали команду "Налево!", остальным — "Направо!". А мы стояли ошеломленные. К нам подбегали незнакомые люди, корреспонденты, жали руки, поздравляли... Через три дня появилось постановление: "Если партия социал-революционеров не будет предпринимать выступлений против Советской власти, приговор не будет применён".

В этот день при входе, ещё до зачитывания приговора, у нас отобрали ручные сумочки. А при выходе нас всех задержали и отправили в ближайшее отделение милиции, где обыскали, но, разумеется, ничего не нашли. Была уже поздняя ночь, трамваи не ходили. Спать не хотелось. Мы все пошли к Саре Николаевне и просидели у неё до утра. Среди ночи обыск провели во всех наших квартирах.

Дмитрия Дмитриевича поместили в небольшую полутёмную камеру. В ней стояли лишь койка без белья и умывальник. Он все время лежал. Еду приносили. Папирос не было. На крышке последней папиросной коробки он написал прощальное письмо. Неделю он не разговаривал, не обращался ни с какими заявлениями. Как выяснилось позже, многие в это время протестовали. Через неделю его перевели к Веденяпину¹²⁰ и объявили окончательный приговор. Ещё через некоторое время разрешили по четвергам передачи. А относительно свиданий сказали так: если с личным обыском, то встреча без свидетелей; если без обыска, то только в присутствии администрации. Мы предпочли первый вариант.

Свидания разрешались в течение часа раз в месяц. Мы стали их чередовать: ходили то втроём (с Софьей Алексеевной и Митюшей), то я одна. Проходили они в небольшой комнате с тяжелыми портьерами на окне и двери. Из обстановки имелись мягкий диван у стены, стол и два кресла. К лету Софья Алексеевна с моим сыном уехали на минеральные воды в Ессентуки к её брату, а потом собирались перебраться на море.

В это время и пришла ко мне взволнованная Дора Либерова¹²¹, ежемесячно приезжавшая на свидания из Екатеринбурга. Она была очень расстроена, плакала: перед встречей её очень грубо обыскала надзирательница, раздев догола, как это делают при свиданиях с уголовными. Я должна была идти туда на следующий день. История повторилась и со мной: меня, раздев до рубашки, грубо обыскали, хотели подойти ещё ближе. Я не выдержала и крикнула надзирательнице: "Если сделаете ещё один шаг, я вам дам по физиономии!". Дежурный, услышав крик, открыл дверь. Я продолжала кричать: "Уберите её!", уже не обращая внимания на свой полураздетый вид. Муж за стеной тоже был взволнован. Он посоветовал сейчас же ехать к Д.Б. Рязанову. Того я не застала дома, но всё рассказала его

жене. Договорились с ней, что назавтра я зайду. А назавтра... Давид Борисович улыбался: в ГПУ для заглаживания инцидента предложили нам с мужем поехать в их совхоз на неделю.

На следующий день, закупив молодой картошки, овощей и кое-каких продуктов, я отправилась на Лубянку. Здесь уже ждала легковая машина. Вывели Дмитрия Дмитриевича, и мы через всю Москву, Воробьёвы горы поехали за город.

Совхоз с парком и прудом был бывшим помещьем. Нас устроили в небольшом двухэтажном доме в двух шагах от пруда. В комнате, два окна которой выходили на веранду, стояли две кровати, стол, стулья. Через коридор от неё располагалась кухня с дровами. В доме и саду надзора не было. Каждый день нам выдавали паёк с мясом. На втором этаже жила Мария Спиридонова, уже немолодая¹²². Она умела как-то подчинять себе окружающих, но я с ней сдружилась. У входной двери на крыльце дежурили курсанты. Вечерами они играли на балалайках, пели частушки: "Плюнь, глянь: соглашатели — все дрянь!". Видя их пляски, у меня тоже возникало желание поплясать, но это было, конечно, недопустимо. Так мы чудесно отдыхали целую неделю. После нас туда возили Веденяпиных, Тимофеевых и всех остальных осуждённых.

Наступил 1924 г. В январе страна хоронила В.И. Ленина. Стояли трескучие морозы, тем не менее десятки тысяч людей стояли в очереди к Колонному залу Дома Союзов, чтобы проститься с ним.

Стася Тимофеева и я работали в Союзе северных лесных кооперативов ("Всеколесе"). Среди его правления, да и рядовых сотрудников тоже, было много меньшевиков и эсеров. Там трудились Либер¹²³, старый социал-демократ Потресов¹²⁴, народоволец А.В. Гедеоновский¹²⁵. Осенью 1923 г. в правление ввели коммуниста, бывшего раньше прокурором, и в учреждении началась чистка. В марте 1924 г. "по сокращению штатов" в 24 часа уволили и меня, и Тимофееву. Тогда потеряли место и жильё многие сотрудники.

Когда я поступала на службу, мне устроили командировку в Архангельск. В Холмогорах в это время вместе с группой медработников была в ссылке моя сестра Леночка. Там она заболела сыпняком, а следом — и поехавшая к ней мама. При помощи Д.Б. Рязанова мне удалось помочь им вернуться в Ленинград.

В это лето Софья Алексеевна с Митюшей никуда не выезжали. В августе кончился пятилетний тюремный срок Дмитрия Дмитриевича. Нам опять дали немного пожить в совхозе ГПУ. Решался вопрос о месте ссылки¹²⁶. Е.П. Пешкова сообщила мне, что определён Туруханск, но она будет хлопотать о лучшем районе. Ей удалось это сделать — был назначен Нарымский край. Я попросила её сказать в ГПУ, что я готова ехать с мужем в качестве арестованной. Она зас-

меялась: "Я много хлопотала, чтобы выпускали арестованных, но вот об аресте ещё не приходилось просить". Однако я оказалась права: мне предложили следовать с ним лишь как арестованной¹²⁷.

В это время я уже не работала во "Всеколесе". Но мы продолжали там жить в большой комнате рядом со столовой. Я приготовила в отъезд много вещей, белье, некоторые продукты. Перед отъездом Е.П. Пешкова вручила мне 2000 руб. червонцами. Я была очень растрогана.

Беспокоило, как бабушка будет жить с Митюшей до трудоустройства Дмитрия Дмитриевича. К той поре её дом в Хмельнике конфисковали. После процесса она попросила Ю. Пятакова дать письмо народному комиссару юстиции Украины А.Н. Скрибнику¹²⁸ (правильно Скрыпнику. — Я.Я.) с просьбой разобраться в этом вопросе. После этого съездила в Харьков и добилась возвращения дома. Затем продала его трём мясникам за 3000 руб., но эти деньги были уже прожиты. Из суммы, данной мне Е.П. Пешковой, мы оставили ей 1500 руб., взяв с собой в дорогу и на первое время 500 руб. После отъезда Софью Алексеевну и моего сына переселили в небольшую комнату в квартире управдома, это была хорошая семья. И Саша из Хмельника переехала к ним. Митюша уже учился в последних классах школы, ему было 14 лет.

С вещами я поехала на Лубянку. Отсюда на грузовой машине под конвоем нас повезли на Ярославский вокзал. Дмитрия Дмитриевича увели в какую-то комнату. Два крепких курсанта ГПУ, сопровождавшие нас, сдали мой багаж. Ехать мы должны были бесплатно, по проездному свидетельству. Сели в классный вагон: мы с мужем на нижних скамьях, курсанты — на верхних. Я, выйдя на перрон, хотела было подойти к провожавшим нас Софье Алексеевне, Митюше и Стасе Тимофеевой. Но меня остановил конвойный: "Нельзя. Вы арестованы". Так и пришлось попрощаться с ними лишь через окно.

В вагоне ехало полно нэпманов, многие с семьями — их тоже отправили в Нарымский край. Мне разрешали выходить в пути на остановках для покупки продуктов, в Сибири выносили очень много снеди. Сопровождавших мы подкармливали.

В Свердловске на вокзале продавали уральские камни. Дмитрий Дмитриевич захотел, чтобы я купила себе брошку. Я начала отказываться и в разговоре вынула свою брошь с большим тёмным аметистом в золотых лапках — мама его переделала из браслета. Заколола им воротник. А вечером, когда умывалась перед сном и снимала кофточку, камень выпал из оправы, покотился по покатоному полу и исчез в отверстии. Это небольшое происшествие про-

извело на меня очень грустное впечатление, точно предчувствие чего-то тяжелого. Хотя я и не была суеверной.

До Новосибирска ехали дня четыре. В маленьком одноэтажном доме, где тогда располагался вокзал, распрощались с конвоем. Пришлось ждать машину из города, багаж был большой. Дмитрия Дмитриевича сразу отвезли в тюрьму, я осталась на свободе. Вещи поместили в каком-то помещении. По адресу, который мне дали, ночевала у незнакомого зубного врача, она была не очень радушна. После поменяла ещё пару адресов: меблированные комнаты, где остановились и нэпманы; квартира жителя Хмельника, которого неожиданно встретила... Обедала в ресторане. Мужа видела ежедневно, делала передачи. Так мы жили неделю. Я чувствовала себя плохо, неприятно.

В Томск приехали на рассвете. Вокзал, тоже небольшой, располагался на окраине. От него по пустырям в сопровождении конвоя прошли в тюрьму. Я попросила поместить меня вместе с мужем. Нам отвели маленькую камеру на двух человек в полуподвале. Дмитрия Дмитриевича вызвал начальник и сообщил, что нас направляют в Парабель — это 500 км от Томска вниз по Оби, за Колпашево, недалеко от Нарыма.

На пароходе нас поместили в каюту 1-го класса, обедали в ресторане. К нам подсел молодой парень, он, видимо, должен был сопровождать нас до Парабели. Запомнились берега широкой Оби — низкие, пустынные, с редкими пристанями. В Колпашеве судно встретила большая толпа, где было много ссыльных. Среди них — молодой красивый парень, Борис Чернов¹²⁹, сын В.М. Чернова и А.Н. Слетовой¹³⁰. Позже он переедет в Парабель с женой — некрасивой и малопривлекательной.

Мне было разрешено свободно передвигаться по пароходу и выходить на остановках, и я старалась облегчить участь невольников. В 3-м классе везли трёх анархистов: братьев Юру и Сашу Володарских и украинца Бориса Немерицкого¹³¹. Я покупала им на пристанях молоко и хлеб. Позже с Б. Немерицким с его милой красивой женой Лидой мы дружили. Как и с приехавшим Самуилом Рыссом¹³² — начитанным, культурным парнем. По окончании срока оба они жили в Ленинграде. В 1930-г гг. были арестованы и, в числе других, затоплены в барже под Кронштадтом.

В Парабель приехали поздно вечером. На пристани встретились с Василием Петровичем Трусовым, с которым мы вместе работали в Союзе северных лесных кооперативов и одновременно были сокращены. Он был обрадован нашим приездом. Кстати, в пути на одной станции мы выжили ещё с одним моим коллегой по "Всеко-

лесу" — председателем правления Владимиром Константиновичем Иковым¹³³, который тоже был отправлен в ссылку.

Пришлось ждать в маленькой избушке, пока за нами и нашими вещами пришла телега. Ночевали в помещении ВЛКСМ на полу. Утром зашёл немолодой, приятный социал-демократ Соломон Павлович¹³⁴ и позвал завтракать. Его жена накормила нас сытным завтраком с какао. Выяснилось, что она здесь проводила отпуск и через день должна вернуться в Москву. У них оказалась веселая солнечная комната, угловая на втором этаже. Она мне очень понравилась, и я предложила мужу занять её. Но Соломон Павлович сказал, что помещение уже обещано семейному заведующему рыбной коптилкой, что живёт за стеной.

Дмитрий Дмитриевич с утра ходил в сельсовет. Оказалось, что больница не работает. Её должны были перевести из Нарыма, но врач не захотел терять дом с огородом, и отказался переезжать¹³⁵. Поэтому в Парабели приём двух-трёх больных в день вёл фельдшер у себя на дому. Мужу пообещали в скором времени перевезти всё оборудование из Нарыма, что обещало скорую работу. Это его обрадовало, он пришёл весёлый. Ещё в Томске он посмотрел карту и остался доволен приличной заселённостью обских берегов. Много людей — много лечебной работы.

И понравившаяся комната осталась за нами. Муж уже ходил к соседу, осмотрел его и ребят — и они уступили жильё. Впоследствии тот всегда сообщал нам, когда у него были хорошие балыки или свежая осетровая икра. Мы её ели прямо ложками.

Днём прибежала женщина, первая пациентка — она подавилась рыбьей костью. Дмитрий Дмитриевич посоветовал ей съесть побольше мятой горячей картошки. К вечеру она с благодарностью принесла двух свежих сырков. Почти все жители там рыбачили.

На следующий день я сварила первый вкусный обед. Делала это в голландке, в неё была вделана плита. И в целом устроились мы уютно, в комнате с множеством цветов. Все их сибиряки называли геранью: "шипична герань" - розы, "душна герань" - душистые цветы. К нам приходили знакомиться ссыльные, человек 20 — 30, и нэпманы, с которыми мы ехали. Инженер с женой поселились в километре от нас в деревушке Костарево, там стояло всего несколько изб. Они заняли самую большую из них, где жил когда-то Я.М. Свердлов¹³⁶. Сыновья хозяина этого дома — охотники, позже они подружались с Дмитрием Дмитриевичем и весной всегда приносили замечательных больших диких гусей. Разворот крыльев у этих птиц больше метра, они вкуснее домашних. Вообще с питанием дела обстояли хорошо: всё дёшево, много рыбы, дичи. Муж запрещал мне брать подарки, но что я могла сделать, когда приносили на дом и,

С. Парабель. Вид с Полоя. Ок. 1926 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

если я не брала, то оставляли в передней? Один старичок сказал мне тогда: "Чего не берешь? Захочу — и коня подарю". Только через год вышло постановление Наркомздрава, запрещавшее рассматривать подношения в деревне как взятки.

Постепенно мы привыкли к Парабели. Село стояло на пригорке, внизу расстилался большой заливной луг шириной 1,5 или 2 км. Весной по разливу пароходы подходили прямо к селу. Близко располагалась и тайга. Её примыкавший к крайним домам участок летом огораживали для скота — делали поскотину. Животноводство было очень развито. Наш хозяин Иннокентий Прокопьевич держал 8 коров и голов 10 лошадей для извоза и заготовки и вывозки сена из-за Оби. Привозили его поздней осенью уже по санному пути. Молока коровы давали очень мало. Зимой они стояли на морозе, защищённые лишь оградой, поили их круглый год на реке. Однако уже в конце моего парабельского проживания некоторые стали строить утепленные конюшни и сараи.

В селе были школа, церковь, народный дом. В школе я занималась с учениками рисованием. Помню такую историю с самым моим способным учеником Володей (по фамилии, кажется, Виблин) из семьи украинских переселенцев. Однажды он пас скот вместе с братом. Последний и прибежал в село с криком, что на Володю напал медведь. Пока народ добежал до места трагедии, мальчик уже был весь изранен. Дмитрий Дмитриевич сейчас же прооперировал его, но спасти уже не смог.

В те годы медведи часто нападали на скот. Не избежала этой участи и корова, хозяйка которой носила мне очень хорошие молочные продукты. Эта женщина, услышав крики мальчишек, бросилась на медведицу с хворостиной, та — на неё. Сибирячка лишь успела прикрыть руками голову, как подбежали мужики, и медве-

С. Парабель. Вид с церковной колокольни в сторону Полоя. Кон. 1920-х гг. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

лица отступила. Но корову пришлось прирезать. Недели три после этого женщина провела в больнице. Муж со смехом передавал мне её слова: "И чего это зверь (так народ звал медведей) напал на мою Машку? Кажется, я никогда его не ругала и к вечеру имени его не поминала". Уже после моего отъезда к деревне выходил большой медведь. Собаки выли, скот кричал, парни пытались стрелять, а он спокойно прошёл по улице и скрылся в лесу.

Дмитрий Дмитриевич был в хороших отношениях с населением, завёл много приятелей. Особенно тесно общался со Степаном Ивановичем — огромного роста, рыжим¹³⁷. Не раз мы ездили к нему в гости. Принимали и у себя. Иногда у нас собирались ссыльные — пели, играли в разные игры. Я их кормила ужином. Материально жили они туговато, и я часто снабжала их продуктами. Как-то муж читал нашей компании свои воспоминания о студенческих волнениях в Киеве и сдаче 183 студентов в солдаты. К сожалению, они не сохранились.

Вскоре после нашего приезда открылась больница, на приёмы к Дмитрию Дмитриевичу стали приходиться от 50 до 100 человек в день. Он никогда не осматривал поверхностно, всегда обследовал подробно. Лекарства готовила фельдшер. Скоро устроили и маленькую лабораторию для анализов. По четвергам приёма не было, лишь проводились процедуры. В стационаре стояло 10 коек. Приём вёлся в порядке предварительной записи. Когда ссыльные попросили принимать их без очереди, он возразил, что у них больше времени

из-за незанятости, а крестьяне работают, а многие из них и приезжают издалека. Нэпманам же — они были денежные люди — он предложил домашний объезд по четвергам за 10 руб. в месяц. Их было 7 семей. Эти деньги он целиком отсылал матери в Москву, добавляя до 100 руб. из своей зарплаты в 150 руб.

Наш день был строго регламентирован. Вставали в семь с половиной часов, сытно завтракали. Без четверти девять муж уходил на приём до четырёх. Перерывов в работе не делал. Ровно в четыре мы обедали. До шести он читал газету, иногда дремал. С шести до восьми осматривал лежащих больных. Вскоре ему прислали помощницу — врача Эмму Моисеевну¹³⁸, она проработала в Парабельской больнице лет 10.

Приходилось ему и довольно много ездить — и верхом, и на санях, и в лодке. Ведь район обслуживания составлял 500 кв. км. Иногда приезжали ночью, распахивали дверь, в комнату врывались клубы морозного воздуха. Муж вскакивал — пока одевался, посылал в больницу за ящиком с лекарствами. Иногда я долгими вечерами ждала звука приближавшегося колокольчика.

Дмитрий Дмитриевич очень любил лошадей и конную езду — хоть верхом, хоть в санях. Он достал очень хорошего конька по клич-

Д.Д. Донской с верным Карькой. С. Парабель. 1930 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

ке Карька — маленького, как и весь сибирский скот, с красивой головой и, будто плюшевого, с коричневой шерстью. Он был очень быстрый, делал по 20 км в час. И умный, всё понимал. Ему надо было лишь единожды пройти путь, и он уже знал и дорогу, и дома, куда заезжал хозяин. И признавал он лишь Дмитрия Дмитриевича и сторожа Никиту. При больнице Карька прожил до самой своей смерти.

У мужа часто бывала ангина, но дня через два проходила. В один из таких приступов ночью домой пришёл председатель сельсовета, у которого в больнице должна была рожать жена. А у Дмитрия Дмитриевича была температура около 40 градусов, слабость. Мы с председателем одели его, завернули в доху, и они на санях уехали в больницу. Вернулся он только под утро. Роды оказались сложными, ребёнок погиб. Муж, полулёжа, всё время руководил.

Каждый квартал он делал отчёты, я помогала обсчитывать статистику. В отчётах, как и в жизни, он был педантично аккуратен. Принимал до 30 000 больных в год.

Как-то ко мне зашла молодая, ничем не примечательная девушка, она хотела поступить в сиделки. Я направила её к Дмитрию Дмитриевичу. Это была Таисия Ериферьевна Иванова, из-за которой я потом покинула Парабель. Постепенно она хорошо освоила порученное дело, стала много помогать мужу. И он начал нередко задерживаться из-за неё в

больнице, иногда кататься с ней на санях, в лодке.

В феврале 1925 г. мы получили телеграмму от Митюши и Саши, что с Софьей Алексеевной — матерью Дмитрия Дмитриевича — случился удар, и на следующий день, не придя в сознание, она скончалась. Я хотела тотчас же ехать. На всём 500-километровом санном пути до железнодорожной станции в Томске стояли морозные туманы.

Н.М. и Д.Д. Донские. С. Парабель Нарымского края. 1925 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

ны, и муж возражал против поездки. Тут ещё на беду у меня появилась на теле экзема, и он не пустил меня. Весной Митюша закончил школу. Дмитрий Дмитриевич советовал ему поступать в техникум, но сын не послушался и приехал с Сашей к нам. В Парабели он прожил один год. В это время он много занимался, с С. Рыссом они читали труды по философии¹³⁹. Кроме этого, сын ходил на лыжах, ездил верхом, летом рыбачил. Он стал совсем взрослым. Весной 1927 г. мы с ним выехали в Ленинград для его поступления в медицинский институт. Саша осталась в Парабели, устроилась работать в больницу. Впоследствии у них не заладились отношения с Тасей Ивановой, и после одного их скандала Дмитрий Дмитриевич свою тётку уволил. Ещё до моего возвращения в Парабель она оттуда уехала и стала жить в Железноводске. Я потом ездила к ней на лето несколько раз.

В Ленинграде мы с Митюшей поселились у моей мамы на 8-й Линии. Поступить в вуз сыну тогда не удалось. Мы сходили к моему двоюродному брату Юрию Филипченко, возглавлявшему кафедру генетики на биологическом факультете Ленинградского университета. Он нас очень ободрил и предложил племяннику этот год поработать у себя. Эта работа и подготовительные курсы много помогли Мите.

А я решила вернуться в Парабель. Дмитрий Дмитриевич говорил, что Тася, вероятно, не вернётся из отпуска. Но с последним пароходом она возвратилась. Я видела, что увлечение мужа не проходит, и решила весной следующего 1928 г. уехать. Он уговаривал остаться, но не очень настойчиво.

Картину прощания я помню очень отчётливо. Вот он везёт меня на Карьке на пристань. Пароход провожает большая толпа, ссыльные приносят большой букет полевых цветов. На пароходе мы крепко обнимаемся.

Больше мы с ним не видались.

Митюша ездил к нему на следующее лето после поступления в медицинский институт и в 1935 г. Вуз он закончил за четыре года. На втором курсе женился, а в 1932 г. на свет появилась моя внучка Танюша. Позже он заведовал кафедрой анатомии в институте физкультуры.

Начался и у меня новый отрезок жизни. Первый год в Ленинграде был труден. Я зарегистрировалась на бирже труда и начала работать в художественной артели по изготовлению из рафии образцов для шляп и украшений, которой руководила Мусселиус — моя однокурсница по Бестужевским курсам. Осенью на бирже тру-

да я сдала экзамен по библиотечному делу, и меня трудоустроили в Передвижной фонд Дома работников просвещения, располагавшийся в бывшем особняке Юсупова. До этого я частенько там бывала вечерами, помогала библиотекарям, входила в актив. В фонде трудились опытные библиотекари Дора Львовна Марголина и Мария Григорьевна Антипова, с которыми я не только очень хорошо сработалась, но и подружилась. Жить стало веселей.

Начала заниматься в кружках текущей политики международного положения. Еженедельно посещала обзоры книг при бибколлекторе. А затем закончила двухгодичные курсы библиотечных работников. Основательно ознакомилась с учением Маркса — Ленина. Стала вполне советским человеком и на многое начала смотреть иными глазами. С 1931 г. перешла на заведование большой читальней в том же Доме просвещения. В те годы библиотечная работа под руководством энтузиаста Фрумкина поднялась на большую высоту. В годы культа личности он погиб.

Дмитрий Дмитриевич регулярно посылал Митюше деньги, иногда — продуктовые посылки. Мы всё время переписывались. Его письма, хотя и не частые, были полны заботы о нас, постоянной памятью о прожитых вместе годах, благодарностью за нашу поддержку. Он постоянно писал, что вспоминает о нас чаще, чем мы думаем. Мы знали, как и в каких условиях он работает, старались по мере сил помочь. Посылали ему курево и, конечно, книги — по обезболиванию родов, монографию Мясникова о печени¹⁴⁰ и другие. Регулярно снабжали его научной и общей периодикой — "Клинической медициной", "Врачебной газетой", "Литературным современником". Дмитрий Дмитриевич постоянно следил, насколько это ему удавалось, за новинками медицинской литературы и, если была возможность, всегда пытался применить в своей практике передовые методы. Ещё при моей жизни в Парабели он получал из Австрии журнал "Венский медицинский ежемесячник" ("Wiener Medizinische Monatshefte").

Беспокоила его и проблема снабжения медпрепаратами, лекарствами. Предвидя её, ещё до нашего отъезда из Москвы в Сибирь Дмитрий Дмитриевич попросил меня сходить к наркому здравоохранения Н.А. Семашко, который очень доброжелательно меня принял и обещал в случае необходимости помощь. И, когда при вспышке весенней малярии муж обратился к нему, слово своё сдержал — прислал несколько килограммов хины¹⁴¹. Нужно сказать, что Дмитрий Дмитриевич и сам страдал малярией, которая трепала его каждую весну.

Вскоре после моего отъезда он совсем переехал в больницу. Её помещение было тесным, и он с энтузиазмом и присущей ему энергией принялся за перестройку и расширение. Через пару лет была отстроена новая просторная амбулатория, появились корпуса стационара на 30 коек (фактически принимал до 50 чел.), хирургического отделения, лаборатории для анализов. Параллельно возник и блок хозяйственных зданий: кухня, прачечная, овощехранилище, жилые помещения для персонала, конюшня. При больнице держали несколько коров, лошадей с жеребёнком, похожим на Карьку, откармливали свиней.

Чтобы содержать всю эту живность, было создано большое подсобное хозяйство, где разводили не только картофель, но и огурцы, помидоры. В этом деле большую помощь оказывала местная агростанция. Ставили много сена.

Участок около больницы был огорожен, засеян травой и цветами.

И все эти работы, не считаясь со временем, проводили собственными силами. Для Нарымского края той поры такая больница, конечно, была редкостью. Когда в 1935 г. на съезде участковых врачей в с. Колпашеве¹⁴² посланница Дмитрия Дмитриевича прочла свой доклад с демонстрацией фотоснимков, диаграмм, одним из пунктов решения было записано: "Работать так, как Парабель!".

Трудно было с кадрами, особенно с врачами. Несколько лет неплохо работала Эмма Моисеевна, но в 1935 г., после окончания срока ссылки её мужа, она уехала. Прислали на замену молодых врачей из Москвы. Однако, помимо невысокого профессионально-

Новая Парабельская больница сразу после открытия. Ок. 1930 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

го уровня, они отличались склонностью к мелочным дразгам, сплетням, а этого Дмитрий Дмитриевич не терпел. Пришлось с ними расстаться, взвалив всю работу на себя.

Получше было со средним и младшим персоналом, который из числа местных жителей готовился прямо на месте. Дмитрию Дмитриевичу приходилось выкраивать время для чтения лекций, курсов, организации занятий. Но за два года 15 молодых парабельчанок получили квалификацию среднего медперсонала. Кроме того он готовил кадры для ясель, детских садов на время страды в колхозах.

Однако, как и любой творческий и ответственный человек, мой муж не только знакомился с новейшей медицинской литературой, учил, но и учился сам. На летнее время он приглашал из Томска специалистов по хирургии, болезням уха, горла, носа, окулистов. И с гордостью писал мне в письме: "...Был хирургический отряд, оперировали... Вообще, я сначала ассистировал, потом мне ассистировали... И ни одному из многих тысяч съехавшихся больных ни в чём не отказали. Сделали 165 больших операций"¹⁴³.

В сентябре 1930 г. он выхлопотал разрешение съездить в Томск и Новосибирск для урегулирования дел больницы и утверждения её бюджета¹⁴⁴. Десять дней городской жизни дали ему немало: посещение театра, оперетты, концертов, визиты к профессорам медицины... Но быстро потянуло обратно, к своей большой работе.

А она уже не заключалась в рамках Парабелы. В одном из писем он рассказал о своей командировке в Каргасокскую больницу, врач которой был освобождён от должности за развал работы. Дело было зимой. В больнице — полный развал: не было топлива, керосина, ламповых стёкол... Работали при коптилках. Финансы были так исчерпаны, что даже за лошадей, на которых он прибыл, пришлось заплатить из своего кармана. За полтора месяца Дмитрий Дмитриевич, работая по 15-18 час. в сутки, принял около 4 тыс. больных, до 30 родов, провёл 175 операций. Помимо этого ему пришлось урегулировать финансы, добывать дрова и керосин для больницы и персонала, мирить людей и налаживать отношения в коллективе... Одним словом, всё привести в полный порядок и, несмотря на усиленные просьбы остаться в Каргаске, - вернуться в Парабель. Где уже накопились дела, где уже ждали больные. И опять — гонка.

Только мало-мало удалось отладить дела в больнице, пришла радиограмма из Колпашева: срочно выехать в юрты Напас Тымского района (450 вёрст) для спасения тамошнего врача. Он выпил 5 л казённого спирта, не поделившись с фельдшером, за что последний в обиде и пырнул его ножом. Мчался двое суток без сна и еды, но кол-

легу спасти удалось. Кроме того, за два дня Дмитрию Дмитриевичу пришлось принять и много больных, съехавшихся в Напас при известии о появлении доктора.

А в апреле — новый вызов в Каргасок на патологические роды...

Весной началась горячая работа по коллективизации, сторонником и агитатором которой стал и Дмитрий Дмитриевич. На 10 дней он уехал в деревню, где его хорошо знали и уважали, к его мнению прислушивались. Пропагандистская работа прошла успешно, хотя проблем было много, особенно с женщинами. Но ведь умение убеждать — его качество. Процент коллективизации вырос с 30 — 35 до 95 — 98%.

Наряду с этой общественной деятельностью он тогда же пытался реализовать свои планы санитарной и профилактической работы. Прибывали переселенцы, организовывались новые посёлки, лесозаготовительные и рыболовецкие артели. Всё это требовало медицинской профилактики, и он охотно читал лекции, проводил санитарные мероприятия. Но, конечно же, отдаться этому в полной мере было невозможно, по-прежнему много сил и времени отнимали врачебная и хирургическая работа, всё продолжавшаяся стройка, хозяйственные заботы. Он крутился, как в котле. Не каждый год удавалось выкроить отпуск. Более того, были времена, когда он распускал летом весь персонал, взваливая на себя всю тяжесть работы, не успевая даже сходить в лес, поехать в верхов.

Но осенью 1935 г. у него была большая радость — на месяц приезжал сын. Тут уж он взял отпуск, выполняя в больнице лишь самое неотложное и всецело отдаваясь общению с дорогим и близким человеком. Ездили на лодке, верхом, собирали в лесу грибы. Он был счастлив, что мог поговорить с взрослым сыном на равных. Тогда в

Д.Д. Донской с сыном. С. Парабель. 1929 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

долгих беседах выяснилась общность их взглядов, в том числе и на программу ВКП(б). Ещё до этого Дмитрий Дмитриевич стал понимать, что "путь к социализму и социализм не тот, как я раньше думал". Всю деятельность социал-революционеров в 1918 — 1919 гг. он признал не только ошибочной, но и преступной. А людей, отстаивавших её и в 1930-х гг., называл либо слепыми, либо сумасшедшими. Он приветствовал выступления в печати Р. Роллана¹⁴⁵ и М. Горького. Сыном он остался очень доволен. "Если вся молодежь такая, - говорил он, - то нам не страшны гитлеры и муссолини". Отъезд Митюши был для мужа финалом настоящего большого праздника, он "ещё больше подчеркнул пустоту и бедность парабельской жизни".

Все 12 лет жизни в ссылке были наполнены огромной медицинской и общественной работой, часто без сна и отдыха. Но самым трудным и тяжелым было не это, а частое недоверие и враждебность многих окружавших его людей, мелкие неприятности и интриги. Несколько раз сменялось руководство, и, пока новые начальники успевали привыкнуть и понять своего подопечного врача Донского, тому приходилось тратить много сил и нервов. Но, несмотря на все эти и другие трудности, он работал, не покладая рук.

Приехав в Парабель, мы рассчитывали только на 3 года ссылки. Однако срок всё время увеличивали — ещё 2 года¹⁴⁶, и ещё, и ещё... Последнее постановление было даже сформулировано иначе: не "ещё", а просто "о ссылке на три года". Он хотя и чувствовал, но не знал, что уже по всей стране развёрнута проверка, псевдобдительность, что исчезают из жизни не только беспартийные, но и видные, преданные коммунисты. Весной 1934 г. ему определённо предсказывали освобождение. Он строил планы на дальнейшую жизнь. Писал нам, что осенью приедет на Кавказ повидать нас, познакомиться с невесткой и внучкой. А осенью ничего не сбылось — опять ссылка. Его деятельную натуру это бесконечно угнетало. Ещё в мою бытность в Парабели он говорил: "Слишком бессмысленно в наши дни быть за решеткой. Я сидеть больше не буду и найду средство это избежать".

1936 год - последний в его жизни.

Я получила от него письмо от 28 июля, оно оказалось последним. Весна в тот год пришла очень поздно. Лишь в конце мая пошли пароходы. Вода оказалась высокой, и, как следствие этого, было очень много гнуса. Лето стояло холодное, сырое, с ветрами. Даже трава не росла. "Двенадцать лет я живу здесь, а такого не помню", - писал Дмитрий Дмитриевич. Но не только в этом была главная причина тяжелого настроения. В начале июня после операции аппендицита умер от осложнения заворотом кишок пациент-коммунист. Ни следствие, ни

вскрытие не помогло выяснить полностью причину смерти. Муж всегда очень тяжело воспринимал летальные случаи в своей врачебной практике, а после этой "ужасной" смерти был в настолько подавленном состоянии, что его, как было написано в письме, "преследовало желание самому ликвидироваться без шума". И дальше: "И жизнь моя, и работа — одно, что у меня осталось — меня сейчас не устраивают. Упорно и настойчиво возникает желание куда-нибудь перебраться из Парабели. Двенадцать лет, как будто бы, вполне достаточный стаж для Нарымского края... В эти тяжёлые недели часто думаю о тебе и Митьке".

Было возбуждено следствие, вызванное родственниками умершего и, очевидно, подогреваемое недоброжелателями. На 13 сентября был назначен приезд экспертной комиссии. В эти дни Дмитрий Дмитриевич ещё не очень нервничал. Когда же в указанный срок эксперты не приехали, он очень встревожился. Комиссия прибыла 20-го, суд назначили на 22-е: сначала на утро, а потом перенесли на 6 час. вечера. Две ночи он почти не спал, говорил, что его засудят, а в последнюю совсем не ложился — приводил в порядок всю сложную отчётность больницы. Утром в день суда дал некоторые распоряжения Тасе "на случай, если не вернётся". Ненадолго заглянул в стационар. В 2 часа сказал, что очень устал и хочет прилечь отдохнуть. Тася собралась по делам в деревню, и он проводил её до калитки.

Она вернулась к 4 час. Дмитрий Дмитриевич лежал на кушетке лицом к стене и, видимо, во сне стонал. Она стала будить его около 5 час., когда пришли двое посетителей. Проснулся он с трудом. Увидав его синюшнее лицо в липком поте, отсутствующие глаза, Тася испугалась и стала спрашивать, что с ним, что он сделал. "Ничего", - ответил Дмитрий Дмитриевич. Она вызвала врачей. Он в это время попросил помочь перейти ему на кровать, дать папиросу и грел-

Дмитрий Дмитриевич Донской. С. Парабель Нарымского округа. Ок. 1933 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

ку на голову. Когда Тася вернулась из кухни с грелкой, то папироса уже валялась, а Дмитрий Дмитриевич лежал без сознания. Больше он в себя уже не приходил. Двое суток врачи пытались вернуть его к жизни, но ни выкачивание желудочного сока, ни уколы — ничего уже не помогало. Он скончался 24 сентября в 6 час. 35 мин. Хоронили его 27-го. Пришла огромная толпа народа. Работникам больницы запретили быть на похоронах, но никто не подчинился.

Всюду искали, нет ли записок. Нашли три¹⁴⁷. Одну — к комиссии с сообщением, что он впрыснул себе 20-граммовый шприц морфия, и просьбой не искать другой причины смерти. Другую — к Тасе. Третью — к сыну. Просил простить и не горевать о нём. Сыну наказывал быть таким же бодрым и жизнерадостным, как во время приезда к нему, сожалел, что так и не увидел его жену и дочь, просил беречь маму. Писал, что очень устал от жизни, от бесконечной борьбы, от вечного недоверия окружающих. Содержание этих посланий я передаю приблизительное, поскольку записки сразу забрали и даже не дали переписать.

Тася послала мне телеграмму в Ленинград, что Дмитрий Дмитриевич смертельно болен. Митя в эти дни был в Харькове. Я сразу решила ехать, достала денег и послала "молнию": "Что с ним?". Быстро пришёл ответ, что ехать уже бесполезно. Кроме этих телеграмм, мы ничего не знали до середины октября, пока ни кончилась сибирская распутица и ни пришло письмо из Парабели. Я разорвала конверт и из него выпали снимки — мой муж на смертном одре. В письме Тася спрашивала, что нам прислать из его вещей, фото.

Она уехала к матери в Новосибирск. Собиралась весной вернуться в Парабель и поставить памятник на могиле Дмитрия Дмитриевича, отложила для этого деньги. Но это сделали уже её сестры. В ноябре того же года её нашли утром мёртвой: ещё с вечера она впрыснула себе морфий.

У каждого человека есть точка на планете, где заканчивается его земное существование. Для Дмитрия Дмитриевича ею оказалась Парабель. После 1928 г. мы с ним так и не увиделись... Но он не раз писал: верю, что мы ещё встретимся, протянем друг другу руки и наговоримся. Судьба решила иначе.

От Е.П. Пешковой я услышала, что в ту осень все его товарищи по процессу социалистов-революционеров были арестованы, заключены в концлагеря — и близкие больше ничего не знали о них.

Январь - май 1967 г.

Литературная обработка Я.А. Яковлева.

Комментарии.

¹ *Донская Софья Алексеевна (урождённая Тимофеева) (1861 – 1924). Мать Д.Д. Донского-старшего, свекровь Н.М. Донской.*

² *Стессель Анатолий Михайлович (1848 – 1915). В 1866 г. окончил Павловское военное училище. Участник русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. С 1899 г. – командир 3-й Восточной Сибирской строевой бригады, с которой участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае. С 1901 г. – генерал-лейтенант. В 1903 г. назначен комендантом Порт-Артура, в 1904 г. – командиром 3-го Сибирского корпуса. В русско-японскую войну 1904 – 1905 гг. служил начальником Квантунского укрепленного района. “Невежественный, самовлюбленный и лживый”, – так характеризует А.М. Стесселя Советская историческая энциклопедия (Т. 13. Стб. 827). По мнению историков, именно он “вопреки решению Совета обороны, сдал японцам крепость Порт-Артур, ещё способную к обороне”. 30 сентября 1906 г. генерал-лейтенант был уволен; в 1907 г. вместе с другими виновниками капитуляции привлечён к военному суду; в 1908 г. – приговорён к смертной казни, заменённой 10-летним заключением; в апреле 1909 г. – помилован царём.*

³ *Донская Александра Николаевна (1880 – 1951) – тётя Д.Д. Донского-старшего, младшая родная сестра его отца Д.Н. Донского. (См. о ней письма Д.Д. Донского, публикуемые архивные документы).*

⁴ *Неудивительно, что Д.Д. Донской среди нескольких революционных партий России выбрал социалистов-революционеров – в это время в южных губерниях России именно они отличались наибольшей активностью. “Южная партия социалистов-революционеров” в начале ноября 1897 г. в Полтаве провела свой II съезд, в Харькове летом 1900 г. – IV съезд; эти форумы сыграли важную роль в формировании ПСР. В Житомире, Екатеринославе (Днепропетровске), Бердичеве действовали отделения руководимой Г.А. Гершуни “Рабочей партии политического освобождения России”, которая в 1900 г. тоже вошла в ПСР. Сам Г.А. Гершуни, нередко проживая в Киеве, с осени 1901 г. создавал Боевую организацию. Здесь же находился центр пограничным связям партии.*

⁵ *Студенческие волнения в феврале 1901 г. прошли не только в Киеве, а во многих крупных городах империи – Петербурге, Москве, Харькове и т.д. Причиной их стали “Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков”, подписанные 29 июля 1899 г. министром народного просвещения Николаем Павловичем Боголеповым (1846 – 1901) и позволяющие отдавать в солдаты организаторов студенческих беспорядков. В 1901 г. они были впервые применены тем же министром в адрес 183 студентов Киевского университета, в том числе и Д.Д. Донского, открыто выступивших против антидемократических нововведений. Это спровоцировало взрыв студенческих выступлений. Составной частью последних было и смертельное ранение 14 февраля того же года Н.П.*

Боголепова членом Боевой группы эсеров бывшим студентом Петром Владимировичем Карповичем.

⁶Статья В.И. Ленина "Отдача в солдаты 183-х студентов" написана в январе 1901 г. и в феврале того же года опубликована во втором номере газеты "Искра". (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1979. Т. 4. С. 391-396).

⁷Подтверждением этого служит мнение жандармского генерала А. Спиридовича, начальника Киевского охранного отделения: "Это было одно из самых ошибочных мероприятий царского правительства. В армию вливали самых недисциплинированных, распропагандированных молодых людей. Там они в большинстве случаев сразу же попадали в привилегированное положение, что меньше всего походило на отбывание наказания, которое выдумало для них правительство. Между тем все оппозиционные и революционные круги приняли новое мероприятие как отправку молодёжи на исправление как бы в дисциплинарные батальоны. Поднялась агитация против правительства. В результате — вред для армии, вред для правительства и никакой пользы и толку для молодёжи" (Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 82-83).

⁸Трепов Фёдор Фёдорович (1854 — 1938). Окончил Пажеский корпус. С 1909 г. — генерал-адъютант и генерал от кавалерии; с 1894 г. — губернатор в Вятке; с 1898 г. — губернатор в Киеве; с 1903 г. — сенатор; в 1904 — 1905 гг. — начальник санитарной части Маньчжурской армии; с 1905 г. — член Государственного совета; в 1908 — 1914 гг. — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор; в 1914-1918 гг. — генерал-губернатор захваченных русскими войсками областей Австро-Венгрии; позже — эмигрант.

⁹Непонятно, кого имеет в виду автор, поскольку все три брата Ф.Ф. Трепова подпадают под определение "знаменитых". Трепов Дмитрий Фёдорович (1855 — 1906). Выпускник Пажеского корпуса. С 1900 г. — генерал-майор; в 1896 — 1905 гг. — московский оберполицеймейстер; с 11 января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, заместитель министра внутренних дел и петергофский дворцовый комендант. Организатор вооружённого подавления революционных выступлений 1905 — 1907 гг., автор знаменитого приказа "Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!". Трепов Владимир Фёдорович (1860 — 1918). Выпускник Александровского лицея. В 1902 — 1905 гг. — Таврический губернатор; с 1905 г. — сенатор; с 1908 г. — член Государственного совета. Трепов Александр Фёдорович (1862 — 1928). Воспитанник Пажеского корпуса. С 1889 — уездный предводитель дворянства, чиновник особых поручений в Министерстве внутренних дел; с 1899 г. — помощник статс-секретаря Государственного совета; с 1906 г. — сенатор; с 1914 г. — член Государственного совета; с 1915 г. — член Особого совещания по обороне, министр путей сообщения; с 10 ноября по 27 декабря 1916 г. — председатель Совета министров России. Известен как активный противник влияния Г.Е. Распутина на царскую семью и государственную политику империи. После 1917 г. — в эмиграции.

¹⁰Крестьянские восстания 1902 г. на юге страны, особенно в Константиноградском и Полтавском уездах Полтавской губернии, Валковском и

Богодуховском уездах Харьковской губернии, были заметным событием. Сагитированные эсерами и социал-демократами крестьяне выступили против помещиков, экспроприуя хлеб и имущество, требуя уменьшения податей и наделения землёй. Выступления жёстко подавлялись войсками.

¹¹ Сулержицкий Леопольд Антонович (1872 – 1916). В 1889 – 1894 гг. учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В эти же годы сблизился с Л.Н. Толстым, нравственному учению которого следовал всю жизнь. Исключён из училища за антиправительственную речь, после чего служил матросом. В 1896 г. за отказ принять присягу царю при призыве на армейскую службу сослан в крепость Кушку. В 1898 г. по поручению Л.Н. Толстого организовал переселение в Канаду духоборов. В 1900 – 1901 гг. А.М. Горький и А.П. Чехов ввели его в Московский художественный театр. С 1905 г. он стал известен как театральный деятель, режиссёр, помощник К.С. Станиславского, популяризатор его системы, сопостановщик некоторых его спектаклей. По оценке Большой советской энциклопедии, "всесторонне огарённый, обладал безупречным художественным вкусом, музыкальностью" (БСЭ. 3-е изд. Т. 25. С. 62).

¹² "Вилькошевский Станислав Людокович – 36 лет, потомственный дворянин, родился в губернском г. Варшаве; исповедания римско-католического; родной язык – польский; обучался в Варшавском университете; адвокат; домовладелец; проживает в собственном доме по ул. Большая Архангельская. Вилькошевская Мария Васильевна (жена) – 33 года, дворянка; родной язык – русский; родилась в Оренбургской губернии, обучалась в Троицкой прогимназии. Вилькошевская Мария Станиславовна (дочь) – 6 лет...". В этом же списке указаны 2 кучера, няня, кухарка и горничная, служившие у Вилькошевских (Материалы Первой Всеобщей переписи. 1897 г. Тобольск // Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 417.). По некоторым данным, присяжный поверенный С.Л. Вилькошевский являлся видным деятелем Партии социалистов-революционеров в Сибири (устная информация тобольского краеведа В.Ю. Софронова). В декабре 1905 г. он был одним из организаторов крестьянского съезда в Тобольске, который рассмотрел вопрос о земле, разъяснил делегатам сущность манифеста 17 октября и положений о выборах в Государственную Думу, составил наказ будущим депутатам (Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895-1917 гг. Томск, 1994. С. 89). Входил С.Л. Вилькошевский и в общество "Патронат лицам, освобождённым из мест заключения г. Тобольска" (Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. С. 63.). Возможно, этим и объясняется его деятельное участие в судьбе двух поколений ссыльных Донских. Политическая деятельность стала, в конце концов, и причиной отъезда С.Л. Вилькошевского из Тобольска, распада его семьи. В "Списке домовладений частных лиц г. Тобольска" за 1928 г. есть сведения: "Вилькошевская Мария Васильевна – по ул. Семакова, 7-А занимает дом, в котором сама проживает на 23 кв. м, сдаёт в наём – 108 кв. м. Муж – бывший адвокат – отступил с белыми" (Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 434. Оп. 1. Д. 772).

¹³ *Старинное и богатое с. Демьянское, названное так по имени местного князца Демьяна (Невьяна), расположено примерно в 160 км от г. Тобольска вниз по р. Иртышу. Было широко известно как связующее звено в торговле со зверопромышленниками и рыбаками Северо-Западной Сибири, как крупный центр ямщины и как место активной политической и уголовной ссылки.*

¹⁴ *Майский (Ляховецкий) Иван Михайлович (1884 — 1975). Родился в семье военного врача в г. Кириллове Новгородской губернии. В 1901 г. окончил Омскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, откуда в 1902 г. за участие в революционном движении был исключён и сослан обратно в Омск. В 1903 г. вступил в РСДРП, позже примкнул к меньшевикам. В 1905 г. участвовал в деятельности Саратовского совета рабочих депутатов. В 1906 г. арестован и сослан в Тобольскую губернию, где и познакомился с родителями Д.Д. Донского. В 1908 г. эмигрировал в Швейцарию, затем в Германию, здесь он тесно общался с автором воспоминаний и Д.Д. Донским. В 1912 г. закончил экономический факультет Мюнхенского университета и переехал в Англию. В мае 1917 г. вернулся в Россию, работал в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. К октябрьским событиям отнёсся отрицательно. В это время активно работал в профсоюзном движении, являлся членом ЦК РСДРП. После отклонённого однопартийцами его предложения войти в контакт с эсерами в июле 1918 г. выехал в Поволжье и в ранге министра труда был включён в созданный в Самаре "Комитет членов Учредительного собрания", ставивший своей целью свержение советской власти в России. За это тогда же был выведен из ЦК РСДРП и исключён из партии. После разгона Комуча А.В. Колчаком уехал в экспедицию в Монголию. В 1919 г. порвал с меньшевиками и в 1921 г. вступил в ВКП(б). В том же году в Новосибирске занял должность председателя Сибгосплана. В 1922 г. добровольно вызвался выступить на процессе правых эсеров со свидетельскими показаниями против них. С этого же года — на дипломатической работе: в 1929 — 1932 гг. — полпред в Финляндии; в 1932 — 1943 гг. — посол в Великобритании; в 1943 — 1946 гг. — заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1945 г. участвовал в работе Крымской и Потсдамской конференций. Активно занимался партийной и государственной работой: в 1935 — 1937 гг. — член ЦИК; в 1941 — 1947 гг. — кандидат в члены ЦК КПСС. Автор многих трудов по истории Германии, Монголии, Финляндии, Китая, Испании; по проблемам международного рабочего движения и внешней политики СССР. С 1946 г. — академик АН СССР. Вёл преподавательскую работу: в 1923 — 1925 гг. — в Коммунальном университете в Ленинграде; в 1920 — 1930-х гг. — на курсах пропагандистов ЦК КПСС и Высшей партшколы; в 1948 — 1953 гг. — в МГУ. Незадолго до смерти И.В. Сталина, в феврале 1953 г. был арестован и 2,5 года провёл в тюремном заключении. В 1966 г. поддержал обращение к руководству КПСС с предупреждением об опасности реабилитации И.В. Сталина. До последних дней жизни поддерживал дружеские отношения с автором "Воспоминаний" Н.М. Донской.*

Д.Д. Донской-младший вслед за ней называет И.М. Майского "чуть ли не единственным, самым близким другом" своего отца.

¹⁵ Уточнение: Л.Д. Троцкий весной 1905 г. находился в Санкт-Петербурге, летом — в пансионате в Финляндии, в октябре — вновь в столице, с 3 декабря 1905 г. по начало 1907 г. — в тюрьме. В Тобольской губ. он мог быть совсем непродолжительный срок при следовании на вечное поселение в г. Обдорск (нынешний Салехард). В пути в январе 1907 г. он бежал из больницы г. Берёзова.

Троцкий Лев (Бронштейн Лейба) Давидович (1879 — 1940). Родился в семье зажиточного земледельца в д. Яновке Елизаветградского уезда Херсонской губ. В 1888 — 1896 гг. учился в Одесском, а затем в Николаевском реальных училищах. В конце обучения и в первые годы после его окончания увлёкся революционным движением, формально не примыкая ни к какому из его направлений. С 1897 г. — член РСДРП, один из организаторов николаевской социал-демократической группы "Южнорусский рабочий союз". В 1898 г. был арестован и более 2 лет находился в тюрьмах. За это время и последовавшей затем в 1900 — 1902 гг. ссылке в Усть-Кут и Верхоленск Иркутской губ. окончательно перешёл на позиции марксизма. В 1902 г. бежал из ссылки и, по приглашению В.И. Ленина, нелегально выехал в Лондон. Участник II съезда РСДРП в Брюсселе в 1903 г., где занял позицию меньшевиков, став одним из их лидеров. С 1904 г. выступал за объединение фракций большевиков и меньшевиков. К 1905 г. в основном разработал теорию "перманентной" (непрерывной) революции, известную в мире под названием "троцкизм". Согласно ей российский пролетариат, осуществив буржуазный, должен будет начать социалистический этап революции, победой которой может гарантировать лишь помощь мирового пролетариата. В феврале 1905 г. нелегально вернулся в Россию: занимался пропагандистской работой в Киеве, много печатался в революционной прессе, возглавлял Петербургский совет рабочих депутатов. В декабре того же года вместе со всем исполкомом был арестован, год провёл в тюрьме и в конце 1906 г. вместе с 14 другими активистами совета был приговорён к вечному поселению в Сибирь. Местом жительства был определён г. Обдорск (Салехард), куда осуждённые выехали в январе 1907 г. Во время следования Л.Б. Троцкий из г. Берёзова бежал в Финляндию, а затем в Западную Европу. В апреле 1907 г. он уже выступал на V съезде РСДРП. С 1908 г. местом его жительства стала Вена. В этот период жизни он отошёл от русской эмиграции, вступил в австрийскую социал-демократическую партию, активно сотрудничал с социал-демократами Германии: был постоянным корреспондентом центральных печатных органов этих партий, присутствовал на съездах, собраниях и митингах. Поступил в Венский университет. Став заметной фигурой в международном социалистическом движении, Л.Д. Троцкий вступил в новый этап своей революционной деятельности. Основные его усилия в это время сосредоточились на попытках объединить под своим руководством большевистскую и меньшевистскую фракции РСДРП: в 1908-1912 гг. он организовал в Вене выпуск газеты "Правда", в 1913-1914 гг. активно выступал в прессе. В 1914 г., с началом Первой миро-

вой войны, Л.Д. Троцкий был вынужден спешно покинуть Австро-Венгрию и перебраться в Германию (Цюрих), а затем во Францию (Париж). В 1915 г. активно участвовал в важной международной конференции социалистов в Циммервальде (Швейцария). В ноябре 1916 г. за участие в выпуске антивоенных газет русских социалистов был выслан из Франции в Испанию, а затем в декабре того же года — в США. В Нью-Йорке вошёл в состав редакции социал-демократической газеты "Новый мир". В марте 1917 г. с семьёй и несколькими единомышленниками выехал в Россию и, после кратковременного ареста английскими властями в Канаде, в конце апреля прибыл на родину. Включившись в революционные события, он в составе группы межрайонцев (бывших меньшевиков и большевиков, стоявших на интернационалистских позициях) в июле-августе на VI съезде РСДРП(б) вошёл в состав последней и в её ЦК. Сделано это было заочно, поскольку с июля по сентябрь Л.Д. Троцкий находился в тюрьме за публикацию открытого письма правительству в поддержку обвинённого в шпионаже и заговоре В.И. Ленина. В сентябре он вошёл в исполком Петроградского совета, став его председателем. В этом качестве он возглавил созданный по его инициативе Военно-революционный комитет и принял самое деятельное участие в подготовке и проведении вооружённого восстания. С октября 1917 г. по февраль 1918 г. — нарком иностранных дел, глава советской делегации на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске. С марта 1918 г. — нарком по военным делам, а с апреля того же года — ещё и нарком по морским делам. С сентября 1918 г. — председатель Реввоенсовета республики, один из основных организаторов Красной армии, руководитель её боевых действий на многих фронтах гражданской войны. В октябре 1919 г. получил орден Красного Знамени. Был членом Политбюро ЦК и членом Исполкома Коминтерна. С января 1920 г. — нарком продовольствия, один из авторов и исполнителей политики "военного коммунизма". В 1920 — 1921 гг. — параллельно со своими военными постами занимал должность наркома путей сообщения, был одним из руководителей восстановления железнодорожного транспорта. По отдельным вопросам теории и практики пролетарской революции вёл активную фракционную борьбу против В.И. Ленина и его сторонников, в 1920 — 1921 гг. возглавил оппозицию в профсоюзной дискуссии. В 1923 — 1924 гг., в период болезни и после смерти своего главного оппонента, включился в борьбу с И.В. Сталиным за лидерство в партии и государстве. Облечены эти претензии были в форму дискуссии о расширении внутрипартийной демократии, допускающей наличие внутри партии нескольких идейных платформ, фракций и групп. Схватка была проиграна — "троцкизм" объявлен "мелкобуржуазным уклоном". В январе 1925 г. на пленуме ЦК РКП(б) был освобождён от обязанностей председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора, хотя оставлен в партии и даже в её ЦК. В мае того же года был назначен на посты члена президиума ВСНХ, начальника Электротехнического управления, председателя Научно-технического отдела ВСНХ и председателя Главного концессионного комитета, но в течение года покинул их из-за усилившихся разногласий с И.В. Сталиным. Новый виток внутрипар-

тийной борьбы по вопросам социалистического строительства приходится на 1925 — 1926 гг., когда Л.Д. Троцкий вошёл в число лидеров так называемой "объединённой левой оппозиции". Вновь потерпев поражение, он в октябре 1926 г. на объединённом пленуме ЦК и ЦКК был выведен из состава Политбюро, а в ноябре 1927 г. такой же пленум проголосовал за его исключение из ЦК и из партии. Решения были утверждены в декабре 1927 г. на XV съезде. В январе 1928 г. он был выслан в Алма-Ату, а ровно через год — из СССР. В 1929 — 1933 гг. жил в Турции, в 1933 — 1935 гг. — во Франции, в 1935 — 1936 гг. — в Норвегии, в 1936 — 1940 гг. по приглашению художника Д. Риверы — в Мексике. Указом ВЦИК от 20 февраля 1932 г. лишён советского гражданства. До конца своих дней не прекращал идейной борьбы с И.В. Сталиным и проводимым им курсом. Убит 21 августа 1940 г. агентом НКВД испанцем Р. Меркадером, переехавшим после тюремного заключения на жительство в СССР и получившим в 1961 г. звание Героя Советского Союза.

¹⁶ Радченко Иван Иванович (1874 — 1942). Из семьи мелкого лесопромышленника. В коммунистической партии с 1898 г. Член Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". В 1901 — 1902 гг. — агент "Искры"; в 1902 г. — член Петербургского комитета РСДРП; в 1917 г. — председатель Богородского (Ногинского) совета. С декабря 1917 г. трудился в ВСНХ: в 1918 — 1931 гг. — председатель Главторфа. Одновременно: в 1919 — 1920 гг. — заместитель председателя Главлескома; в 1921 — 1922 гг. — заместитель наркома Внешторга; в 1922 г. — председатель Сахаротреста; в 1923 — 1931 гг. — член президиума, заместитель председателя ВСНХ РСФСР.

¹⁷ Меншиков Александр Данилович (1673 — 1729) — широко известная историческая личность. Сын придворного конюха, ставший ближайшим сподвижником Петра I и получивший высочайшие титулы Российской империи — светлейший князь (1707 г.), генералиссимус (1727 г.). Крупный военачальник во времена Северной войны 1700 — 1721 гг. Императором Петром II был сослан вместе с семьёй в г. Берёзов (ныне — с. Берёзово Тюменской обл.), где и скончался.

¹⁸ Ельяшевич (Эльяшевич) Александр Борисович (1888 — 1967) — муж Екатерины Михайловны Филипченко, родной сестры автора воспоминаний. Родился в Иркутске в семье военного врача, учился в Иркутской классической гимназии. Как и многие молодые иркутяне той поры, попал под идейное влияние ссыльных народовольцев, результатом чего стало его членство в гимназическом обществе "Братство". В 1903 г. за революционную деятельность был арестован. После освобождения под денежный залог и окончания экстерном гимназии в 1904 г. поступил на экономическое отделение политехнического института в Петербурге. Однако молодого человека более привлекала революционная деятельность, нежели учёба: к 1904-1905 гг. относится его работа в отделении Партии социалистов-революционеров на Московской железной дороге, знакомство с Д.Д. Донским и Н.М. Филипченко. В 1906 г. был арестован и 11 мес. провёл в тюрьме. В нач. 1907 г. для продолжения образования выехал в Мюнхен, где

вскоре женился на Е.М. Филипченко. После окончания Мюнхенского университета весной 1913 г. он в том же году Англии подготовил, а в Германии опубликовал работу "Die small holdings and allotments Bewegung in Endland" и получил докторскую степень по экономике. В 1913 г. семья вернулась в Россию для отбывания А.Б. Ельяшевичем воинской повинности. Четыре года провёл на фронтах Первой мировой войны конным разведчиком-артиллеристом, заслужил 2 георгиевских креста. После февраля 1917 г. переехал в Петроград и занялся активной политической деятельностью, заняв пост товарища министра труда во Временном правительстве. Как и его свояк Д.Д. Донской, избран в ЦК Партии социалистов-революционеров на IV съезде (26 ноября — 5 декабря 1917 г.), получив 75 из 174 голосов. Делегат Учредительного собрания по списку № 3 Партии социалистов-революционеров от Самарского избирательного округа и совета крестьянских депутатов. Входил в число постоянных и активных членов бюро эсеровской фракции собрания, являлся председателем "Комиссии первого дня", разрабатывавшей программу и сценарий первого заседания — по мнению депутатов, в условиях прессинга советов весьма важного и, возможно, единственного. Выступал на открытии этого форума с докладом по основному вопросу — аграрному. В конце августа 1918 г. за политическую деятельность подвергался 4-месячному тюремному заключению. В начале 1919 г. вышел из Центрального комитета и из рядов ПСР. Переехал в Саратов, где сначала преподавал экономику в университете, а затем организовал Саратовский институт народного хозяйства. Там же в 1921 г. получил звание профессора. В 1922 г. привлекался к процессу правых эсеров в качестве свидетеля, где занял нейтральную позицию и не подыгрывал обвинению (например, отказался называть конкретные имена, за что получил выговор от прокурора Н.В. Крыленко). В этом же году вернулся в Петроград, приступил к работе в Промбюро и к преподаванию в институте народного хозяйства. В кон. 1920-х гг. организовал инженерно-экономический институт, и с этой поры считается одним из пионеров инженерно-экономического образования в стране. С кон. 1930-х гг. по 1960 г. был ведущим профессором кафедры экономики машиностроения в этом институте. В 1926 — 1927 гг. работал в качестве советника по экономическим и юридическим вопросам при министре экономики Китая в правительстве Сунь Ят-сена. С марта 1942 г. по август 1944 г. вместе с коллективами всех ленинградских вузов был в эвакуации на Северном Кавказе, где пришлось пережить немецкую оккупацию. В 1949 г. в связи с "ленинградским делом" был арестован и получил 5 лет вольного поселения в Красноярском крае "за пропаганду и агитацию против Советской власти до 1919 г.". Наказание отбывал в г. Канске, откуда вернулся по амнистии 1953 г.

¹⁹ Ельяшевич Екатерина Михайловна (урождённая Филипченко) (1887 — 1942) — свояченица Д.Д. Донского, средняя из трёх сестёр Филипченко. Жена члена ЦК ПСР А.Б. Ельяшевича. (См. о ней предисловие и письма Д.Д. Донского).

²⁰ **Филипченко Михаил Ефимович (1849 – 1908)** – тесть Д.Д. Донского-старшего, отец его жены Н.М. Донской (автора “Воспоминаний”). (См. о нём предисловие).

²¹ **Филипченко Людмила Фёдоровна (урождённая Кистьяковская) (1863 – 1934)** – тёща Д.Д. Донского-старшего, мать его жены Н.М. Донской (автора “Воспоминаний”). (См. о ней предисловие и письма Д.Д. Донского).

²² **Филипченко-Моренец Елена Михайловна (1891 – 1978)** – свояченица Д.Д. Донского, младшая из трёх сестёр Филипченко. (См. о ней предисловие и письма Д.Д. Донского).

²³ **“Симплициссимус”** (с латинского “*Simplicissimus*” – “Простодушнейший”) – немецкий иллюстрированный еженедельник. Основан в 1896 г., закрыт в 1942 г. (попытки возрождения в ФРГ оказались неудачными). Имел остросатирическую направленность, обличал и кайзеровскую, и гитлеровскую Германию. Основное содержание – политические памфлеты (Ф. Ведекинг, Г. Манн, Г. Хессе и др.) и карикатуры.

²⁴ **Гульбрансон Олаф (1873 – 1958)**. Норвежский художник. С 1892 г. жил в Германии, сотрудничал с изданиями Мюнхена. Славу одного из лучших карикатуристов первой половины XX в. ему принесли меткие рисунки на политическую тему и непревзойденные шаржи на известных современников. Умер недалеко от озера Тегернзее, где на каникулах в 1908 г. молодые влюблённые Н.М. Филипченко (автор воспоминаний) и Д.Д. Донской катались с гор на санках.

²⁵ **Тома Ганс (1839 – 1924)**. Немецкий живописец и график. Жил в Мюнхене с 1870 г. Этот период его творчества связан с темами германской природы и народной жизни, отражаемыми в реалистической манере. Позже при верности выбранным темам в его работах начали преобладать черты символики и стилизации. В графике признан мастером цветной литографии.

²⁶ **“Мир искусства”** – ежемесячный иллюстрированный литературно-художественный журнал, издававшийся в 1899 – 1904 гг. в Петербурге одноименным художественным объединением. Редакторы – С.П. Дягилев и А.Н. Бенуа. Выступал за “свободу искусства” и “преображения жизни искусством”, проповедовал поэтику символизма.

²⁷ **Грабарь Игорь Эммануилович (1871 – 1960)**. Живописец, искусствовед, один из основоположников музееведения, реставрационного дела, охраны памятников истории и культуры в России. В 1909 – 1916 гг. – руководитель издания первой научной “Истории русского искусства”; в 1941 г. – лауреат Сталинской (Государственной) премии СССР; с 1943 г. – академик АН СССР; с 1947 г. – действительный член Академии художеств СССР; с 1956 г. – народный художник СССР.

²⁸ **Либерман Макс (1847 – 1935)**. Немецкий живописец. На раннем этапе своего творчества – продолжатель демократических традиций немецкого реализма, часто изображавший сцены труда. С 1890-х гг. – автор преимущественно импрессионистских пейзажей.

²⁹ *Лейбль Вильгельм (1844 — 1900)*. Немецкий живописец. Поклонник реалистической школы, в традициях которой создавал портреты и сцены патриархального быта крестьян Баварии.

³⁰ *Бёклин Арнольд (1827 — 1901)*. Швейцарский живописец. Представитель символизма и стиля "модерн". Для работ характерно сочетание фантастических сцен с натуралистической достоверностью.

³¹ *Штук Франц фон (1863 — 1928)*. Немецкий живописец и скульптор. Представитель стиля "модерн".

³² *Швинг Мориц фон (1804 — 1871)*. Австрийский живописец и график. Основное содержание работ — народные сказки и легенды, представленные в духе романтизма.

³³ *Глиптоотека* — собрание произведений скульптуры или глиптики (резьбы на драгоценных или полудрагоценных камнях).

³⁴ *Ван Гог Винсент (1853 — 1890)*. Голландский живописец, представитель постимпрессионизма. До середины 1880-х гг. его работам присущи страстная эмоциональность и острограмотическое восприятие жизни, более поздним — трагизм, болезненная напряжённость в мироощущении.

³⁵ *Вагнер Рихард (1813 — 1883)*. Немецкий композитор и дирижёр. Реформатор оперы. Большинство его музыкальных драм написаны на сюжеты немецкой мифологии.

³⁶ *Пумлянский Леонид Моисеевич (1889 — ?)*. Родился в Санкт-Петербурге. В 1906 г. вступил в РСДРП и активно участвовал в революционной деятельности её меньшевистского направления. По приговору суда 1 год провёл в тюрьме, в 1908 — 1912 гг. скрывался в эмиграции. В 1917 г. работал в столице управляющим отделением рынка труда в Министерстве труда, являлся членом исполкома совета рабочих и солдатских депутатов этого подразделения.

³⁷ Возможно, это тот самый Лутугин, который упомянут Б.В. Савиновым в "Воспоминаниях террориста" в качестве члена "Союза союзов" и участника революционных событий 1905 г. в Петербурге. Известен также Н.И. Лутугин, который в июне 1917 г. был избран в ЦК Трудовой народно-социалистической партии (на её I Всероссийском съезде) и в ВЦИК (на I Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов от Всероссийского железнодорожного союза).

³⁸ *"Русское богатство"* — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, выходивший в 1876 — 1918 гг. В его идейном направлении можно выделить 4 периода. В начале 1880-х гг. при редакторе Н.Н. Златовратском он имел народническую ориентацию. В 1883 — 1891 гг. издатель Л.Е. Оболенский пропагандировал в нём религиозно-нравственные взгляды Л.Н. Толстого. С 1892 г. идейный руководитель журнала Н.К. Михайловский перевёл его на позиции либерального народничества. После 1905 г. и вплоть до закрытия издание стало органом партии народных социалистов, занимая идейную позицию между эсерами и кадетами. Неудивительно сотрудничество с ним Д.Д. Донского: в этот период журнал активно публиковал материалы оппозиционных самодержавию политиков из ссылки и эмиграции.

³⁹ *Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890 — 1937). Родился в Киевской губ. в семье управляющего Марьинским сахарозаводом. С детских лет был знаком с Н.М. Филипченко — женой Д.Д. Донского и автором "Воспоминаний". Во время учёбы в Киевском реальном училище в 1904 г. вступил в ученический социал-демократический кружок, активная деятельность в котором закончилась исключением из учебного заведения уже на следующий год. В 1906 — 1907 гг. увлекался идеями анархизма, занимался их пропагандой. В 1907 г. переехал в Петербург и начал обучение на экономическом факультете в университете, где в 1907 — 1910 гг. активно знакомился с теорией марксизма. В 1910 г. вступил в РСДРП(б), за участие в студенческих беспорядках исключён из университета и выслан в Киев. Там вошёл в состав воссозданного с его помощью комитета РСДРП(б). В 1912 г. арестован и на следующий год вместе с женой, Е.Б. Бош, приговорён к ссылке в Иркутскую губ., откуда в 1914 г. бежал через Японию в Швейцарию. Там принял участие в Бернской конференции большевиков, но из-за идейных разногласий со сторонниками В.И. Ленина выехал вместе с Н.И. Бухариным и другими единомышленниками в Швецию. Там подвергся аресту и высылке. Вернулся из Норвегии в Россию после февральской революции 1917 г., стал председателем Киевского комитета РСДРП(б), председателем исполкома Киевского совета рабочих и солдатских депутатов. Одновременно вошёл в состав Предпарламента. В это время активно сотрудничал со всеми социалистическими партиями. В период октябрьских событий возглавил Киевский военно-революционный комитет, подвергался аресту со стороны Центральной Рады. В ноябре 1917 г. по распоряжению В.И. Ленина переехал в Петроград на должность главного комиссара Народного (Государственного) банка. Вошёл в число депутатов Учредительного собрания по списку № 9 от Черниговского избирательного округа. В 1918 г. в вопросе о Брестском мире разошёлся с официальной линией ЦК большевиков, возглавил "левых коммунистов" и в знак протеста оставил свой пост в Совете народных комиссаров. Вернувшись в начале марта 1918 г. на Украину, участвовал в непосредственных боевых действиях против германских войск и гайдамаков. В апреле 1918 г. стал одним из организаторов Коммунистической партии (большевиков) Украины и нелегального Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, вошёл в первый из этих органов и возглавил второй. Летом того же года подавлял левозеро-вооружённое выступление в Москве. Активный участник гражданской войны: член РВС и комиссар 42-й дивизии 13-й армии на деникинском фронте, комиссар Академии Генерального штаба в Москве, один из руководителей 1-й армии труда на Урале, член РВС 16-й армии на польском фронте, член РВС 6-й армии на врангелевском фронте. Позже находился на хозяйственной работе: председатель Центрального правления каменноугольной промышленности Донбасса; с 1920 г. — заместитель председателя Госплана РСФСР и председатель Главного концессионного комитета; с 1923 г. — заместитель председателя ВСНХ; в 1927 г. — торгпред во Франции. Не оставлял в стороне и партийно-политическую деятельность: в 1922 г. — председатель Верховного Революционного три-*

бунала при ВЦИК на процессе правых социалистов-революционеров; в 1923 — 1927 гг. — член ЦК ВКП(б). В декабре 1927 г. на XV съезде партии вместе с Л.Д. Троцким и другими лидерами "объединённой левой оппозиции" был лишён и места в ЦК, и членства в партии. В январе 1928 г. в числе группы опальных партийных функционеров выслан из столицы якобы для укрепления парторганизаций и руководящих кадров на местах. Написал покаянное письмо в ЦК ВКП(б), после чего был возвращён в Москву и определён в руководство Госбанком (1928 г. — заместитель председателя, 1929 г. — председатель правления), а затем получил высшие государственные (с 1932 г. — заместитель, 1934 — 1936 гг. — первый заместитель наркома тяжёлой промышленности СССР) и партийные (1930 — 1936 гг. — снова член ЦК ВКП(б) посты. В 1936 г. арестован, в январе 1937 г. — один из главных обвиняемых на процессе так называемого Параллельного антисоветского троцкистского центра, более известного как процесс "Радек — Пятаков". Расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

⁴⁰ Уточнение: историческими данными эта информация не подтверждается — арест Г.Л. Пятакова произошёл позже, в 1912 г., отправка в сибирскую ссылку — в 1913 г.

⁴¹ "Остров мёртвых" написана швейцарским живописцем А. Бёклином в 1880 г.

⁴² Дворец Дожей в Венеции — IX-XVI вв, ныне музей.

⁴³ Собор Святого Марка в Венеции — IX-XV вв.

⁴⁴ Веронезе Паоло (1528 — 1588). Тициан (ок. 1476/77 или 1489/90 — 1576). Тьеполо Джованни Баттиста (1696 — 1770). Тинторетто Якопо (1518 — 1594). Итальянские живописцы. Представители венецианской школы.

⁴⁵ Собор Санта-Мария дель Фьоре — строительство начато в XIII в.

⁴⁶ Баптистерий — XI-XIII вв.

⁴⁷ Уффици — картинная галерея во Флоренции, основанная в XVI в. Крупнейшее собрание итальянского искусства эпохи Возрождения, западноевропейской живописи и графики.

⁴⁸ Питти — художественный музей во Флоренции, открытый в 1828 г. в здании XV-XVI вв. Крупнейшее в мире собрание итальянской и фламандской живописи XV-XVII вв.

⁴⁹ Базилика Сан-Миниато-аль-Монте построена в тоскано-романском (по другим определениям, инкрустационном, проторенессансе) стиле в XI-XII в., имеются поздние изменения.

⁵⁰ Уточнение: скульптура "Давид" Микеланджело до 1873 г. стояла на площади Пиацца дель Синьориа, позже — в купольном зале академии (Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 71. С. 148-149).

⁵¹ Микеланджело Буонарроти (1475 — 1564). Итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт.

⁵² Собор Святого Петра в Риме — построен в 1506-1614 гг.

⁵³ Сикстинская капелла — бывшая домовая церковь в Ватикане, построенная в 1473 — 1481 гг., ныне музей.

⁵⁴ *Рафаэль Санти (1483 — 1520). Итальянский живописец и архитектор, представитель Высокого Возрождения.*

⁵⁵ *Кампо-Санто (итал. Кампо-Санто — "Святое поле"). В Италии так называются большие кладбища, окружённые закрытой снаружи и открытой внутри галереями. Со временем они стали хранилищем произведений искусства, особенно скульптуры. Наиболее известные — в Генуе, Неаполе, Пизе, Болонье и Милане.*

⁵⁶ *Леонардо да Винчи (1452 — 1519). Итальянский живописец, скульптор, архитектор, учёный, инженер. Роспись "Тайная вечеря" выполнена в 1495 — 1497 гг. в трапезной монастыря Санта-Мария делле Грацие в Милане.*

⁵⁷ *Левине (Левинэ) Эйген (Евгений) (1883 — 1919). Деятель немецкого рабочего движения: до Первой мировой войны — левый социал-демократ; в 1914 — 1918 гг. — член "Союза Спартака", коммунист. Принимал активное участие в Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, в учредительном съезде компартии Германии. В 1919 г. возглавил Исполнительный совет — высший орган Баварской советской республики. После разгрома последней расстрелян по приговору военно-полевого суда.*

⁵⁸ *Слонимский М.Л. Повести о Левинэ // Слонимский М.Л. Избранные произведения. М., 1958. Т. 1.*

⁵⁹ *Уточнение: А.Б. и Е.М. Ельяшевичи не могли покинуть Мюнхен в 1910 г. Это подтверждается совместной их фотографией с двоюродными братьями сестёр Филипченко — Юрием и Александром, которые приехали в Германию только в 1911 г. Очевидно, более верна дата, указанная дочерью Александра Борисовича и Екатерины Михайловны, А.А. Русаковой — 1913 г.*

⁶⁰ *Уточнение: Л.Н. Толстой умер на станции Астасово Рязано-Уральской железной дороги 7(20) ноября 1910 г.*

⁶¹ *Донской Дмитрий Дмитриевич (род. в 1910 г.) — сын Д.Д. и Н.М. Донских (См. о нём предисловие, письма и архивные документы).*

⁶² *Прокофьева Мария Алексеевна (1882 или 1883 — 1912 или 1913). Активный член Боевой организации Партии социалистов-революционеров. Её брат погиб в декабре 1906 г. в петербургской гостинице "Гранд Отель" при сопротивлении полиции. Сама она в том же 1906 г. участвовала в организации побега Г.А. Гершуни — создателя Боевой организации и руководителя ряда террористических актов, — для чего специально приезжала в Горно-Зерентуйскую тюрьму Нерчинской каторги. На шумевшем процессе 7 — 15 августа 1907 г. вместе с Б.Н. Никитенко, Б.С. Синявским, В.А. Наумовым и ещё 15 подсудимыми привлекалась к закрытому военно-полевному суду по обвинению в участии в заговоре на жизнь Николая II, великого князя Николая Николаевича и премьер-министра П.А. Столыпина. Причём входила в пятёрку обвиняемых первой группы, которым инкриминировалась тяжкая статья организаторов цареубийства. (По этому же делу проходила и автор "Воспоминаний" Н.М. Филипченко, успевшая до суда нелегально выехать за границу). На процессе держалась очень мужественно, отказалась от сотрудничества со следствием и заседателями, от последнего слова. Была осуждена в ссылку на поселение, откуда бежала за границу. В конце*

декабря 1908 г. в числе наиболее авторитетных боевиков входила в группу, принимавшую решение о судьбе своего лидера и одновременно полицейского провокатора Е. Азефа. Невеста известного эсера Е.С. Сазонова (Созонова), покончившего самоубийством в Горно-Зерентуйской тюрьме в знак протеста против наказаний политкаторжан розгами. Одно из трёх его предсмертных писем было адресовано М.А. Прокофьевой. Близко знавшая их обоих, М.А. Спиридонова так описывала М.А. Прокофьеву: "Девушка с серо-зелёными огромными лучистыми глазами, со строгим взглядом, прозрачным, бледным, тонким лицом и золотыми косами, вся нежная, точно пронизанная светом души своей и в то же время строго-серьёзная... Она гармонировала с Егором без единого диссонанса... Сильная и твёрдая в своей вере и любви, она жила надеждой на его близкое освобождение и на встречу с ним... Она ждала его, горела светлой чистой любовью, как свеча перед богом. Последние её письма к Егору были сплошным ликующим гимном их встрече в свободе, любви и совместной работе... Узнав о трагическом конце, М.А. слегла и, тихо угасая, умерла" (Спиридонова М.А. Из жизни на Нерчинской каторге // Каторга и ссылка. М., 1925. № 3(16). С. 120-121). В эмиграции тесно сблизилась с Б.В. Савинковым — об этом свидетельствует хотя бы эпизод из "Воспоминаний" Н.М. Донской. В начале 1911 г. после получения известия о гибели Е.С. Сазонова у М.А. Прокофьевой резко обострился туберкулёз. Несмотря на тщательный уход семьи Савинковых, в которой она проживала сначала под г. Канны во Франции, а затем в г. Сан-Ремо в Италии, а также дочери и жены Г.В. Плеханова — профессиональных медиков, умерла очень быстро.

⁶³ Сазонов (Созонов) Евгений (Егор) Сергеевич (1879 или 1880 — 1910). Родился в Вятской (Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. Стб. 319) или Уфимской (Спиридонова М.А. Из жизни на Нерчинской каторге // Каторга и ссылка. М., 1925. № 3(16). С. 115) губернии в староверческой семье лесоторговца. В 1901 г. исключён из Московского университета за участие в студенческих волнениях; в 1902 г. вступил в Партию социалистов-революционеров, арестован за хранение нелегальной литературы. В 1903 г. сослан в Восточную Сибирь на 5 лет, откуда бежал за границу и вступил в эсеровскую Боевую организацию. 15 июля 1904 г. вместе с Ш.В. Сикорским в Петербурге убил министра внутренних дел В.К. Плеве, при этом сам взрывом был сильно ранен. Приговорён к вечной каторге, ограниченной позже в связи с амнистией до января 1911 г. Местом отбывания наказания был определён Горный Зерентуй (Забайкалье). Всего за 6 недель до окончания каторги и перевода на поселение, после порки розгами товарищей по неволе Петрова и Сломянского, 27 ноября 1910 г. принял смертельную дозу морфия в знак протеста против телесных наказаний политкаторжан, чем предотвратил запланированное коллективное самоубийство заключённых. Этот инцидент получил значительный отзвук в российской и зарубежной демократической прессе и вызвал общественное негодование.

⁶⁴ Савинков Борис Викторович (1879 — 1925). Родился в Харькове. Отец — дворянин, судья в Варшаве, уволен в отставку за либеральные взгляды.

ды. Старший брат сослан в Сибирь. Сам Б.В. Савинков учился в гимназии в Варшаве, в университете в Петербурге, из которого был исключён за участие в студентских беспорядках. В 1897 г. в Варшаве подвергся первому аресту за революционную деятельность, на следующий год вступил в социал-демократическую группу "Рабочее знамя". Вместе с другими её членами в 1901 г. был арестован, а на следующий год выслан в Вологду. В ссылке пересмотрел свои политические взгляды и вступил в Партию социалистов-революционеров. В 1903 г. бежал за границу, где вошёл в Боевую организацию эсеров и стал одним из её лидеров. В 1904 — 1905 гг. организовал несколько крупных террористических актов: убийство министра внутренних дел и шефа жандармов В.К. Плеве, великого князя Сергея Александровича и др. Стал заместителем руководителя Боевой организации Е.Ф. Азефа, а после разоблачения последнего как провокатора охраны занял его место. В 1906 г. в Севастополе был арестован, приговорён к казни, накануне которой бежал в Румынию. В годы Первой мировой войны добровольно служил во французской армии, был военным корреспондентом. В апреле 1917 г. вернулся в Россию, где занимал должности комиссара Временного правительства при Ставке главноверха, комиссара Юго-Западного фронта, заместителя военного министра. Одновременно являлся членом Совета "Союза казачьих войск". Был сторонником укрепления воинской дисциплины, видел в армии инструмент защиты революции. Поддерживал связи Л.Г. Корнилова с М.В. Алексеевым (начальником штаба главноверха) и А.Ф. Керенским в период подготовки вооружённого антибольшевистского выступления. В конце августа 1917 г. был даже назначен А.Ф. Керенским военным губернатором Петрограда с исполнением обязанностей командующего войсками Петроградского военного округа. За такую "двойную игру" 9 октября 1917 г. был исключён из ПСР. Вошёл в состав и секретариат Временного совета Российской республики (Предпарламента) депутатом от Кубанской области. Во время октябрьского переворота безуспешно пытался прорвать осаду Зимнего дворца, в последующие дни в ранге комиссара Временного правительства участвовал в походе А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова на Петроград. После провала этой акции бежал на Дон и в декабре того же года вошёл в состав "Донского гражданского совета" - "всероссийского" правительства, провозглашённого А.М. Калединым. Участвовал в создании Добровольческой армии. Образовал на Дону 4 дружины в 600 чел. для террористических действий против В.И. Ленина и других руководителей большевиков. В феврале — марте 1918 г. организовал в Москве подпольный "Союз защиты родины и свободы", объединивший около 5 тыс. оппозиционно настроенных офицеров и планировавший вооружённые антисоветские выступления в крупных городах России. В Ярославле, Муроме и Самаре такие выступления Б.В. Савинкову организовать удалось, но они были подавлены. После этого некоторое время он скрывался в Казани, в отряде В.О. Каппеля, в Уфе, откуда от Директории был делегирован с военной миссией в Париж. Там в конце того же 1918 г. вошёл в состав созданного "Русского политического совещания" - организации, пытавшейся объединить с помощью держав Антанты всех уча-

стников белого движения: возглавлял колчаковское бюро печати "Унион", был посредником в материальном снабжении союзниками войск А.В. Колчака и А.И. Деникина. Во время советско-польской войны 1920 г. занял пост председателя "Русского политического комитета" в Варшаве, в 1921 г. реорганизованного сначала в "Русский эвакуационный комитет", а затем в "Народный союз защиты родины и свободы". Цель этой организации оставалась прежней — свержение советской власти путём вооружённой и террористической борьбы. В 1920 г. лично участвовал в походе поляков на Мозырь. В Польше же формировал так называемую 3-ю русскую армию. В 1921 — 1923 гг. возглавлял шпионско-диверсионную деятельность против РСФСР — СССР. Издавал за границей газету "За свободу!". Автор художественной прозы ("Конь бледный", "То, чего не было", "Конь вороной"), подписанной псевдонимом В. Ропшин, и автобиографических "Воспоминаний террориста". Был женат на дочери писателя-демократа Г.И. Успенского. Арестован 16 августа 1924 г. при нелегальном переходе советской границы и уже 29 августа приговорён к расстрелу, заменённому на 10-летний тюремный срок за раскаяние на суде. В заключении написал несколько писем белоэмигрантским руководителям с призывом прекратить антисоветскую деятельность. Согласно официальному заключению, 7 мая 1925 г. покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна 4-го этажа на каменную мостовую, хотя с первого же дня существует версия о преднамеренном убийстве чекистами своего злейшего врага.

⁶⁵ Д.Д. Донской в положении эмигранта не имел права работы по найму.

⁶⁶ Юрий Александрович Филипченко (1882-1930), Александр Александрович (1883 — 1937[?]) Филипченко — двоюродные братья автора воспоминаний. (См. о них предисловие).

⁶⁷ Дрей Михаил Иванович (1860 — после 1934). Родился в семье одесского врача. Учился в Одесской гимназии, с 1880 г. — на юридическом факультете Новороссийского университета. Впервые познакомился с революционной литературой в 16 лет. В 1879 — 1881 гг. в качестве члена "Народной воли" вёл революционную агитацию среди одесских рабочих, за что в октябре 1881 г. был арестован, а в апреле 1883 г. военным судом осуждён на 15 лет каторги, которая позже была сокращена до 6 лет. Отбывал её на Каре в Забайкалье. В январе 1889 г. там же водворён на поселение. В 1892 — 1900 гг. жил в Чите, в 1900 — 1911 гг. — в эмиграции в Германии (в Гейдельберге и Мюнхене). По возвращении занимался в основном литературной деятельностью, в 1917 — 1928 гг. работал в Коммунальной академии. Был членом Всесоюзного общества каторжан, опубликовал ряд работ мемуарного характера в журнале "Каторга и ссылка".

⁶⁸ Ельяшевич Михаил Александрович (1908 — 1996). По тексту — "Мишутка", "Миша". Сын А.Б. и Е.М. Ельяшевич. (См. о нём предисловие).

⁶⁹ Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870 — 1938). Участник российского революционного движения с 1887 г. Социал-демократ, после II съезда РСДРП — меньшевик. В 1905 — 1907 гг. — член социал-демократической фракции Государственной думы и профсоюзный активист. Много лет

жил в эмиграции. В 1917 — 1931 гг. — член ВКП(б). В 1917 г. вызывал острую неприязнь всех антибольшевистских сил: атаман А.И. Дутов назвал его, наряду с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким, в числе 6 "сторонников Вильгельма", народоволец В.Л. Бурцев включил в список 12 "немецких агентов и шпионов". Входил в большевистскую фракцию Временного совета Российской республики (Прегпарламента), во ВЦИК (от Всероссийского совета профсоюзов), президиум II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, Учредительное собрание (по списку № 6 от Румынского фронта). В 1918 г. Д.Б. Рязанов выходил из партии в знак протеста против заключения Брестского мира, в 1931 г. — исключён за связь с заграничным центром меньшевиков. В 1921 — 1931 гг. — директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (позже — Институт марксизма-ленинизма). Редактор первых изданий сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, Г. Гегеля. Делегат VII-XVI съездов партии. Много помогал семьям репрессированных социалистов-революционеров (через сына Д.Д. Донского, например, передавал последнему в Парабель беллетристику).

⁷⁰ В это время Л.Д. Троцкий действительно отдалился от российской революционной эмиграции, он даже вступил в партию австрийских социал-демократов. В книге "Своя жизнь" он это объяснил так: "В этот период я стоял ближе всего к немецкой политической жизни. В Берлине поселиться нельзя было по полицейским причинам. Мы остановились в Вене. Но в течение всех этих семи лет я гораздо внимательнее следил за германской жизнью, чем за австрийской, которая слишком напоминала возню белки в колесе" (Цит. по: **Васецкий Н.А.** Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. С. 51).

⁷¹ Мэри Гальтон — известная опереточная артистка Англии. Ампула — шансонетка, исполнительница эксцентрических танцев. Первая исполнительница роли Мимозы в оперетте С. Джонса "Гейша" (1885 г.).

⁷² Уточнение: в описываемое время пл. Знаменская (ныне пл. Восстания) действительно носила это название, а вот указанная ул. С. Перовской до ноября 1918 г. звалась ул. Малой Конюшенной.

⁷³ Процесс 7-15 августа 1907 г. действительно был очень громким. К ответственности было привлечено 18 чел. Ещё трое из фигурировавших в документах следствия, в том числе и автор "Воспоминаний" Н.М. Филиппенко, сумели скрыться. Приговором суда трое обвиняемых — Б.Н. Никитенко, Б.С. Синявский и В.А. Наумов — были приговорены к смертной казни через повешение. 21 августа на Лисьем Носу под Петербургом приговор был приведён в исполнение.

Никитенко Борис Николаевич (1884 или 1885 — 1907). Отставной лейтенант флота, вышел в отставку после казни лейтенанта П.П. Шмидта по совету своего отца, считавшего несовместимым революционные убеждения сына и воинскую службу. Помогал Б.В. Савинкову бежать из Севастопольской гауптвахты в июле 1906 г. В конце того же года приехал в Петербург и вошёл в Боевую организацию эсеров. 31 марта 1907 г. был арестован. Во время следствия и на суде вёл себя очень мужественно, при-

надлежность к ПСР отрицал, приверженность террору как средству политической борьбы признавал.

Синявский Борис Степанович (Пуркин Кит Михайлович) (1879 или 1880 — 1907). Из мещан. Отчим — полицейский пристав. Учился в Петербургском университете. За революционную деятельность в декабре 1905 г. был арестован и выслан в Архангельскую губернию, откуда сбежал и уже к концу следующего года жил в столице на нелегальном положении. Официально не состоял ни в одной партии, но на суде признавался в своей идейной близости к социал-демократам, расхождение с которыми видел только в вопросе об индивидуальном терроре. В той же судебной речи объявил себя убеждённым террористом.

Наумов Владимир Александрович (1880 или 1881 - 1907). Сын начальника Петергофской дворцовой почтовой конторы. Мать потерял в 11-месячном возрасте. Крайне неуравновешенный, нервный, ещё до вхождения в террористическую группу предпринимал несколько попыток самоубийства. По одному из планов боевиков именно он предполагался на роль цареубийцы. Чтобы попасть в придворную капеллу, которая участвовала в дворцовых церковных службах с участием императора, и выполнить террористический акт, В.А. Наумов брал уроки пения. Активно сотрудничал со следствием, однако на суде от некоторых предварительных показаний, в частности против Б.Н. Никитенко, отказался. В последнем слове на суде раскаялся, при объявлении приговора впал в истерический припадок.

⁷⁴ *Пятакова Александра Ивановна. Мать Г.Л. Пятакова (см. выше). Близкая подруга матери автора воспоминаний. Любопытны парадоксы истории: сын одной подруги в ранге председателя Верховного Революционного трибунала при ВЦИК на процессе правых социалистов-революционеров в 1922 г. осудит на смертную казнь зятя другой подруги. Более того, супругой осуждённого окажется подруга детских игр будущего председателя трибунала, которую его мать прочла сыну в спутницы жизни.*

⁷⁵ *Загваздино — большое старинное зажиточное село в 5 — 7 км от с. Абалакского (см. далее).*

⁷⁶ *Абалакский Знаменский общежительный монастырь был основан в XVIII в. в 25 км от г. Тобольска на правом высоком берегу Иртыша, в волосинном селе Абалакском Тобольского уезда. Название уходит корнями в наименование татарского городка Абалак/Ебалак, в пределах которого в XVI в. возник погост, а затем русское село. Монастырь привлекал большое число паломников Чудотворной Абалакской иконой Божией Матери, написанной в 1637 г. протодьяконом Тобольского кафедрального собора Матвеем по видению "богобоязненной вдовицы Марии". Обитель ныне действует, восстанавливается.*

⁷⁷ *Уточнение: Последний российский император Николай II с семьёй прибыл под конвоем из Царского Села в Тобольск 4 августа 1917 г., а в конце апреля 1918 г. был перевезён в Екатеринбург, где в июле того же года и расстрелян. В Тобольске царская семья и её прислуга проживали в особняке бывшего губернатора.*

⁷⁸ Это было время быстрого политического роста Д.Д. Донского. В совете солдатских депутатов Тифлиса он сначала возглавлял военно-врачебную комиссию, а уже в апреле 1917 г. был кооптирован в его исполком. С конца мая до середины декабря являлся одновременно председателем президиума Краевого совета Кавказской армии (Закавказского Краевого ССА) и комиссаром фронта. В ноябре — декабре того же года он уже имел чин военного и морского министра в Закавказском комиссариате — региональном правительстве, сформированном меньшевиками, эсерами, армянскими дашнаками, азербайджанскими мусаватистами, возглавлявшемся Е.П. Гегечкори и не признававшим советскую власть.

⁷⁹ Чернов Виктор Михайлович (Гарденин Ю.) (1873 или 1876 — 1952). Родился в г. Камышине Самарской губернии в семье крестьянина, гослужившегося до потомственного дворянства. В конце 1880-х гг. в Саратове примкнул к народническому движению. В 1892 г. после окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. На следующий год вошёл в подпольную "Партию народного права", в связи с разгромом которой в 1894 г. был арестован и отчислен из университета. До 1895 г. в течение 8 месяцев содержался в Петропавловской крепости, затем был выпущен под поручительство отца и на 3 года определён на жительство в г. Тамбов. Там он создал одну из первых организаций крестьян в России "Крестьянское братство", начал публиковать философские и экономические труды. После окончания ссылки, в 1899 г. выехал в Швейцарию. В 1901 г. вместе с М.Р. Гоцем (братом А.Р. Гоца, проходившего вместе с Д.Д. Донским в 1922 г. обвиняемым на процессе правых эсеров) возглавил заграничную часть ПСР, активно участвовал в организационном оформлении партии. В 1902 — 1905 гг. опять же вместе с М.Р. Гоцем являлся редактором газеты "Революционная Россия" (центральный партийный орган) и был автором большинства программных и тактических статей, главным теоретиком по аграрному вопросу. Его предложения по решению последнего не только привлекли огромные крестьянские массы России к поддержке партии, но и легли в основу первых большевистских декретов. В 1904 г. разработал программу ПСР, принятую её I съездом в 1906 г. Вернулся в Россию после объявленной в октябре 1905 г. амнистии революционерам-эмигрантам и 3 года жил на нелегальном положении. В это время являлся членом ЦК ПСР, редактировал газету "Знамя груга", ставшую центральным органом партии, сотрудничал в других партийных изданиях. Безуспешно пытался примирить левое (анархического толка) и правое (либеральных народников) направления ПСР, начал проявлять столь характерную для всей его дальнейшей политической деятельности центристскую позицию. В 1908 г. в связи с разоблачением Е.Ф. Азефа — осведомителя полиции и одновременно члена ЦК партии и руководителя Боевой организации — вышел из состава Центрального комитета и эмигрировал во Францию, а в 1911 г. — в Италию. В это же время отошёл от партийных дел, сосредоточившись на литературной работе (например, на совместном с А.М. Горьким издании журнала "Заветы" под редакцией В.М. Чернова). Возвратился к партийной жизни и партийной публицистик с началом

Первой мировой войны, оживившей общественно-политическую жизнь. В.М. Чернов в эти годы формально стал главой Партии социалистов-революционеров, но в силу своей интернационалистской позиции не пользовался поддержкой её руководства, которое с разворачиванием войны всё более склонялось вправо. Участник важных международных социалистических конференций — Циммервальдской (1915 г.) и Кинтальской (1916 г.). Вернулся из эмиграции почти одновременно с В.И. Лениным в апреле 1917 г., и каждого из них на одном и том же Финляндском вокзале встречали огромные толпы народа и броневик (в официальной советской истории остался только "Ленин на броневике"). Сразу же был введён в бюро исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов, Петроградский комитет ПСР, редакцию её центрального органа "Дело народа", после III съезда партии в мае — июне 1917 г. — вновь стал членом её Центрального комитета. В мае — августе того же года — министр земледелия Временного правительства. В этом качестве из-за противодействия других политических партий в правительстве не смог провести в жизнь важнейшие программные аграрные установки эсеров, прежде всего принцип уравнительного землепользования. Категорически не принял октябрьский захват власти большевиками и всеми мерами противодействовал этому: уже 25 октября призывал к антиперевороту, 26 октября был в числе организаторов "Комитета спасения родины и революции", поддерживал поход А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова на Петроград, 29 октября идеологически обеспечивал вооружённое выступление юнкеров и т.д. В январе 1918 г. — председатель Учредительного собрания, после разгона которого перешёл на нелегальное положение. Один из активных организаторов несостоявшегося восстания против большевиков в 1918 г. Летом того же года перебрался в Саратов, где 8 июня был сформирован "Комитет членов Учредительного собрания" (Комуч). После сговора самарских эсеров с буржуазией (создания Директории) вместе с остальными членами ЦК перебрался в Уфу, затем в Екатеринбург. Там для борьбы с узурпировавшим власть А.В. Колчаком В.М. Чернов создал и возглавил "Съезд членов Учредительного собрания", однако был арестован чехами и выслан в Челябинск, а затем в Уфу. После занятия этого города колчаковцами вынужден был уйти в подполье, а затем выехать в советскую часть России. Там находился в подполье вплоть до повальных арестов всех видных деятелей ПСР. После ареста жены в 1920 г. выехал в Чехословакию, где выпускал журнал "Революционная Россия". Активный противник советской власти: участвовал в подготовке антибольшевистских выступлений в Поволжье, был в числе организаторов мятежей в Кронштакте (специально для этого выезжал в Таллин) и на Тамбовщине. До 1927 г. имел полномочия выступать от имени Партии социалистов-революционеров за границей, но позже в связи с прекращением деятельности "Заграничной делегации ПСР" утратил влияние среди эмиграции. В 1931 г. переехал во Францию. В 1940 — 1945 гг. — участник Движения Сопротивления. Позже жил в США, умер в Нью-Йорке.

Сын В. М. Чернова от первого брака отбывал советскую ссылку в Пабелли одновременно с автором воспоминаний и Д. Д. Донским.

⁸⁰ **Спиридонова Мария Александровна (1884 – 1941).** Родилась в Тамбове, в бедной дворянской семье коллежского секретаря. В 6-м классе гимназии вступила в местную организацию социалистов-революционеров. В 1901 г. закончила полный курс гимназии и поступила в 8-й, дополнительный, класс, который на следующий год оставила и стала работать конторщицей в Тамбовском губернском дворянском собрании. С 1905 г. — член эсеровской боевой дружины. В марте того же года последовал первый непродолжительный арест М. А. Спиридоновой за участие в демонстрации молодёжи. 16 января 1906 г. была арестована вторично, на этот раз — за террористический акт: добровольно вызвалась привести в исполнение смертный приговор местной организации эсеров руководителю черносотенной организации и усмирителю крестьянских восстаний в Тамбовской губернии жангармскому полковнику Г. Н. Луженовскому и смертельно ранила его. 12 марта 1906 г. выездной сессией Московского военно-окружного суда была приговорена к смертной казни через повешение, через 16 дней заменённой бессрочной каторгой. Отбывала её в Акатуйской и Мальцевской тюрьмах Нерчинской каторги. Две попытки бежать оказались неудачными. После освобождения 3 марта 1917 г. приступила к политической деятельности сначала в Чите, а затем, как делегат Забайкальской области на III съезде ПСР, — в Москве. Там она вошла в состав оргбюро левого крыла партии и стала одним из организаторов и лидеров "Партии левых социалистов-революционеров интернационалистов". Уже к осени 1917 г. она вошла в Петроградский горком ПСР, в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, в ЦИК Всероссийского совета крестьянских депутатов (от 12-й армии), в Предпарламент, работала в составе делегатов I Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов, была в редколлекции газеты "Знамя труда" и редактировала левозэровский журнал "Наш путь". Активно участвовала в подготовке и проведении октябрьского переворота 1917 г., входила в состав Петроградского военно-революционного комитета, хотя не во всём соглашалась с политикой большевиков. Когда всё-таки эти два политических течения сформировали правительственную коалицию, была членом Президиума ВЦИК и делегатом II-V Всероссийских съездов советов. Пользовалась большой популярностью в крестьянской среде — была избрана председателем Чрезвычайного и Второго Всероссийских съездов советов крестьянских депутатов. Избиралась также почётным председателем Всероссийского съезда железнодорожников и I Всероссийского съезда профсоюзов. Дж. Рид назвал её тогда "самой популярной и влиятельной женщиной в России". От Владимирского избирательного округа она вошла в состав Учредительного собрания и стала вторым кандидатом на роль его председателем, проиграв В. М. Чернову. Сложившаяся в октябре — ноябре 1917 г. коалиция большевиков и левых эсеров стала распадаться уже через 3 месяца. М. А. Спиридонова и её соратники вплоть до февраля 1918 г. поддерживали усилия большевиков по заключению сепаратного мира с Германией, но выдвижение последней дополнительных, совершенно грабительских условий пре-

вратили левых эсеров в ярых противников позорного мира. К этому добавилось и несогласие с продотрядовской и комбедовской политикой большевиков в деревне, подменой социализации земли её национализацией, введением смертной казни. Результатом стало вооружённое антибольшевистское выступление левых эсеров в Москве и убийство ими германского посла В. Мирбаха в июле 1918 г. М.А. Спиридонова являлась едва ли не самым активным членом штаба восстания. После его разгрома была арестована, взяла на себя всю ответственность за произошедшие события и в ноябре того же года приговорена Ревтрибуналом к году тюремного заключения, но амнистирована ВЦИК. 18 февраля 1919 г. за продолжавшиеся митинговые и печатные выступления против большевиков была вновь арестована и приговорена московским ревтрибуналом к 8 мес. (Леонтьев Я.В. Спиридонова / / Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь. М., 1993. С. 303) или к 1 году (Безбережьев С.В. Мария Александровна Спиридонова / / Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 351.) изоляции от общественной деятельности "посредством заключения в санаторий с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда". По состоянию здоровья её поместили в Кремлёвскую больницу, откуда уже 2 апреля она сбежала и перешла на нелегальное положение. В октябре 1920 г., больная тифом, она была арестована чекистами в третий раз и помещена сначала под домашний арест, а затем в психиатрическую больницу. В сентябре 1921 г. освобождена по решениям Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ВЧК по поручительству товарищей по партии, что она прекращает всяческую политическую деятельность. Была определена на жительство под контроль ВЧК в подмосковную г. Малаховку. За попытку побега за границу осуждена на 3 года ссылки, которую отбывала сначала в совхозе-колонии Калужской губернии, а с 1925 г. в Самарканде. Есть упоминание, что в ссылке М.А. Спиридонова вышла замуж за И.А. Майорова, хотя другие исследователи этого не отмечают. В 1928 г. была переведена в Ташкент, а на следующий год, в связи с ухудшением здоровья, - в Москву. Однако болезнь продолжала прогрессировать, и вскоре М.А. Спиридоновой разрешили, как частному лицу, поселиться в Ялтинском туберкулёзном институте. Новая волна репрессий против бывших социалистов, конечно же, не могла миновать экс-лидера левых эсеров: она была отозвана в Москву и в январе 1931 г. Особым совещанием коллегии ОГПУ осуждена на 3 года ссылки. Потом срок увеличили ещё на 5 лет. Отбывала его в Уфе, работая экономистом в кредитно-плановом отделе Башкирской конторы Госбанка. С началом последней массовой акции против ещё остававшихся в живых эсеров в феврале 1937 г. была арестована и М.А. Спиридонова. Её обвинили в подготовке покушения на членов правительства Башкирии и К.Е. Ворошилова и 7 января 1938 г. приговорили к 25 годам тюремного заключения. Отбывала срок в Ярославской и Орловской тюрьмах. В сентябре 1941 г. ей было объявлено об изменении приговора на расстрел. Он был приведён в исполнение при отступлении Красной армии 11 сентября 1941 г. в Медведевском (Медвежьем) лесу близ Орловской центральной тюрьмы. Тогда же были казнены ещё 150 других политзаключённых — Е.М. Тимофеев, О.Д. Бронштейн (сес-

тра Л.Д. Троцкого и жена Л.Б. Каменева) и другие. Реабилитирована в 1990 и 1992 гг.

⁸¹ **Железняков Анатолий Григорьевич (1895 — 1919).** Матрос Балтийского фронта. Анархист, примкнувший к большевикам; участник октябрьской революции в Петрограде и Москве; герой гражданской войны на Украине. В историю вошёл именно описанным автором фактом: 6 января 1918 г. в 4 час. утра в должности начальника караула Таврического дворца он зашёл в зал заседаний российского парламента и перебил выступление его председателя В.М. Чернова фразой: "Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал".

⁸² **Веселовский Борис Борисович (1880 — 1954).** Родился в дворянской семье. В 1915 — 1917 гг. — учёный секретарь Вольного экономического общества и редактор его трудов; с 1927 г. — профессор Московского университета. Историк, экономист, краевед. Один из основателей новой науки — экономики советского городского хозяйства.

⁸³ **Мирбах Вильгельм (1871 — 1918).** Германский дипломат, граф. С апреля 1918 г. — посол при правительстве РСФСР. Убит 6 июля 1918 г. левым эсером Я.Г. Блюмкиным, что послужило сигналом к левозсеровскому вооружённому выступлению в Москве против политики большевиков, в частности — против мирных соглашений с Германией.

⁸⁴ **Петлюра Симон Васильевич (1879 — 1926).** Родился в семье полтавских мещан из казаков, отец работал извозчиком. Учился в духовной семинарии г. Полтавы, где вступил в политический кружок — будущее ядро Полтавской организации Революционной украинской партии. С 1900 г. — член этой партии. В следующем году — исключён из семинарии, в 1902 г. — переехал от полицейского преследования в Екатеринодар (Краснодар), в 1903 г. — арестован за политическую деятельность, в 1904 г. — освобождён на поруки. Перебрался в Киев, позже — во Львов, где приступил к занятиям в университете. Активно занимался партийно-организационной работой, редактировал центральный печатный орган — газету "Селянин". В январе 1906 г. представлял Украинскую социал-демократическую рабочую партию (бывшую Революционную украинскую партию) на съезде галицийской Украинской социал-демократической партии. Позже жил в Москве, редактировал русскоязычный журнал "Украинская жизнь". С 1916 г. по март 1917 г. — заместитель уполномоченного "Союза земств" на Западном фронте, с апреля 1917 г. — председатель Украинского фронтового совета войск Западного фронта. Делегат I Украинского военного съезда. Один из организаторов Центральной Рады, где занял должность председателя Всеукраинского войскового комитета (май 1917 г.), а затем министра по военным делам Генерального секретариата (июнь 1917 г.) и генерального секретаря военных дел Украинской народной республики (ноябрь 1917 г.). После решения Центральной Рады пригласить на Украину немецкие и австро-венгерские войска 31 декабря 1917 г. подал в отставку. В январе следующего года создал на Левобережье "Украинский гайдамацкий кош слободской Украины", который в союзе с казаками сыграл главную роль в

боях за Киев и в локализации большевистского восстания. В 1918 г., во времена гетмана П.П. Скоропадского С.В. Петлюра в ранге председателя Киевского губернского земства и Всеукраинского союза земств находился в открытой оппозиции. За это с 27 июля по 13 ноября находился под арестом, а сразу после освобождения возглавил вооружённое восстание против гетманского режима. После этого вошёл в Директорию и стал главным атаманом (командующим войсками) Украинской народной республики, а в феврале 1919 г. — лидером Директории. Организатор вооружённой борьбы под националистическими лозунгами с Красной армией. В советско-польской войне выступал на стороне Польши. В 1920 г. эмигрировал в Польшу, в конце 1923 г. переехал в Будапешт, затем — в Вену и Женеву, в конце 1924 г. — в Париж. Убит там С. Шварцбардом — одним из пострадавших во время еврейских погромов на Украине.

⁸⁵ Д.Д. Донской вернулся из Саратова в Москву во второй половине августа 1918 г., вошёл в состав Московского бюро ЦК ПСР.

⁸⁶ Тимофеев (Литвинов) Евгений Михайлович (1885 — 1941). Родился в Тобольской губернии, куда отец был сослан на поселение за участие в народовольческом "Обществе народного освобождения". Окончил 2 курса историко-филологического факультета университета. Один из наиболее авторитетных социалистов-революционеров. В партию вступил в 1902 г. За участие в революции 1905 г. в марте следующего года с формулировкой "за террористическую деятельность" был приговорён к 5 годам каторги. Наказание отбывал в Александровской каторжной тюрьме Иркутской губернии. Там за руководство иркутской организацией ПСР срок был увеличен ещё на 10 лет. Был освобождён в феврале 1917 г. и до октября занимал пост председателя Иркутского совета рабочих и солдатских депутатов. По списку ПСР от Иркутской же губернии, а также от Крестьянского союза был избран членом Учредительного собрания России. Как и Д.Д. Донской, в ЦК ПСР вошёл на IV съезде, который проходил в Петрограде 27 ноября — 5 декабря 1917 г. За его кандидатуру было отдано 100 из 174 голосов. Стал секретарём ЦК и одним из лидеров партии эсеров. В 1918 — 1919 гг. занимался активной политической (антибольшевистской) деятельностью в Петрограде, затем в Москве. В мае 1920 г. — арестован. Один из главных обвиняемых на процессе 1922 г., где был приговорён к расстрелу, а затем превращён в политического заложника. Вплоть до самой смерти очень активно протестовал против этой роли. В сентябре 1922 г. после появившейся информации о решении Е.М. Тимофеева совершить акт самоубийства Политбюро ВКП(б) хотело обменять его на арестованного в Германии видного немецкого коммуниста М. Гельца, но эта акция по неизвестным причинам не состоялась (Красильников С.А. Евгений Тимофеев и Макс Гельц: несостоявшийся обмен политзаключёнными в 20-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1994. № 2. С. 59-66). В мае 1925 г. после 5-летнего тюремного заключения был определён в ссылку в г. Коканд. Однако уже через месяц, на основании агентурных данных о его готовящемся побеге за границу, вновь арестован и административно осуждён на 2 года. После очередной длительной голодовки совместно с

другими участниками эсеровского процесса в Бутырской тюрьме это решение было смягчено на ссылку в г. Уральск (Казахстан). Там Е.М. Тимофеев работал в местном плановом органе, в рамках "Общества по изучению Казахстана" занимался экономикой и археологией. Результатом стали несколько монографий по вопросам местного крестьянского хозяйства и экспозиция в местном музее. В 1929 г. ему разрешили поменять место ссылки на Казань, а в нач. 1930-х гг. — сослал в Самарканд, где он продолжал свою экономическую деятельность, занимался гидрологией. Там им написано около десятка исследований. В 1936 г. был арестован и возвращён в Бутырскую тюрьму. Даже там и в то время, он — необычайно стойкий и очень образованный человек — читал доклады, рассказывал об искусстве. Расстрелян 11 сентября 1941 г. при отступлении Красной армии в Медведевском (Медвежьем) лесу близ Орловской центральной тюрьмы в числе 150 других политзаключённых вместе с М.А. Спиридоновой, О.Д. Бронштейн (сестрой Л.Д. Троцкого и женой Л.Б. Каменева) и другими.

⁸⁷ Пешкова Екатерина Павловна (1876 или 1878 — 1965). Урождённая Волжина. Вышла замуж за А.М. Горького в 1896 г., в этом браке родился сын Максим (1897 — 1934) и дочь Екатерина (1901 — 1906). До революции некоторое время состояла в рядах Партии социалистов-революционеров. С 1918 г. и до ликвидации в 1937 г. русского "Политического Красного Креста" (или "Общества помощи политическим заключённым") занимала пост его председателя и немало сделала для облегчения участи многих политрепрессированных в РСФСР — СССР, в том числе и для Д.Д. Донского. Известно, например, что минимум дважды — в 1926 и 1927 гг. — на имя последнего она присылала медикаменты для нарымских политссыльных. До самой смерти была консультантом по жизни и творчеству А.М. Горького для отечественных и зарубежных литературоведов. За активную общественную деятельность в 1958 г. награждена орденом Трудового Красного Знамени.

⁸⁸ Дзержинский Феликс Эдмундович (1877 — 1926). Из дворян. Родился в имении Держиново Ошмянского уезда Виленской губ. Ещё будучи гимназистом, в 1895 г. вступил в социал-демократический кружок. В 1896 г. — делегат I съезда социал-демократической партии Литвы. С 1902 г. — секретарь заграничного комитета социал-демократии Королевства Польского и Литвы; с 1903 г. — член Главного правления этой партии; как её представитель в 1907 г. вошёл в ЦК РСДРП, членом которого являлся до 1912 г. Делегат IV съезда РСДРП. В тюрьмах, ссылках и на каторге провёл 11 лет. Из последнего заключения, куда Ф.Э. Дзержинский попал в 1914 г., его вызволила февральская революция 1917 г. С марта этого года он — член Московского комитета РСДРП(б) и исполкома Московского совета рабочих депутатов. В апреле — августе 1917 г. — делегат I Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов (избран кандидатом в члены ВЦИК), VII Всероссийской конференции РСДРП(б) и VI съезда РСДРП(б). На последнем партийном форуме избран членом ЦК, а следом введён в Секретариат ЦК. В дни октябрьских событий — член Петроградского ВРК, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, делегат II Все-

российского съезда Советов, на котором вошёл в состав ВЦИК, затем в его Президиум. 24 октября руководил захватом главного телеграфа столицы, позже организовывал вооружённый отпор войскам А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова под Петроградом. В ноябре избран членом Учредительного собрания от Витебского округа. С этого же времени — член коллегии НКВД, с декабря 1917 г. по февраль 1922 г. — председатель ВЧК (за исключением июля — августа 1918 г., когда он проходил главным свидетелем по делу об убийстве левыми эсерами германского посла В. Мирбаха). В начале 1918 г. по вопросу о Брестском мире некоторое время стоял на позициях "левых коммунистов". В 1919 — 1923 гг. — нарком внутренних дел; в 1919 — 1920 гг. — председатель военсовета войск ВОХР. Организатор деятельности по раскрытию и разгрому большого количества антисоветских заговоров и вооружённых выступлений, по формированию войск ВЧК, погранвойск и рабоче-крестьянской милиции. В 1920 г. награждён орденом Красного Знамени. В годы гражданской войны выполнял многие поручения ЦК РКП(б) и СНК: член комиссии ЦК партии и Совета обороны по расследованию причин сдачи Перми, председатель Комитета обороны Москвы, член Особой всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния республики, председатель Главного комитета по всеобщей трудовой повинности, руководитель борьбы с бандитизмом на Украине, начальник тыла Юго-Западного фронта, член Временного ревкома Польши и председатель Польского бюро ЦК РКП(б), член РВС Западного фронта. С 1921 г. — председатель Комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей; в 1921 — 1924 гг. — нарком путей сообщения (1921 — 1923 гг. — РСФСР, 1923 — 1924 гг. — СССР); в 1922 — 1926 гг. — председатель ГПУ-ОГПУ, одновременно с 1924 г. — председатель ВСНХ СССР. Делегат VII, VIII, X съездов РКП(б), с 1920 г. — член ЦКК. С 1920 г. — кандидат в члены, а с 1921 г. — член Оргбюро ЦК. С 1924 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК партии. Делегат I-III конгрессов Коминтерна. Член ЦИК СССР.

⁸⁹ Горький (Пешков) Алексей Максимович (1868 — 1936). Известный русский писатель и общественный деятель, основоположник литературы социалистического реализма, литературный критик и публицист, инициатор создания и первый председатель Правления Союза писателей СССР.

⁹⁰ Уточнение: опубликовано 640 писем А.М. Горького к Е.П. Пешковой (Горький А.М. Письма к Е.П. Пешковой // Архив А.М. Горького. М., 1955. Т. 5; М., 1966. Т. 9). Автор не случайно приводит в подтверждение незаурядности натуры Е.П. Пешковой большое количество писем к ней А.М. Горького. Помимо долголетия (почти 40 лет — с 1895 по 1932 г.) и обилия, эта переписка имеет совершенно особое содержательное наполнение. В редакционном вступлении к одному из томов их переписки указано: "Исключительная многогранность, богатство мыслей, наблюдений, оценок, фактов, усиленное внимание автора к важнейшим проблемам общей жизни составляют замечательную особенность писем А.М. Горького к Е.П. Пешковой" (Горький А.М. Письма к Е.П. Пешковой 1895 — 1906 // Архив А.М. Горького. М., 1955. Т. 5. С. 5).

⁹¹ Тимофеева Анастасия Павловна. Жена Е.М. Тимофеева. Прошла с ним все советские ссылки. Поддерживала связь с автором "Воспоминаний" в начальный период парабельской ссылки Донских.

⁹² Гоц Сара Николаевна (? — 1967). Урождённая Рабинович. Жена А.Р. Гоца. Педиатр. После 1925 г. следовала за мужем во все ссылки, пыталась добиться его освобождения после ареста 1937 г. Но осенью того же года была сама арестована и отправлена в лагерь под Карагандой. Последние годы жизни провела у дочери в Евпатории. Сын Михаил, студент, в том же 1937 г. был сослан на Колыму По другим данным, он был дипломированным архитектором. Дочь Ольга закончила медицинский факультет в Москве, участвовала в Великой Отечественной войне.

⁹³ Гоц Абрам Рафаилович (1882 — 1940[?]). Его отец — зять и коммерческий партнёр Вульфа Высоцкого, совладелец очень крупной чайной компании "Высоцкий и К?". Старший брат — Михаил Рафаилович Гоц (1866 — 1906), активный народоволец, а затем социалист-революционер — своё наследство вложил в основание ПСР. По его стопам пошёл и младший брат — Абрам. Он окончил реальное училище в Москве. В 1896 г. примыкал к Северному союзу социалистов-революционеров. В 1900 г. поступил на философский факультет Берлинского университета. С весны 1906 г. — член Боевой организации. Вместе с Б.В. Савинковым участвовал в террористических актах, за что в 1907 — 1917 гг. находился в ссылке и на каторге в Александровском центре. После февральской революции 1917 г. формировал комитет рабочих и солдатских депутатов, Военную организацию в Иркутске. По возвращении в Петроград с марта по май 1917 г. состоял в президиуме Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов (по списку ПСР), в исполкоме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (лидер фракции эсеров, затем — заместитель председателя), в исполкоме Всероссийского совета крестьянских депутатов, в редколлегии газеты "Известия" и "Дело народа" (орган Петроградского комитета ПСР). В мае — июне — заместитель председателя III съезда ПСР, на котором при выборах членов ЦК набрал максимальное количество голосов. На I Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов избран председателем добольшевистского ВЦИК. В этом качестве предпринимал активные меры по предотвращению сползания революции к однопартийной большевистской диктатуре. В сентябре вошёл в состав Временного совета Российской республики (Предпарламент), был избран в его президиум и отстаивал коалицию с кадетами. Был также членом комиссии ЦК ПСР по Учредительному собранию. Активно сопротивлялся большевистскому перевороту: вечером 24 октября — в составе делегации Предпарламента убеждал А.Ф. Керенского в необходимости принятия срочных мер по предотвращению вооружённого выступления; в ночь с 24 на 25 октября участвовал в экстренном заседании ВЦИК и исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, осудившем разгон Временного правительства; 25 октября — возглавил "Комитет спасения родины и революции"; 28 октября — участвовал в разработке плана антибольшевистского восстания, а в ночь на 29 октября с помощью юнкеров пытался

его осуществить; 31 октября — вместе с А.Ф. Керенским отзывал с фронтов верные части для похода на Петроград. За это Петроградский ВРК вынес постановление об аресте А.Р. Гоца, однако на этот раз заключение продлилось только 1 сутки. После разгона Учредительного собрания, в состав которого он вошёл по эсеровскому списку от Пензенского округа, началась боевая работа социалистов-революционеров против большевиков. Лидером партии в России, после выезда из страны во время гражданской войны В.М. Чернова, стал А.Р. Гоц. Весной 1918 г. он вошёл в военный штаб "Союза возрождения" в Петрограде, который переправлял вооружённые группы на территорию эсеровского Комуча в Поволжье. Уехав на юг, отстаивал тезис борьбы ПСР на 2 фронта — с большевиками и белым движением. В первой половине 1920 г. арестован. В 1922 г., вместе с Д.Д. Донским и 13 другими обвиняемыми по громкому процессу, приговорён к расстрелу, заменённому А.Г. Гоцу 5 годами тюремного заключения. После окончания срока, в мае 1925 г. был сослан на 3 года в Ульяновск, где приступил к работе в плановом отделе местной промышленности — губплане. Но уже через месяц (успев 27 июня 1925 г. прислать Д.Д. и Н.М. Донским в Парабель открытку с обратным адресом: г. Ульяновск, ул. Московская, д. 78, кв. 6) был арестован ГПУ, вывезен в Москву и приговорён к 2 годам тюремного заключения в связи с агентурными данными о готовящемся им побеге за границу. Только коллективная голодовка его и остававшихся ещё в Бутырской тюрьме эсеров помогли ему вернуться в ульяновскую ссылку. В нач. 1930-х гг. он переехал в Семипалатинск, а позже был переведён в Алма-Ату, где проживал с семьёй и работал в плановых органах вплоть до своего последнего ареста в 1937 г. Об этом периоде его жизни уместно привести пространную цитату из работы голландского исследователя М. Янсена: "Гоц и Либер, вновь арестованные в июле 1937 г., были посажены в алма-атинскую тюрьму... Их подвергли нечеловеческим пыткам, после которых они "признались", что являются контрреволюционерами, стремящимися к свержению Советской власти. Они сделали это в тщетной надежде спасти по крайней мере членов своих семей". Далее в своей книге этот автор приводит несколько версий смерти А.Р. Гоца, однако больше доверия вызывает та, что подкреплена ссылкой на его дочь Ольгу. Согласно её рассказу, А.Р. Гоц после Алма-Аты оказался в Орловской тюрьме, а в декабре 1939 г. был отправлен в лагерь на Нижнем Ингаше в Красноярском крае. Там он и умер летом 1940 г. от инсульта (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 202-203, 214-215). Официальные советские источники подтверждают только два факта: А.Р. Гоц работал экономистом до 1937 г., умер — в 1940 г.

⁹⁴ В это время Д.Д. Донской посетил последнее заседание ЦК ПСР (Свирская М.Л. Из воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1989. Вып. 7. С. 43).

⁹⁵ Семашко Николай Александрович (1874 — 1949). Родился в семье педагога в Орловской губернии. С 1893 г. — член РСДРП. В 1901 г. окончил Казанский университет. С 1904 г. — член Нижегородского комитета

РСДРП; в 1905 г. — участник вооружённых выступлений в этом городе, за что был арестован. В 1906 г. эмигрировал в Женеву, откуда, после ареста уже швейцарской полицией, в 1908 г. переехал в Париж, где стал секретарём и казначеем Заграничного бюро ЦК РСДРП. В 1912 г. — делегат Пражской партийной конференции. В начале Первой мировой войны был интернирован в Болгарию. В сентябре 1917 г. возвратился в Россию, в октябре того же года участвовал в вооружённом восстании в Москве. На прошедшем 4 — 10 июля 1918 г. V Всероссийском съезде советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов вошёл в ВЦИК. Один из организаторов советского здравоохранения: в 1917 — 1918 гг. — заведующий медико-санитарным отделом Московского совета, в 1918 — 1930 гг. — народный комиссар здравоохранения РСФСР, профессор 1-го Московского медицинского института; с 1944 г. — действительный член АМН; в 1947 — 1949 гг. — директор Института организации здравоохранения и истории медицины. Помимо этого — действительный член Академии педагогических наук, с 1931 г. член Президиума ВЦИК. Автор большого количества научных работ.

⁹⁶ "За социалистами-революционерами... ЧК охотилась и арестовывала их при любой возможности. Их не судили, а стремились изолировать. С ними обращались, в частности в Бутырской тюрьме, как с политическими заключёнными — возможно, в память того, что до революции они были товарищами. Они могли общаться между собой и свободно говорить о политике. Им разрешалось получать с воли политическую литературу и удавалось даже поддерживать некоторый контакт с товарищами на воле. Это нарушало их изоляцию, которую ЧК порой восстанавливала жестокими мерами. Например, в апреле 1921 г. все заключённые социалисты были переведены из Бутырской тюрьмы в провинциальные тюрьмы с более жёстким режимом. Однако со временем их жизнь в заключении принимала прежний характер. Когда условия становились слишком тяжёлыми и протесты не помогали, заключённые прибегали к испытанному средству — голодовке... Перевод политических заключённых из Бутырской тюрьмы в апреле 1921 г. вызвал протесты, говорили, что применялась сила, и Моссовет создал комиссию для расследования. Эта комиссия, как и следовало ожидать, пришла к выводу, что ЧК не применяла недозволенного насилия... Подробный отчёт ЧК опубликован в "Известиях" 24 июля 1921 г." (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 40, 41).

⁹⁷ Обвиняемые были переведены из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке в ночь с 24 на 25 февраля 1922 г. (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 50).

⁹⁸ Уточнение: судебный процесс длился с 8 июня по 7 августа 1922 г.

⁹⁹ Историк М. Янсен указывает другие часы заседаний: утренние — с 12 до 17, вечерние — с 19 до 24. Вечерние заседания были введены для того, чтобы рабочие могли посещать процесс после работы (Янсен М. Суд без

суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 83).

¹⁰⁰ "Судебный процесс... проходил в Колонном зале Дома союзов, выстроенном в стиле ампира в центре Москвы. Прежде там находился балльный зал "Благородного собрания" московского дворянства; теперь же бюст царя был заменён в нём бюстом Ленина. Впереди в зале висел огромный плакат: изображение рабочего, молотом сокрушающего змея, и лозунг "Пролетарский суд — щит революции". Суд восседал на возвышении под плакатом; подсудимые и защитники располагались справа, обвинители слева. Зал, способный вместить 1500 чел., охранялся снаружи и изнутри; обвиняемых окружали солдаты, очевидно, чтобы создать впечатление об опасности, которую те представляют. В остальном обстановка в зале была довольно неофициальной. Люди курили, на них была повседневная одежда" (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 83).

¹⁰¹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875 — 1933). Родился в г. Полтаве. Отец — чиновник, действительный статский советник А.И. Антонов, мать состояла в официальном браке с действительным статским советником В.Ф. Луначарским. Ещё на гимназической скамье в 1895 г. вступил в социал-демократическое движение. В 1895 — 1896 гг. учился в Цюрихском университете, в 1896 — 1898 гг. — жил во Франции. После этого переехал в Россию и вёл революционную работу в разных городах, подвергался арестам и ссылкам. В 1903 — 1907 гг. — большевик. С 1904 г. жил в Женеве: был членом редакций большевистских газет "Вперёд" и "Пролетарий", делегатом III съезда РСДРП. В 1908 — 1910 гг. проповедовал богостроительство, политически боролся с философией и практикой большевизма. В 1911 — 1915 гг. был постоянным корреспондентом российских газет и журналов за рубежом, с началом Первой мировой войны выступал против шовинизма. После февраля 1917 г. вернулся из эмиграции, воспринял большевизм, вёл активную агитационно-пропагандистскую работу. В июне — член президиума I Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов. 23 июля по обвинению в государственной измене был арестован Временным правительством. В эти же дни заочно избран одним из почётных председателей VI съезда РСДРП(б) и в составе группы "межрайонцев" вновь принят в партию. После освобождения 8 августа был избран заместителем Петроградского городского головы, председателем культурно-просветительской секции, членом Государственной комиссии по народному образованию и членом Временного совета Российской республики (Предпарламента). Долго не принимал тезис о необходимости большевистского восстания, но в октябрьских событиях в Петрограде принял активное участие. На открывшемся 25 октября II Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов был избран членом президиума, вошёл в ВЦИК и был утверждён наркомом просвещения. 2 ноября после бомбардировки московскими большевиками Кремля, разрушения соборов Василия Блаженного и Успенского, других историко-архитектурных памятников подал заявление об отставке, но изменил решение после разговора с

В.И. Лениным. Член Учредительного собрания по большевистскому списку от Смоленского округа. В 1917 — 1929 гг. — нарком просвещения РСФСР; в 1918 — 1920 гг. — уполномоченный РВС на фронтах и в прифронтовых районах; в 1922 г. — один из активных участников трибунала над правыми эсерами; с 1929 г. — председатель Учёного комитета при ЦИК СССР; с 1930 г. — академик АН СССР; в 1933 г. — полпред в Испании. Делегат VIII и X съездов РКП(б), член ВЦИК, ЦИК СССР. Один из организаторов советской системы образования, перестройки учреждений науки и культуры. Автор пьес, научных трудов по истории философии, проблемам культуры, литературной критике.

¹⁰² Кун Бела (1886 — 1939). Венгр, из семьи сельского писаря. С 1902 г. — член социал-демократической партии Венгрии. Учился в Клужском университете. Во время Первой мировой войны служил прапорщиком в австро-венгерской армии, в 1916 г. попал в русский плен и сразу же вступил в РКП(б). В 1918 г. прибыл в Петроград, затем в Москву, участвовал в создании венгерской группы РКП(б), стал её председателем, редактировал венгерскую газету, сотрудничал в "Правде", занял пост председателя Федерации иностранных групп РКП(б). В том же году участвовал в обороне Петрограда, подавлении левозсеровского выступления в Москве. В августе выехал в должности комиссара отряда интернационалистов на Восточный фронт и занял должность военкома 3-й бригады Среднеуральской дивизии. В ноябре того же года нелегально вернулся на родину, где стал одним из основателей Коммунистической партии Венгрии и её первым председателем. В марте 1919 г. после провозглашения Венгерской советской республики получил портфели наркома по иностранным делам и наркома по военным делам, а после поражения революции на родине эмигрировал в Австрию, в августе 1920 г. — в Россию. В октябре — ноябре того же года стал членом реввоенсовета Южного фронта, председателем Крымского областного ревкома. Член президиума ВЦИК. В дальнейшем — на руководящей партработе, член исполкома Коминтерна, с 1921 г. — член ИККИ. В 1927 г. награждён орденом Красного Знамени.

¹⁰³ Крыленко Николай Васильевич (Брам А.) (1885 — 1938). Родился в д. Бехтеево Сычёвского уезда Смоленской губ. в семье политссыльного. Будучи студентом, в 1904 г. вступил в РСДРП. В 1905 — 1906 гг. являлся одним из лидеров петербургского революционного студенчества, членом Военной организации при Петербургском комитете партии и членом совета рабочих депутатов. В 1906 г. короткое время жил в эмиграции, по возвращении из которой за пропагандистскую деятельность был выслан в Люблин. В 1907 г. отошёл от социал-демократии. В 1909 г. экстерном сдал экзамены за курс историко-филологического факультета в Петербургском университете. С 1911 г. вновь вернулся к революционной деятельности, начал активно сотрудничать с газетами "Звезда" и "Правда". В 1914 г. был выслан в Харьков, где в том же году сдал экзамены за юридический факультет в Харьковском университете. Оттуда эмигрировал в Австрию, затем в Швейцарию. В 1915 г. был направлен на нелегальную работу в Москву. После ареста в 1916 г. мобилизован в армию, где служил в

звании прапорщика 13-го Финляндского стрелкового полка 11-й армии Юго-Западного фронта. Стал широко известным политическим деятелем в 1917 г., начав сотрудничать в газете "Солдатская правда" и последовательно заняв должности председателя полкового, дивизионного и армейского комитетов, члена Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), члена Петроградского военно-революционного комитета. Был делегатом I Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, где прошёл в члены ВЦИК. В октябре 1917 г. вошёл в руководство Петроградского ВРК, в этом качестве 24 — 25 октября возглавлял захват и охрану важнейших объектов города. Делегат и член президиума II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, где был избран членом ВЦИК и назначен наркомом по военным и морским делам. Один из руководителей разгрома вооружённых выступлений А.Ф. Керенского — П.Н. Краснова и юнкеров. С 9 ноября 1917 г. по март 1918 г. являлся Верховным главнокомандующим. В январе 1918 г. на III съезде Всероссийского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов избран членом ВЦИК, с этого же времени — член Всероссийской коллегии по организации и формированию Рабоче-Крестьянской Красной армии; в феврале — марте 1918 г. — член бюро Комитета революционной обороны Петрограда; с марта 1918 г. — член коллегии Наркомюста РСФСР; с мая 1918 г. — председатель Ревтрибунала (с 1919 г. — Верховного ревтрибунала) при ВЦИК. Один из организаторов советского суда и прокуратуры и одновременно — государственный обвинитель на крупнейших политических процессах, в том числе на процессе социалистов-революционеров в 1922 г. В 1922 — 1931 гг. — помощник прокурора, прокурор РСФСР; с 1931 г. — нарком юстиции РСФСР; с 1936 г. — нарком юстиции СССР. Делегат VIII съезда РКП(б). В 1927 — 1934 гг. — член ЦКК ВКП(б). Член Президиума ВЦИК, член ЦИК СССР. Автор многих работ по теории и практике государственного и правового строительства в СССР. Член комиссий по подготовке конституций РСФСР и СССР, кодексов законов. В 1928 — 1934 гг. — руководитель и участник шести научных экспедиций на Памир. Возглавлял несколько спортивных организаций (шахматы, альпинизм, туризм). 31 января 1938 г. арестован, 29 июля того же года за "принадлежность к антисоветской организации" приговорён к высшей мере наказания, в тот же день приведённой в исполнение. В 1955 г. реабилитирован.

¹⁰⁴ Уточнение: подсудимыми на процессе выступали 34 социалиста-революционера.

¹⁰⁵ Семёнов (Васильев) Григорий Иванович (1891 — 1937). После февральской революции 1917 г. вступил в ПСР, вошёл в Военную комиссию. После октября того же года критиковал ЦК партии за нерешительность в противодействии большевикам. Подкрепляя слова делом, тогда же по собственной инициативе организовал террористическую группу, членами которой были совершены покушения на М.М. Володарского и В.И. Ленина. Осенью 1918 г. был арестован, но в июне 1919 г. подписал, как того требовали условия правительственной амнистии, личное заявление о лояльности власти и вышел из заключения. В том же году вошёл в эсеров-

кую группу "Народ", стремившуюся к сотрудничеству с большевиками. По мнению голландского историка М. Янсена, хорошо изучившего зарубежные источники по истории ПСР, в том же 1919 г. Г.И. Семёнов начал сотрудничество с ЧК. Выполнял её задания в Польше (против антибольшевистской деятельности Б.В. Савинкова), в Крыму. Скорее всего, именно за сотрудничество с ЧК был изгнан из эсеровских рядов. В январе 1921 г. вступил в ВКП(б). Сыграл главную роль в обвинении партии социалистов-революционеров на процессе 1922 г., печатно и устно обнародовав многие имена и факты её деятельности. Был арестован в 1930-х гг. и погиб в тюрьме в 1937 г. На следующий год на процессе по делу Н.И. Бухарина был уже посмертно обвинён в том, что совместно с подсудимым планировал создать террористическую эсеровскую группу для убийства И.В. Сталина и А.М. Кагановича (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 44-46, 206-207).

¹⁰⁶ Ратнер Григорий Моисеевич. Член ПСР. Пересмотрел свои политические взгляды и подписал обращение "Ко всем социалистам-революционерам" ("Правда" и "Известия" от 27 января 1921 г.), которое поддерживало большевистский принцип диктатуры пролетариата и необходимости политического террора в революционную эпоху, призывало эсеров вступать в компартию. На процессе правых эсеров 1922 г. был обвиняемым и идеологом "второй группы", согласившейся сотрудничать с большевиками и дававшей показания против "первой группы" подсудимых эсеров. В неё-то как раз и входила Евгения Моисеевна Ратнер — член ЦК ПСР и родная сестра Г.М. Ратнера. На суде последним было заявлено: "Если требует революция, то можно свести на эшафот и собственную сестру". В 1920-х гг. опубликовал ряд книг о коллективизации (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 102, 206).

¹⁰⁷ Уточнение: не все подсудимые "второй группы" являлись коммунистами по своей партийной принадлежности. Очевидно, здесь автор имела в виду их позицию на суде — выигрышную для коммунистов и обвинительную для эсеров.

¹⁰⁸ "Вторую группу" обвиняемых защищали высокопоставленные функционеры компартии: Н.И. Бухарин, М.П. Томский, А.А. Биценко, В. Вегер, Р.П. Катанян, Н.Н. Овсянников, И.Н. Стуков, С.Б. Членов, П.А. Шубин.

Бухарин Николай Иванович (1888 — 1938). Из семьи московских учителей. Закончил Первую московскую гимназию, во время учёбы в которой увлёкся революционными идеями, в первую очередь марксистскими. В 1906 г. вступил в РСДРП(б), начал нелегальную пропагандистскую работу. В 1907-1910 гг. учился на экономическом отделении юридического факультета Московского университета. В 1908 — 1909 гг. — член Московского комитета РСДРП(б). В 1909 — 1910 гг. несколько раз арестовывался, в последний раз после нескольких месяцев тюремного заключения выслан в Архангельск, затем в Онегу, откуда в 1911 г. через Москву нелегально эмигрировал в Ганновер. За границей познакомился с В.И. Лениным, практикой европейского рабочего движения, начал литературную деятельность,

учился в Венском университете. Перед началом Первой мировой войны был арестован в Австрии и выслан в Швейцарию, откуда вместе с Г.Л. Пятаковым и другими единомышленниками перебрался в Швецию. Там снова подвергся аресту, после чего вынужден был переехать в Норвегию, а из неё в США. В эмиграции работал в различных изданиях ("Коммунист" в Европе, "Новый мир" в Америке), занимался теорией и историей рабочего движения. По-своему, с неленинских позиций рассматривал вопросы о государстве, о диктатуре пролетариата, о праве наций на самоопределение и т.д. В апреле 1917 г. через Японию вернулся в Россию, где сразу вошёл в состав Московского совета рабочих депутатов и Московского комитета РСДРП(б), стал редактором газеты "Социал-демократ" и журнала московских большевиков "Спартак". В этот период полностью разделял большевистскую платформу: идейно и организационно боролся с меньшевиками и эсерами, в конце июля – начале августа на VI съезде РСДРП(б) впервые вошёл в ЦК, в октябре участвовал в вооружённом восстании в Москве, редактировал "Известия Московского ВРК", в 1918 – 1919 гг. – газету "Правда", от москвичей-коммунистов прошёл в состав Учредительного собрания (выступал там 5 января 1918 г.). Затем его мнение стало не всегда совпадать с позицией ЦК, но он всегда достаточно твёрдо проводил свою политическую линию. В период заключения Брестского мира был его противником и возглавил оппозиционную группу "левых коммунистов" (позже публично раскаялся в этом, назвав свой поступок крупнейшей политической ошибкой). В 1920 – 1921 гг. в ходе дискуссии о профсоюзах сначала возглавил "буферную группу", а затем примкнул к троцкистам. Позже поддерживал И.В. Сталина в борьбе за власть с Л.Д. Троцким, Л.Б. Каменевым, Г.Е. Зиновьевым и их сторонниками, но с разгромом последних и сам стал выступать против лидера ВКП(б). В 1928 – 1930 гг. Н.И. Бухарин стал лидером т.н. "правой оппозиции" в партии. В 1917 – 1934 гг. – член ЦК РКП(б) – ВКП(б), в 1934 – 1937 гг. – кандидат в члены ЦК РКП(б) – ВКП(б). В 1919 – 1924 гг. – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б); 1924–1929 гг. – член Политбюро ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1919 – 1929 гг. – член исполкома Коминтерна. В 1929 – 1932 гг. – член Президиума ВСНХ СССР. В 1934 – 1937 гг. – редактор газеты "Известия". В 1937 г. исключён из партии. На процессе 2 – 13 марта 1938 г. приговорён к смертной казни, безуспешно подавал прошение о помиловании. Реабилитирован в 1988 г.

¹⁰⁹ А.С. Тагер был не единственным адвокатом "первой группы". Помимо него, в процессе участвовали известные русские адвокаты Н.К. Муравьёв и В.А. Жданов, а также С.А. Гуревич, Г.Л. Карякин, А.Ф. Липскеров, М.А. Оцеп, Г.Б. Пагушинский и Б.Е. Ратнер.

¹¹⁰ Очевидно, фургон всё же был недостаточно большим для 22 человек. По крайней мере известно, что на одном из заседаний М.А. Лихач от имени всей "первой группы" заключённых выражал протест против обращения с ними, где, среди прочего, негодовал против тесноты "собачьего фургона", в котором они вынуждены ежедневно возвращаться в тюрьму после изнурительных 12-часовых заседаний в трибунале (Янсен М. Суд без

суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 202-203).

¹¹¹ *Образное сравнение судебного процесса с осиновым колом, вбитым в могилу партии социалистов-революционеров, было сделано Н.И. Бухариным на массовом митинге в Москве 20 июня 1922 г. (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 174).*

¹¹² *Кон Феликс Яковлевич (1864 — 1941). Из буржуазной варшавской семьи. Деятель польского и международного революционного движения с 1882 г. В 1882 — 1884 гг. учился в Варшавском университете. Осуждённый по делу польской партии "Пролетариат" к 10 годам 8 месяцам каторги, отбывал её с 1884 до 1890 г. в Восточной Сибири, а затем до 1904 г. жил на поселении в Якутии. Участник революционных событий 1905 — 1907 гг. в Петербурге. С 1906 г. — член ЦИК Польской социалистической партии — левницы в России и член секретариата меньшевиков-интернационалистов. С 1907 г. — в эмиграции, откуда вернулся в 1917 г. и в конце этого же года переехал из Петрограда на Украину. В 1918 г. вступил в РКП(б) и принял активное участие в борьбе за советскую власть на Украине, стал комиссаром по польским делам в Харькове. С апреля 1918 г. в ранге члена оргбюро участвовал в созыве 1-го съезда КП(б)У, вёл подпольную работу. С декабря 1918 г. — член компартии Польши; в 1919 г. — руководитель группы польских коммунистов в Киеве, редактор газеты "Глос комунисты"; с марта 1919 г. — член ЦК КП(б)У; в 1919 — 1922 гг. — секретарь ЦК КП(б)У; с декабря 1919 г. — заведующий отделом юстиции Всеукраинского ревкома, член Киевского губкома КП(б)У; в апреле — августе 1920 г. — председатель Галицийского оргкомитета при ЦК КП(б)У; в июле 1920 — марте 1921 гг. — член Польского бюро ЦК РКП(б); в июле — августе 1920 г. — член Временного польского ревкома. Делегат IX съезда РКП(б), II и III конгрессов Коминтерна. С 1922 г. — в Исполкоме Коминтерна. Один из основателей Международной организации помощи борцам революции. В 1925 — 1928 гг. — редактор газеты "Красная звезда", затем редактор "Рабочей газеты"; в 1930 — 1931 гг. — заведующий сектором искусств Наркомпроса РСФСР; в 1931 — 1933 г. — председатель Всесоюзного радиокомитета; с 1933 г. — заведующий музыкальным отделом Наркомпроса РСФСР; в 1937 — 1941 гг. — редактор журнала "Наша страна". Член ВЦИК и ЦИК СССР.*

¹¹³ *Цеткин Клара (1857 — 1933). В 1881 — 1918 гг. — член Социал-демократической партии Германии, один из руководителей её левого крыла. В 1889 г. — участница создания II Интернационала, активная его деятельница. Лидер европейского женского движения: организатор в 1907 г. — I Международной женской конференции, в 1915 г. — Международной социалистической конференции против войны. В 1910 г. Международный конгресс женщин принял её предложение о праздновании Международного женского дня 8 марта. В Коминтерне возглавляла Международный женский секретариат. Одна из организаторов "Союза Спартака" и Коммунистической партии Германии, членом которой являлась с 1919 г. С 1920 г. — депутат германского рейхстага. С 1921 г. — член ИККИ.*

¹¹⁴ *Вандервельде Эмиль (1866 — 1938)*. Член Бельгийской социалистической партии с момента её основания в 1885 г.; с середины 1890-х гг. — руководитель Бельгийской рабочей партии; с 1900 г. — председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. С 1894 г. — член парламента. В 1914 г. вошёл в правительство и до 1937 г. неоднократно занимал посты министров — иностранных дел, юстиции и др. С 1924 г. — профессор политэкономии Брюссельского университета. В 1922 г., помимо него и Т. Либкнехта, указанных автором, в качестве защитников от Второго и Венского Интернационалов на процессе правых эсеров в Москве присутствовали А. Вотерс (Бельгия) и К. Розенфельдт (Германия).

¹¹⁵ *Либкнехт Теодор (1870 — 1948)*. Родной брат Карла Либкнехта (1871 — 1919) и сын Вильгельма Либкнехта (1826 — 1900) — основателей и руководителей социал-демократической и коммунистической партий в Германии. Член Независимой социал-демократической партии Германии, один из лидеров Венского Интернационала. Во время приезда в Москву для защиты социалистов-революционеров вызывал наибольшее озлобление организаторов процесса, оказавшихся в сложном положении: адвокатом антикоммунистов выступал родной брат канонизированного коммуниста. На вокзале его встречали плакатом "Теодору Либкнехту — Каин, Каин! Где брат Карл?!".

¹¹⁶ *Либкнехт Карл (1871 — 1919)*. С 1900 г. — член социал-демократической партии Германии, один из лидеров её леворадикального крыла. В 1912 — 1916 гг. — депутат германского рейхстага, выступал против мировой войны. Один из организаторов "Союза Спартака" и Коммунистической партии Германии. 1916 — 1918 гг. — за антиправительскую деятельность провёл на каторге. Один из лидеров Ноябрьской революции в Германии, убит контрреволюционерами.

¹¹⁷ *Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885 — 1939)*. Родился в учительской семье во Львове. Там же учился в гимназии, из которой был исключён за участие в нелегальных кружках и знакомство с социал-демократической и польско-националистической литературой. В 1902 г. сдал экстерном экзамен за гимназический курс, позже окончил исторический факультет Киевского университета, учился в Бернском и Лейпцигском университетах. С 1902 г. — член Польской социалистической партии, с 1903 г. — член РСДРП. В 1904 г. переехал в Швейцарию (там вступил в заграничную ячейку партии "Социал-демократия Польши и Литвы"), затем в Германию. Много выступал в польской, швейцарской, германской и другой европейской социал-демократической печати. С началом революционных событий 1905 г. вернулся в Царство Польское (в Варшаву), где продолжил активную литературную и агитационную деятельность. В 1906 и 1907 гг. подвергался арестам, после чего был выслан в Австрию. В 1908 г. переехал в Германию, где продолжал сотрудничество с печатью польских социал-демократов, но был исключён из их рядов за левые взгляды. После этого начал активно работать в германских газетах и журналах, вступил в социал-демократическую партию Германии. Стал одним из активистов её леворадикального реформаторского течения, позже оформившегося в Ком-

мунистическую партию Германии. За это повторно был исключён из рядов социал-демократов. С началом Первой мировой войны занял резко антимилитаристскую позицию. Участник важных международных социалистических конференций — Циммервальдской (1915 г.) и Кинтальской (1916 г.). После февральской революции 1917 г. переехал в Стокгольм, где в ранге заграничного представителя РСДРП(б) участвовал в подготовке и работе конференции II Интернационала, помогал возвращению политэмигрантов в Россию. После приезда в Петроград в ноябре 1917 г. был заведующим отделом Центральной Европы в Народном комиссариате иностранных дел, заведующим отделом внешних сношений ВЦИК, членом делегации на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске (входил в число лидеров оппозиционной группы "левых коммунистов"), членом Комитета обороны Петрограда. Делегат VII съезда РКП(б) 6 — 8 марта 1918 г. В ноябре того же года выезжал в Германию для руководства компартией, за что почти год провёл в германской тюрьме. В 1920 — 1924 гг. — член исполкома Коминтерна (в 1920 г. — секретарь), участник II — V его конгрессов. В 1919 — 1924 гг. — член ЦК РКП(б)-ВКП(б). С 1923 г. — один из лидеров троцкистской "объединённой левой оппозиции". После её разгрома участники в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) были выведены из рядов коммунистов, а сам К.Б. Радек в январе 1928 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ выслан на 3 года на Урал якобы для укрепления местной парторганизации и руководящих кадров. В 1929 г. написал покаянное письмо в ЦК ВКП(б) и был возвращён в Москву, в 1930 г. восстановлен в партии. В 1936 г. вновь исключён из неё и арестован. Один из главных обвиняемых на процессе "Радек — Пятаков" в январе 1937 г. Осуждён к 10 годам лишения свободы и погиб в тюрьме. Реабилитирован в 1988 г.

1182 — 5 апреля 1922 г. на Берлинской конференции трёх Интернационалов делегация Коминтерна под руководством К.Б. Радека, заинтересованная в объединении всех социалистических сил для поддержки советского правительства на готовившейся международной конференции в Генуе, вынуждена была пойти на уступки и самовольно дала обязательство о гласности процесса над правыми эсерами, возможности участвовать на нём западным социалистам и невынесении на нём смертных приговоров.

¹¹⁹ К.Д.Д. Донскому было применено максимальное среди всех обвиняемых на процессе число статей — восемь. Это: ст. 57 (контрреволюционные действия, направленные на свержение советской власти), ст. 58 (организация и участие в вооружённых действиях с контрреволюционными целями), ст. 59 (сношение с иностранными государствами или их представителями с целью склонения их к вооружённой борьбе против Советской республики и т.п.), ст. 60 (участие в организации, действующей в целях совершения преступлений по ст. 57-59), ст. 64 (организация в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов), ст. 65 (саботаж), ст. 76-1 (организация и участие в экспроприациях и т.п.), ст. 76-2 (соучас-

тие в экспроприациях и т.п.). Упомянутые автором четыре статьи пре-
дусматривали смертную казнь — ст. 57-60.

¹²⁰ **Веденяпин Михаил Александрович** (1879 — ?). В 1901 г. был впер-
вые арестован студентом за распространение революционных листовок
и сослан на 2 года в Ташкент. В 1903 г. выехал за границу и вступил в
Партию социалистов-революционеров, в 1905 г. возглавил её Самарское
отделение. В 1906 г. приговорён к высылке в Сибирь, откуда на следующий
год бежал. В 1908 г. в Москве был снова арестован, содержался в Бутыр-
ской каторжной тюрьме. В 1909 г. судом приговорён к 4 годам каторги.
Отбывал её в Восточной Сибири, где вместе с А.Р. Гоцем входил в т.н. груп-
пу "сибирских циммервальдовцев". На III съезде (25 мая — 4 июня 1917 г.) и
IV съезде ПСР (26 ноября — 5 декабря 1918 г.) был избран в ЦК партии: пер-
вый раз за него было отдано 237 из 270 голосов, во второй — 126 из 174. В
сентябре 1917 г. по партийному списку прошёл во Временный совет Рос-
сийской республики (Препарламент). В июне 1918 г., после VIII съезда ПСР
вместе с Д.Д. Донским и ещё двумя членами ЦК был откомандирован для
партийной работы в Поволжье. В Самаре в ранге министра иностранных
дел вошёл в правительство — "Комитет членов Учредительного собра-
ния". В первой половине 1920 г. арестован ЧК. На какое-то время выходил
из тюрьмы — по крайней мере, есть воспоминания о его присутствии вме-
сте с Д.Д. Донским в январе или феврале 1922 г. на последнем нелегальном
"людном заседании ЦК ПСР" в Москве. Участвовал в процессе 1922 г. в ка-
честве обвиняемого "первой группы". Ещё в тюрьме решительно выска-
зался против вооружённой борьбы с большевиками. Обвинителям трибу-
нала это было известно, и они всячески пытались противопоставить М.А.
Веденяпина другим подсудимым. Даже не подыгрывание обвинению, а хотя
бы молчание уже могло бы служить ему гарантией более лёгкого пригово-
ра. Однако в последнем слове М.А. Веденяпин отверг все попытки вбить
клин между ним и его товарищами: "Бухарин может взять мою голову, но
на мою честь революционера я никому никогда не позволю бросить ни ма-
лейшего пятна". Приговор — 10 лет. После сокращённого вдвое срока зак-
лючения находился в ссылке в Пензе: работал экономистом, много писал
для журнала "Каторга и ссылка", занимался археологией. Жена — Екате-
рина Дмитриевна Веденяпина.

¹²¹ Жена **Либерова Александра Васильевича** (1887 — ?) — активиста
Партии социалистов-революционеров. На процессе 1922 г. входил в "пер-
вую группу" обвиняемых и получил 10 лет тюремного заключения. Как и
другие осуждённые, прошёл свой путь тюрем и ссылок (известно, напри-
мер, что в 1933 г. сидел в Суздале) и не пережил 1930-е гг.

¹²² Этот эпизод позволяет уточнить пока ещё не до конца исследо-
ванную биографию М.А. Спиридоновой. Информацию Н.М. Донской о
встрече с ней в в "загородном совхозе ГПУ" летом 1923 г. Д.Д. Донской-
младший с уверенностью уточняет названием этого подмосковного мес-
течка — Вороново. В литературе есть данные о поднадзорном содержа-
нии М.А. Спиридоновой после сентября 1921 г. в "подмосковной г. Мала-
ховке" (**Безбережьев С.В.** Мария Александровна Спиридонова // Россия

на рубеже веков: исторические портреты. М.: Издательство политической литературы, 1991. С.353).

¹²³ Очевидно, имеется в виду *Либер (Гольдман) Михаил (Марк) Исаакович (1880 – 1937)*. Родился в г. Вильно, отец – коммерсант и еврейский поэт. Революционным движением начал заниматься ещё в гимназии, где в 1896 г. созвал социал-демократический съезд учащейся молодёжи. Тогда же вступил в Социал-демократическую партию Литвы, а в 1897 г. – в организовавшийся Бунд (“Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России”), где в 1904 г. вошёл в Центральный комитет. В 1899 г. был арестован, а после выхода на поруки в 1900 г. эмигрировал в Швейцарию. В 1901 г. нелегально вернулся в Россию. В 1903 – 1907 гг. в качестве главы делегации Бунда участвовал в работе II, IV и V съездов РСДРП: после первого из них – примкнул к меньшевикам, на последнем в 1907 г. был избран в ЦК РСДРП, членом которого являлся до 1912 г. Во время революционных событий 1905 г. был членом исполкома Петербургского совета рабочих депутатов. В 1910 г. сослан в Вологодскую губернию, после побега из которой в 1912 г. возвращён туда же. Позже эмигрировал за границу. В 1914 г. вернулся в Россию, а на следующий год был сослан в Самарскую губернию. Выехал оттуда лишь в 1917 г. и по возвращении в столицу вошёл в исполком, а затем в бюро исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, ВЦИК, Временный совет Российской республики (Предпарламент), оставаясь при этом членом ЦК Бунда и ЦК РСДРП (объединённой). В июне 1917 г. был делегатом I Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов. Резко выступал против октябрьского переворота: 25 октября вышел из состава ВЦИК; 1 ноября – из ЦК РСДРП(о), решившего идти на контакт с большевиками; в феврале – апреле 1918 г. – в ряде городов устно и печатно разоблачал политику В.И. Ленина и его сторонников. В годы гражданской войны был сторонником союза со странами Антанты против большевиков. За политическую деятельность подвергался аресту, выпущен из тюрьмы в 1919 г. На процессе правых эсеров в 1922 г. выступал свидетелем защиты, за что, по словам голландского историка М. Янсена, “провёл многие годы в тюрьмах и ссылках”. По сообщению этого же источника, М.И. Либер вместе с А.Р. Гоцем в 1937 г. арестовали и, после долгих пыток в Алма-Атинской тюрьме, в ноябре того же года казнили (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 202-203). В советской исторической литературе указано, что “после 1917 г. М.И. Либер политической деятельностью не занимался”. Реабилитирован по разным статьям в 1958 и 1990 гг.

¹²⁴ *Потресов Александр Николаевич (Старовер) (1869 – 1934)*. Дворянин, из семьи генерал-майора. Окончил естественный факультет и два курса юридического факультета Петербургского университета. Участник российского революционного движения, марксист. Ещё в 1892 г. подерживал связь с группой “Освобождение труда”. С 1896 г. – член Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”. В том же году (по другим данным, в 1898 г.) был арестован и на 2 года сослан в Вятскую губернию. С 1900 г. – эмигрант, основатель (с В.И. Лениным и Ю.О. Мар-

товым) газеты "Искра", член редакций её и журнала "Заря"; после II съезда РСДРП в 1903 г. — один из лидеров меньшевизма и руководителей печатных органов этого политического направления — "Возрождение", "Наша эра" и др. После амнистии в ноябре 1905 г. вернулся в Россию, руководил легальной меньшевистской печатью. В 1908 — 1910 гг. входил в число идеологов и руководителей "ликвидаторов" — сторонников создания легальной реформистской партии, отвергавших нелегальные способы политической борьбы. В годы Первой мировой войны поддерживал т.н. "оборонцев", "социал-шовинистов", считавших необходимым для победы над внешним врагом временный гражданский мир в обществе. В 1917 г. — активный участник революционных событий: один из лидеров правых меньшевиков, член редакции антибольшевистской газеты "День", делегат Чрезвычайного съезда РСДРП (объединённой), депутат Временного совета Российской республики (Предпарламента). Категорический противник октябрьской революции: выступал против любых соглашений с большевиками, а после обозначения партией меньшевиков на Чрезвычайном съезде в ноябре — декабре 1917 г. своей левоцентристской позиции отказался войти в её ЦК, через год объявил о разрыве с "официальным меньшевизмом". В 1919 г. подвергался аресту, но в связи с болезнью был освобождён. От политической деятельности отошёл, занимался научной и архивной работой. В конце 1924 г. получил разрешение выехать на лечение за границу. Там сотрудничал с антисоветским еженедельником А.Ф. Керенского "Дни", с 1931 г. выпускал журнал "Записки социал-демократа". Умер в Париже.

¹²⁵ Гедеоновский Александр Васильевич (1859 — 1928). Сын священника Орловской епархии. В 1869 г. поступил в Орловское духовное училище, в 1876 г. перешёл в Орловскую духовную семинарию. В первые же два года обучения организовал в семинарии революционный кружок по изучению и распространению нелегальной литературы, примкнул к обществу "Земля и воля". В 1880 г. поступил в лицей в Ярославле, где уже на следующий год организовал кружок партии "Народная воля". В 1882 г. за участие в студенческих волнениях выслан на несколько месяцев в Рыбинск. В 1883 г. снова поступил в лицей и вновь организовал революционный кружок. В 1884 г. в ранге представителя ярославских народников участвовал в партийной конференции в столице. В 1885 г. выехал в Ростов-на-Дону и Таганрог, где вошёл в контакт с южной организацией "Народной воли". В 1885 — 1886 гг. работал статистиком в Орловской губернской земской управе. В 1886 г. арестован, содержался в тюрьмах Ельца, Орла, Москвы и Петербурга. В 1887 г. выслан в Западную Сибирь. После полугодичного содержания в Бутырской тюрьме в Москве в 1888 г. отправлен этапом на поселение в Сибирь, но после коллективной драки с наззирающим персоналом Тюменской тюрьмы по решению суда отбывал полугодичное заключение в Павлодарской тюрьме. Лишь после этого в 1889 г. этап был продолжен и закончился поселением в Усть-Каменингорске. Там 3 года зарабатывал на хлеб уроками и публикациями в сибирских газетах. После возвращения на родину в конце 1892 — начале 1893 гг. принял участие в организации партии "Народное право". В 1894 г. за ак-

тивную работу в ней был вновь арестован и заключён в Петропавловскую крепость. В 1895 г. на 5 лет выслан в с. Верховенское Иркутской губ., где работал делопроизводителем мирового судьи. По окончании срока в 1901 г. переехал в Полтаву и принял участие в организации Партии социалистов-революционеров. В 1902 г. перебрался в Тифлис, а на следующий год — в Одессу, не прерывая своего деятельного членства в ПСР. После восстания броненосца "Потёмкин" вместе с женой был назначен к выселению в Вологодскую губ., но успел скрыться в Бессарабию. После скитания по разным городам России в ноябре того же 1905 г. остановился в Харькове, откуда в декабре был вызван на съезд ПСР в Финляндию. Однако поездка не состоялась из-за ареста, после которого в 1906 г. последовала высылка вместе с женой в Нарым Томской губ. на 3 года. Однако пробыли они там лишь с мая по сентябрь, а затем по причине слабого здоровья получили разрешение на выезд за границу. Во время пребывания в Париже и Швейцарии активно занимался революционной работой, вошёл в состав так называемой "Заграничной делегации ПСР", заменявшей ЦК. В 1909 г. после завершения срока ссылки вернулся в Россию, где снова оказался под арестом, правда краткосрочным. После февраля 1917 г. от политической деятельности отошёл и, оставаясь эсером, занимался общественной работой. До 1925 г. трудился в кооперации: в Губсоюзе, в Центросоюзе, во Всеколесе (об этом периоде и упоминается в мемуарах Н.М. Донской). Состоял членом Всесоюзного общества политкаторжан, активно сотрудничал в журнале "Каторга и ссылка".

¹²⁶ Из всех проходивших по процессу правых эсеров 1922 г., у кого смертный приговор был заменён 5-летним тюремным сроком, первым (30 июня 1924 г.) он закончился у Д.Д. Донского, поскольку включал в себя всё время пребывания в заключении после ареста в 1919 г. С наступлением этой даты он объявил голодовку, требуя своего освобождения, и этот вопрос 4 июля 1924 г. специально рассматривался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). После его положительного решения Верховный суд РСФСР освободил Д.Д. Донского от тюремного заключения, но с неременной высылкой, срок которой судебными органами не определялся, но по действовавшему законодательству не мог превышать 3 лет. (См. материалы из Архива Президента РФ в публикуемой далее подборке архивных документов).

¹²⁷ Уточнение: Н.М. Донская не имела статуса осуждённой, она сохранила все свои гражданские права на свободу передвижения, места жительства и т.д. Хотя были намерения судебным порядком перевести и её в ранг ссыльной. Например, нарымские чекисты имели на её счёт такую установку: "Совершенно ясно, что не менее тщательное наблюдение нужно иметь и за женою. При отъездах в Москву или вообще из Нарыма организуйте за ней соответствующее своему назначению наружное наблюдение и по дороге тщательно обыскивайте с расчётом обнаружить компрометирующие материалы, на основании коих её ссылку в Нарым можно бы было узаконить" (Архив Управления ФСБ по Томской области).

¹²⁸ *Скрыпник Николай Алексеевич (1872 — 1933). Из семьи железногорского служащего Екатеринославской губернии. Экстерном сдал экзамены за курс реального училища в Курске. Член коммунистической партии*

с 1897 г. В 1901 г., будучи студентом Петербургского технологического института, был отчислен из вуза и выслан в Екатеринослав (Днепропетровск). В 1902 г. арестован и выслан в Якутскую губернию, откуда бежал. Работал в партийных органах во многих городах России. В 1905 г. — делегат III съезда РСДРП, секретарь её ЦК, за организацию вооружённого выступления в Риге заочно приговорён к смертной казни. В 1907 г. сослан в Туруханский край, откуда вновь бежал. В 1908 г. — эмигрант в Женеве; в 1908 — 1913 гг. — снова ссыльный в Якутской губернии. После февраля 1917 г., в конце мая переехал из Тамбова в Петербург и стал секретарём Центрального совета фабзавкомов, членом ВЦИК, делегатом VI съезда и кандидатом в члены ЦК РСДРП(б), членом редакций газеты "Пролетарий" ("Правда") и журнала "Новый путь". Участвовал в разгроме вооружённого выступления Л.Г. Корнилова, был депутатом Временного совета Российской республики (Предпарламента), от Тамбовского округа выдвигался кандидатом в Учредительное собрание, но избран не был. Участник октябрьской революции в Петрограде: член (по другим данным, председатель) Всероссийского Центрального совета фабзавкомов, Петроградского ВРК, ВЦИК, делегат II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, заместитель председателя президиума Петроградской городской думы, участник боевых действий против войск А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова. С декабря 1917 г. государственная и партийная деятельность Н.А. Скрыпника была связана с Украиной: 1917 г. — народный секретарь труда, торговли и промышленности; с марта 1918 г. — председатель Народного секретариата (правительства) Украины и народный секретарь иностранных дел, один из организаторов КП(б)У; 1919 г. — нарком Госконтроля; 1920 г. — нарком РКИ, начальник особого отдела Юго-Западного фронта; 1921 г. — нарком внутренних дел; 1922 — 1927 гг. — нарком юстиции и генеральный прокурор; 1927 — 1933 гг. — нарком просвещения; 1933 г. — заместитель председателя СНК Украины, председатель Госплана УССР. Делегат IX — XVI съездов партии, кандидат в члены и член ЦК РКП(б). Делегат всех конгрессов Коминтерна. С 1927 г. — Председатель Совета Наций СССР. Необоснованно обвинён в связях с украинскими буржуазными националистами и покончил с собой.

¹²⁹ Чернов Борис Викторович играл заметную роль в нарымской ссылке 1920-х гг. Она была для него третьим заключением, причём, по данным ОГПУ, "первый раз он сидел за своего отца, а последние два раза — за свою партийную работу". Тесно общался с Д.Д. и Н.М. Донскими, которые выделяли молодого человека не только как сына их близкого товарища по партии В.М. Чернова, но и как энергичного, грамотного эсера. Надзорные органы видели в сложившихся отношениях политическую подоплёку, всячески препятствовали этим контактам и даже планировали переселить Б.В. Чернова подальше от Парабели (см. архивные документы в этой же книге). Однако ситуация разрешилась иначе — в 1925 г. он был арестован за подготовку побега.

¹³⁰ Слетова-Чернова Анастасия Николаевна. Из семьи чиновника. Сестра С.Н. Слетова (1876 — 1915 или 1916) — одного из основателей и

идеологов Партии социалистов-революционеров, её первого историографа, члена ЦК и Боевой организации. Работала директрисой воскресной школы г. Тамбова, куда под гласный надзор полиции был определён В.М. Чернов; 25 января 1898 г. они поженились. Вместе с братом и мужем активно занималась пропагандистской работой, организацией "летучих библиотек" среди крестьян. От Тамбовского округа по спискам ПСР и совета крестьянских депутатов избиралась в Учредительное собрание, при подготовке и во время работы которого входила в президиум бюро фракции социалистов-революционеров. После революции политической деятельностью не занималась, сосредоточившись на общественной и литературной работе (в частности, ею опубликован русскоязычный перевод статьи: Лавров П.Л. Социалистическое движение в России // Каторга и ссылка. 1925. № 1. С. 43-84). Позже В.М. Чернов был женат на Ольге Елисеевне Фёдоровой (Колбасиной).

¹³¹ Органами ОГПУ в 1927 г. один из братьев Вологарских (скорее всего, Александр Маркович) и Борис Григорьевич Немерицкий (высланный из Харькова) будут названы лидерами парабельской группы ссыльных анархистов и "любимцами Д.Д. Донского" (см. "Докладную записку для заместителя прокурора тов. Малинина от 10 февраля 1927 г. "Жизнь и деятельность политссылки в Нарымском крае" в подборке архивных документов).

¹³² Рысс Самуил в документе 1927 г. будет означен как лидер большевистской группы ссыльных анархистов (см. "Докладную записку "Жизнь и деятельность политссылки в Нарымском крае" для заместителя прокурора тов. Малинина от 10 февраля 1927 г." в подборке архивных документов).

¹³³ Иков (Миров) Владимир Константинович (1882 — ?). С 1900 г. — член РСДРП, один из лидеров её меньшевистского направления. Много публиковался в партийной прессе. До 1917 г.: 8 раз арестовывался (провёл в тюрьмах 3 года), трижды находился в ссылке — 1902 — 1903, 1914 — 1917 гг. в Восточной Сибири, 1912 — 1914 гг. в Вологодской губернии (всего около 6 лет). 1904 г. провёл в эмиграции. Делегат II Южнорусской конференции (1905 г.) и двух объединительных съездов РСДРП — в Стокгольме (IV съезд РСДРП в 1906 г.) и Петрограде (в 1917 г.). От Всероссийского кооперативного союза избирался членом Учредительного собрания.

¹³⁴ Фамилия Соломона Павловича, по воспоминаниям Д.Д. Донского-младшего, предположительно — Зайчик

¹³⁵ Речь идёт о: Кузьминский (Кузминский) Александр Константинович (1869 — 1925) — один из организаторов органов здравоохранения в Нарымском крае. В 1894 г. получил звание врача после окончания университета. В декабре 1913 г. приехал на должность заведующего Нарымским врачебным участком, чтобы остаться в этих краях навсегда. В условиях долгого отсутствия на вверенном участке врачебной помощи, слабой материальной базы и увеличившегося с началом мировой войны числа ссыльных — источника эпидемий — ему пришлось с самого начала активно заниматься не только врачебной практикой, но и организацией здравоохранения в крае. В русле последнего было и открытие новых врачебных участ-

ков, фельдшерских пунктов. Этому способствовало проведённое 20 февраля 1916 г. в Парабели по инициативе А.К. Кузьминского I совещание врачей Нарымского края, которых тогда было всего трое (Кузьминский А.К. О гипотетическом врачебном пункте в селе Каргасок Нарымского края Томской губернии // Сибирский врач. № 11, 12. 19 марта 1917 г. С. 72-73.). Продолжением той же деятельности по расширению медицинской помощи в Нарымском крае стал доклад парабельского врача в марте 1917 г. на I съезде врачей Томской губернии (Кузьминский А.К. Организация медицинского дела в северной части Нарымского края // Труды I съезда врачей Томской губернии. Томск, 1917. С. 91-107.). После первого установления советской власти в январе 1918 г. он вошёл в исполком Нарымского совдепа, а с разгромом колчаковцев — в созданный 30 декабря 1919 г. Нарымский ревком. Одним из первых постановлений нового органа власти стало образование в январе 1920 г. Нарымского районного отдела здравоохранения с А.К. Кузьминским во главе (он тогда был единственным врачом в крае). С ликвидацией через полгода этой структуры он был назначен на должность Нарымского районного врача и заведующего Нарымской лечебницей. Принимал активное участие в борьбе с развернувшейся в это время эпидемией тифа, выезжая для этой цели в отдалённые селения по рекам Парабели, Тыму, Васюгану. Благодаря энергии и подвижничеству А.К. Кузьминского к 1925 г. в крае были восстановлены все прежние врачебные участки и фельдшерские пункты, закрывшиеся в годы гражданской войны, и открыты новые. Умер в Нарыме.

¹³⁶ Свердлов Яков Михайлович (Мовшевич) (1885 — 1919). Из семьи нижегородского ремесленника. В 1900 г. после окончания 5 классов гимназии работал учеником аптекаря. С 1901 г. — член РСДРП, организатор партийной работы в Поволжье и на Урале, после размежевания 1903 г. — большевик. В революционные 1905 — 1907 гг. возглавлял Екатеринбургский и Уральский областные комитеты РСДРП. В 1912 г. на VI (Пражской) партконференции заочно кооптирован в члены ЦК и введён в Русское бюро ЦК. Многократно арестовывался и ссылался, с 1913 г. — в Туруханский край. 29 марта 1917 г. вернулся из ссылки в Петроград, участвовал во Всероссийском совещании советов рабочих и солдатских депутатов и был направлен в Екатеринбург, где руководил работой Уральской областной партийной конференции. Делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б), где избирался членом ЦК. В этом органе возглавлял секретариат, участвовал в руководстве Военной организацией. На I и II Всероссийских съездах советов рабочих и солдатских депутатов возглавлял большевистскую фракцию. Один из организаторов обороны столицы во время похода генерала Л.Г. Корнилова. В октябрьские дни 1917 г. — член штаба восстания в Петрограде; председатель ВЦИК при одновременном исполнении обязанностей секретаря ЦК РСДРП(б). Организатор органов советской власти в центре и на местах. От Симбирского округа вошёл в состав Учредительного собрания. В 1918 г. — председатель III, IV и V Всероссийских съездов советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, председатель ВЦИК; председатель комитета революционной обороны Петрограда;

председатель всех заседаний VII съезда РКП(б); председатель комиссии по выработке первой конституции РСФСР. 18 июля именно Я.М. Свердлов сообщил президиуму ВЦИК о расстреле семьи последнего российского императора, а 2 сентября подписал резолюцию ВЦИК о "красном терроре". Во время болезни В.И. Ленина вёл заседания Совета народных комиссаров. В 1919 г. — член Оргбюро ЦК РКП(б); организатор I конгресса Коминтерна, первых съездов советов Латвии, Литвы и Белоруссии, III съезда компартии Украины и III Всеукраинского съезда советов. После поездки на Украину и выступления на митинге в Орле простудился (по другим данным, был избит митингующими) и по приезде в Москву умер.

Хроника нарымской ссылки Я.М. Свердлова. В декабре 1909 г. арестован в числе других членов Московского комитета РСДРП и в марте 1910 г. приговорён к 3 годам высылки в Нарымский край Томской губ., откуда 27 июля (по ст. ст.) того же года бежал. Уже 14 ноября вновь арестован в Петербурге и в мае 1911 г. выслан опять же в Нарымский край на 4 года. 3 июля за попытку побега в пути следования отправлен из Тогурской каталажной тюрьмы на поселение в с. Максимкин Яр на р. Кети. В феврале 1912 г. по ходатайству, со ссылкой на слабое здоровье, переведён в Нарым, но после ещё одной попытки побега из с. Колпашева осенью 1912 г. водворён на жительство в д. Костареву. Именно об этом эпизоде жизни Я.М. Свердлова и вспоминает Н.М. Донская. 5 декабря 1912 г. попытка побега из ссылки оказалась удачной.

¹³⁷ Смирнов Степан Иванович (1898-1937). Родился в д. Даурск Парабельского района, проживал в д. Костарево того же района. Работал заведующим сырьевым складом сельпо. Арестован 20 октября 1937 г., расстрелян.

138 Кочанова Эмма Моисеевна — судья по документам из Управления ФСБ по Томской области, "ссылная сионистка, отбывающая минус". Учитывая сообщение Н.М. Донской о ссыльном муже Э.М. Кочановой, её свободном передвижении и последующем отъезде из Парабели, можно предположить, что она оказалась в этих местах вслед за мужем и из-за собственного ограничения пунктов проживания.

¹³⁹ Совершенно иначе рассматривались самообразование С. Рысса наглядными органами ОГПУ. В 1927 г. нарымские чекисты докладывали наверх, что окружение С. Рысса "занимается самовоспитанием и воспитанием будущих анархических "вождей" (см. "Докладную записку "Жизнь и деятельность политссылки в Нарымском крае" для заместителя прокурора тов. Малинина от 10 февраля 1927 г." в подборке архивных документов). Скорее всего, только малый срок совместных занятий Д.Д. Донского-младшего с С. Рыссом и скорый отъезд первого из Парабели способствовали тому, что он не попал в список этих самых "будущих анархических вождей" со всеми вытекающими трагическими последствиями.

¹⁴⁰ Мясников А.Л. Болезни печени и желчных путей. Л; М., 1934.

¹⁴¹ О злобной реакции местных органов здравоохранения на эту инициативу Д.Д. Донского см. материалы из подборки архивных документов в этой книге. Хотя нарком здравоохранения Н.А. Семашко выполнял здесь

не столько гружеский, сколько свой служебный долг. В эти годы по Нарымскому краю прокатилась эпидемия малярии: в 1923 г. — 1700 больных, в 1924 г. — 2500. Наибольший удар болезни пришёлся как раз на подведомственный Д.Д. Донскому Парабельский район: если в целом по краю она охватила 15-17 % населения, то в указанном районе за 1920 — 1925 гг. малярией переболело 47,2 % (Бова П.А. История и современное состояние здравоохранения Нарымского края. Дисс.... канд. мед наук. Томск, 1966. // Научная библиотека Сибирского государственного медицинского университета. № 207622. С. 209).

¹⁴² Село (с 1938 г. — город) Колпашево было центром Нарымского округа — в 1932 — 1944 гг. административного образования внутри Западно-Сибирского края.

¹⁴³ Выезды специальных отрядов медицинских специалистов из Томска в Нарымский край осуществлялись по инициативе и под руководством известного хирурга, академика АМН СССР, лауреата Государственной премии СССР Андрея Григорьевича Савиных (1888 — 1963). В Парабели такой отряд работал в 1930 г. В посвящённой этим поездкам специальной публикации А.Г. Савиных высоко отозвался о построенной Д.Д. Донским парабельской больнице: "В последние годы построена довольно приличная для края больница на 25 — 30 коек (г-р Донской Д.Д.) с расчётом для оперативной работы, т.е. устроена операционная, стерилизационная, отдельно гинекологическое и родильное отделение. Оборудование больницы достаточно для того, чтобы можно было в любой момент развернуть даже сложную и большого масштаба хирургическую работу. Палаты имеют железные койки, часть которых с сетками. Постельным и прочим бельём обеспечены достаточно... В работу отряда влился целиком весь медперсонал больницы, состоящий из двух врачей (Донской Д.Д. и Григорьева А.А.) и 4 средних медработников" (Савиных А.Г. Опыт работы и организации хирургической помощи на севере реки Оби в остяко-самоедско-тунгусских районах // Труды Томского мед. ин-та. Томск, 1933. Вып. 1-3. С. 244-285; То же (фрагм.) // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 222-229).

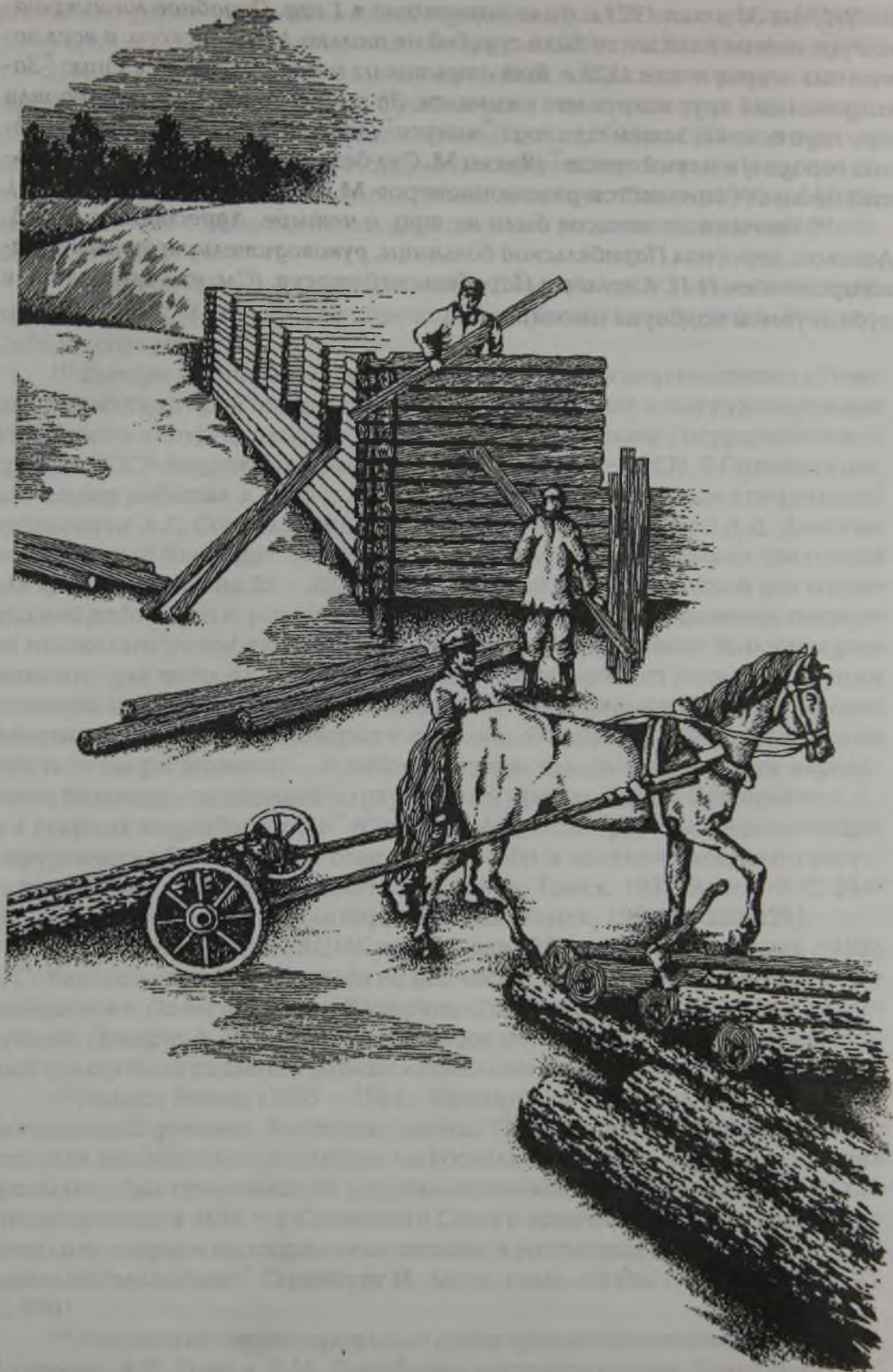
¹⁴⁴ Постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 г. существовавший с 1925 г. Сибирский край был разделён на две части — Западно-Сибирский край с центром в г. Новосибирске и Восточно-Сибирский край с центром в г. Иркутске. Поездка Д.Д. Донского в сентябре того же года в административный центр была связана с финансированием Парабельской больницы.

¹⁴⁵ Роллан Ромен (1866 — 1944). Французский писатель, музыковед, общественный деятель. Выступал против Первой мировой войны, приветствовал октябрьскую революцию в Россию. В 1930-х гг. выступал против фашизма, был сторонником социалистических преобразований в СССР. После приезда в 1935 г. в Советский Союз и встречи с И.В. Сталиным написал о последнем восторженные строки, в разговорах восклицал: "Он удивительно человечен!" (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1966. Кн. V-VI. С. 700).

¹⁴⁶ Уточнение: первое продление срока административной ссылки Д.Д. Донского, А.Р. Гоца и Е.М. Тимофеева постановлением Политбюро ЦК

ВКП(б) от 30 июня 1927 г. было определено в 1 год. Подобное многократное удлинение наказания было судьбой не только Д.Д. Донского, а всех заметных эсеров после 1925 г. Вот отрывок из мемуаров одной из них: "Законченный круг вокруг нас сжимался. За тремя годами изолятора шли три года ссылки, затем три года "минуса" (запрет на жительство в крупных городах) и новый арест" (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М.: Возвращение, 1993. С.201).

¹⁴⁷ Уточнение: записок было не три, а четыре. Агресаты: сын Д.Д. Донской, персонал Парабельской больницы, руководитель окружным здравоохранением Н.Н. Киселёв и Парабельский нарсуд. (См. их содержание в публикуемой подборке писем).

Восемь лет из жизни врачебного участка в Нарымском крае (1924 – 1932 гг.)¹

Дмитрий Дмитриевич Донской

В середине сентября 1924 г. было решено открыть в с. Парабели – районном центре – врачебный участок со стационаром на 10 коек. До этого больница была в бывшем центре края г. Нарыме, но за отсутствием больных и работоспособного персонала была закрыта и вся, со всем инвентарём, была перевезена и свалена в виде кучи обломков посуды, кроватей, инструментария в сарае при Парабельском фельдшерском пункте. Врач оставался в Нарыме и изредка приезжал на приём в Парабель, где происходило повторение знаменитых амбулаторных приёмов в околотках царской армии: больные толпой окружали врача, излагали свои просьбы и получали тут же по устному распоряжению ведущего приём «порошки, капли, питьё».

Не мудрено, что при такой медицине население даже сравнительно густо населённых берегов р. Оби лечилось у знахарей, рожало с бабками и в лучшем случае пользовалось советами сердобольных учителей, попов и зубных врачей и прочих, которые часто не без выгоды для себя заводили домашние лечебники, выписывали аптечки и принимали "пациентов". В отдельных селениях по р. Кёнге, Чузику, Парабели население никогда не видало медицинского персонала у себя в деревне, и там нередко [можно] было слышать об обмене одного порошка хины на телёнка или овцу.

О профилактической и санитарно-просветительной работе даже медработники знали только понаслышке и вряд ли сознавали её ведущую роль в деле здравоохранения. Эпидемии малярии, оспы, сыпного тифа, даже холеры вспыхивали и распространялись беспрепятственно и прекращались сами собой, истощив весь неиммунный человеческий запас. Даже противооспенная вакцинация на производилась годами, так как медицинские организации не имели средств на содержание и разъезды оспопрививательницы и не могли преодолеть сопротивление в глухих частях района со стороны старообрядческой части населения, считавшей прививку печатью Антихриста. В соседних с Парабельским районах дело обстояло не лучше, а иногда и хуже. Участки были заняты ротными фельдшерами без самых

необходимых предметов оборудования, без медикаментов и инструментов, а часто и без минимальных знаний. Во всём крае огромной популярностью пользовался зубной врач из немецких военнопленных, раздававший какие-то капельки и микстурки от всех болезней, главными составными частями которых были брусничный сок, сахар и вода. Не малую, если не основную часть его «терапии» составляли беседы на религиозные темы в духе секты «евангелистов» и в конце торговля о «гонораре» мукой, пушниной, мясом и прочим. Но он предписывал кое-какую диету, делал тифозным холодные ванны, для чего в избу втаскивался «обласок»², он требовал гигиенического ухода за больным и имел успех больше, чем официальная медицина. Пломбы его (он под этим предлогом приезжал) неизменно вываливались, но ему всегда были рады и два-три объезда Нарымского края в год давали ему преизрядную мзду за исцеление больных. Правда, бывали и недоразумения, кончавшиеся отбиранием кулей с мукой, сала, масла и избиением «доктора», но на такие мелочи не обращалось внимания, и «доктор» неизменно из сезона в сезон являлся со своими чемоданами за данью.

Из этих беглых штрихов ясно, что Нарымский край как в области здравоохранения, так и во многих других был совсем ещё первобытным, не тронутым совершенно революционной эпохой. И война не отразилась на нём, так как отсюда не брали солдат. Районы были огромные, а население — весьма редкое. Парабельский район, например, величиной с Бельгию вместе с Голландией, имел всего лишь 8990 человек населения. В социально-экономическом отношении район, как и весь край, всё ещё был исключительно частнособственническим, с резким кулацким оттенком. Обилие естественных богатств и сырья, плохие пути сообщения и отдалённость от центра, огромная разбросанность населения, живущего даже в разных климатических поясах, стимулировали широкое развитие обмена, торговли и извоза. Без преувеличения можно считать, что 75% мужского населения двигалось зимой с обозами на своих лошадях в Томск и оттуда на далёкий север, покупая в городе для перепродажи муку, соль, мануфактуру, фабричные изделия, водку, сахар и привозя с севера пушнину, мясо, рыбу, кедровый орех, масло и прочее. Туземцы севера (остяки, тунгусы), подпоенные водкой, сбывали за бесценок драгоценные меха, маломощные и бедняки отдавали рыбу, орех в обмен на изделия города или на хлеб. Ямщики, занимавшиеся этой меновой торговлей, бешено наживались, держали табуны лошадей и закабалили всё больше и больше односельчан-бедняков, «благодетельствуя» их в постоянной нужде. Сеть кооперативов только разво-

рачивалась и, благодаря бесхозяйственности, недобросовестности и прочим язвам мелкобуржуазного, кулацкого окружения, влачила жалкое существование и не играла почти никакой роли в товарообороте. Растраты и хищения завершали развал. Словом, край экономически жил так, как будто и не было революции, как будто и не прошло уже 7 лет после октября. Большое количество ссыльных нэпманов и постоянный наплыв беглецов от Советской власти из центральных районов Сибири, конечно, ещё усиливали реакционно-кулацкий характер описываемого края. Среди окружающих природных богатств, среди зажиточного, в общем, населения, где попы и кулаки задавали тон, органы Советов были самыми бедными и самыми слабыми в экономическом отношении. На восьмом году Революции этот край стал только на пороге октября и, казалось, не скоро его перешагнёт.

Не мудрено поэтому, что задачи организовать больницу на пустом месте были не из легких. Колпашевский уздрав мог нам дать только штат, состоящий из одного врача (зарплата 56 руб. в месяц), одного фельдшера (30 руб.), двух сиделок (по 12 руб.), кухарки и сторожа (по 8 руб.). Помещения под больницу не было, а весь инвентарь лежал в обломках и отрепьях; даже бельё, годное к употреблению, оказалось сшитым из больничной же марли, полотняное же куда-то исчезло. Полупустая аптека состояла из каких-то допотопных трав и кореньев, зато у фельдшера на дому было преизрядное количество всего необходимого и даже патентованного. Уздрав был беден и мог дать в течение квартала на содержание больницы и её оборудование только чек на Парабельскую лавку потребкооперации на жалкую сумму в 150 руб. В лавке — лишь спички, гвозди и махорка... И это до нового года — на три месяца. Оборудуй, открой и содержи врачебный участок на эти товары! И всё же в октябре участок был открыт, и стационар начал принимать больных. РИК дал нам помещение фельдшерского пункта и бывший под школой по соседству жилой дом. В обоих этих помещениях вместе было 5 комнат, отделённых дощатыми переборками, оклеенных остатками обоев и донельзя загаженных всеми родами насекомых. В помещении фельдшерского пункта — нашей будущей амбулатории — оказались животные: куры, гуси, телята и прочие. Там же были и квартиры низшего и среднего персонала. Пришлось эвакуировать всё живое, разобрать все перегородки, всё очистить, выбелить и привести в мало-мальски сносный вид. И всё пришлось делать самим ввиду полного отсутствия средств. Только величайшее самоотвержение низшего персонала дало нам возможность без зат-

Эпидемия малярии. Д.Д. Донской с сыном (стоят) привезли больных из Нарыма в Парабель. Нарымский край. Весна 1925 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

рат отсутствующих средств всё почистить, кое-как склеить — где гвоздиком, где верёвочкой — инвентарь и начать работу. И вот в этих 5-6 комнатухах, расположенных в двух домах, даже в разных усадьбах, мы с октября развили большую работу.

Борьба с сыпным тифом вспыхнула в конце октября, после ухода последнего парохода. Первая для нас эпидемия не приняла массового распространения. Её очаг удалось локализовать одним только селением в 10 км от Парабели, в котором переболело 79 человек. Население охотно пошло на ряд стеснений, условия карантина, выявление заболевших и прочее. Малярия, охватившая в том году поголовно всё население района, превратилась в социальное бедствие: не убирали сено, не ловили рыбу, орех оставался на кедрах, даже хлеб на маленьких полосках стоял не сжатый. Рабочее население отсчитывало «День — мой, день — твой» и тряслось в лихорадке. Бедствие было настоль велико, что состоявшийся осенью съезд Советов счёл необходимым посвятить отдельное заседание вопросу о малярии и пригласить врача прочесть лекцию о борьбе с ней. Наряду с этим шли огромные (по нашим масштабам) амбулаторные приёмы, быстро заполнялся маленький стационар, появлялись роженицы, смело ломавшие традицию вызывать бабок, которые «правят животы», и приходилось буквально отвоёвывать этих женщин от нападков и шипения всех тёмных сил, потревоженных в своём привычном быту. Ряд бесед на ОХММ темы, обходов по домам медленно, но верно делали своё дело: «бабушки» постепенно сворачивали свои лавочки. За эти 1924 — 1925 гг. с тем персоналом, о котором упомянуто выше (2 квалифицированных медработника и 2 сиделки, которых переквалифицировали на ходу в сестёр и сиделки одновременно), мы приняли

24214 амбулаторных больных, посетили на квартирах 2999 чел., сделали 388 операций малой и средней хирургии, 1582 перевязки. 3774 малярика лечились хинными инъекциями. Через стационар пропустили 195 человек с 4200 койко-днями, привлекли к родам в больнице 34 роженицы и произвели 14 искусственных абортов, выбивая жертвы из рук бабушек и повитух. Отпущено аптекой за это время было 20632 рецепта, прочитано 39 профилактических лекций. Во время объездов было выявлено гнездо гонореи с 65 больными, которое и было ликвидировано рядом профилактических мероприятий и настойчивой санитарно-просветительной работой. Это село, составлявшее отдельный сельсовет, стояло на большом тракте и издавна славилось разгульной жизнью, так как там особенно процветали кулачество, поповщина и ямщина.

Организовав из актива близкой сельсовету молодёжи санячейку, удалось выловить и подлечить всех венериков. Причём применялся следующий изобретённый санячейкой остроумный метод: заподозренного в венерической болезни мужчину или женщину вызывали в сельсовет и предлагали ему привезти справку из больницы, что он здоров — «Не привезёшь, будем тебя считать больным и по селу так и сообщим». Волей-неволей приходилось ехать в Парабель и лечиться до справки о незаразности. Мера эта, конечно, была принята после ряда докладов на темы о венерических болезнях общим собранием села всех взрослых граждан. А за год перед тем поголовное исследование всего населения, произведённое по предписанию РИКа, не дало никаких результатов: все больные тем или иным способом уклонились от осмотра. Больных не оказалось вопреки настойчивым слухам, что в селе ... свирепствуют венерические болезни. Такой напряженной и беспокойной работы фельдшер, конечно, не выдержал и к концу года сбежал, безуспешно попытавшись клязумами и доносами сорвать работу и вернуть Парабельский пункт к «спокойной и прибыльной жизни».

Сравнивая вышеприведённые цифры — число жителей района и число амбулаторных посещений — встаёт невольно вопрос: неужели все без исключения жители района за год перебивали 2-3 раза в больнице? Конечно, это не так, но появившаяся как из-под земли больница с более или менее современными и поэтому успешными методами лечения стала (и продолжает быть) центром притяжения для больных и из соседних 3-4 районов. Это несёт с собой большую нагрузку для персонала, но это же и даёт возможность развивать и расширять дело медобслуживания и здравоохранения даже при скудности средств местного бюджета. Уздрав и уисполком стали помогать инвентарём и медикаментами, которые они пе-

Строительство Парабельской больницы. Ок. 1929-1930 гг. Фото Шапиро. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

редавали Парабельской больнице с соседних полупустующих участков. Наркомздрав прислал деньги, хинин и лабораторное оборудование для борьбы с малярией. Приезжие пациенты из других районов по разрешению нашего РИКа стали облагаться платой за амбулаторное и стационарное лечение. И, наконец, местное население в порядке добровольных обязательств (ещё до издания закона о самообложении) стали снабжать больницу сеном, дровами, продуктами питания. Пришли на помощь и местные ячейки комсомола и женорганизации, выделяя практикантов в амбулаторию, они помогали вести регистрацию больных, учились и делали простые перевязки. Из этого практикантства к концу года выросли курсы скорой помощи, которые впоследствии дали более квалифицированный низший медперсонал, а ещё через год — обслуживали первые в Нарымском крае летние детские ясли. Общественные организации, кооперация, госторг, отдельные сельсоветы делали отчисления или сборы по листам в пользу больницы.

Скапливались довольно крупные по сравнению с нашей сметой средства в 500-800 руб. в год, что давало возможность оборудовать и расширять больницу, увеличивать сеть медучреждений в районе. Уже в 1925 г. удалось открыть фельдшерский пункт в отдалённой станции на месте слияния рек Кёнги и Чузика и обслужить са-

мый глухой и отдалённый (300 — 500 вёрст) участок района. В 1926 г. с привлечением местных добровольных сборов и пожертвований открыли в Нарыме, на месте увезённой в Парабель больницы, акушерско-фельдшерский пункт, вскоре превращённый во врачебно-амбулаторный, а затем и в полный врачебный пункт со стационаром на 10 коек.

В 1928 г. в с. Чигаре, в 30 верстах от Парабели, было положено начало самостоятельного медучреждения путём организации сезонного врачебного пункта для борьбы с малярией. Теперь там строят акушерско-фельдшерский пункт и намечается приёмный покой на пару коек.

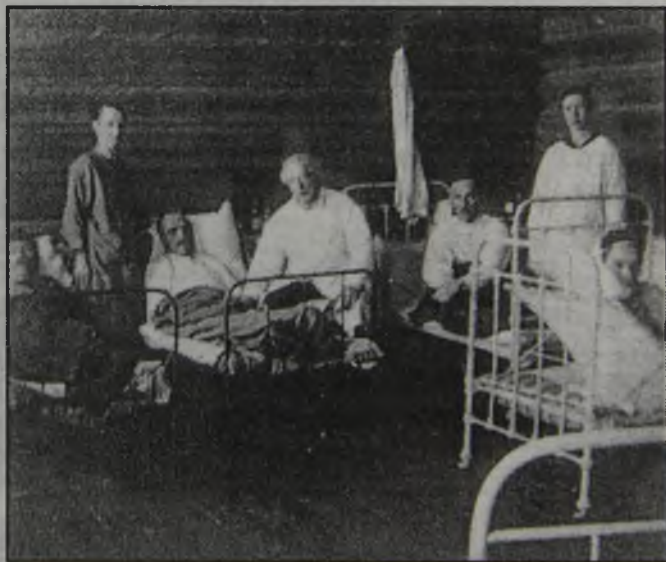
Отпочковывая от себя, организовывая и оборудуя все эти новые пункты, Парабельская больница сама задыхалась в тесноте от отсутствия помещения, и с 1927 г. начала ежегодно расширять свои помещения — сначала постройкой отдельного барака для кухни и родильного покоя, потом расширением и достройкой амбулатории и, наконец, постройкой нового типового здания стационара. Последнее далось нелегко. Смета выражалась в 25 тыс. руб. Лес кое-как удалось приобрести на средства окрисполкома, но в кассе РИКа был дефицит, в кассе спецсредств больницы — несколько сот рублей, а окрисполком, сокращая свою расходную смету, вычеркнул из плана строительство стационара в Парабели.

Строительство Парабельской больницы. Ок. 1929-1930 гг.

Поздняя осень, лесом завалено всё село Парабель, окрисполком грозит по прямому проводу судом, и если лес не будет сохранён от гниения, и если мы приступим к внеплановому строительству стационара. О помощи со стороны окружного бюджета при этих условиях не приходилось и мечтать. После долгих колебаний РИК разрешил приступить к постройке, и ровно через год — в декабре 1930 г. — мы открыли стационар в новом, городского типа, прекрасном помещении с операционной, отдельным родильным покоем, большими светлыми коридорами, канализацией, внутренним водопроводом и прочими удобствами. Это стало возможным, благодаря нескольким причинам. Пришёл на помощь РИК, максимально сжавший расходную часть бюджета и бросивший на постройку все свои средства и весь свой кредит. Горячо откликнулось население всего района, обложившее себя и деньгами, и лесом, и трудоднями. Для отделки здания удалось получить от районного переселенческого управления на 10 тыс. руб. строительных материалов из остатков от постройки Васюганской агрометеорологической станции. Наконец, в нескольких тысячах рублей для внутренней отделки и оборудования уже готового «внепланового» стационара не могли отказать и окрздрав с окрисполкомом. Об отдаче под суд уже не было и речи: лес был спасён, и здание готово. По заслугам должны здесь вспомнить неутомимую деятельность председателя РИКа т. Сергеева И.Г., который вложил в это дело строительства весь энтузиазм и настойчивость коммуниста-общественника.

В этот период был построен стационар, постоянная дезокамера, мертвецкая с секционным покоем, солярий, где весной и летом много солнца. Здание старого стационара было перестроено под общежитие для персонала. Ещё через год больница на

В терапевтической палате Парабельской больницы. Сидит в белом халате — Д.Д. Донской, стоит в белом халате — Т.Е. Иванова. Нач. 1930-х гг. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

В хирургической палате Парабельской больницы. Стоят в белых халатах Д.Д. Донской и Т.Е. Иванова. Нач. 1930-х гг. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

свои средства построила прачечную, а в текущем 1932 г. приступила к постройке типового заразного отделения. Так на пустом месте, где не было даже способного фельдшерского пункта, за 8 лет вырос целый больничный городок, который вмещает до 50 больных (а в заражном отделении — до 75). В нём уже делаются довольно сложные хирургические операции, а по наличию оборудования и приспособленности помещений могут производиться все, не требующие применения электрических и других сложных аппаратов. Больные лежат во всём казённом и чистом, в светлых, просторных, высоких палатах, на «варшавских» кроватях. Бюджет вырос до 50 тыс. руб.

Также поразительно выросла и вся сеть лечучреждений в районе. Вместо одной больницы, представлявшей собою сброшенные в бесформенную кучу обломки инвентаря и оборудования в сарае при фельдшерском пункте, сейчас работает 5 больниц со 125 штатными койками, открыто 10-12 фельдшерских пунктов, в летнее время функционирует 6 детплощадок и 14 яслей, 5 из которых чисто колхозных. Зимой при больницах ведутся кружки скорой помощи по программе РОКК³ и курсы ясельных работниц. На очереди открытие в районе краткосрочных курсов медсестёр. Амбулаторный

приём больных в одних только больницах составляет внушительное количество — 120 — 150 тыс. человек, не считая приёма на фельдшерских пунктах. Действует 5 передвижек и постоянных дезокамер, несколько вошебоек, при каждой больнице имеется заразный барак. Большинство больничных зданий типового характера, оборудовано вполне удовлетворительно и более или менее обеспечено медперсоналом, число которого давно перевалило за сотню человек. Во всех уголках района ведётся санпросветработа: акушерки и сестры объезжают беременных женщин и новорожденных по домам, «бабки» ликвидированы в радиусе 15-20 км от каждой больницы за отсутствием спроса на них. Расстояние между медпунктами сократилось до 30 км.

Конечно, население систематически вакцинируется от оспы, а прошлогодняя эпидемия брюшного тифа ликвидирована почти поголовной прививкой дивакцины всему населению. Последнее тоже гигантски выросло и ныне доходит до 80 тыс. человек. Это увеличение произошло за счёт массового переселения из центральных частей Западной Сибири в необжитые места района 2? десятков тысяч спецпереселенцев. Одновременное их вселение и постоянный наплыв всё новых и новых партий так называемых «вольных» переселенцев предъявили колоссальное требование к органам здравоохранения. То тут, то там вспыхивали тяжёлые эпидемии, условия жизни в необжитых районах способствовали их распространению и невероятно затрудняли борьбу с ними. Находящиеся в полукочевом положении массы туго подавались организованной борьбе за санминимум. И всё же сейчас, на втором году после их приезда в общем и целом задача разрешена удовлетворительно: условия жизни сносные, заболеваемость резко снизилась, эпидемии почти прекратились и даже обычные для лета желудочно-кишечные болезни детей, не говоря уже о взрослых, дали резкое снижение показателей по сравнению с целым рядом предшествующих лет.

Органы здравоохранения могут от задач по борьбе с пожаром эпидемий перейти к органической работе по улучшению труда и быта трудящихся масс района. Появление в районе санврача обращает усиленное внимание к вопросам этого рода. А лечпомощь в районе поставлена удовлетворительно и обещает дальнейшее улучшение. Вот уже третий год по инициативе Парабельской больницы в район приезжает хирургический отряд из Томска во главе с профессором А.Г. Савиных⁴. Каждое лето он работает то в одной, то в

другой больнице по $1\frac{1}{2}$ - 2 месяца, производит $1\frac{1}{2}$ - 2 сотни сложных хирургических и гинекологических операций, повышает квалификацию работающих с ним и учащихся у него врачей, заражая их присущим ему научным, творческим энтузиазмом.

Кроме того, организация в Колпашеве административного центра Нарымского округа вызвала к жизни создание там постоянной окружной больницы с рядом кабинетов по разным отраслям и с привлечением целого ряда специалистов со всех концов Западной Сибири (доктора Иоффе, Жарова и др).

Без слов понятно, что весь этот исключительный рост в деле здравоохранения обусловлен социально-экономическим ростом края, огромным развитием его производительных сил. Район коренным образом изменил своё лицо.

Кулачество частью самоликвидировалось, частью лишилось старых средств и возможностей эксплуатации и, отчаянно защищаясь всеми средствами, медленно, но верно теряет всё своё бывшее могущество. Его место в производящей и добывающей отраслях хозяйства заняли артели, колхозы и промкооперация. Товарооборот перешёл в руки мощных коопераций, Пушсиндиката, Рыбтреста, Орехотреста и других общественных и государственных организаций, обороты которых громадно растут, как растёт на глазах всё в крае.

Широко развернулось строительство общественных зданий. Растут одно за другим огромные по нарымским меркам здания школ, больниц, домов Советов, других общественных и государственных учреждений. Колхозы строят крольчатники, общественные утеплённые дворы, дома общественного питания и прочее. Внешний вид сёл и деревень резко меняется. Гигантски выросли учреждения наробраза, всеобщее обучение стало реальным фактом, число учителей доходит до 300 чел., ученики насчитываются многими тысячами. Появились школы второй ступени, и их число уже дошло до семи, из коих три построены в районах расселения спецпереселенцев. Учёба охватила буквально всю молодёжь, которая с жадностью получает знания в школах 1-й и 2-й ступеней, переходит в техникумы и заполняет кадры бесчисленного количества курсов по самым разнообразным специальностям в пределах самого района и далёких — вплоть до Ленинграда и Москвы — центрах. Туземцы (остяки) имеют свои, на национальном языке, школы и интернаты.

Со сказочной быстротой поднимается новый пласт строителей жизни... Телефон, радио, кино вошли в быт и стали принадлежностью избы-читальни, сельсовета, частных жилищ колхозников. Не за горами и электрическое освещение. Тихая и пустынная 8 лет тому назад р. Обь обстроилась пристанями, пакгаузами, бараками, лесопильными заводами, переполненно шумит пароходами с лесом и хлебом, баржами, стучит многочисленными катерами, снующими во всех направлениях и по основному речному руслу, и по всем её таёжным притокам. Сотни тысяч тонн сырья заготавливается и вывозится из... края, на очереди стоит вопрос о создании собственной обрабатывающей и перерабатывающей это сырьё промышленности. Появляется и обещает бурный рост кролиководство, разведение драгоценной пушнины в питомниках. Васюганская агрометеорологическая станция с охватывающими весь край опытными и наблюдательными подстанциями превратилась в мощное научно-исследовательское учреждение Академии наук. Её культуры хлебных злаков, картофеля, капусты, помидоров вошли в жизнь, стали достоянием колхозников, продуктами питания трудящихся и научно предопределили и обосновали требование к Нарымскому краю: в самом близком будущем из потребляющего превратиться в производящий хлеб район. Отвоеванием земли от тайги под пашню заняты теперь десятки тысяч человек.

Так осуществляется на глазах лозунг «Догнать и перегнать!». Даже здесь, в месте бывшей жуткой царской ссылки, стирается непроходимая прежде грань между городом и деревней, осуществляется гениальное предвидение основоположников марксизма. Место чалдона, кержака со звериной жаждой личной наживы занимает организованный в артели или колхозы труженик, всё более и более сознательно подчиняющий свои личные интересы интересам коллектива, а через них и интересам строящегося социализма.

Конечно, много ещё несовершенного, много тёмного на пути этого строительства, много уродливых, даже жутких безобразий случается в это время. Но упираться в них глазами, видеть только их..., не обращая внимания на основное — на общий рост коллективного начала, на общую тенденцию освободить труд для социалистического творчества — могут только сознательно тупоголовые и своекорыстные последыши капитализма и эпигоны — зубры «сладенького» социализма или культурно-слепые по несознательности кроты мещанского эгоистического благополучия.

Как в капле воды отражается солнце, так на площади большого глухого района за истекшие восемь лет отразился ни с чем в истории не сравнимый грандиозный переход буквально всей жизни «из царства необходимости на путь в царство свободы». И этот период, сопровождающийся ростом во всех областях политики и экономики, культуры и быта в направлении к социализму, даже здесь — в таёжном краю — доказывает с убедительной ясностью правильность взятого курса, правильность линии руководящей страной Советов партии коммунистов-большевиков.

Примечания

¹ Рукопись была подготовлена к печати в 1932 г., но в свет так и не вышла. (Об обстоятельствах этого дела см. предисловие и документы в публикуемой подборке архивных материалов).

² Обласок — долблёная лодка-однодеревка.

³ Краткосрочные курсы по подготовке младшего и среднего медицинского персонала по программам Российского общества Красного Креста.

⁴ Об А.Г. Савиных и его связях с Парабелью и Д.Д. Донским см. предисловие, комментарий к "Воспоминаниям" и документы в публикуемой подборке архивных материалов.

Письма

Дмитрий Дмитриевич Донской

Глазырину – заведующему Нарымским отделом
здравоохранения Томской губернии

29. XII. 1924.

Уважаемый collega! Получил Ваше письмо по пунктам и отвечаю на него так же:

1). Деньги и ведомости за октябрь и ноябрь Пожидаев увёз на низ¹ и когда вернётся – неизвестно. Я Вам телеграфировал о трёх месяцах, ибо уже и декабрь прошёл. Праздники, Новый год, семьи и проч[ее], а денег нет как нет. За октябрь вымолил у РИКа, но получил только 50 р. деньгами, остальное – кредитом на лавку, где продукты на 50-100% дороже рынка, так что персонал от этого кредита отказался, и пришлось его взять на себя лично. Итак, ужасайтесь или удивляйтесь, но... мы всё же без денег, жалованья и проч[его]. Субвенцию² получили.

2). В отношении белья и прочего я дал подробный список Моисееву 2 месяца назад [и] полагал, что он у Вас, и поэтому дальше литературно "выжимал" из Вас исполнение списка. К сожалению, дальше моей "литературной формы" дело не пошло.

3). Предметы обихода закуплены, но ведь в Парабельской лавке ничего нет. Сидим без ламп, которые Моисеев клятвенно обещал немедленно выслать. Нет ночных горшков, плевательниц, матрасов, шкафчиков для больных, не хватает чайной и столовой посуды, а больных в данный момент на 7¹/₂ штатных койках лежит 17 человек. В телеграмме я указал Вам на срочно необходимые 10 комплектов.

4). При таком обороте больных и наличии до 1800 амбулаторных посещений за декабрь, при сыпняке и тяжёлой испанке двух сиделок всё же недостаточно; одна ведь сплошь занята в амбулатории ежедневно до 4 ч[асов] дня, а затем – уборка помещения амбулатории, посуда и проч[ее]. Окромя всего прочего существует ещё "Кодекс о труде", где время работы всё же ограничено, и ночное дежурство влечёт за собой неизбежно 24 часа отдыха.

5). Насчёт колпашевского [больничного] штата не настаиваю: быть может, эти сведения и преувеличены, а число больных в Колпашевской лечебнице и приуменьшено.

6). Посылаю требовательную ведомость на медикаменты, аптечную утварь, инструменты и проч[ее]. Не ужасайтесь и не пугайтесь. Дело в том, что у нас с 1 октября идёт 4825 номер амбулатории и с 10 ноября 36 номеров стационарных, из которых 4 ребёнка с туберкулёзом суставов, пролежавшие на блоках по 1-2 месяца и поправляющиеся. Расход медикаментов будет за год велик, но есть и кое-какие перспективы:

1. Парабельское потреб[ительское] общ[ество] ассигновало 5% прибыли, т.е. 80 рублей, и $1/2$ % с каждого рубля продаваемых товаров и сырья, т.е. 300 рублей.

2. Парабельское кр[естьянск]ое товар[ищество] ассигновало $1/2$ [%] с рубля, т.е. около 150 рублей.

3. Чигаринский с[ельский] сов[ет] — по рублю с души, т.е. 300 рублей.

4. Наркомздрав Н.А. Семашко распорядился уполномоченному по Сибири и Томскому губздравотделу ещё 2.XII. за № 7492 отпустить Парабельской лечебнице краски для микроскопа, необходимые принадлежности и некоторую сумму денег, о чём меня известил санитарно-эпидемиологический отдел Н[ародного] к[омиссариата] здрав[оохранения]³.

5. На Парабельскую лечебницу собираются средства ещё и в Алатаеве⁴ и др[угих] местах.

Так[им] обр[азом], я думаю, что за год можно будет покрыть всё требование на медикаменты, которое я при этом посылаю.

И, наконец, по имеющимся у меня сведениям, ГПУ отпустило 5 тысяч рублей на лечение ссыльных Нарымского края. Лечение выражается в личной помощи медперсонала и, главным образом, в медикаментах. В районе Парабельской лечебницы живёт почти $1/2$ всех ссыльных (ведь Нарым лечится в Парабели). Значит, из этих 5 тысяч хоть 2 тысячи можно пустить на оборудование парабельской аптеки и амбулатории. При наличности таких обстоятельств, быть может, наша требовательная ведомость не покажется такой ужасной, и Вы примете все меры, чтобы её удовлетворить полностью. Сейчас я сижу даже без йодной настойки (нет спирта!). Допустимо ли это? И как мне быть жизнерадостным?!

Теперь несколько слов..... По отчётным цифрам и по количеству пожертвований Вы видите, что Парабельская лечебница удовлетворяет часть нужд населения и пользуется с его стороны при-

знанием. Достигается это широким приёмом и разъездами. Я исполняю ту программу, которую я развивал Вам 3 месяца тому назад на пристани. Каждый четверг выезжаю с ф[ельдшери]цей Лобановой (Вы её знаете хорошо) то в Чигару⁵ [за] 130 в[ёрст], то в Алатаево [за] 118 в[ёрст]. Нарымский с[ельский] совет требует меня к себе хоть раз в месяц и тоже тогда ассигнует средства. Присылают просьбу приехать из Каргаска⁶ и тоже сулят деньги.

Но кое-кому, подходящему к делу с формальной точки зрения, это не нравится: ссыльный разъезжает дальше 15 вёрст. Начинаются препятствия и всякие неприятные разговоры. Н.А. Семашко посылает на оборудование..... эпидемического пункта и широко идёт навстречу, а тут — трения. Между тем с каждого выезда я вылавливаю либо хронических маляриков, либо раковых оперативных, либо женски излечимых, либо..... в стадии заразной. Нет поездок — нет настоящей работы. О политической [?] операции, конечно, никто и не говорит, т.к. .... не могу и не занимаюсь ни в каком направлении, и работаю как добросовестный "спец" из чисто общественных интересов. Наконец, у меня есть настоящий и неразлучный адъютант в поездках — Лобанова; если угодно, дайте ещё более квалифицированного "комиссара" — мне безразлично. Нет, дело не в пропаганде, а просто в "формальных соображениях". Между прочим, я не уезжаю никогда больше, чем на сутки, а обычно уезжаю рано утром и поздно ночью того же дня возвращаюсь. Пойдите, куда нужно, и выясните, с кем нужно, этот вопрос. В Чигаре и Алатаево открыты два подвижных медпункта с выездами. Нужно по разу в месяц врача и фельдш[ериц]у. Вот и всё. Для дела и с материальной стороны это очень важно. Вот тут-то и опускаются руки. Говорят вздор о популярности моей, с которой нужно бороться⁷. Да ведь это — популярность лечебницы уездрава, и всякие препятствия работе подрывают популярность уездрава и прочее. Давайте помогать, а не мешать друг другу — и дело пойдёт, кадило раздуется.

Не за горами день, когда начнём строить здание для больницы в Парабели, где мне ещё три года, а может быть, и больше [предстоит] жить. Во время прежних ссылок я имел такие же места, и всюду при этом — открытый лист по губернии: ежемесячно ездил к врач[ебному] инструктору и тащил всё, что можно, в больницу.

Теперь я не езжу к Вам, не надоедаю лично, но пишу длинные послания и держу Вас в курсе нашей работы. Думаю, что этого достаточно, ибо Вы — не те старики-инструкторы, которым бумага ничего не говорит.

Благодарю Вас за письмо, жду Вашего приезда, а ещё раньше — спирта, белья, медикаментов и проч[его]. Посуду послать очень трудно, т.к. её нет, и стоит ли возиться с одним-двумя ящиками? Впрочем, если нужно — черкните. И пользуйтесь почтой, а не оказией — это вернее, а то залеживается и теряется по столам и рукам, как в случае с Пожидаевым.

Ну, о главном — пока всё, о деталях — при свидании, которого не откладывайте. Приезжайте в праздники, когда мы не так заняты амбулаторией. Если можно, известите заранее, чтобы я не выехал куда-либо, и Вы не потеряли дня. А прорех Вы найдёте, и я Вам укажу их больше, чем нужно для самого рьяного ревизора, так что можно спешно предупредить по телеграфу.

С приветом жму руку.

А где квартальный аванс? Получил только 100 рублей.....

Архив Управления ФСБ по Томской области. Один экз. — с начала письма до слов "И как мне быть жизнерадостным?!" — оригинал, рукопись. Другой экз. — полный текст письма — копия, машинопись.

Комментарии

¹ Имеется в виду ниже Парабелы по р. Оби — в Каргасокский район, также входивший тогда в Нарымский уезд.

² Вид государственного финансового пособия, выдаваемого на определённые цели местным органам власти или отраслям хозяйства.

³ Семашко Николай Александрович. См. о нём и об истории выделенных им лекарств и денег для Парабельской больницы "Воспоминания" Н.М. Донской, комментарий к ним и публикуемые архивные документы.

⁴ Алатаево — деревня примерно в 15 км напрямую к северо-востоку от с. Парабелы через р. Обь и Кеть, на левом берегу последней.

⁵ Чигара — старинное, основанное в XVIII в. крупное село в 16-17 км напрямую к юго-востоку (вверх по р. Оби) от с. Парабелы.

⁶ Каргасок — старинное, основанное в XVII в. крупное село, расположенное севернее (вниз по р. Оби) от с. Парабелы, на левом обском берегу. С 1920-х гг. — районный центр.

⁷ См. "Протокол № 1 закрытого заседания бюро Нарымского уездного комитета РКП(б) от 4 февраля 1925 г.", "Протокол № 6/7 закрытого заседания бюро Томского губернского комитета РКП(б) от 12 февраля 1925 г.", "Письмо Томского губернского комитета ВКП(б)" и "Выпуску из протокола фракции № 9 заседания фракции при Нарымском уездном исполнительном комитете от 26 февраля 1925 г." в публикуемой подборке архивных документов.

Софье Алексеевне Донской¹ и Дмитрию Дмитриевичу Донскому² – матери и сыну

1. I. 1925.

Парабель

Фу! 1 час ночи. Сидел с Надей³ как проклятый 12 часов подряд за годичным отчётом и сам ужаснулся количеству проделанной работы: одного амбулаторного приёма за 3 месяца – 5 с лишним тысяч человек да до тысячи больничных коек-дней. А ещё выезды, операции и т.д., и т.д.

А вы, дорогие мои и любимые, особенно Митюня, ворчите, что я вас забыл. Родные, нет, не забыл, а прямо разрывают на части. До курьёза дело доходит – с депутациями, вызывающими и умоляющими приехать за сотню вёрст и провести приём. Правда, в этом глухом углу давно они не видали простой медиц[инской] помощи, а война, передвижение населения, революция научили ценить это культурное завоевание. Ну вот и потянулись, как острят у меня в больнице, “на исцеление к Донскому”.

Но далеко ездить я не могу, последним распоряжением начальства мой район поездок ограничен 15 верстами. Вдобавок ко всему гуляют сыпняк, испанка с тяжёлыми осложнениями, надвигается возвратный.

Писал как-то Семашке о тяжёлой малярии здесь и получил извещение, что Парабельской лечебнице ассигнована из центра некоторая сумма на борьбу с эпидемиями и пришлют к микроскопу краски и прочее. Пока обхожусь тем незначительным запасом, который привёз с собой.

Поглощает эта работа меня целиком и настолько, что Надя ежедневно меня грызёт, что я не больше 2 час в сутки, кроме сна, провожу дома. Вот и сейчас я пишу, а завтра в 6 час утра уезжаю, чтобы вернуться к приёму обратно, т. е. спать придётся только 3-4 час. Устал шибко и мечтаю о праздниках (тут по старому стилю, т. к. крестьяне нового ещё не знают), как о каком-то блаженстве, чтобы выспаться и не видеть людей, ибо в глазах прямо рябит от этого калейдоскопа. И ещё есть маленькая надежда, что надоем населению, перелечатся все хроники и станет поспокойнее. Ведь по 100 чел. в день принимать физически невозможно. А тут ещё и финансовый кризис, из-за которого платят только половину жалованья, т. е. 20 рублей в месяц, а другую половину обещают, когда будут деньги. А

мне нужно и хочется начать регулярно посылать вам хоть по 30 рублей в месяц.

Еда здесь дешёвая; благодаря посылке вашей, деньги тратить почти не на что: керосин, сахар, стирка и мелочи. Папиросы есть (огромное спасибо). Можно бы и посылать, если бы платили всё, что полагается.

Персонал (фельдш.), получая по 11 рублей в месяц, конечно, работать не хочет, и на меня валится прямо непомерный груз. А помощь так нужна: население так болезненно, чающие излечения так обильны, результаты лечения в общем так блестящи, что — как сократить, как отказать?!..

А с другой стороны, жаль Надю, обидно, что месяцами некогда сесть за письмо к вам, что вы огорчаетесь, а Митюня даже серьёзно мне нотации с обидой читает. Мой глупенький мальчик! Да если бы ты знал, сколько раз в день я вспоминаю тебя, как думаю о тебе во время поездок (единственное свободное время), как жду лета и с радостью провожаю каждый день, который приближает нашу встречу, то ты писал бы картину не о забытом букете, а о дорогом, с которым больно расставаться.

Все ваши перипетии с квартирой, все волнения, всё, что вы переживаете, о чём пишете и, главное, о чём не пишете (о нужде вашей), — всё я помню, знаю и чувствую, от всего этого болит моё сердце и тоскует мысль. Теперь я всё ломаю голову, не выгоднее ли было бы посылать вам масло, которое здесь стоит копеек по 40-50 [за] фунт, а в Москве по рублю, вместо денег. Вы могли бы это прекрасное масло продавать знакомым по рыночной цене, и это было бы выгоднее. Ведь ваши 3 рубля равны здешнему рублю, который — большая и редкая сумма, т. к. денег здесь в ходу всё-таки значительно меньше потребности. Подумайте и напишите. На днях всё же вышлю 30 рублей. Потом буду ждать вашего ответа. Конечно, кое-что мне платят нэпманы, поэтому я всё же свожу концы и могу с вами поделиться.

Пусть Саша⁴, спасибо ей за приписочку и за заботу о вас, и все другие друзья не обижаются. Сейчас нет сил писать, ибо нет времени. Всё жду, что станет легче, прекратятся эпидемии.

Как муж Нины Алекс.? Как съездила Стася⁵? Получила ли наши письма? Ах, да! Новый год! Пусть он будет не хуже прошлого для всех нас, и на том спасибо.

Обнимаю вас обоих, мои единственные и любимые, моя мама и сын.

Горячо-горячо любящий и всегда вас помнящий сын. Привет и поздр[авления] Мих[аилу] Ив[ановичу] и Ал[ександре] Фёдор[овне]⁶,

Продолжение фразы внизу на странице 1: старичкам, жёнам и мужьям.

Домашний архив Д.Д. Донского. Подлинник. Рукопись.

Комментарии

¹ *Донская Софья Алексеевна* — мать Д.Д. Донского-старшего, свекровь Н.М. Донской. См. о ней "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий к ним.

² *Донской Дмитрий Дмитриевич* (в письмах — "Митюня", "Митюнька", "Митюшка", "Митя", "Митька") — сын Д.Д. Донского-старшего и Н.М. Донской. См. о нём "Воспоминания" Н.М. Донской, комментарий к ним и публикуемые архивные документы.

³ *Донская Надежда Михайловна* (урождённая Филипченко) (1885 — 1974). Жена Д.Д. Донского-старшего. Автор публикуемых "Воспоминаний". См. о ней предисловие, комментарий к "Воспоминаниям" и публикуемые архивные документы.

⁴ *Донская Александра Николаевна* — тётя Д.Д. Донского-старшего, младшая родная сестра его отца Д.Н. Донского. См. о ней "Воспоминания" Н.М. Донской, комментарий к ним и публикуемые архивные документы.

⁵ *Тимофеева Анастасия Павловна* — жена Е.М. Тимофеева, члена ЦК ПСР, проходившего на процессе эсеров 1922 г. в той же группе обвиняемых, что и Д.Д. Донской. См. о них "Воспоминания" Н.М. Донской, комментарий к ним и публикуемые архивные документы.

⁶ *Дрей Михаил Иванович и Александра Фёдоровна*. См. о них "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий к ним.

Дмитрию Дмитриевичу Донскому – сыну

3. X. 1925 г.

Дорогой мой, милый Митюнчик, я всё второпях, всё скачу, всё спешу и т.д. И сейчас Борис-огородник¹ сидит и ждёт моего письма, чтобы отнести его на пароход. Надежда трещит, как "Чайка", а я только сажусь за письмо к тебе. Ты не сердись, для тебя это будет компенсацией за мою сердитость на тебя, что ты слишком рано уехал. Я говорил тебе "не спеши", [а ты] не верил – теперь и ты нудишься без дела, и я скучаю. Не говорю уже о налимах, лодке, перемётах² и проч[ей] прелести. Уже подмораживает, падают белые мухи, лужицы подёрнуты ледком, солнце светит вовсю и вообще осень хорошая, но, увы, будет коротка, по-видимому, и снова мы скоро будем отрезаны на месяц от вас. Останется только телеграф, который, надо надеяться, осенью не будет шалить, как весной. Кстати, линию всю проверили от самого Томска и отремонтировали.

Мой ремонт, к несчастью, ещё не окончен: всё по-прежнему разворочено, грязи – гибель и вообще противно.

Работы по количеству больных немного, но все такие тяжёлые, что я променяю каждого на сотню [человек] обычного приёма. На какие-то сложные случаи нет денег, [как и] на питание больных, нет и жалованья. 60 рублей всё же недоплатили, и я не знаю, как истребовать своё жалованье. Персоналу тоже недоплатили за три месяца. Словом, очень невесело. Но всё же я тебе со следующей почтой 30 р[ублей] вышлю.

Кстати, о деньгах: твой отчёт образцовый, и я очень аплодирую тебе за аккуратность.... Теперь ещё о книгах. Возьми 12 экз. и отнеси их в госиздат, может быть, они возьмут и хоть со скидкой 25% уплатят тебе. Один экз. вышли мне, один оставь себе на память. Потом в госиздате же справься, не хотят ли они оплатить тебе недополученную $\frac{1}{4}$ гонорара за эту книгу и ещё за ..... "Человек": за ними осталась некая сумма. Возможно, что и эта книга уже издана или на днях будет издана. Тогда захвати и этой книги авторские и их оставь экз[емпляров] 10, а пять можно продать. Со следующей же почтой вышлю доверенность на имя Саши для получения денег с госиздата. Если деньги получите и если книги продадите, Вам это будет поддержкой, и известите меня. Тогда в ноябре я не буду высылать Вам денег по телеграфу, т.к. почта не будет работать. Ну, вот и всё о делах.

Напиши, кстати, как дела у Саши, есть ли у неё работа постоянная или всё от случая к случаю. Я не понял: Олечка у отца живёт или в разлуке с ним по-прежнему.

Хотя тебя тут и нет, но всё же мне постоянно чудится и голос твой, и походка. Скучаю основательно.

Да, видел ли ты нашу акушерку, едет ли она назад к нам на службу, уже назначили другую, и я ничего не понимаю. А что с Наташей и её мужем? Пиши, мой любимый мальчик. Фишман мне рассказывал о твоей поездке, и я за тебя не беспокоился, был уверен, что ты хорошо доедешь, поезда не пропустишь.

Обнимаю горячо тебя и также целую Сашу.

Твой папа.

Архив Управления ФСБ по Томской области. Копия. Машинопись.

Комментарии

¹ Скорее всего, Б.Г. Немерицкий. См. о нём "Воспоминания" Н.М. Донской, комментарий к ним и публикуемые архивные документы.

² Распространённая в Приобье рыболовная снасть, представляющая собою натянутую в воде поперёк реки длинную бечеву с подвешенными через определённый интервал крючками.

Алекса́ндре Николаевне Донской – тётё

19. X. 1925.

Дорогая Саша. За что ты бойкотируешь меня и Надю? Она очень огорчена, и я прямо недоумеваю. Если я и не пишу, то только потому, что прямо загонялся с делами в больнице. И ты знаешь, что я вообще ленив писать, а в этих условиях особенно. Других причин быть недовольной я за тобой не знаю и вины за собой не чувствую.

Было бы очень интересно услышать твоё суждение о результатах Митькиной поездки сюда, о Вашей жизни, о тебе и о нём. Но ты почему-то хранишь роковое молчание и как раз, когда надо писать письмо, тебе всё "некогда" и проч. Брось эти фигли-мигли! Не к лицу они нам с тобой при наших отношениях, чуть ли не тридцатилетней дружбе.

Бьюсь, как рыба о лёд, страшно без акушерки, часто жалею, что ты не здесь и тебя нельзя пристроить к работе. Жду с нетерпением лета, когда Вы оба приедете, и ты — насовсем, а ты вдруг обижена и молчишь, как воды в рот набрала. Нехорошо, друг мой, и глупо.

Я понимаю, что тебе не хочется расставаться с Митькой, не хочется менять Москву на сибирскую — да ещё нарымскую — ссылку, где скука смертная, где мороз и слякоть, где медведи и нет солнца. Но что же делать, когда другого пути нет, когда другого — лучшего — ни тебе, ни себе я предложить не могу? Если тебе очень не хочется забираться и коротать с нами длинную студёную зиму, то напиши прямо, к чему [эти] штуки?

Жду от тебя ответа. С санным путём у нас будет три раза почта. Чередуйтесь в [написании писем] с Митькой, тогда зима нам покажется короче. Обнимаю тебя горячо и крепко.

Любящий твой Д.

Доверенность

Сим доверяю получить от Госиздата полагающиеся мне:

1) гонорар за перевод книжек¹ — Гюппе² "Физиология гимнастических упражнений" и Ранке³ "Человек" (с немецкого);

2) и авторских экземпляров —

Алекса́ндре Николаевне Донской, проживающей в г. Москве, Арбатская площадь, 35/2.

Мною не дополучены суммы, причитающиеся и с выхода книг из печати, т.е. $\frac{1}{4}$ авторского гонорара, как за ту, так и за другую книгу.

Врач Дмитрий Дмитриевич Донской

Октября 7-го 1925 г.

с. Парабель Нар[ымского] края.

Подпись Донского райисполком удостоверяет подписями и приложением печати.

Пред. РИКа (Подпись)

Секретарь (Подпись)

Архив Управления ФСБ по Томской области, Копия. Машинопись.

Комментарии

¹ Очевидно, перевод этих книг был сделан Д.Д. Донским во время тюремного заключения. Это утверждает его сын по крайней мере относительно первого из указанных изданий. Однако в свет оно вышло с указанием на другого переводчика: **Гюппе Ф.** Гигиена физических упражнений. Пер. с нем. с предисл. и примеч. К. Мехоношина. М.;Л.: Госиздат, 1925. Если это не псевдоним Д.Д. Донского, то, скорее всего, - фамилия литобработчика перевода. Работу И. Ранке или хотя бы указание на неё найти не удалось.

² **Гюппе Фердинанд** — (1852 — ?) — бактериолог, специалист в области водоснабжения, гигиены, гимнастики, спорта, дезинфекции. Военный врач, доцент в Висбагене, с 1890 г. — профессор в Праге.

³ **Ранке Иоган** — немецкий физиолог, астроном, один из основоположников антропологии. С 1890 г. — профессор кафедры антропологии Мюнхенского университета, с 1904 г. — почётный член Русского антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. В 1899 г. на частные средства основал "музей первобытных древностей" в Мюнхене. Первое издание его работы "Человек" на немецком языке — в 1882 г., первая публикация на русском языке — в 1902 г. (**Ранке И.** Формирование различия человеческих рас. Сокр. перевод Д. Красова из 2-го тома сочинения "Человек". СПб., 1902.).

Дмитрию Дмитриевичу Донскому – сыну

[Начало отсутствует]... хуже прошлогодних, хроники перелечены, интерес к больнице, как только что открытой, упал – и началась проза сельской медицины, о которой ты, верно, много читал в связи с происходившим в Москве съездом врачей.

Интересно, удалось ли тебе чем-нибудь помочь нашей больнице? Заходил ли ты к Д.Б.¹, отдал ли ему экземпляр авторского перевода? Хвалю тебя очень за [эту]мысль.

Получил с последней почтой посылку с книгами. Думал, от тебя – оказалось, от Красного Креста. И такое барахло, что хоть выбрасывай. Даже религиозно-нравственные беседы какого-то Феррара². Идея послать книги очень хороша, ибо без книг тут тошно, но лучше ничего [не получать], чем дрянь. Получаю³ доверенность на получение гонорара. Если получишь – телеграфируй, в противном случае я вышлю в ноябре тебе твоё жалованье по телеграфу.

Что с акушеркой? О ней ни слуху, ни духу, и для неё лежат деньги – жалованье. Видно, не приедет, и впредь [я] осуждён быть и акушеркой, и доктором. Весело.

Твоя мордочка весело подмигивает со стены – единственная, кажется, от всей поездки отрада – и я часто поглядываю на неё и улыбаюсь тебе. На прилагаемой фотографии в окне мерещится не вазон с розами, а моя физия – не смешивай, хотя на этой фотографии это [сделать] очень легко.

Ну, до свиданья, родной. Раз в неделю телеграфируй. Целую и люблю, и вообще люблю тебя очень серьёзно.

Будешь посылать, так непременно – табак, а не папиросы. Дешевле и, главное, вкусней. За газеты спасибо.

Весь твой Д. Донской.

Архив Управления ФСБ по Томской области. Копия. Машинопись.

Комментарии

¹ Скорее всего, имеется в виду давний знакомый семьи Донских Рязанов Давид Борисович, в ту пору – директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (позже – Институт марксизма-ленинизма). См. о нём "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий к ним.

² Скорее всего, имеется в виду Феррари Джузеппе (1811 – 1887) – итальянский историк и философ. Долго жил во Франции, где некоторое время был профессором в Бурже. В 1859 г. вернулся в Италию: занял про-

фессорскую кафедру сначала в Турине, затем в Милане, избирался в парламент. В своих философских сочинениях резко выступал против господствовавшего в его время клерикального течения "католической философии", допускавшей единство церковной веры и разума и подавлявшей любую проявления философского критицизма.

³ Очевидно, описка. Правильно — "посылаю".

Дмитрию Дмитриевичу Донскому – сыну

10. XII. 1925.

Дорогой мой Митя и Саша. Пишу в кабинете во время приёма. Гонка опять отчаянная. Дней десять я провалялся в общем и работу запустил. Теперь работать – одно удовольствие: всё чистенько, всё отремонтировано, всё блестит. Теперь режу и оперирую вовсю, благо есть где. Радуюсь очень, что писание от вас прискочило: пришла только заказная корреспонденция и, кажется, единственное твоё письмо. Деньги 30 руб. вышлю со следующей почтой, извини за опоздание. РИК не имеет жалованья, и дело туговато. Ну да вывернемся.

Жду с любопытством посылку и сюрприз.

Пишите, дорогие, не ленитесь. Тут очень скучно. Не забудь "Правду" с 1-го января. Ну, целую и люблю крепко....

Весь ваш Д. Донской.

Архив Управления ФСБ по Томской области. Копия. Машинопись.

Алекса́ндре Николаевне Донской и Дми́трию Дмитрие́вичу Донскому – тётё и сыну

2. I. 1926.

Дорогие и любимые Саша и Митюшка. Не писал я вам, родные, давно, да и от вас уже 1 1/2 месяцев нет ни звука. Происходят какие-то чудеса. Малый¹, твоя посылка так и не дошла до сих пор до нас, а твой мёд, что мама послала с попугачицей, застрял где-то в Томске не по воле попугачицы... Словом, "там чудеса, там леший бродит". Словом, давай возьмёмся за поиски. Ты пришли сюда номер расписки и день сдачи на почту — и сходи в главный почтамт и требуй либо посылки, либо денег; она ведь была, наверное, ценная. Я мёд и рыбу (балык) для Людмилы Фёдоровны² разыскал, и мне обещали либо доставить [по назначению], либо вернуть из Томска обратно. Дней 10 тому назад мама выслала Кате³ 20 шкурочек белки на пальто Аллочке⁴. Дошли ли, интересно? Теперь она собирается по выздоровлении послать тебе печенье и масло. Я её отговаривал, но она по женской и материнской натуре упирается: "Что деньги? Ему приятно будет лакомство". А кто-то где-то сидит и по Фрейду⁵ толкует, вероятно: "Рыба. А почему рыба? Мёд. А почему мёд? Масло. Почему масло?". И т.д. Только один разор с этими неумностями.

Кстати, получил ли ты в ноябре деньги 30 руб.? Может быть, тоже встал вопрос: "А почему 30, а не 25?". Эх ма! Ну, всё это пустяки, и как-нибудь выяснится. Ты получишь свой мёд и будешь его уписывать (он из Тёнги⁶), а я буду раскуривать настоящий табак, а не здешнюю гадость, от которой в горле першит.

Самое главное, что мама как раз на рождество развалилась, да так основательно, что и посейчас я сам и доктор, и кухарка исполнительная. А работы в больнице по горло, куда больше, чем летом: чуть не ежедневно операции, на 10 койках — 20 чел[овек]... И прочие прелести зимнего сезона. Долго ли пролежит мама — не знаю. Ей, очень, правда, медленно, но становится лучше: температура ещё не падает (37,6⁰), но самочувствие и пульс лучше. Всё же не меньше 10 дней она проваляется, а там месяцами придётся её беречь, пока установится равновесие. Досадно и обидно очень всё это — и неудача, и её болезнь.....

Есть у меня к тебе просьба. Сходи к СЕМАШКЕ (Петровка, 16) на приём и скажи ему, что наш Парабельский РИК послал в строительный отдел Наркомздрава просьбу о беспроцентной и долгосрочной ссуде в 10000 руб. на постройку новой больницы, т.к. поповский дом,

где мы обретаемся, - заразная клоака. Поблагодари его за 250 руб. прошлого года, они помогли, если не справиться [окончательно], то сильно ограничить малярию. Скажи, что за год мы приняли 25000 человек и обслуживаем весь север Нарыма. РИК выслал просьбу с мотивированной резолюцией (там все цифры) 11 декабря. Попроси его ускорить удовлетворительное разрешение вопроса. Если пришлёт деньги, мы начнём в феврале-марте валить лес, а весной строить. Будет больница, [тогда] всегда будет врач — и заброшенный край будет хоть немного обеспечен. До Томска — 500 вёрст, а от Сургута — и 1 ? тысячи [вёрст]. Тут много остяков, тунгусов и проч[их], и все они тяготеют сюда. Расскажи толком, что ты видал: какая работа и какие огромные водные и снежные пространства одолевает больной — и находит помынную яму. Не поленись и откинь свою застенчивость. Очень прошу тебя. Говори горячо и проси от моего имени. Скажи, что тут всё население ждёт с нетерпением его ответа, а местных средств у бедного края нет. Потихоньку они выплатят, а так на ремонт каждый год больше уплачивают — и без толка.....

Ну, до свидания, родной. Пиши чаще, особенно мама сильно волнуется. Ну, как провёл ты праздник у бабушки в Ленинграде? Как занятия твои и дела с лабораторией, [каковы] перспективы на техникум? Оставаться [тебе] при таксаторстве в Москве — мне [такой план] мало улыбается. Впрочем, тебе виднее. Обнимаю Сашурку — как она отдохнула, ездила ли с тобой? Пишите же, пишите.

Ваш Д. Донской.

Архив Управления ФСБ по Томской области. Копия. Машинопись.

Комментарии

¹ Возможно, "милый".

² Филипченко Людмила Фёдоровна (в письмах — "Людмила Фёдоровна", "Л.Ф.") — тёща Д.Д. Донского-старшего, мать его жены Н.М. Донской. См. о ней "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий к ним.

³ Ельяшевич Екатерина Михайловна (в письмах — "Катя") — свояченица Д.Д. Донского, средняя из трёх сестёр Филипченко. См. о ней "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий к ним.

⁴ Русакова Алла Александровна (урождённая Ельяшевич) (род. в 1923 г.) - племянница Н.М. Донской, дочь Е.М. и А.Б. Ельяшевич. См. о ней предисловие.

⁵ Фрейд Зигмунд (1856 — 1939) — австрийский невропатолог, психиатр, основоположник психоанализа, который одним из направлений совре-

менной философии положен в основу объяснения явлений культуры, процессов творчества и общества в целом.

⁶ Небольшая деревня на левобережье нижнего течения р. Парабели.

Алекса́ндре Николаевне Донской и Дми́трию Дми́триевичу Донскому – тётё и сыну

11. II. 1926.

Дорогой мой именник и Сашура.

Поздравляю Вас обоих с именниками и именинами, как это полагается в хороших традициях со всякими пожеланиями и пр. О вас, дорогие, я, конечно, вспоминаю, и сегодня, как всегда, как каждый день. Поводы только различны. Подготавливаю квартиру к Вашему приезду, хочу из нашего переднего крыльца сделать вторую тёплую комнату для зимы и для лета. Не знаю, как это удастся, но хочется успеть до вашего приезда, чтобы вам после, дорогие, сразу можно было жить в отдыхе и покое, а не в сутолоке ремонта.

Думаю также настойчиво о будущей зиме и всяких проектах. Мысль о Митином переезде в Питер мне улыбается, но болтание целый год без дела или занятие языками и ещё чем придётся совсем не нравится. Языки — не такой предмет, чтобы ими стоило исключительно заниматься. Между прочим, изучить язык и можно, и должно. Мама выдвигает проект заняться рисованием вплотную и языками, и общественными науками к поступлению в ВУЗы. Тоже не шибко хорошо, хотя уже лучше, т.к. к рисованию, черчению и проч[ему у тебя] есть способности, и чертёжник — это уже какое-то ремесло, а в наш век специализации хорошо, кроме основной специальности, иметь в руках ещё одно другое ремесло. Главное затруднение у меня в том, что я не знаю, какая отрасль знания и какая профессия наиболее тебя, Митюша, привлекает. Как-то я не улавливаю — не то технические науки (широко говоря — инженерные науки), не то естественные. А ведь это — самое главное. Без решения этого основного вопроса не знаешь, с какого конца подходить к вопросу и где искать его разрешение. Ты же ни в письмах, ни в разговорах об этом не упоминал, по-видимому, и сам не решил ещё его для себя. Вот подумай над всем этим и сообщи, тогда можно будет и конкретнее решать вопрос. Я бы всё-таки посоветовал тебе сходить к дяде Давиду¹, выяснив свои желания в смысле специальности, и посоветоваться с ним по душам, изложив ему и твой не достигший минимума возраст и все остальные обстоятельства. Попроси его помочь тебе в этом деле. Он знает лучше, чем кто-либо другой всё положение дел и, с другой стороны, знает наркомпроса; мог бы поговорить с Луначарским, Семашко и вообще что-нибудь надумать в Питере, Москве или Томске. Это три

приемлемые для нас с тобой пункта. Думаю, это самое целесообразное. А так уезжать из Москвы, ничем не заручившись, без определённого плана, кроме квартиры на следующую зиму, не умно. До распутицы ещё 2 месяца, и за это время надо решить и списаться.

Кстати, отнёс ли ему ты экземпляр [Ф.] Гюппе, как ты очень хорошо хотел, или это осталось только благим пожеланием? Почему ты не положил в посылку и мне один из авторских экземпляров? Всё-таки интересно поглядеть, что из этого вышло и как издано. Спасибо большое за табак и папиросы.....

Скажи Александре Семёновне, а ещё лучше Вячеку, что я прошу их выплачивать тебе хоть ежемесячно по 50 рублей и оплатить твою дорогу сюда, так как я тебе посылать не буду ввиду необходимости перестройки квартиры для тебя с Сашей и ввиду, ну хотя бы, болезни мамы (она, кстати сказать, совсем уже здорова и за неё не волнуйтесь). С вещами поступайте, как знаете; мама, кажется, уже писала по этому поводу, а я только могу прибавить, что основной наш дом пока в Парабели — и, может быть, ещё на пару лет. В конце концов, работа везде одна и та же, вместе с тобой мы жить не сможем в центрах, а дальность расстояния поэтому будет лишь [величина] количественная, но не качественная. А большие центры при железных дорогах имеют тоже свои большие неудобства. Поэтому, распланировывая вещи, имейте это в виду.

Возвращаясь к вопросу о следующей зиме, я думаю, что самое правильное — добиваться прямо поступления в ВУЗ, несмотря на недостаток возраста на $1/2$ года. Это ведь не так уже строго, вероятно, соблюдается. Кроме того, дети врачей на участках пользуются некоторыми привилегиями. На эту сторону вопроса до сих пор вы не обращали внимания. Надо попытаться позондировать почву.

Последние дни, со дня годовщины смерти бабушки², я всё с большей болью думаю, как жаль, что она не с вами и не с нами. Теперь бы она отдохнула и порадовалась сравнительным общим благополучием. Так ей, бедной, всю жизнь не удавалось этого, как она ни мечтала.

Ну, дорогие, горячо вас обнимаю, спасибо за ласковые и дорогие письма. Деньги выслал и впредь буду, надеюсь, аккуратнее. Простите за пропуски. Работаю много и хорошо, лучше, чем в прошлом году. Будьте здоровы, крепки, берегите друг друга и работайте весело.

Весь ваш Д. Донской.

Комментарии

¹ *Рязанов Давид Борисович. См. о нём "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий к ним.*

² *Имеется в виду мать Д.Д. Донского-старшего – Донская Софья Алексеевна.*

Наталье Николаевне Нагорской¹ – сотруднице Новосибирского краеведческого музея

5. IV. 1926.

Милая и хорошая Наталья Николаевна.

Спасибо и за журналы, и ещё больше — за весточку. Сегодня я прощаюсь (да и не я один) на долгий срок — может, месяц, может, $1\frac{1}{2}$ [месяца] — со всем внешним миром: завтра уходит последняя почта. Следующая придёт уже с "Китаем"² летом. Замыкаются створки двери, и мы перестаём существовать для мира и мир для нас. Поэтому сегодня — гонка, все служащие сидят за отчётами и срочными бумагами, все приезжие вольно или невольно сидят за письмами. А я, грешный, всегда отдуваюсь вдвойне — сижу и за тем, и за другим.

Уже два часа ночи, казённая почта закончена. Вы — вольная птица, и понятия не имеете, сколько сладостно нашему служащему уже это слово, и мне хочется хоть пять минут отдохнуть от "серьёзных" мыслей и дел. Впереди ещё деловое письмо сыну (куда ему деваться на следующий год); приятелю, снабдившему меня "трезором" медицинской литературы; родственникам, обижающимся за полугодовое молчание, и т.д. Словом, ещё много, много, много чернил и бумаги, напряжения усталой башке и прочих приятных вещей. А сейчас вот — маленький отдых в болтовне с Вами.

Вы всегда пишете Ваши письма так, как я люблю: выхватываете один кусочек дня, когда Вы пишете, и о нём говорите, не рассказывая ничего о вчера, не гадая о завтра. Так живее чувствуется человек.

Всё же раскачайтесь и в ответ измените свою привычку и скажите, что будет завтра, где Вы будете летом. Быть может, [за]хотите продлить изучение флоры и архитектуры с этнографией нашего края. Тогда изберите Парабель Вашей опорной резиденцией. Я расширяюсь, рублю стену и занимаю ещё одну комнату. Следовательно, Вас устроим лучше, чем в прошлом году. А ягоды, медведей, грибов у нас тьма. Ездил я сейчас на Тёнгу³. Вот где типы для художника! Настоящие кержаки, со времён Петра I "не пишутся", т.е. находятся без имени и нигде не записаны ("запись — печать Антихриста"). Если читали Печерского⁴ "В лесах" и "На горах", то это — только бледный намёк [на наших кержаков]. Все рослые, сильные, русые, бородатые, по своему умению, суеверные — словом, чистый тип славянина раннего христианства на востоке Европы.....

Ну, пора к делам и проч[ему]. Спасибо за журналы. Возьмусь за книги, но я их ещё не получил. Пришли только сибирские и иллюстрир[ованные] журналы. Получил много удовольствия. "Мерси-те", - как начинают, к сожалению, говорить и здесь.

Привет от Над[ежды] Мих[айловны]. Если увидите Васельку, расцелуйте обязательно хоть от меня. Жму руку.

Ваш Донской.

Архив Управления ФСБ по Томской области. Копия. Машинопись.

Комментарии

¹ *Нагорская Наталья Николаевна (урождённая Ивановская) (1893, 1894 или 1895 — после 1982). Родилась в г. Киеве в семье инженера-путейца. Дед по матери — известный художник Пётр Карлович Щебальский. После окончания в Киеве гимназии, художественной школы и частной студии А.А. Экстера, в 1920 — 1921 гг. переехала в Москву. В 1922 — 1924 гг. училась во ВХУТЕМАСе в классе В.А. Фаворского на отделении графики. В 1924 г., выйдя замуж вторым браком за художника А.В. Воцакина (1898 — 1941), переехала в Новосибирск, а на следующий год заняла ставку художника в Западно-Сибирском краеведческом музее. В 1926 г. была одним из организаторов общества художников "Новая Сибирь", в котором затем бессменно занимала должность секретаря. В 1926 — 1930 гг. для этнографических зарисовок выезжала на Алтай, в Хакасию, Колывань. В 1925 г. в составе комплексной экспедиции посетила Нарымский край, где и познакомилась с Д.Д. Донским. Работала в Сибкрайиздате, в 1944 — 1961 гг. являлась заведующей художественным отделом областного дома народного творчества.*

² *Название курсировавшего по р. Оби парохода.*

³ *Название речки — притока р. Неваги, которая, в свою очередь, впадает слева в р. Парабель в её нижнем течении.*

⁴ *Андрей Печерский — псевдоним русского писателя Мельникова Павла Ивановича (1818 — 1883), автора эпопеи из жизни заволжского старообрядческого купечества.*

Надежде Михайловне Донской – жене

15. IX. 1930.

Дорогая Надя. Спасибо тебе большое за письмо с Кавказа. Ты ответила на многие вопросы, которые меня тревожили и которые выяснить путём письменных вопросов никак не выходит. Будем надеяться, что у Митьки всё образуется, и жизнь его сложится более или менее сносно и приятно для него. Его последние письма с Кавказа полны молодого хмельного счастья и очень меня бодрят и радуют. Сижу сейчас в вагоне на ст. Тайга между Томском и Новосибирском. Московский поезд опаздывает на 4 часа. Еду в Новосибирск в командировку в связи с ликвидацией округов. Томск ни в какой степени меня не смог удовлетворить по линии здравоохранения. К 1-му октября должен вернуться в Парабель, где мне предстоит провести "и ещё один год", как буквально сказано в постановлении. Меня особенно порадовала и утешила эта, по-видимому, невольная обмолвка "и ещё".

Ровно шесть лет тому назад мы были с тобой в Томске, и я [на этот раз], часто расхаживая по его улицам, вспоминал, как тогда мне понравился город. При ближайшем рассмотрении город оказался, конечно, довольно поганый, а жизнь его в самых культурных вузовских слоях такая скучная и однообразная, что я не чувствовал большой разницы между своей постоянной средой в Парабели и этими сливками культуры. Конечно, я по своему характеру проводил целые дни вне комнаты, любезно мне уступленной через разных парабельских знакомых. И театры, и оперетка, и музеи, и клиники, и концерты любителей в кругу избранных ценителей музыки г. Томска. Всего нахватал понемногу в те 10 дней, что я пробыл там, – и в результате, признаться, скука довольно зелёная, несмотря на то, что привечали меня и принимали везде с обычной сибирской любезностью и хлебосольством. Кормили и поили, и кое-где даже на ночлег оставляли.

Лето я провёл очень интересно. Был хирургический отряд; оперировали и специалисты уха, горла, нос[a], и вообще¹. Я сначала ассистировал, потом мне ассистировали. Работали полным ходом до того, что я ни разу за лето не прилёг спать после обеда и ни разу не сходил в лес по грибы, не съездил верхом, не покатался на лодке. Такой интенсивной работы, пожалуй, я в своей жизни не помню. Больница с честью выдержала экзамен и испытание, и приезжие гастролёры рассыпались в комплиментах. И ни одному из многих тысяч

съехавшихся больных ни в чём не отказали. Сделали 165 больших операций, умер только один из них. Что же может быть лучше [?]

Но к концу лета я даже устал, одежда с меня валилась. И моя помощница, молодой врач Григорьева, довольно милый человек, остроила, что я вот-вот потеряю свои *Beinkleid*². Сон и аппетит тоже значительно пострадали, и если бы не страх перед неизбежным повторением прошлых отпусков, когда меня всегда вдвойне трепали, я, пожалуй, и не собрался бы никуда поехать. Утомительно ездить теперь с карточками, столовыми по карточкам, опозданиями и бесконечными очередями. Но всё же это лучше, чем бесконечная волынка с больными, которые порядочно измучили меня.

Завтра — Новосибирск, ещё немного впечатлений, пара канцелярий и очередей, и я завалюсь на пароход с его своеобразной жизнью дачников. Только бы погода держалась да хоть пара десятков рублей под рукой была. А там опять — осень, распутье, больница, поездки и проч[ие] красоты моего низовского края. Ты советуешь юг, да неохота мне начинать эту длинную переписку. Ведь поездка из Томска в Новосибирск стоила 10 дней хлопот, телеграмм, визитов, разговоров и проч[его]. А не люблю я просить до смерти.

Пиши о себе: как живёшь, чем занимаешься для души, кто кругом остался. Этот год — год потерь для тебя, и я часто с горечью думаю, что тебе нелегко, а, может, даже и труднее, чем мне. Уход Мити на отдельную квартиру должен быть особенно чувствителен, я немного сердит на него за это. Нельзя ли и тебе с Леной³ и Л[юдмилой] Фёд[оровной] отпочковаться [?] Это было бы, пожалуй, самое лучшее. Если остановка за деньгами, напиши, как-нибудь сообразим. Скоро твои именины, рождение. Горячо поздравляю тебя и желаю максимум возможного душевного покоя и радости.

Целую. Твой Д.Д. (роспись).

Домашний архив Д.Д. Донского. Подлинник. Рукопись.

Комментарии

¹ О работе специальных отрядов медицинских специалистов из Томска в Парабели в 1930 г. и опубликованных источниках по этой теме см. предисловие и комментарии к "Воспоминаниям" Н.М. Донской.

² *das Beinkleid* (нем.) — брюки, штаны, панталоны.

³ Филиппенко-Моренец Елена Михайловна (в письмах — "Лена", "Леночка") — свояченица Д.Д. Донского, младшая из трёх сестёр Филиппенко. См. о ней "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий к ним.

Надежде Михайловне Донской – жене

23-24. II. 1931.

Дорогая Надя. Большая-большая благодарность тебе, Митюшке и всем, кто принимал участие в этом деле, за посылку. Она и сама по себе приятна была по содержанию, особенно, конечно, курево, а главное, было совершенно неожиданно и потому вдвойне приятно получить столь реальное доказательство памяти о тебе близких людей. Этот год идёт у меня не особенно весело и радостно. Причин чисто внешних этому очень много и было бы скучно перечислять все бесконечные дрязги и мелочи жизни, которые временами приводят в уныние и отчаяние не своими размерами, конечно, но количеством всех этих мелочных булавочных уколов, которые так напоминают бич здешних мест – мошкару.

Со времени моего возвращения из отпуска буквально не прошло ни одного спокойного, чем-нибудь не отравленного дня. Ты помнишь аптинские¹ времена, ну так вот – в том же роде атмосферка, но только всё мельче, незаметнее и всё как-то ещё более глупо, чем тогда. Окружён я весьма неприятными и кляузными коллегами, отличающимися друг от друга тем, что одна двулична до невыносимости, а другая, совсем наоборот, закатывает мне скандалы и истерики, не взирая ни на место, ни на окружающих, во всю глотку, а на другой день, поджавши хвост, начинает замазывать свою грубость. И было бы всё это не странно, если бы это не были люди с высшим образованием, а последняя – и с 10-летним врачебным московским стажем. Все красоты местечковой конкуренции, сплетен и клеветы тоже в полном ходу. И чего им нужно – не знаю, так как я, выведенный из себя, неоднократно предлагал им заведование и те несчастные 20 рублей жалованья, которые за это платят. Так не хотят, боятся ответственности, трудностей, всяких кризисов и проч[его], а пакостят почём зря без конца. И прямо не знаешь, какой тебе сюрприз поднесут завтра.

Последняя новость, что нашу Парабель разжаловали, больше такого района не существует. Соединяется с Каргаском, и центр будет либо в Нарыме, либо в Каргаске, а аппарат, по-видимому, будет наш, парабельский (в нём, между прочим, не осталось ни одного старого человека, с осени все новые люди). В связи с этим будет новый мотив для всяких перетасовок, планов, проектов, слухов и предположений.

Что касается моей работы в больнице, то она идёт неплохо, постепенно расширяясь и углубляясь. Летний хирургический приём

прошёл для меня с большой пользой, и я теперь с ножом справлюсь вполне удовлетворительно для здешних потребностей. Выписал и привёз много книг по хирургии и раза два в неделю — у нас настоящий операционный день, как у больших. Пока всё вполне хорошо, даже не удовлетворительно, а хорошо, и наши отправки "в Томск на операцию" прекратились.

Работы, как всегда, много, много и разъездов. Сама работа всё усложняется и из чисто лечебной переходит на санитарно-профилактическую. И у нас появились колхозы, коммуны, очень большое место занимают лесо- и рыбозаготовки артелями, и их обслуживание носит уж[e] не тот чисто лечебный характер, как прежде. Мне лично это очень нравится, и, если бы была возможность, то я три дня в неделю проводил бы вне больницы и не в выслушивании и прописывании рецептов, а в беседах, санобработке и проч. Но, увы, для меня эти возможности очень ограничены по разным причинам, да и чуть уедешь на день-другой из больницы, потом расхлёбываешь очередную кашу неделями. Сейчас работать можно и должно и так работать, как этого хотелось (в полном смысле общественно), но не в таких глухих и захолустных дырах и не в моей шкуре.

Прости, что так много расписался о наболевшем и о своих делах. Но хочется поговорить с человеком, который поймёт и, если и не сможет ничем помочь, то посочувствует: нечто вроде Erfrischungsraum² у Tietz³ - посидеть, отдохнуть от сутолоки, суеты и прочего, чем полон это самый магазин Tietz⁴ или Oberpolinger⁴ — "Denkst du daran?"⁵.

Ну, а у тебя как складывается жизнь? Митька весьма забавно описывал твои преуспевания и похвально отзывался о твоём "политическом росте". Только не выдавай меня, но я не мог не улыбнуться, когда он пресерьёзно уверял меня, что ты стала, ну как бы выразиться, "современной, советской" что ли. Радуюсь очень, если это так, если действительно шелуха прошлых десятилетий под напором реальной действительности слетела. Этот процесс только прогрессивный, и мне кажутся люди, которые судорожно цепляются за свои прошлые, жизнью разбитые убеждения, какими-то ихтиозаврами, а речи в духе раскрывшихся чаяний на недавнем процессе в Москве⁶ — каким-то бредом умалишённых или маньяков. Читал про этот процесс, как сказку, как сон, и казалось, что люди эти бредили все эти годы 18-19[-ми] годами, давно забытыми, пережитыми, позорными заблуждениями детских лет. Мне кажется, что их надо было лечить, прямо окунув в гущу действительности, вырвав из узкого круга кабинетных размышлений и частных

разговоров, а, впрочем, бывают и просто слабоумные. Смотрят — и не видят, слушают — и не слышат, а что хуже всего — не желают ни видеть, ни слышать; те неисправимы. Я себя не чувствую в числе неисправимых и с большим интересом приглядываюсь, прислушиваюсь, читаю газеты упорно и подбираю всякие крупинки большой жизни, долетающей сюда весьма скупо. Не знаю, попадались ли тебе в "Известиях" статьи Роллана⁷ и Горького⁸. Они на меня произвели глубокое впечатление не столько мыслями, сколько силою искренности, с какой они решительно и резко отмежевываются от многого, что было основным лейтмотивом их многолетней деятельности.

Ну, довольно обо всех этих горячих и живых вопросах, которые, увы, для меня остаются так далеки от окружающей действительности. Мне хотелось спросить твоё впечатление от новой Митькиной семьи. Он как-то написал мне очень хорошее письмо, поставившее большие и важные вопросы о личной жизни. Написал вот так, как я сейчас, — горячо, страстно, откровенно и... замолчал, так что я даже не знаю теперь внешних событий его жизни. Хороший он парень, но боюсь, что может сломаться под тяжестью взятых на себя задач. Поэтому я ему горячо советовал взяться за лабораторную работу над проблемой рака, что это как раз по его способностям и может его отвлечь от самоковырания и от всех проблем и проклятых вопросов личной жизни. Ты, пожалуйста, не говори ему ничего о том, что я писал о нём, ему может быть неприятно, но черкни, что и как с ним.

Почти одновременно с тобой [и] я выслал для вас - немного масла, рыбы, дичи и отдельную посылку с мёдом. Дошли ли они обе и в каком виде? Будет очень обидно, если всё испортится. Я думал, что тебе и вам всем доставит удовольствие эта весточка из Сибири.

Черкни поподробнее, как живёте, как Лена себя чувствует, работает, как Людмила Фёдоровна, Котики⁹. Всё меня очень интересует, я всех по-прежнему чувствую своими, мне печально, что они иначе чувствуют, но мне от этого не меньше хочется знать, как они живут, и не меньше хочется, чтобы им было возможно лучше жить. Думаю, ты не сомневаешься, что тебе я бесконечно много желаю хорошего и с большой радостью и мягкостью часто думаю и вспоминаю о тебе. Обнимаю тебя крепко.

Твой любящий Д. Д. *(роспись)*.

Комментарии

¹ *Аптин В.* — сотрудник ОГПУ в Парабели первых лет ссылки Д.Д. и Н.М. Донских.

² *der Erfrischungsraum* (нем.) — буфет, закусочная.

³ *Tietz* (нем.) — Титц.

⁴ *Oberpolinger* (нем.) — Оберполингер.

⁵ *Denkst du daran?* (нем.) — Вспоминаешь ли ты об этом?

⁶ Возможно имеется в виду преследование лидеров т.н. правого уклона в ВКП(б) — Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.П. Томского и др., чья деятельность была признана несовместимой с присутствием в партии Ноябрьским (1929 г.) пленумом ЦК. Но не исключено и последнее перед написанием письма громкое событие в партии и стране — обвинение в декабре 1930 г. в фракционной деятельности и создании "право-левого блока" с одновременным выводом из состава ЦК ВКП(б) С.И. Сырцова и В.В. Ломинатзе — первого секретаря Закавказского крайкома ВКП(б).

⁷ *Роллан Ромен.* См. комментарий к "Воспоминаниям" Н.М. Донской.

⁸ *Горький (Пешков) Алексей Максимович.* См. комментарий к "Воспоминаниям" Н.М. Донской.

⁹ Домашняя кличка четы Ельяшевичей: *Александра Борисовича* (свояка Д.Д. Донского, в письмах — "Шура") и *Екатерины Михайловны* (свояченицы Д.Д. Донского, средней из трёх сестёр Филипченко, в письмах — "Катя"). См. о них предисловие, "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий.

Дмитрию Дмитриевичу Донскому — сыну

18. VII. 1931.

Дорогой мой друг и коллега. Ты ведь в экспедиции — даже “уважаемый коллега”. Получил на днях твоё письмо, [написанное] уже по возвращении из Крестцов и перед твоей поездкой в дикие пустыни и степи с экспедицией. Не знаю, застанет ли тебя это письмо, но, если застанет, прими моё полное одобрение и сочувствие как всему уклону твоей работы, так и, в частности, этой весьма красочной и немного экзотической манере отдыхать от напряжённой работы. Я всегда проповедую, что нет отдыха в ничегонеделанье, что такой отдых утомляет больше всякой напряжённой работы. Выражаясь техническим языком, на время отдыха надо “переключиться” с одной работы, с одной функции системы органов на другую функцию другой системы.

Общественный же уклон всех твоих интересов и даже энтузиазм, который выпирает из каждой строчки, вызывают во мне и зависть, и любованье. Последнее — потому, что живой, молодой, начинающий жизнь работник иначе не должен, по-моему, относиться к действительности. Когда мы были молоды, мы с тем же энтузиазмом бросали свои силы и жизни на дело борьбы, разрушения, уничтожения всего современного, гнилого и протухшего. С завистью пишу я потому, что вот эта борьба, шедшая под знаком отрицания современности, оставила в нас неудержимо критикующую всё кругом... Мы так въелись в привычку видеть только отрицательное, что нам трудно бороться с ней, и нам слишком бросаются в глаза прежде всего тёмные стороны, а сейчас эта черта подрывает веру, создаёт пессимизм, особенно, если волею судеб и своих ошибок, нельзя въестся в действительность всеми уцелевшими зубами. Поэтому-то я и завидую цельности твоего восприятия окружающей действительности, которая кругом меня, конечно, в ослабленном масштабе, но которая мне видится так же, как и тебе, но в более мозаичном, пёстром виде. Тут и годы играют, конечно, свою роль. Словом, браво, дерзай, иди вперёд и не оглядывайся на тени, призраки и прочую нечисть. Но разреши дать тебе один практический совет: и тут нельзя терять локтя соседа, и тут надо целиком и полностью влить свои силы в общее дело... от разочарований трезвым взглядом на весь комплекс явлений, отдавая всему свой место в цепи текущих явлений дня. Ибо боюсь я момента, когда вдруг одно какое-нибудь личное или общественное происшествие вдруг опрокинет вверх дном всё мировоззрение. Это бывает только у безмерно

увлекающихся и приводит к тому, что всё летит вверх тормашками, или, выражаясь научно, действительность, которую поставили "с головы на ноги", вдруг снова опрокидывается "на голову". Этого момента для тебя я очень не хотел бы и хоть жалко, что ты не импрессионист, но боюсь всякой бурьиссти¹ в таких величайшей важности вопросах убеждения и внутренней настроенности. Последние должны постепенно сковываться и так, чтобы, даже ошибочные, они сидели прочно, а не летели пушинками от дуновения ветерка. Надо долго приходиться к тому или иному убеждению, а если оно ошибочно, тоже не сразу и не в угоду моменту его отметить. Пишу тебе об этом подробно так потому, что под знаком этой перестройки, под знаком этого пересмотра с большим напряжением объективного наблюдения и внимания проходят последние годы моей внутренней жизни. Труднее даётся мне, чем тебе, но выводы, к которым мы пришли каждый порознь и с разных колоколен, - один. Тебе они дались легко, мне — с большой ломкой, но тем приятнее сознавать в тебе и сына, и друга, и "товарища".

Пишу тебе под стоны родихи в больнице, поэтому, может, и не всё гладко, и не весьма вразумительно. Работы больше, чем времени для неё. В отпуске и фельдшер, и акушерка, и второй врач. Так вышло благодаря болезни одного из них и моей глупости, что всюду я подставляю свои плечи, если нужно что-нибудь за кого-либо сделать. Словом, персонал у меня, как в первые годы работы, а дело значительно разрослось и усложнилось, да и силы уже не те, поистрепался малость. Словом, так зашиваюсь, как редко. Вечно недосыпаю и хожу обалделый и злой.

А тут ещё огорчение: нечего и рассчитывать на нашу встречу с тобой в этом году. Печально, ... экспедиция меня утешает. Осенью кончается мой срок. Вероятно, съезжу в Новосибирск, а там видно будет, где буду следующую зиму. Надеюсь — не в Парабели. А впрочем, сейчас каждый кусочек страны так насыщенно и жадно пропитывается новой жизнью, так бурно растёт, что работы везде хватит, и везде есть поприще для приложения сил, знания и умения. И если и следующая зима будет в Парабели, то это ничуть не жутко. Буду понемногу оперировать, много ездить и принимать, облизывать и выпестовывать свою больницу и поджидать молодого врача, чтобы поглядеть, как он и что он.

Твоя поездка снова прервёт нашу связь. Будь всё же благоразумен в смысле физическом и помни, что организм твой не так уж крепок и непоколебим, как твой дух. Пощади и организм, и не бросай его в спортивные авантюры. Что-то заглохли твои медицинс-

кие интересы в письмах твоих. Освежай и их, так как они — весьма важная надстройка над прочным фундаментом твоего мирозерцания. Специальность — дело весьма нужное в 20 веке в новоформирующейся жизни новой страны.

Пиши, если можешь, а что ты [этого] хочешь — не сомневаюсь. Крепко обнимаю Таню², Пашу³ и тебя. Целую горячо.

Твой любящий Д.Д. (роспись)

Архив Управления ФСБ по Томской области. Копия. Машинопись.

Комментарии

¹ Так в документе. Очевидно, это ошибка, возникшая при перлюстрации письма.

² Донская Татьяна Ильинична (урождённая Карышева) (1908 — 1993) — сноха Д.Д. Донского-старшего и Н.М. Донской (автора "Воспоминаний"), первая жена их сына Д.Д. Донского-младшего (развелись в 1940 г.). Историк музыки.

³ Очевидно, это ошибка, возникшая при перлюстрации письма. Правильно — "маму".

Д.Д. Донской дома. С. Парабель. 1929 г. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

Надежде Михайловне Донской – жене

5. IX. 1931.

Дорогая Надя. Получил сегодня твоё письмо и открытку от Митьки откуда [-то] из глубин Средней Азии, которые я даже не мог разыскать на карте благодаря моему классическому невежеству в географии. Нарадовался обеим и погрузил на[д] кучей недохваток материального характера, которые сквозят в твоём письме из каждой строчки. Вдвое это трудно ещё и потому, что я бессилён как-либо помочь в этом деле — у нас тоже не густо и достать ничего нельзя. Не беспокойся насчёт курева: я уже привык к махорке, а её всё-таки можно добывать, и я без курева опять не сижу. Весной была временная заминка, которая благополучно ликвидирована благодаря твоей помощи. Я ещё до сих пор время от времени балуюсь папиросами твоей присылки. Сахара, конечно, не надо, хватает пайка, который стали выдавать весьма аккуратно.

В этом году лето очень удачное — горячая пора. Поел вдоволь овощей. С собственных гряд собрал больше тысячи огурцов, агростанция снабжала помидорами и даже дынями! На 10 моих кустах висит до 1000 зелёных помидоров. Если сегодня ночью от мороза не погибнут, завтра сниму и буду выводить в комнате. Сеял остатки фасоли (что ты оставила) и жрал спаржевую фасоль. Три урожая редиски. Словом, провитаминился на целый год. Это мне в компенсацию за то, что, несмотря на прекрасное лето, ни разу не брал солнечных ванн, ни разу не был ни в поле, ни в лесу, ни разу не ездил на лодке и купаться.

Был очень тяжёлый период. Как-то вышло так, что все два самых жарких летних месяца весь медперсонал больницы очутился в отпуске, и я остался единственным медработником на всю больницу и амбулаторию. А тут подсыпало до 30 тысяч переселенцев — и работы было прямо до невероятия много: и акушерской, и хирургической, и общей. К тому же всё лето я строил и ремонтировал: новую прачешную, больницу, аптеку, жилой дом и т.д. Словом, варился и вертелся так, как никогда, до полного истощения и отупения.

Сейчас нахожусь накануне отпуска и очень в нём нуждаюсь. Выезжать куда-либо в город не придётся, так как это, по слухам, сейчас очень накладно, а во-вторых, по соседству приехал опять хирург проф[ессор] Савиных¹ и уже закидывает удочку, чтобы я на время отпуска поехал к нему помогать в работе. Признаться, мне это улыбается, и если официально позовут, то я упираться не буду. Отдых только тогда действителен, если он состоит в работе другого

характера; полное безделье лишь утомляет. А хирургия меня живо интересует.

Прости, разболтался о себе, а это, верно, сейчас малоинтересно, когда и годы, и вёрсты так основательно нас разобшили. Пиши подробнее о своих делах, жизни и нуждах; не церемонься и не стесняйся — я [буду] только рад, если смогу какими-либо пустяками хоть немного облегчить твою жизнь. Есть слухи, что в этом году кончается мой срок — не знаю, насколько [они] основательны. До весны обещал РИКу пробыть здесь, а там видно будет.

Приветы и поцелуи всем, кто этого хочет. Обнимаю.

Твой Д. Д. (ропись).

Приписка сбоку на странице 1: Как отдохнула Л.Ф.? А Митька всё врозь будет с Таней²? Хорошего мало.

Приписка сбоку на странице 2: Через неделю твоё рождение, ах нет, пожалуй письмо принесёт моё поздравление. Горячо желаю радости, бодрости и удовлетворения жизнью.

Домашний архив Д.Д. Донского. Подлинник. Рукопись.

Комментарии

¹ Савиных Андрей Григорьевич. См. предисловие, комментарий к "Воспоминаниям" Н.М. Донской и публикуемые архивные документы.

² Донская Татьяна Ильинична. См. выше.

Надежде Михайловне Донской — жене

17. IX. 1933.

Дорогая Надюша. Сегодня твой день, и целый день моя мысль упорно возвращается к вопросам о тебе, твоей жизни, твоего самочувствия, окружения и проч. Двадцатипятилетний промежуток разделяет сегодняшний день от нашего более близкого знакомства "Denkst du daran?"¹. За этот период так много и так многое изменилось, что прямо не верится, что это не сказка, что это не фантазия... Самое живое воображение не могло бы двадцать пять лет тому назад хотя бы в грубых чертах сказать нам историю нашу. И, оглядываясь назад, невольно думается, что и впереди такое же, как и тогда, туманное и чреватое самыми невероятными возможностями время. Я твёрдо знаю, что ни ты, ни я — мы оба не умрём, не поведавшись и не наговорившись вдоволь друг с другом. Многое мы врозь пережили, но ещё больше мы пережили вместе, и это пережитое, перечувствованное и перенесённое никогда не изгладится, никогда не потускнеет в памяти. Во многом я был несправедлив к тебе, многим тяжело тебя обидел, нанёс много тяжёлых ран, но я знаю — ты не винишь меня, как знаю я — нет во мне чувства виноватости перед тобой. И хочу возбудить в себе эти чувства — и не могу. И при встрече мы протянем друг другу и руки, и губы, как добрые друзья, как ничем не разрываемые близкие люди, которых всё роднит, которые всё понимают и принимают друг в друге. И эти пять лет разлуки многому нас научили, углубили наше восприятие действительности, оформили его в ясных, прямых, понятных и, главное, безусловных понятиях и формулах.

Судя по твоим письмам и по рассказам Митьки — как давно не было от него ни строчки! — ты почти параллельно со мной в гуще столичной жизни и работы, делала огромную перевоспитательную работу над собой, сбрасывала с себя ветхого Адама и омолаживала, осовременивала своё мирозерцание, дремавшее под развалинами личной жизни. У меня этот трудный путь (в нашем возрасте) начался значительно раньше, но затруднялся и затрудняется существованием вне жизни, вне людского общества, вне "бытия, которое определяет сознание". Приходилось всё черпать из себя и приходиться, и подходить к современности на расстоянии тысяч километров, "умозрительно". Но вывод оказался у обоих один и тот же, и не мог быть, конечно, другим, если мы не трупы, не испуганные и ослеплённые яростью зубры. Путь к социализму и социализм не там и не тот, который мы представляли себе и который мы

проповедовали. И надо честно признать и свои ошибки, и свои преступления (хотя и *bona fide*²) и сделать всё возможное, чтобы их исправить. Надо спокойно, как должное, принимать своё исключительное положение, надо, не ропща, жить в изоляции от живой жизни.

31. IX. 1933.

Прошло чуть не две недели, как я начал это письмо, [но] что-то и кто-то меня оторвал, и я всё мыкался и мотался без отдыха и сроку. Были за это время тяжёлые случаи, срочные неотложные операции, какие-то весьма необходимые поездки, какие-то весьма ответственные и, как всегда в этих случаях, с весьма сомнительным исходом больные. Ночи без сна в больнице, а затем (нервы шибко истрепались) — бессонница дома в мыслях о больных. В этом году мне не пришлось взять отпуск, сентябрь оказался необычайно тяжёлым по подбору больных, 1 1/2 месяца перед тем я работал один за троих (всех распустил в отпуск), и я здорово переутомлён. Голова постоянно трещит, как котёл, сон плохой, курю бессовестно.

Вчера получил, наконец, от Мити отписку — открытку из Харькова по дороге в Москву. Я так и не собрался написать ему на Кавказ, но очень рад, что он оттуда выбрался. Ты, конечно, права, что не показывала ему моего весеннего письма. Раз всё складывается хорошо, тем лучше, нечего его смущать. Ещё навидается в жизни и разочарований, и досады, и разбитых иллюзий.

Как у тебя прошло лето, не знаю. У меня — препогано, и всё потому, что было много работы. К этому я привык и, верно, разом скис бы без работы по 15-18 часов в сутки. Но работа шла не так споро, как хотелось бы. Постройка зар[азного] барака размером с[о] стационар тянется рабскими темпами, и я не в силах подтолкнуть, так как строит комендатура, а я только толкаю и ворчу. И болезни были все какие-то странные, необычайно тяжёлые, много смертей, а они на меня действуют удручающе, я не могу к ним привыкнуть. И дизентерия косила людей в расцвете сил — взрослых, здоровых, грузчиков например. И впервые в жизни роженица у меня умерла после родов от целой кучи осложнений и органических недостатков, а она была сама врачом. Всё это прямо подкосило меня, и я с тяжёлым чувством вспоминаю неуютное, холодное, сырое и неприятное лето.

Сегодня мороз, выпал снег и лежит прочно. Вот и зима. Последние застылые пароходы, переполненные до отказа, унылый пейзаж — пора в нору. А работы осенней ещё так много. Мы ведь стали хозяевами: сеем, собираем, выкармливаем скот, так как из района

Парабельская амбулатория с коновязью для приезжих. Кон. 1920 — нач. 1930-х гг. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

потребляющего переходим на рельсы производящего. К нам везут меньше и обещают совсем не возить ничего, кроме бесконечных толп народа, который прослышал, что "в Нарыме калачи растут на деревьях". Последние, конечно, усложняют и удорожают жизнь. Цены у нас выше томских и новосибирских на многое. А в больнице на 25 койках — 40 — 50 ч[еловек]. Столько же персонала с иждивенцами. Нужно всех прокормить. Вот я и сеял, и сажал. Собрал 4 1/2 тонны картошки, завёл овощехранилище, у нас 4 лошади, накопил 40 стогов сена и т.д., и т.п. А медицинской и профилактич[еской] работы стало больше. Приёмы — 30 — 35 тысяч в год. Словом, хватает беготни, руготни, толкучки и одышки.

Послал тебе в день твоего рождения к юбилею немного денег. Хотел очень послать, когда ты была на курорте, но... Не было их тогда под рукой, а главное — просто замотался и откладывал со дня на день. Извини и не обижайся, что я был так халатен.

Спасибо за предложение книг. Если Лена сможет достать Окинчица ("Оперативная гинекология"?)³, то буду очень благодарен, журналов не вижу второй год. Митьке посылал и деньги, и просьбу высылать "Врачебное дело" и "Врач[ебную] газету", но ничего из этого не вышло. Видимо, не выходят, или тоже замотался парень.

Хочу на днях написать Таням⁴, получил от них письмо одновременно с твоим из Пятигорска, но такая уж [я] свинья — до сих пор

не ответил. До конца навигации [остались] считанные дни, но я всё же напишу хоть коротенько, а то моя сноха (кажется?) совсем на меня рассердится и научит дочку считать её деда грубым и неотёсанным человеком, который за 10 лет растерял все первоначальные понятия даже о простой вежливости. Напиши ей от меня, что я не свинья, а просто замотанный человек. И что я вовсе не злой, а просто безалаберный мужчина.

Целую крепко тебя и жду от тебя хороших писем. Спасибо за последнее.

Твой Д.Д. (роспись).

Домашний архив Д.Д. Донского. Подлинник. Рукопись.

Комментарии

¹ *Denkst du daran?* (нем.) — *Вспоминаешь ли ты об этом?*

² *Вона fide* (лат.) — *"по доброй вере"*, чистосердечно, вполне искренне.

³ Окинчиц Л.Л. *Краткий курс оперативной гинекологии*. М.;Л., 1929.

⁴ *Огна Таня* — см. сноску 2 к письму Д.Д. Донского от 18. VII. 1931. *Вторая* — *Донская Татьяна Дмитриевна* (по мужу — *Большакова*) (рог. 25. VI. 1932.) — внучка Д.Д. Донского-старшего и Н.М. Донской (автора "*Воспоминаний*"), дочь Д.Д. Донского-младшего и Т.И. Донской. См. о ней предисловие.

Надежде Михайловне Донской - жене

13. IV. 1934.

Дорогая Надя, спасибо и за письмо, и за карточку, на которую поглядываю довольно часто.

Да, свершилось, и довольно для меня неожиданно, что в сентябре я смогу совершенно расстаться с Парабелью и ехать куда угодно. И, странное дело, говорят, это со всеми бывает: я не знаю, что с собой делать. Сегодня писал Митьке об этом и о летне-осенних планах. Не могу решить, уехать ли отсюда, где я действительно нужен и где от меня, смею думать, есть толк и польза, или оставаться ещё на год-другой, пока силы носят меня по дебрям и пустыням и верхом, и в обласке¹, и на санях в пургу. А вдруг я так от всего отстал и отвык, что мне будет в городе и неуютно, и буду себя чувствовать лишним, как герой разных утопий, проснувшийся через сто лет в 2-тысячном году.

Если решусь на Нарым на год-другой, то, пожалуй, перееду в Каргасок, в районный "центр", где медиц[инское] дело совсем развалилось. На днях зав[едующего] больницей осудили на 4 года, и мне пришлось быть экспертом на суде — и сегодня высшие инстанции в районе приехали меня уговаривать перебраться к ним. Тогда, несомненно, осенью (август) буду я в Железноводске², чтобы и на тебя поглядеть, и себя показать. Картина для тебя будет довольно безотрадная: зубы вывали[ли]сь, волосы выпали, глаза выцвели, "сам синий и пахнет псиной". Кроме шуток, чувствую, что очень устал и мало-мало постарел. Ведь два года без отдыха и без выходных дней, а работа напряжённая и с каждым днём всё труднее.

Если же решусь перебраться поужнее и ближе к городской культуре, то, пожалуй, трудно будет одолеть в одно лето и поездку на Кавказ, и переезд на новое место. То и другое требует больших денег и затрат большой энергии. Таким образом, Кавказ можно получить в этом году только ценой дальнейшего оставания тут. Принципиально я этого вопроса ещё не решил, но склонен скорее пойти на большее и верное удовольствие: остаться тут, но повидать в этом году тебя и Митьку, заглянуть на минутку к обеим Татьянам, представиться в качестве грозного свёкра и добренького дедушки и обрести счастье семейного очага.

Тебе, во всяком случае, брать добавочной работы и ограничивать свои потребности нет никакой необходимости. В моём хозяйстве пара сотен рублей не играет никакой разницы, и можешь на них безбоязненно рассчитывать, когда тебе удобнее — сейчас ли,

или ближе к отпуску. И, пожалуйста, не отказывайся и не делай из этого *grand cas*³. На такую-то пустяковую дружескую услугу я ведь имею полное право — не правда ли?

Живу я, в общем, неплохо и не так уж неинтересно, как может казаться с высоты столичных масштабов. Работа есть, мне она нравится, и я, по-видимому, продолжаю нравиться. Теперь заделался землеробом: развёл свиней, коров, лошадей, пашу, кошу и проч[ее]. Конечно, не для себя, а “подсобное больничное хозяйство”. Нарым ведь превращён в сельскохозяйственный район и скоро сам себя целиком кормить будет. Сеют даже на улицах Парабели.

Большое спасибо за журналы. По одному номеру получил и наслаждаюсь: ведь три года не видал медицинск[их] новинок.

Целую твоих, тебя, обнимаю.

Как живёт Лена? О Котиках давно ничего не знаю.

Твой Д. Д. (роспись).

Приписка сверху и сбоку на страницах 2 и 1: У меня ещё один праздник: набрёл случайно на “Очарованную душу” Роллана (“Смерть одного мира”), сейчас возьмусь за неё, хотя уже час ночи, а прошлая ночь дала на сегодня семь операций. Будь здорова.

Приписка сверху на странице 1: Завтра последняя почта. Таает. Идёт весна. Малярия меня трепет, как полагается.

Домашний архив Д.Д. Донского. Подлинник. Рукопись.

Комментарии

¹ Лёгкая долблёная лодка-однодеревка.

² В Железноводске проживала Донская Александра Николаевна — тётя Д.Д. Донского (см. выше), у которой летом часто отдыхала Н.М. Донская — адресат письма.

³ *Grand cas* (франц.) — большое дело, великий случай.

Надежде Михайловне Донской - жене

1. VII. 1934.

Дорогая и бедная Надюша. Твоя телеграмма о смерти мамы как-то перевернула меня всего. И понимаю, что Л[юдмила] Ф[ёдоровна] уже была в возрасте, когда смерть не может быть неожиданной, знаю, что здоровье её было непрочное и радуюсь за неё, что уснула она почти на ходу без длительных и мучительных страданий медленного отмирания органа за органом. И всё-таки как-то очень не по себе. То ли своя старость чувствуется острее при вести о смерти близких, то ли потому, что последние месяцы я больше обыкновенного думал о тебе и ясно представляю себе, как [стало] ещё более пусто и одиноко вокруг тебя. Не знаю [отчего], но мне остро захотелось быть около тебя сейчас, в эти часы муки и скорби и разделить с тобой твою тихую печаль. Л[юдмила] Ф[ёдоровна] принадлежала к людям, которые были всегда всем очень нужны и в то же время как-то ухитрялись с величайшей скромностью занимать своё место под солнцем. И только их уход даёт возможность оценить, какое большое место в жизни окружающих они занимали. С их уходом остаётся надолго не смыкающаяся пустота.

Бодрись, моя родная, не поддавайся грустным мыслям, не мучь себя вереницей тягостных воспоминаний и запоздалых сожалений. Если не вся жизнь, то всё же, хочу верить, большой отрезок её ещё впереди и, быть может, не худший... Что знаем мы и о будущем, и о себе, и о себе в будущем?!

Благодарю тебя много раз за журналы. Они приходят довольно регулярно и много радости доставляют в работе. А работа — это вся моя жизнь. Ведь другого ничего нет. Вспоминаю своего отца, который, в конце концов, так вошёл в роль почтовой коняги, что, когда бывал где-ниб[удь] на лоне природы и в заграницах, он нудился и раздражался от безделья. Боюсь, что и я уже стал таким [же] пленником своей работы и не смогу, как следует, воспринимать какие-либо другие впечатления.

А вот это, надеюсь, удастся проверить на практике в ближайшем будущем. Если получу разрешение, еду в августе на Кавказ, где думаю заехать повидать тебя. Эмма Моисеевна Кочан[ова]¹ сорвала у меня отъезд в июле, укатив в Киев, но август и сентябрь — мои. Только что послал Митьке свой план поездки и свиданий, если он удастся. Твой адрес в Железноводске (август, правда?) у меня есть. Во всяком случае, напишу тебе до отъезда ещё раз, когда выяснится с разрешением. Пока [по этому вопросу] нет ответа.

Возвращусь ли я на зиму в Нарым, не знаю. Вероятно, да, так как меня усиленно зовут в район[ный центр], в Каргасок, чинить совсем развалившееся дело. А по существу, почему не Каргасок? Ведь везде нужно работать, а тут, быть может, больше, чем в другом месте, так как тут я — лучший, а в другом месте могу оказаться только вообще полезностью. Но на эту тему поговорим при свидании.

Пока горячо тебя обнимаю и почти всё время провожу в мыслях с тобой. Крепко поцелуй от меня Леночку и Катю. Им, верно, тоже очень тяжело, особенно Кате, которая так нервна и экспансивна. Привет Шуре и детям, теперь уже почти коллегам его.

Твой Д. Д. *(ропись)*.

Домашний архив Д. Д. Донского. Подлинник. Рукопись.

Комментарии

¹ *Врач Парабельской больницы, коллега Д. Д. Донского, политссыльная сионистка. См. о ней предисловие, "Воспоминания" Н. М. Донской, комментарий к ним и публикуемые архивные документы.*

Надежде Михайловне Донской - жене

12. IV. 1935.

Дорогая Надя. Шибко давно не писали мы друг другу, так что не знаешь, с чего начать. Главная причина моего молчания, конечно, в перегрузке работой. Ни в один год моей жизни здесь не было так круто. Быть может, старею, но устал до чёртиков и прямо не знаю, как дотянуть до распутицы, когда будет, конечно, немного легче, хотя посевная тоже потребует большого напряжения. С 1-го декабря меня откомандировали в Каргасок взять на буксир тамошнюю больницу. Пробыл там $1\frac{1}{2}$ месяца прямо как в водовороте. Принял больше 4 тысяч больных, провёл лично больше 30 родов, сделал 175 операций и еле-еле отговорился, чтобы не оставили совсем.

Условия работы были ужасны: в б[ольни]це нет дров, керосина, ламповых стёкол (работали при копилках) и, главное, совершенно исчерпан бюджет, так что им даже нечем было заплатить за лошадей, которые нас привезли из Парабели на этот прорыв. Пришлось заплатить из своего кармана. Зарплату тоже брал из параб[ельской] б[ольни]цы. Словом, было весело!.. Удалось всё наладить, помирить переругавшийся и перескочившийся персонал, осветить, отопить и больницу, и квартиры и оставить им ещё кое-что на разживу.

Вырвался оттуда, а тут в Парабели развал: больница пустая, погибла тёлка, захромала лошадь и проч[ий] ряд несчастий. Вдобавок тут тоже наплыв заждавшихся меня больных. Опять гонка с утра до вечера, операции с 9 утра до 8 вечера, без перерыва одиннадцать часов в маске и стерильных халатах.

Чуть только отогнался от срочных работ, как — хлоп! — радиogramма из Колпашева: ехать в Напас¹ спасать раненого доктора. А Напас в 450 верстах от Парабели в туземном Тымском районе, в местах, где лошади в редкость. Опять — гонка (человек ранен — истекает кровью!). Доехали туда в двое суток — не спали, не ели. Там 4 дня возился с коллегой, которому его же фельдшер пырнул ножом в живот, обидевшись на то, что доктор выпил 5 литров спирта и ему, фельдшеру, ничего не дал. В Напасае, конечно, - наплыв всего живого на нартах и лыжах из всех юрт района.

В начале марта вернулся (врач уже приступил к исполнению своих обязанностей с 1. IV. 1935.) — хлоп! — опять телеграмма: "В Каргасок. Паталогические роды". Двое суток возни с двумя эклампсиями² сразу (любопытный случай двойственности происшествия).

Приехал назад в Парабель — началась подготовка к посевной: курсы с технич[еским] персоналом, два кружка скорой помощи, лекции на курсах полеводов, три раза в неделю занятия со средним персоналом по переквалификации. Месяц прошёл в угаре педагогики, по 3 — 5 часов в день читал, читал, читал, готовился, а очередная работа шла своим чередом.

В начале апреля — командировка в колхозы по подготовке к посевной. Просидел или, вернее, проездил из деревни в деревню, из сельсовета в сельсовет 10 дней и только что вернулся. Начинает таять, дорога портится, а у меня всё на совести ненаписанные письма и тебе, и Митьке, и даже Тане, которой я, свинья, тоже не ответил. Не знаю, будешь ли ты меня ругать, но стоит. Нужно было еле можаху всё же хоть несколько строк черкнуть, где я и что со мной. Повинную голову меч не сечёт, не правда ли?

Теперь я взялся за подготовку ясельных работниц. У нас сейчас период, описанный у Шолохова в "Поднятой целине". Коллективизация с 30 — 35% в течение 1 1/2 месяцев поднялась до 95 — 98%, а где и [до] 100%. Как старожил и близкий к населению человек, я больше других мог наблюдать стихийность психологического сдвига от единоличности к коллективности. А так как меня давно уже мужики знают как объективного, не заинтересованного лично по службе в проценте сторонника колхозов, то ко мне обращались как агитируемые, так и агитаторы — "Воздействуйте на такого-то". В кабинете у меня с женщинами постоянно шли и дебаты, и уговоры, и слёзы, и проч[ее]. Женщины прямо панически боялись колхоза. В связи с этим, конечно, неожиданным стихийным взрывом накопленной энергии нужно было на ходу перестраивать подготовку к посевной, и я с гордостью констатирую, что я в подготовке не отстал, а даже обогнал: заготовил кадры раньше, чем на них появился спрос, и в достаточном количестве. Колхозы сейчас только оформляются, а у меня 15 апреля выпуск работников, которых хватит на все вновь организованные колхозы.

Описывая тебе свои похождения за текущую зиму, я забыл добавить, что месяц март меня мучила отчаянная малярия: я и пил хину, и кололся, и вливался — и то до сих пор ещё не отбился совсем. Ну, довольно о прошлом.

Теперь о будущем. В этом году я никуда не собираюсь ехать. Во-первых, мне прибавили два года ссылки. Ты удивлена [?], я — не меньше. Не "минус продлён"³, как мне сказали в Новосибирске, а 2 года снова ссылки. Полагаю, что это канцелярское недоразумение, пытался выяснять: писал в Колпашево, Новосибирск и даже Кали-

нину⁴, но ниоткуда не получил ответа. Так что недоразумение ли это или нет, дали ли мне 2 года без нового постановления или просто продлили "минус", я так и не знаю, но хлопотать о поездке сейчас бессмысленно — всё равно не пустят, а получать отказы не село.

Затеваю ремонты, строительство на лето. Нужно снова расширяться, нужно строить скотный двор (4 коровы, 5 лошадей, 2 жеребёнка), нужно ремонтировать больницу, нужно достраивать амбулаторию, большой корпус, не меньше стационара, который строился ещё при тебе... (Окончание письма утрачено).

Домашний архив Д.Д. Донского. Подлинник. Рукопись.

Комментарии

¹ *Напас* — селькупский посёлок в среднем течении р. Тыма (правого притока р. Оби), административный центр существовавшего в 1932 — 1949 гг. Тымского туземного района.

² Одно из заболеваний поздних токсикозов при беременности.

³ "Минус" — запрещение проживать в определённом, специально оговорённом количестве городов. Постановлением Коллегии ОГПУ от 22. IX. 1933. Д.Д. Донской был лишён права на 12 пунктов проживания (то есть имел "минус 12") с прикреплением к Парабели сроком на 2 года, начиная отсчёт с 5. IX. 1932 г. С окончанием этого срока Дмитрий Дмитриевич пытается выяснить, продлили ему ссылку (в этом случае он не имел права покинуть Парабель) или "минус" (тогда он мог уехать).

⁴ *Калинин Михаил Иванович* (1875 — 1946) — с 1922 г. являлся председателем Центрального Исполнительного комитета и с 1926 г. — членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Надежде Михайловне Донской - жене

14. X. 1935.

Дорогая Надюша, вот и пролетел месяц, как наш мальчик был здесь и уже уехал. Время пролетело прямо непозволительно быстро. Проводили время главным образом в *ausflug*'ax¹. То верхом, то на лодке, то пешком. Много солнечных ванн, купания за Обью. На счастье, вторая половина сентября и начало октября были необычайно тёплые. Ещё 3-го октября мы купались и даже 5-го брали солнечные ванны на заобском пляже. У меня был отпуск, и время проходило почти неразлучно вместе.

Ты ждёшь от меня впечатлений от Митьки. Они настолько многочисленны и пестры, что я даже затрудняюсь, с чего начать. Общее впечатление очень положительное: может и умеет думать, работать, любить и чувствовать. Умеренно способный и умеренно увлекающийся парень, толк выйти из него может, если не собьётся на путь добывания средств к существованию и улучшению быта. В этой области есть кое-какие опасности в самом факте многосемейности и кое-какие задатки комфорту, удобствам, тоже от этой семейственности происходящие. Очарователен в нём запас юности, веселья, даже мальчишества, довольно искреннего и часто вовсе не наигранного. Этим он очень отличается от своего более молодого возраста (6 лет тому назад и раньше). "Блажен, кто смолоду был молод", а у него молодость сейчас больше бросается в глаза, чем пятилетие назад. Стал естественнее и менее замкнут в *Weltschmerz*'e². Хотя от последнего ещё кое-что осталось (мотив одиночества и проч[ее]). Со временем и это, конечно, пройдёт.

Физически он прекрасен во всех отношениях. Вышел очень крепкий, выносливый, сильный и мужественный человек. Единой воли и единой цели, которая делает людей большими, у него, к сожалению, пока нет, что не даёт ему углубиться в одну область и сделать в ней что-либо выдающееся. Внешность немного слишком привлекательная, что увлекает его вместе с наследственным темпераментом на безобидные, но много времени стоящие авантюры. Татьяна, по-видимому, в этой области вызывает его на соревнование. Впрочем, эта деталь тоже от молодости. Хуже немного, что характера маловато: он ещё на студенческой скамье метался от одного дела к другому. Есть тенденция и сейчас перескочить в другую область работы: [его увлекает] туризм — не как проблема отдыха, а сам по себе с достижениями, восхождениями, рекордами. Сколько

мог, убеждал его остановиться на научно-исследовательской части вопроса без сверхнеобходимого участия в альпинизме самому. Инструктирование, проводничество и проч[ие] кунштштуки³ не должны входить в его профессиональную работу, во-первых, потому, что он теряет силы и время, нужные для его врачебной работы, а во-вторых, потому, что в его конституции — сердце, рост, вес — нет для больших достижений данных.

Политически он очень грамотен, целеустремлён, и к нему очень применимо определение "беспартийный большевик". Если такова вся современная молодёжь, то никакие гитлеры и муссолини нам не страшны. Этот в Красной Армии будет, несомненно, в первых рядах за полную совесть. Видимо, он очень боялся, что мы очутимся с ним по разные стороны баррикады, и я видел, как он просиял, когда узнал, что меня ничто не отделяет теоретически от ВКП. Как раз при нём разыгралась абиссинская война⁴, и мы сидели ночами у радио и ловили "последние известия" с одинаковыми чувствами.

Как видишь, впечатления недурные, и, проанализировав их самым придирчивым образом, я должен совершенно объективно сказать, что я доволен нашим потомком.

Много мы с ним нервничали по поводу Тани, которую оба очень хотели выписать сюда. Но она лечится в Алма-Ате, и ничего из этого не вышло. Был оживлённый обмен письмами и телеграммами, и, в конце концов, устроилось так, что мы же её просили не приезжать. Ловкая она девчонка. По-видимому, она очень способна, талантлива, блестяща, умна, но не глубока. Болезни её, по-моему, не слишком серьёзны, и, если бы она не была из медицинской семьи, то и для неё, и для окружающих было бы лучше. Мы с Митькой спроектировали её приезд в Парабель на следующее лето, если я всё ещё буду здесь.

Условия жизни здесь таковы, что Митькин вес уже за 1 месяц прибавил около 16 килограмм[ов]. У нас в этом году было много овощей (помидоры, огурцы) и остальное всё сибирское. Он ахал, охал, возмущался — и прибавлял каждую десятидневку систематически. Правда, протранжирившись на книги для меня, он последние шесть дней дороги почти ничего не ел и приехал с копейками в кармане. Так что и на хлеб не хватало, так[им] образ[ом] — было к чему прибавлять. Обрато поехал лучше, с деньгами, но всё же поместился в 3 класс, что мне очень понравилось. Между прочим, у него осталось в манере говорить, рассуждать, и в позе при этом, нечто от Шуры (Катиного), и это было очень смешно видеть в нём. Такова его впечатлительность.

Ты, верно, скоро увидишь его сама и сможешь все подробности встречи (я не узнал его на пароходе) и его пребывания здесь получить из первоисточника. Не знаю, как ему показалось у меня и [как ему показался] я, хотя он и говорил много раз, что ему не хочется уезжать, но у меня это был настоящий и большой праздник, который ещё больше подчеркнул по своему окончанию пустоту и бедность парабельской жизни.

Теперь начались будни, я уже снова в работе — в кипучке и толкучке, но чувство осиротелости меня не покидает. Твоё письмо, полученное почти накануне его отъезда, тоже не радует меня. И здоровьишко плохо, и с людьми кругом неважно. Впрочем, последнее — это и ты, и Митька напрасно так больно переживаете: ведь у вас у обоих тысячи и тысячи возможностей, тысячи молодых интересных людей, с которыми вы изо дня в день встречаетесь по делу, на работе, бесконечная вереница самых ярких впечатлений, которыми полна жизнь больших городов у нас на лихорадочной стройке. Надо уметь только видеть, надо уметь только переживать вместе с окружающими всякую радость от успеха, всякое огорчение от неполадки. И жизнь тогда полна и неожиданно хороша. Я уже говорил Митьке, что вы умудряетесь быть одинокими среди сотен тысяч и что [вы] не одиноки, собственно говоря, но ухитряетесь "думать", что вы одиноки. Не сердись, дорогая, но часто с нами это так и бывает. Одиночество — это слишком субъективная вещь, чтобы оно не поддавалось самовнушению.

Сейчас у меня туговато с наличностью, но телеграфом я вышлю тебе снова несколько рублей и попрошу подписаться на "Врачебную газету", "Литературный современник" и на "Хирургический журнал", выходящий в Ленинграде. "Клиническая медицина" очень интересна, но у меня не хватает времени всё регулярно и внимательно прочесть. "Литературный современник" мне оч[ень] нравится. Спасибо, спасибо.

Ну, дорогая, начинается зима. У нас уже снег кругом, сани, последние пароходы. Начинается самый продуктивный и трудный период года. Желаю тебе сил, здоровья и хорошего настроения духа и в жизни, и в работе.

Крепко целую тебя.

Твой Д. Д. *(роспись)*.

Привет тем, кто хочет помнить обо мне.

¹ *der Ausflug* (нем.) — прогулка.

² *der Weltschmerz* (нем.) — мировая скорбь.

³ *das Kunststück* (нем.) — фокус, трюк.

⁴ Абиссинская война — захват Эфиопии (устар. — Абиссиния) Италией в 1935 — 1936 гг.

Надежде Михайловне Донской - жене

13. I. 1936.

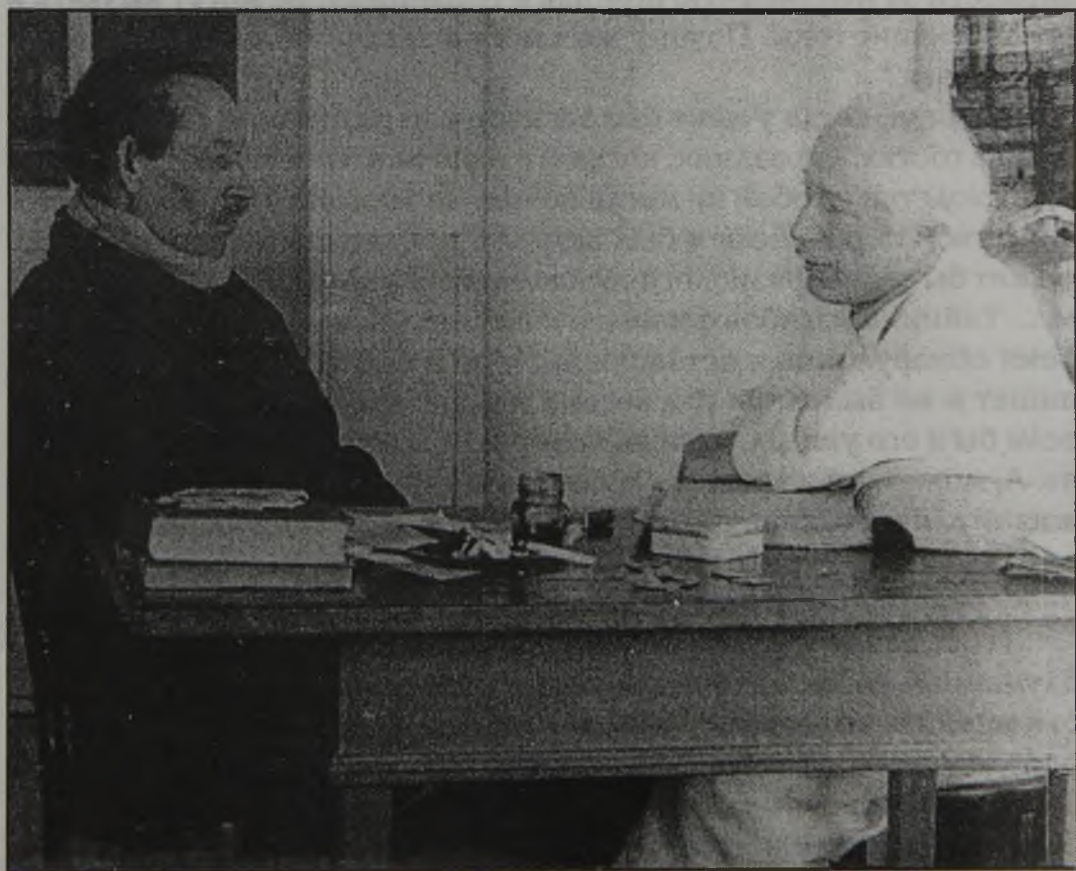
Дорогая Надя. Получил только что твоё письмо, необычайно сухое письмо и, правду сказать, очень огорчён. Я не знаю причины твоего огорчения и обиды и не знаю, как это случилось, что я обидел тебя какой-нибудь неосторожной и плохо тобой понятой фразой. На расстоянии да ещё после стольких лет разлуки выяснить это трудно, да и не стоит, я думаю, нервов. Сболтнул что-нибудь, что показалось тебе обидным, и вышло недоразумение, которое сначала огорчило тебя, а теперь очень неприятно мне. Знай одно, что ни в какой мере, ни при каких обстоятельствах умышленной обиды с моей стороны не могло быть, так как ничего, кроме хорошего чувства, у меня к тебе нет и не может быть. До конца моей жизни я сохранию и радостное, светлое воспоминание о начале нашей с тобой самостоятельной жизни, о[бо] всём том хорошем, с чем связано воспоминание молодости. [Ничего] кроме чувства благодарности за неизменную помощь и поддержку, не могут вызвать и последующие годы. Почему же я могу и захочу тебя обидеть, чудак ты человек?

И тогда, когда у меня было живое и неразрывное звено между нами в гостях, - праздник, когда его один вид и постоянно мелькающее сходство с тобой не могли во мне не вызывать в памяти постоянно твой образ. Если я был немного придирчив в оценке его, то, может быть, это физиологическая зависть уходящего к восходящему... Тайники изгибов физиологического мышления не всегда вовремя обнаружишь и остановишь. Мне и сейчас обидно, что он не пишет и не выполнил ряд весьма мне необходимых поручений, и, если бы я его увидал, я очень поворчал бы ему на первой же встрече. А, может, он и прав: его молодые интересы при начале им своей жизни для него, конечно, важнее всего, и он должен их раньше всего блюсти и не терять время на хлопотные дела, которые не имеют непосредственного касательства к его заботам сегодняшнего дня...

Итак, давай забудем глупые, быть может, неосторожные и необдуманно слова, которые вовсе не характерны для наших с тобой отношений, которые я охарактеризовал бы одним полновесным определением во всём смысле этого [непонятно] слова: "нежная дружба". Выбрось из головы подозрения и всякие сомнения. Я уверен, что рано или поздно мы всё же встретимся, и ты убедишься, что во мне ты имеешь действительно близкого человека, которому дороги и твои достижения, и больны твои огорчения.

Ну, и schluss! об этом! Ладно. Пиши о себе, мне нужно это знать и дай мне возможность хоть изредка быть тебе хоть материально полезным. Кроме радости, твоё согласие мне ничего не даёт. Жду положительного ответа — примирения.

А теперь пару слов о своей жизни. Этот 35[-й] год мне пришёлся в смысле работы очень трудным. Раздул кадило широко и почти весь год проработал один, без помощников. То в Каргаске, то тут, но всё один. Эмма Моис[еевна] то в Каргаске была, то в отпуске, то сейчас на курсах усовершенствования 4 месяца в Новосибирске. А приём 30 тыс[яч пациентов] в год, в больнице 12 с лишним тысяч койко-дней, шесть сотен операций и проч[ее], и проч[ее]. Отдых — только 1 месяц с Митькой, да и то на месте, значит, с работой в экстренных случаях. Теперь сегодня мне сообщили, что муж Эммы освобожден, значит, они уедут, и перспективы на отдых и то нет. А начинает сдавать сердце, отекают руки, ноги, появилась одышка, и работать так, как в 1924 году, круглые сутки ежедневно — не под силу.

Д.Д. Донской ведёт амбулаторный приём больных. С. Парабель. Кон. 1920 — нач. 1930-х гг. Из домашнего архива Д.Д. Донского.

Плоть становится немощной, а духу всё неймётся: нагрузился курсами для среднего медперсонала. Читаю лекции, веду практические занятия с 15 человеками. Нужно и подготовиться, нужно и много времени потерять на самую учёбу. У меня ведь весь персонал доморощенный, нужно их подравнять с техничками. Мечтаю послать их весной на экзамены, так стыдно [будет] лицом в грязь ударить — ну и тянешься из[о] всех сил.

На днях был слёт медиков в Колпашеве, я послал свои фотоснимки, диаграммы, докладчицу. Так удостоились одобрения и заявления, обращённого к другим б[ольни]цам: "Учитесь у Парабели!". Туго только с программами, и за это я ругаю Митьку: он должен был их достать в Наркомздраве в Харькове или Москве. Мы уже 2 месяца занимаемся, а программ нет. Больница превратилась в учебное заведение: развешаны таблицы, знаменитый Карпинский² ("Беседы о Ленинизме") ходит из рук в руки, дискутируют, а на койках 40 человек, по пятницам — 8-10-12 операций от огня и до огня. Так и вертимся, как белки в колесе. Зброшены лыжи, поездки, прогулки на воздухе — всё скорее, скорее.

А тут ещё конец года, великие отчёты, сводки, балансы. Ведь и хозяйство выросло. Одних лошадей 7 штук, среди них растёт замечательный жеребёнок (3 года), бегаёт, как погибший "Карик". Летом всё перестраивал, убрал сараи, конюшни, поставил их в конце усадьбы против Андр[омир]овского³ дома, а на месте сараев — великолепный солярий, площадка с беседочкой (решёточка, всё чинчином). Перед стационаром загородил улицу и засадил деревьями, засеял клевером и цветами. Словом, культурно. Но сколько их — сил, времени, хлопот, нервов — убито. Теперь одеваю больных: женщин в платья из шотландки, мужчин в пижамы. Опять волнения, хлопоты, портные, швеи и проч. Так и живу с утра до вечера в котле, а ночью читаю журналы и ежедневно благодарю тебя. Радио из Москвы передаёт звуковую культуру, журнал — умственную и — "жить легче, жить веселее".

Да, у меня и лаборатория форменная есть: анализы крови, желудочного сока, коховские палочки⁴ и проч[ее]. Обещают, что в Парабели будет РИК, и ему не придётся мучиться над подъёмом больницы до районного масштаба.

К концу года подводят итоги, вот и я расхвастался, так как мозги по инерции работают в отчётном порядке. А кроме того, родная, ведь это единственное, чем я живу эти годы. Поневоле несколько маниакальным стал. Прости.

Ну, до свидания. Прости, если виноват. Не сердись и пиши. Крепко тебя целую и обнимаю.

Твой Д. Д. (роспись).

Приписка сбоку на странице 1: Не откладывай ответ в долгий ящик. Привет всем, кто помнит.

Приписка сверху на страницах 3 и 2: На днях снова выиграл по займу, разреши прислать. Хорошо? Не достанет ли Лена брошюры Мясникова о болезнях печени⁵, это по её специальности? Мясников в Новосибирске — школа Ланга⁶.

Домашний архив Д.Д. Донского. Подлинник. Рукопись.

Комментарии

¹ *der Schlus* (?ем.) — конец, окончание, завершение ("Ну, и хватит об этом!").

² Карпинский Вячеслав Алексеевич (1880 — 1965) — деятель российского революционного движения, член ВЦИК, публицист, доктор экономических наук, Герой Социалистического Труда. Автор трудов по истории КПСС и СССР.

³ Неразборчиво написанная фамилия владельца дома. Возможно также "Андриановского" или "Андрияновского". Некто Андрианов (Андриянов) — "представитель Нарымского сельсовета" — указан в "Товарищеском письме секретарю Томского губкома т. Калашникову" от 7 марта 1925 г. (см. в публикуемых архивных документах). В ту пору Н.М. Донская проживала в Парабели, наверняка его знала, и поэтому Дмитрий Дмитриевич знакомый для неё дом мог выбрать в качестве ориентира.

⁴ Нередко так называют микробактерии туберкулёза, открытые в 1882 г. Р. Кохом.

⁵ Мясников А.Л. Болезни печени и желчных путей. Л.;М., 1934.

⁶ Ланг Георгий Фёдорович (1875 — 1948) — академик АМН (с 1945 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1934 г.), лауреат Государственной премии (1951 г.), награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, многими медалями. Председатель Всесоюзного общества терапевтов (с 1943 г.), один из основателей и редакторов журнала "Терапевтический архив", редактор выпускаемого Д.Д. Донским в Парабель журнала "Клиническая медицина" (с 1939 г.). Заведующий факультетской терапевтической клиникой 1-го Ленинградского медицинского института. Создатель крупной школы советских терапевтов, из которой вышли более 20 профессоров, руководителей клиник и лабораторий, в том числе и упомянутый в письме А.Л. Мясников.

Дорогая Надя, с наступлением навигации
 наши связи не ухудшились, а как на обрат.
 но резко ухудшились. Замыслил как кешей
 Митюха и обе тани, нет в связи от тебя,
 маму и з. и все это вообще молчаливо как
 до взаимно наступило и иттинает выходя
 моя тревога. В чем дело? Митюха писал,
 что в начале июня собирается в горы, про-
 акцировал направишь одну (старшую), а
 младшую бить и обеих тани Колеше, порою
 в мании менее возможности и своего
 приезда за женой на тату Дня - и все
 сбывалось. Я послал две телеграм-
 мы и не получил ответа. Но правде
 говоря, но это между нами, я рад, что
 тани не потала кочка в море. Свой
 ужасная погода, холодна, сыро, ветра
 и огромный разлив. В связи с этим
 небывалое количество лошадей, кочка-
 ра и просян "гуса". Прямая кочка вой-
 ги на чиную без сетки, ну а в связи это
 за целена? Авгур на пелу, а Дара фра-
 ва еще не выросла. и люди не по-
 селись село. 12 лет живу я здесь
 (уже 12!), а так вот не помню.
 Но это не тавила прилива, почему

Надежде Михайловне Донской - жене

28.VII. 1936.

Дорогая Надя. С наступлением навигации наши связи не улучшились, а, как ни странно, резко ухудшились. Замолчал, как немой, Митька и обе Тани, нет вестей от тебя, молчу и я. И всё это общее молчание как-то внезапно наступило и начинает внушать мне тревогу. В чём дело? Митька писал, что в конце июня собирается в горы, проектировал направить одну (старшую), а может быть и обеих Тань, ко мне, потом поманил меня возможностью и своего приезда за женой на пару дней — и всё оборвалось. Я посылал две телеграммы и не получил ответа.

По правде говоря, но это между нами, я рад, что Таня не попала ко мне в июне. Стоит ужасная погода: холодно, сыро, ветры и огромный разлив. В связи с этим — небывалое количество мошки, комара и прочего "гнуса". Прямо нельзя выйти на улицу без сетки, ну а в сетке что за жизнь? Август на носу, а даже трава ещё не выросла, и люди не косят сено. 12 лет живу я здесь (уже 12!), а такого не помню.

Но это не главная причина, почему я радуюсь отчасти несостоявшемуся приезду Тани. У меня в начале июня случилось большое несчастье. Один больной после операции по поводу аппендицита умер от осложнения заворотом кишок. Причину и до сих пор, несмотря на следствие, вскрытие и проч[ее], я не могу себе уяснить полностью. Но это событие основательно меня потрясло и подсекло. Не могу до сих пор прийти в равновесие и найти своё бывшее хорошее настроение и спокойствие. Первые дни после этой ужасной смерти со мной было тоже совсем плохо, и преследовало желание ликвидироваться без шума.

Ты прости, что я пишу тебе об этом, но я хочу тебе объяснить причину моего упорного молчания с начала навигации, которая у нас открылась в этом году тоже необычайно поздно — в конце мая. Но жизнь идёт своим чередом, и нужно дальше работать.

Сейчас сижу на пароходе, еду в Чигару, там вспышка дизентерии и новой для нас болезни — туляремии. Последняя дала в нашем районе до 3-х тысяч заболеваний и совершенно сбила нас с ног. Вдобавок Эмма Моисеевна совсем уехала в мае, и этот тяжёлый месяц [я] бился один. Средний персонал расхлябался: кто болеет, кто в отпуске, кто просто бузит и работать не хочет.

И жизнь моя, и работа — одно, что у меня осталось, — меня сейчас не устраивают. Упорно и настойчиво возникает желание

куда-нибудь перебраться из Парабели. Двенадцать лет, как будто бы, вполне достаточный стаж для Нарымского края.

Если что знаешь о Мите и его местожительстве, о Танях — общи безотлагательно, у меня как-то беспокойно за него на сердце. Быть может, его приняли в Красную Армию, он писал о такой возможности в последнем письме. Это было бы неплохо и для него, и для дела. Парень он толковый, способный, и в армии, конечно, он будет использован по своей специальности с большой пользой. И ему хорошо будет, так как его научная работа получит общирный и совсем новый материал в совершенно особой обстановке. Он беспокоился за Татьяну, что ей материально будет трудно без него существовать и воспитывать дочку. Думаю — страх напрасный. Поможет немного её мать, помогу, конечно, и я, сколько смогу. Так что пусть об этом не волнуется.

Как живёшь ты? Какие проекты и планы? Опять осенью к Саше на Кавказ или куда в другое место? Пиши скорее, где вы все и что с вами.

Обнимаю крепко и часто. В эти тяжёлые недели думаю о тебе и Митьке.

Твой Д. Д. *(ропись)*.

Домашний архив Д.Д. Донского. Подлинник. Рукопись.

Предсмертные письма

Сыну

Мой милый и любимый Митя.

Прости. Не мог иначе. Устал. А жаль, что не могу выполнить просьбу Тани "Подождите умирать".

Строго желаю вам всем счастья.

Подготовь осторожно маму. Поцелуй её от меня. Она очень хорошая.

Весь твой в твоей по жизни

отец.

22. IX. 1936 г. 12 ч[асов] дня.

Персоналу Параб[ельской] б[ольни]цы, кроме Никольской

Прощайте, друзья. Крепко вас всех целую — кого крепче, кого пометче. Благодарю за помощь в работе и личное отношение.

Берегите больницу.

Не разбегайтесь.

22. IX. 1936 г. Ваш друг Д.Д.

Берегите Тасю.

Окрздраву Киселёву Н.Н.

Прошу не трудиться вскрывать меня — впрыснул себе под кожу морфий. Извините за некоторое беспокойство. Поберегите больницу от развала.

22. IX. 1936 г.

Врач (ропись) Д. Донской.

Окрздраву Киселёву Н.Н.

Прошу не трудиться вскрывать меня
впрыснул себе под кожу морфий
Извините за некоторое беспокойство.
Поберегите больницу от развала.

22/IX/36

Д. Донской

Предсмертное письмо Д.Д. Донского заведующему Нарымским окружным отделом здравоохранения Н.Н. Киселёву.

В Парабельский народный суд

22. IX. 1936 г.

12 лет тому назад я приехал в Парабель с твёрдым намерением работать, не покладая рук, и своей работой искупить хоть отчасти то, что при моём участии было сделано против революции. Я тешил себя надеждой, что работой своей и тем, что я создал на пустом месте, я приобрету доверие и партии, и правительства и смою с себя позорное клеймо контрреволюционера. Оказалось, это не так. Когда на чашку весов легла моя работа и злостная болтовня Никольской, спасающей свою шкуру, то вера была ей. Я думал отчаянно бороться, сопротивляться, я бросился от Яскеровича¹ к Артюху², от Артюха к Киселёву³ — и везде встречал насмешку, недоверие, иронию, иногда издевательства... Моё обращение в край, где меня, как будто, знают и ценят, оказалось неудачным: в крайздраве все видные работники уехали.

Кольцо всё суживается, тупик безысходный. Три месяца я живу в этом тяжёлом состоянии, переутомлённый предыдущей непосильной работой. Нет сил убедиться, что мне не верят публично и, главное, нет никакой надежды когда-нибудь и где-нибудь добиться этого.

Я дожил до ясных дней победы социализма, мы стоим накануне полной победы социалистической демократии. Дело, за которое, ошибочно иногда, я боролся всю свою сознательную жизнь с 16-летнего возраста, победило. С этим утешением и мыслью, что и моего мёду есть в этом. я уйду.

В делах Мухачёва я не виновен, прочтите внимательно и с доверием (а мне сейчас не страшно поверить даже самому бесстрашному человеку) мои объяснения, и вы поймёте, что перевязочный материал, который за моей спиной безобразно стерилизован, с одной стороны, и натужение ущемлением...сопротивляемость организма М[ухачёва], с другой, явились причиной катастрофы. "Халатность" — не то слово, "несчастье" надо сказать.

Теперь несколько формальных распоряжений.

1). Всю библиотеку, инструментарий, микроскоп и проч[ее] медицинское имущество передаю больнице, которую умоляю безречь от развала.

2). Остальным имуществом, как денежным, так и вещевым, распоряжается моя жена Т.Е. Иванова.

3). Если она тоже погибнет вслед за мной, опечатайте и дайте знать моей первой жене: Ленинград, Васильевский остров, 8 Линия, 21, кв. 20. Надежде Михайловне Донской. Может, она приедет лик-

видировать то, что останется. Не удивляйтесь обилию вещей, я с собой привёз 20 пудов багажа, да потом ещё много привозили и присылали, а жил я скромно. Да, ещё остался жеребёнок (гнедой) и белая лодка — оба мои, включите их в инвентарь больницы.

4). И самое важное — поберегите мою жену Тасю, она наравне со мной создавала эту полную чашу, которой гордитесь Вы. Есть у меня ещё приёмная дочь Колотовкина (дочь коммуниста из Нарыма). Её вотчим, как я узнал на днях, Непомнящий куда-то отдавал её пенсию с тех пор, как я взял её. Опеки⁴ Костарев Иван Кудинович должен был получать эту пенсию и класть её на книжку до её совершеннолетия, но ничего этого не делается, и бедная девчонка вновь сиротеет и остаётся без средств.

Ну, кажется, всё. Ради курьёза: быть может, вам удастся расследовать, кто украл из больницы всю арматуру автоклава и так лишил меня возможности доказать, что наш автоклав был негоден к употреблению, почему можно считать, что автоклава в больнице нет.

Давно не контрреволюционер. Врач (ропись) Д. Донской.

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Рукопись.

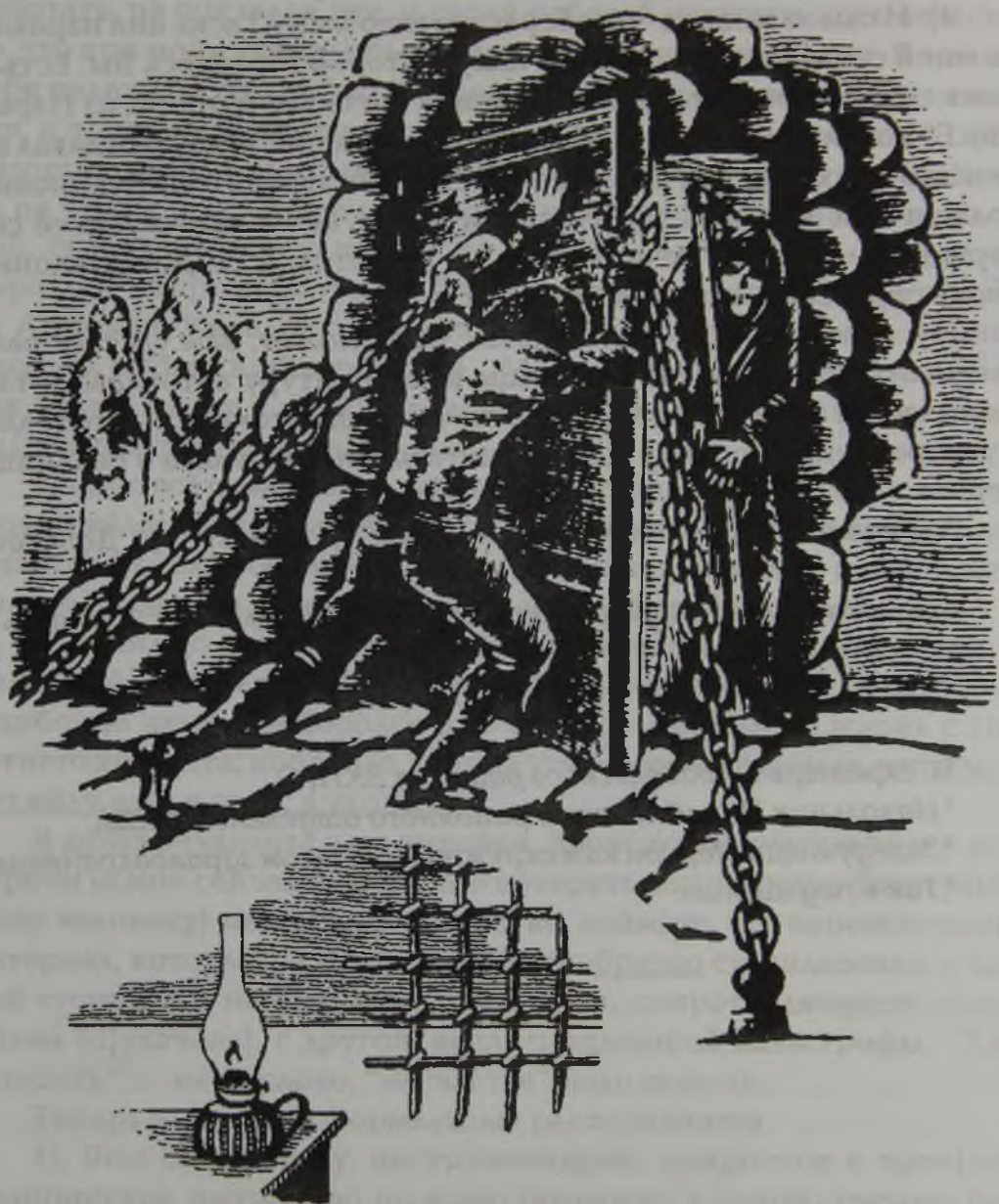
Комментарии

¹ Секретарь Парабельского райкома ВКП(б).

² Начальник Парабельского районного отделения НКВД.

³ Заведующий Нарымским окружным отделом здравоохранения.

⁴ Так в подлиннике

Рассказ языком архивов

Пропуск в пределах тюрьмы

Действителен по 1 ноября 1919 г.

Дан сей заключённому врачу Д.Д. Донскому на право выхода из камеры и свободного прохода по всем коридорам тюрьмы и в приёмный покой, что подписью и приложением печати удостоверяется.

29 сентября 1919 г.

Печать: Российск. Социалистическая Федеративн. Советская Республика. Московская Бутырская тюрьма.

Комендант тюрьмы   Подпись   (Д.И. Иванов)

Домашний архив Д.Д. Донского. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Яковлев Я.А.

РАССКАЗ ВАРЬКОМ ВРАЧЕВ

Дорогая Вера Николаевна,

Прикованные к скамье подсудимых, защищая те же самые идеалы, за которые Вы боролись всю жизнь, мы шлем Вам наши самые горячие приветия. Ваш образ вдохновлял наши первые шаги на революционном поприще в дни юности, Ваш пример стоит перед нами в эти моменты нашей, может быть, последней схватки с противником. Нам не трудно вытолкнуть наш долг социалистов и революционеров, ибо Вами и Вашими соратниками давно уже указано, как должно его выполнять.

Э. Тиммаев. А. Оу. Д. Рамоз

5-VII 22.
Революцион.
Трибунал

Е. Рамоз, С. Донсков, М. Тиммаев

И. Керимов, Р. Редаров, М. Лука

М. Козлов, В. Агаев, Т. Горюнов-Сорокин

Невртанов, С. Корнев, И. Мухоморов

М. Шибанов, М. Мухоморов, С. Козлов

А. Шибанов

Письмо В.Н. Фигнер¹

Дорогая Вера Николаевна,

Прикованные к скамье подсудимых, защищая те же самые идеалы, за которые Вы боролись всю жизнь, мы шлём Вам наши самые горячие приветы. Ваш образ вдохновлял наши первые шаги на революционном поприще в дни юности, Ваш пример стоит перед нами в эти моменты нашей, может быть, последней схватки с противником. Нам не трудно выполнить наш долг социалистов и революционеров, ибо Вами и Вашими соратниками давно уже указано, как должно его выполнять.

(Подписи)

Е. Тимофеев. А. Гоц. Д. Раков.

Е. Ратнер. Д. Донской. М. Гендельман.

Л. Герштейн. Ф. Фегорович. М. Лихач.

М. Веденяпин. В. Агапов. Г. Горьков-Добролюбов.

Н. Артемьев. С. Морозов. Н. Иванов. А. Либеров.

А. Альтовский. М.Н. Львов. В. Утгоф. П. Злобин.

5. VII. 22 г.

Революционный Трибунал.

Печ. по факсимиле: Леонтьев.Я. Заложники революции // Общая газета. № 37. 18-24 сентября 1997 г.

Комментарий

¹ Фигнер Вера Николаевна (1852 – 1942). Родилась в дворянской семье в Казанской губернии. В 1863 – 1869 гг. училась в так называемом Родионовском институте в Казани (по другим данным, в 1871 г. – в Казанском университете), в 1872 – 1875 гг. – на медицинском факультете Цюрихского университета, в Берлинском университете. В 1873 г. вступила в кружок русских студенток, который позднее составил ядро "Всероссийской социально-революционной организации". В 1875 г. по вызову товарищей по движению вернулась в Россию. В 1876 г. сдала экзамен на звание фельдшера и вступила в саратовскую группу народников-"сепаратистов", примыкавшую к "Земле и воле". В том же году участвовала в Казанской демонстрации в Петербурге. В 1877 – 1879 гг., работая фельдшером, вела пропаганду в деревнях Самарской и Саратовской губерний. После раскола "Земли и воли" в 1879 г. – член исполнительного комитета "Народной воли". Вела революционную пропаганду среди интеллигенции, учащейся молодёжи и офицеров в столице, на юге России. Принимала участие в создании и деятельности военной организации "Народной воли", в подго-

товке покушений на Александра II в 1880 г. в Одессе и в 1881 г. в Петербурге, организовала теракт на военного прокурора в Одессе. С 1882 г., оставшись после разгрома полицией "Народной воли" единственным членом исполкома в России, пыталась восстановить организацию. Была выдана, арестована в Харькове 10 февраля 1883 г. и заключена в Петропавловскую крепость. На "Процессе 14-ти" в 1884 г. приговорена к смертной казни, заменённой бессрочной каторгой. В течение 20 лет отбывала одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости. В 1904 г. сослана в Архангельскую, затем в Казанскую губернии, Нижний Новгород. В 1906 г. выехала за границу, где короткое время состояла в Партии социалистов-революционеров. В 1915 г. при возвращении в Россию была арестована и выслана в Нижний Новгород. После свержения самодержавия — председатель комитета "Общество помощи освобождённым политическим", один из лидеров движения за политические права женщин. В мае вошла в исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов, от которого была выбрана членом Временного совета Российской республики (Предпарламента) и кандидатом в члены Учредительного собрания. Октябрьский переворот 1917 г. не приняла: отошла от политической деятельности и занималась литературным трудом, отдавая большую часть гонораров в помощь школам, музеям и т.п. Обращение обвиняемых с коллективным письмом именно к В.Н. Фигнер далеко не случайно — "героическое прошлое революционерки, непоколебимая принципиальность и честность создали Фигнер огромный моральный авторитет" (Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15. Стб. 72-73).

Постановление Президиума ВЦИК

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

1. Приговор Верховного Трибунала в отношении к подсудимым: Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельман-Грабовскому, Лихачу, Н. Иванову, Е. Ратнер-Элькинд, Тимофееву, Морозову, Агапову, Алтовскому и Е. Ивановой-Ирановой, приговорённым к высшей мере наказания, утвердить, но исполнение приостановить.

Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщицкую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право её продолжить.

Наоборот: применение партией социалистов-революционеров методов вооружённой борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно приведёт к расстрелу осуждённых вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа....

Известия ВЦИК. 8 августа 1922 г.

Печ. по.: Красильников С.А. Евгений Тимофеев и Макс Гельц: несостоявшийся обмен политзаключёнными в 20-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1994. № 2. С.66.

Из служебной записки 3-го отделения секретного отдела ОГПУ руководству с предложением об изменении мер наказания для осуждённых по процессу членов партии эсеров

[Не позднее 10 января 1924 г.]

В августе 22 г. Верховным Трибуналом по процессу ЦК ПСР были приговорены к высшей мере наказания 9 членов ЦК ПСР, а именно: ГОЦ А.Р., ТИМОФЕЕВ Е.М., ГЕНДЕЛЬМАН М.Я., ЛИХАЧ М.А., РАТНЕР Е.М., ДОНСКОЙ Д.Д., ИВАНОВ Н.Н., ГЕРШТЕЙН Л.Я., МОРОЗОВ С.В.

Кроме того, были приговорены к высшей мере наказания за участие в террористической работе и в участии в покушении на тов. ЛЕНИНА член боевой организации ЦК ПСР ИВАНОВА Е.Н. и за участие в военной работе ПСР в 1918 г. АЛЬТОВСКИЙ А.И. и АГАПОВ В.В.

Члены ЦК ПСР ВЕДЕНЯПИН М.А., РАКОВ Д.Ф., ФЕДОРОВИЧ Ф.Ф. и АРТЕМЬЕВ Н.И. были осуждены на 10 лет, а также и член МК ПСР ЛИБЕРОВ А.В.

Члены ПСР ЛЬВОВ М.Н., БЕРГ Е.С. и УТГОФ В.Л. были осуждены на 5 лет.

Приговор Верхсуда в отношении присуждённых к высшей мере наказания постановлением ВЦИК был изменён, и они были объявлены бессрочными заложниками на случай вооружённых и террористических выступлений партии с.р. против Сов. власти.

Неопределённость положения объявленных заложниками, не видящих конца своего содержания в тюрьме и не имеющих надежды когда бы то ни было окончить свой срок, создала у осуждённых крайне повышенную нервозность, ведущую к тяжёлым конфликтам. Так, например, в декабре 23 г. покончил жизнь самоубийством член ЦК ПСР МОРОЗОВ, указав как на главный мотив то, что он не может более переносить бессрочное тюремное заключение. Среди осуждённых создались такие настроения, что можно ожидать, что примеру Морозова последуют ещё несколько человек.

Большое, конечно, влияние на повышенную нервозность осуждённых имеет и то обстоятельство, что почти все они слишком большую часть своей жизни провели в тюремных условиях; большинство из них отбывали много лет заключения при самодержавии, кроме того, почти все из них и при Советской власти уже отбывали по 3-4 года предварительного тюремного заключения...

В 22 году имело смысл объявить заложниками членов ЦК ПСР для предотвращения активных выступлений партии с.-р. против Соввласти. В настоящее время, когда партия с.-р. совершенно разложилась, когда она в СССР фактически не существует, говорить о таких опасениях не приходится и отпадает самый смысл заложничества. В то же время повторение длительных голодовок и самоубийств осужденных создаёт почву для демагогической антисоветской агитации, главным образом за границей.

На основании вышеизложенного СО ОГПУ полагает целесообразным смягчить приговор по делу ЦК ПСР, а именно: присуждённым членам ЦК ПСР к высшей мере наказания и объявленным бессрочными заложниками ГОЦУ, ТИМОФЕЕВУ, ДОНСКОМУ, ЛИХАЧУ, ГИНДЕЛЬМАНУ¹, ГЕРШТЕЙНУ, РАТНЕР, ИВАНОВУ..., а также боевичке ИВАНОВОЙ заменить бессрочное заложничество 10-летним тюремным заключением. Уменьшение по отношению этим лицам тюремного заключения на срок ниже 10 лет является нецелесообразным, т. к. они являются крупными политическими фигурами и с.-р. убеждений и активности не потеряли и до настоящего времени. Кроме того, они уже отсидели по 3-4 года, которые в этот 10-летний срок зачитываются...

Пом. нач. 3 отг. СО ОГПУ

Подпись

"...." января 1924 г.

Российский центр хранения и использования документов новейшей истории. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 137-139. Подлинник. Машинопись.

Печ. по.: Красильников С.А. Евгений Тимофеев и Макс Гельц: несостоявшийся обмен политзаключёнными в 20-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1994. № 2. С.63-64.

Комментарий

¹ *Правильное написание — ГЕНДЕЛЬМАН*

Опрос членов Политбюро ЦК ВКП(б)

[3-4 июля 1924 г.]

... Верховный Суд запрашивает директив по вопросу об освобождении Донского. Если принять в расчёт его первый арест, то срок сидения истёк 30 июня с.г.; если второй, то срок истечёт через 1? года. Донской объявил голодовку, настаивая на освобождении за истечением срока. ГПУ считает возможным освободить как политически не опасного, понятно, с высылкой в отдалённые местности.

Сталин - за освобождение с высылкой

Калинин — " — — " —

Молотов — " — — " —

Рыков — " — — " —

Зиновьев - да

Рудзутак - да

Троцкий - не возражает

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 57. Подлинник. Машинопись, рукопись.

Выявление: Красильников С.А.

**Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК
от 4 июля 1924 г.**

№ П8/а

Строго секретно.
Подлежит возврату.
4 июля 1924 г.

т.т. Стучка и Ягоде

Слушали опросом:

а) Запрос тов. СОЛЬЦА

Постановили:

Согласиться с предложением ОГПУ об освобождении ДОНС-КОГО с высылкой в отдалённые местности.

Секретарь ЦК

Подпись

И. Сталин

Печать ЦК РКП(б)

Рукописная помета "Ягода 7/VII" с неясным автографом.

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 44. Бланк ЦК ВКП(б). Подлинник. Машинопись.

Выявление: Красильников С.А.

Выписка
из протокола №... заседания Президиума Верховного
Суда РСФСР от 4 июля 1924 г.

Слушали:

...21. Другие вопросы:

...б). Представление пом[ощника] Прокурора Республики о разъяснении порядка зачёта срока предварительного заключения осуждённому по делу ПСР гр-ну Донскому (доклад т. КАТАНЬЯНА).

Постановили:

...б). Признать толкование Прокурором ст. 31 УК о зачёте срока предварительного заключения неправильным и разъяснить, что, согласно 31 ст. УК, осуждённому Донскому надлежит зачесть в срок назначенного ему наказания и время, проведённое им в предварительном заключении по первому аресту (в 1919 г.).

(Принято единогласно).

Выписка верна.

Секретарь президиума

Погпись

Печать Верховного Суда РСФСР

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 56. Бланк Верховного Суда РСФСР. Машинпись.

Выявление: **Красильников С.А.**

Ответ
Председателя Верховного Суда РСФСР на решение
Политбюро ЦК от 4 июля 1924 г.

Угловой штамп:

РСФСР

Верховный Суд республики

8/VII-1924 г.

№ 256/с

Совершенно секретно

В ЦК РКП

В ответ на № П8/а

Возвращаю выписку из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК от 4 июля вместе с постановлением Президиума Верховсуда от 4 сего июля, сообщаю, что постановление Президиума передано 5/VII для исполнения тов. Катаньяну.

Председатель Верховсуда РСФСР Подпись (П. Стучка)

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 55. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Красильников С.А.

Предписание

уполномоченному Томского губернского отдела ОГПУ

Угловой штамп:

РСФСР. НКВД.

Государственное политическое управление.

Томский губернский отдел.

29. VIII. 1924 г. № 7774/с.

Совершенно секретно.

Только лично.

Члену ЦК ПСР ДОНСКОМУ Дмитрию Дмитриевичу, осуждённому по процессу эсэров в 1922 году, срок тюремного заключения окончился.

У ДОНСКОГО, как и у всех освобождаемых из тюрьмы цекистов, сильное желание бежать, перейти на нелегальное положение и уехать за границу.

Осуществление таких настроений ни в коем случае недопустимо, т.к. это влечёт за собой массу неприятностей и скандалов за границей, которые ликвидировать не будет никакой возможности.

Поэтому Ваша задача заключается в следующем:

1. Поселить ДОНСКОГО (с ним добровольно едет и жена — Надежда Михайловна ДОНСКАЯ) в такой пункт Нарыма, побег из которого невозможен или крайне затруднён.

2. Где имеются кое-какие возможности освещать поведение и всякие действия ДОНСКОГО путём внутреннего осведомления, удобнее и лучше вести наружное наблюдение и вообще, где без особых затруднений возможно непрерывно ДОНСКОГО держать в поле нашего зрения и поэтому предупредить попытки к побегу.

3. Где имеются возможности тщательно и непрерывно перлюстрировать входящую или исходящую его корреспонденцию.

Кроме того, не меньше внимания нужно обратить на жену. Она едет, не желая покинуть мужа, и на неё не распространяются постановления Особой комиссии при Коллегии ОГПУ.

Перед тем, как решиться на поездку в Нарым, она сильно волновалась и долго не могла разрешить вопрос ни положительно, ни отрицательно. Это свидетельствует, что она согласилась жить с мужем в ссылке не весь установленный срок и будет способствовать всеми мерами организации побега.

Достаточно роскошная и беззаботная жизнь в Москве сейчас резко изменяется в худшую сторону, и поэтому у нас мало шансов на то, что она согласится сидеть с мужем 3 года в Нарымском крае.

Совершенно ясно, что не менее тщательное наблюдение нужно иметь и за женою. При отъездах в Москву или вообще из Нарыма организуйте за ней соответствующее своему назначению наружное наблюдение и по дороге тщательно обыскивайте с расчётом обнаружить компрометирующие материалы, на основании коих её ссылку в Нарым можно бы было узаконить:

Пункт поселения обоих Донских избрать Парабель, куда сейчас же выделить гласного сотрудника с постоянной резиденцией в Парабели. ДОНСКОГО использовать на службе в Парабельской больнице, где поставить за ним наблюдение.

О ходе работы регулярно информируйте два раза в месяц г[убернский] о[тдел] ОГПУ.

Нач. Том[ского] г[убернского]
о[тдела] ОГПУ

(Подпись) Филатов

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Удостоверение

Угловой штамп:

РСФСР. НКВД.

Государственное политическое управление.

Уполномоченный Томского

губернского отдела по Нарымскому району.

9. IX. 1924 г. № 1372.

Дано сие адм.-ссылному Донскому Дм. Дм. в том, что он с сего числа будет проживать в Парабели с обязательной явкой к н[ачальни]ку милиции 3-го р[айо]на еженедельно ТРИ раза, что подписании и приложением печати удостоверяется.

КОММЕНТАРИЙ: Все командировки, отпуска и самовольные выезды из указанного в сем удостоверении места-жительства без ведома отделения ОГПУ НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ.

Действительно на ОДИН месяц со дня выдачи.

Уполномоченный

Уполномоченный по н/п

(Подпись)

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись, рукопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Протокол № 11 заседания членов Парабельского райисполкома

17 сентября 1924 г.

§ 1

Слушали:

О создании комиссии по приёмке и сдаче больницы от врача Кузьминского¹ врачу Донскому.

Постановили:

Ввиду того, что в РИКе в настоящее время остаётся только пред-РИК, члены находятся в командировке, а посему командировать от РИКа в комиссию... гр. Бажанова, от ячейки гр. Пичугина и от м/к гр. Пинтусова...

ПредРИКа	Подпись	(Ронис)
Член РИКа	Подпись	(Яковлев)
Секретарь ячейки РКП(б)	Подпись	(Трифонов)
Представ. от кооперации	Подпись	(Пичугин)
Секретарь	Подпись	(Большанин)

Государственный архив Томской области. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 225. Л. 44. Подлинник. Рукопись.

Выявление: Бондаренко А.А.

Комментарий

¹ Об А.К. Кузьминском см. комментарий к "Воспоминаниям" Н.М. Донской

Товарищеское письмо секретарю Томского губкома т. Калашникову

...4. На обратном пути знакомился с Донским, членом эсеровского ЦК, работающего в Парабели доктором. Работа его как доктора — "да". Но попутно ведётся пропаганда среди пациентов, а приём у него в среднем на день 70 человек. Авторитет его среди пациентов растёт, а также попутно разлагаются наши члены. Пред ними ставятся такие вопросы — дискуссия раскола РКП, и партия разваливается, Ленин помер, Троцкий вышел из партии. Мною подмечено, что члены партии поднимают авторитет Донского, не отдавая [себе] отчёта. Я оставил в Парабели ряд докладов — что такое меньшевики и эсеры и как мы должны по отношению их держаться. И, когда после этого встретился с Донским, он мне говорит — хорошо вы ругаете своих классовых врагов и вообще, говорит, ругаться вы мастера. Я говорю, что я ругаться и не думал, а отдал должную дань нашим классовым врагам.

Интересно: эсеры начинают дружить с уголовными ссыльными, обрабатывают их — собираются на нелегальные собрания, куда приглашают уголовных...

Секретарь Укома РКП   Подпись   (Рябов)

24 ноября 1924 г.

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 179 (об.). Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 209.

Протокол № 7
совещания секретарей райкомов Нарымского уезда
от 2 января 1925 года

... Слушали:

Информационный доклад т. Рябова о тактике и взаимоотношениях местных работников и ссыльных. По докладу выступает ряд товарищей, и тов. Бахарев¹ в своём выступлении отметил, что Донской имеет переписку с Семашко и [что] последний послал ему 1 пуд хины. Завуздравотделом Глазырин особенно в губернии расхваливал Донского и Зинченко.

...Постановили:

Доклад принять к сведению.

Секретарь

(Рябов)

С подлинным верно

Зав. об[щ]им отделом

Подпись

(Нечаев)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 192. Л. 41. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 210.

Комментарий

¹ Уполномоченный ГСПС.

Переводное требование № 89

Управление уполнаркомздрава по Сибири.

Смета Наркомздрава 1924/25 года.

Бюджет РСФСР.

6 января 1925 г.

Управление просит Н[ово]-Николаевский губфинотдел в счёт состоящих в распоряжении Управления уполнаркомздрава по Сибири кредитов в Ново-Николаевском губфинотделе перевести

Нарымскому уфинотделу

Двести пятьдесят (250) руб. – коп.

в распоряжение заведующего Парабельской больницы.

Смета Наркомздрава 1924/25 года.

§ 15. Ст. на борьбу с эпидемиями.

Уполнаркомздрава по Сибири   Подпись   (Кульвановский)

Завед. сметно-авансовым

отделом

Подпись   (Свинухов)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 60. Подлинник. Машинопись, рукопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 210.

Товарищеское письмо секретарю Томского губкома т. Калашникову

Секретно

Исх. № 1.

[неясно]/I – 25 г.

Вх. № 289/С.

10/II – 25 г.

...5. Т. Калашников, с увеличением ссыльных начинает расти и их активность, и, что печальнее всего, их усилие направляется на разложение наших партийных и комсомольских товарищей и срыв нашей совместной работы. В отношении разложения партийных и комсомольских товарищей у нас есть успех. Ведётся эсеро-меньшевицкая работа в Парабели, часть[ю] и в Колпашево, но главным центром [является] Парабель с Донским, там сейчас штаб. Губкому придётся поставить вопрос перед ЦК о снятии Донского и других ссыльных врачей с работы, иначе им представляется широкое поле деятельности работы среди крестьянства, что показали последние декабрьские беспартийные конференции, где крестьяне выступали с эсеровскими предложениями организованно. Чтобы парализовать их, необходимо прекратить эсеровскую работу, снять ссыльных врачей. Если этого не сделают, то Нарымские волкомы¹ нужно усилить не менее трёх сильных партработников, дабы они могли противопоставить свою работу эсеровской и меньшевицкой работе. Иначе может повториться нарымский Ишим², а один секретарь на нарымскую территорию с имеющейся ссылкой – [это] недостаточно...

Секретарь Нарымского Укома РКП   Подпись   (Рябов)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 5. Д. 84. Л. 18. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 209.

Комментарии

¹ Волостные комитеты РКП(б).

² Имеется в виду массовое крестьянское антибольшевицкое восстание 1921 г., проходившее под эсеровскими лозунгами и руководимое Сибирским областным комитетом эсеров и Сибирским крестьянским союзом.

Протокол № 1
закрытого заседания бюро Нарымского
уездного комитета РКП(б) от 4 февраля 1925 г.

Слушали:

О состоянии УЗДРАВА, Колпашевской больницы и здравоохранении в крае (докл. тов. Силин).

Докладчик указывает на катастрофическое состояние лечебного дела в крае...

Ввиду болезненного состояния зав[едующего] УЗДРАВА мед. пункты находятся непосредственно под руководством ссыльных врачей, в частности, необходимо подчеркнуть положение центральной Колпашевской больницы, в которой имеется 2 врача — оба из ссыльных. Последние, пользуясь своим положением, ведут антисоветскую работу; та больница превратилась в пункт для обслуживания лишь ссыльного элемента; что касается рабочих, крестьян и служащих, то таковые надлежащей медицинской помощи не получают. Точно такое же положение и в других больницах: в Подгорненской зав. больницей Зинченко — ссыльный, в Парабельской [больнице] Донской — тоже ссыльный. Как тот, так и другой, пользуясь своим положением — как врачи, — ведут антисоветскую работу среди крестьян. Ссыльный врач, член ЦК эсеров Донской ведёт непосредственную связь с наркомздравом тов. Семашко и получает от него непосредственно денежную сумму и медикаменты для подведомственной ему больницы, что способствует ему активно выступать и дискредитировать местную ВЛАСТЬ перед населением края. В частности последнего, получение им из центра 250 руб. денег и 2 кг хины дало ему возможность лишней раз дискредитировать в бездействии уездный и губернский центр. Такое же положение — непосредственная связь ссыльного врача Донского с центром — служит поводом сближения его с крестьянством и популяризации среди местного населения в противовес местной власти.

Докладывая о вышеизложенном, считаю необходимым принять решительные меры со стороны укома [по] предотвращению данного положения, в противном случае работа партии и соввласти становится совершенно излишней.

Постановили:

1. Поручить тов. Нечаеву о вышеизложенном сделать доклад в губкоме РКП...

3. Просить ГУБКОМ РКП довести до сведения ЦК РКП о недопустимости непосредственной материальной помощи наркомздрава СЕМАШКО Парабельской больнице, которую возглавляет ссыльный Донской; последний, основываясь на эту помощь, провоцирует уездный и губернский ЦЕНТР.

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 10; Ф. 6. Оп. 1. Д. 264. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

Выявление: **Яковлев Я.А.**

Протокол № 6/7
закрытого заседания бюро Томского губернского
комитета РКП(б) от 12 февраля 1925 г.

... Слушали:

§ 1. О работе Уздрава в Нарыме (д[окл.] т. Калашников¹).

Положение Уздрава в Нарыме катастрофическое. Больницы обслуживаются ссыльными врачами, которые ведут антисоветскую агитацию.

Парабельской больницей заведует ДОНСКОЙ — член ЦК эсеров, который ведёт непосредственную связь с т. СЕМАШКО и получает от него денежные суммы и медикаменты [для] больницы. Это способствует его активному выступлению и дискредитирует местную власть.

Постановили:

§ 1. Написать письмо в ЦК РКП о недопустимости непосредственной связи со стороны Наркомздрава с зав. Парабельской больницей (эсером Донским), что подрывает авторитет местной организации и органов власти.

Секретарь Томского губкома РКП(б) Подпись (Денис)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155. Л. 26, 27. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 210-211.

Комментарий

¹ *В. Калашников — секретарь Томского губкома РКП(б).*

Письмо

Томского губернского комитета ВКП(б)

Совершенно секретно.

ЦК РКП(б). Копия — СИБКРАЙКОМ.

*Угловой штамп:**Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).**Томский губернский комитет.**2/III — 25 г.**№ 205/С**Вх. 299/С 4/III-25 г.*

Нарымским укомом РКП был обсуждён вопрос о дальнейшем оставлении на службе адм[инистративно] ссыльных врачей - в особенности врача ДОНСКОГО (бывш. члена ЦК эсеров), работающего в Парабели в качестве заведующего участковой больницей. Среди местного населения широко распространены слухи, что только благодаря активности д-ра ДОНСКОГО, его непосредственной связи и влиянию в Центре Парабельская больница обеспечивается медимуществом, лекарством, при полном бездействии местных сов[етских] и парторганов. Такое настроение подкрепляется непосредственным письменным сообщением НКЗ¹ на имя зав[едующего] Парабельск[ой] больницей, ставящим его в известность, что Томскому губздраву и упол[номоченному] НКЗ по Сибири дано распоряжение о выделении средств на нужды Парабельской больницы. Бюро губкома РКП, обсудив этот вопрос на заседании от 12/II-25 г. прот[окол] № 6/7, СЧИТАЕТ: 1). Непосредственное сношение Наркоматов с адм[инистративно] ссыльными (используемых нами по специальности по особым условиям Нарымского края) совершенно недопустимым, как подрывающим авторитет местных парт[ийных] и сов[етских] органов. Губком РКП, доведя об этом до сведения ЦК, просит принять соответствующие меры.

Секретарь Том[ского] губкома   Подпись   (В. Калашников)

Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 103.
Л. 14. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 211.

Комментарий

¹ Имеется в виду народный комиссар здравоохранения РСФСР **Н.А. Семашко.**

Выписка
из протокола фракции № 9 заседания фракции
при Нарымском уездном исполнительном комитете от
26 февраля 1925 г.

Слушали:

...§ 5. Отношение Парабельской лечебницы от 18/II — 25 г. за № 190 о скорейшей доставке в больницу в адрес врача ДОНСКОГО посланных непосредственно из Москвы по распоряжению наркомздрава Н.А. СЕМАШКО для Парабельской больницы 250 руб., хинина и проч. на борьбу с малярией (докладчик т. Силин).

Постановили:

1. Принимая во внимание, что Парабельская больница возглавляется адмссильным эсером ДОНСКИМ, который имеет связь с наркомздравом Н.А. СЕМАШКО и непосредственно от него получает денежные переводы и различные медикаменты, и что последнее обстоятельство даёт ДОНСКОМУ больше шансов на поднятие своего авторитета среди местного населения, и ДОНСКОЙ всем и каждому говорит: "Вот, - де, - советский аппарат слаб, не может мне ничего дать на улучшение больницы, так я это сделаю сам". Подобные вещи, конечно, действуют на психику населения и в корне подрывают авторитет местной власти.

2. Вышеозначенные деньги в сумме 250 руб. и хинин предложить уздраву распределить по числу трёх больниц, находящихся в [Нарымском] крае, пропорционально, придерживаясь того правила, где в районе больше заболеваемости населения малярией, той больнице больше выделить денег и хинина.

Подлинное подписал
Секретарь фракции

(Силин)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 54, 59. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 210.

Утверждение
Нарымским уездным комитетом РКП(б) решения
фракции при Нарымском уездном исполнительном
комитете

Слушали:

Выписку из протокола фракции НарымУИКа от 26/II — 25 г. № 4.
 "§ 5. Отношение Парабельской лечебницы от 18/II — 25 г. за № 190 о скорейшей доставке в больницу в адрес врача ДОНСКОГО посланных непосредственно из Москвы по распоряжению наркомздрава Н.А. СЕМАШКО для Парабельской больницы 250 руб., хинина и проч. на борьбу с малярией (докладчик т. Силин)".

Постановили:

С постановлением фракции УИКа согласиться...

Секретарь укома РКП (Рябов)

Подлинное подписал

Зав. орготделом (Нечаев)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 53. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 210.

Предложение
Нарымского уездного исполкома РКП(б)

Секретно

Исх. № 72/С
5/III – 25 г.

Зав[едующему]
приходно-расходной
кассой тов. Лаврентьеву

Прилагая при сём выписку из протокола № 9 заседания фракции уисполкома от 26/II – 25 г., в КАТЕГОРИЧЕСКОЙ ФОРМЕ предлагаю Вам немедленно сдать 250 руб. Общему отделу уисполкома...

<i>Предуисполкома</i>	<i>Подпись</i>	<i>(А. Силин)</i>
<i>Управделами</i>	<i>Подпись</i>	<i>(Соболевский)</i>

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 58. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 210.

Письмо
заведующего Нарымской приходно-расходной кассой
заведующему Томским губфинотделом

Срочно. Секретно.

Угловой штамп:

СССР. НКФ.

Нарымская приходно-расходная касса.

Марта 10 дня 1925 г. № 21/С.

гор. Колпашево.

Прилагая при сём предложение Нарымского УИКа за № 72/С с выпиской из протокола заседания фракции УИКа от 26/II [- 25 г.] за № 9 и переводное требование за № 89 от 6 января с.г. на 250 руб., [полагаюсь] на Ваше усмотрение в разрешении возникнувшего вопроса вопреки инстр[укции] по приёму и расходованию сумм госбюджета. Ассигновка на высылку 250 руб. от врача Парабельской больницы Донского в кассу поступила и до получения от Вас телеграфного распоряжения исполнение ее и распоряжения УИКа приостановлено.

Завкассой

Подпись

(Лаврентьев)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 57. Подлинник. Рукопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 210).

**Выписка
из протокола № 14 заседания фракции Томского
губисполкома
от 27 марта 1925 г.**

Слушали:

...7. Об отмене постановления Нарымского УИКа. Докл. т. Линде.

Постановили:

...Распоряжение Нарымского УИКа от 5/III — с.г. за № 72/С отменить. Материалы по данному вопросу направить в губком РКП(б).

Выписка верна

Подпись

(Мелешкина)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 56. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 210.

Товарищеское письмо секретарю Томского губкома т. Калашникову

Секретно
7/III — 25 г.

...2. Проведённые за вторую половину февраля беспартийные конференции и возвративший[ся] к 1 марта агробоз из района характеризуют настроение крестьянского населения...

Ярко бросается то: где есть, хотя и слабая работа наших ячеек и партийного руководства, там влияние ссыльных парализуется.

Парабельский район, где имеется одна ячейка, - местонахождение ДОНСКОГО, члена ЦК эсеров, в настоящее время завед[ую-щего] Парабельской больницей. Там противодействия недостаточно. На беспартийной конференции 25 февраля выступала группа эсеров 10 человек во главе с Андриановым [Андрияновым], представителем Нарымского с/совета...

Райкомом для проведения конференции был командирован товарищ, но когда нам поступили сведения, что в Парабельской комсомольской организации не всё обстоит благополучно, это грозит вылиться на конференции, то райкомом были командированы ещё 2 товарища...

Нашим товарищам удалось расколоть конференцию, после чего конференция эсеровской группы не давала говорить, и конференция закончилась хорошо, что, конечно, стоило известных усилий...

Секретарь укома РКП   Подпись   (Рябов)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1. Оп. 5. Д. 84. Л. 122. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 211.

Отношение
Нарымского уездного исполнительного комитета
уполномоченному ГО ОГПУ по Нарымскому краю

№ 3154
8/IV-25 г.

Наш вх. № 1506

По вопросу о разрешении выезда врачу Донскому по району Парабельского РИКа...

Препровождая при сём отношение Парабельского РИКа от 18/III-25 г. за № 1013 с ходатайством о разрешении врачу Донскому делать периодические выезды в населённые пункты Парабельского района.

О последующем решении просьба уведомить...

ВРИД Предуика
Управделами

Подпись
Подпись

(Крылов)
(Соболевский)

Государственный архив Томской области. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 300. Л. 3.
Подлинник. Машинопись.

Выявление: Бондаренко А.А.

Доклад
Томского губотдела ОГПУ [о] деятельности
политадминссыльного, члена ЦК ПСР Донского Д.Д. за
июнь месяц 1925 года

...Донской по-прежнему продолжает встречаться с политссылными, упомянутыми в докладе за истекший месяц. Кроме того, в июне Донской имел личное свидание с с[оциал]-р[еволюционером] ЧЕРНОВЫМ Борисом¹ при следующих обстоятельствах: заболев малярией, Чернов без нашего разрешения отправился на приём в Парабельскую больницу к Донскому. Лично Донской, вызываемый населением окрестных деревень к больным, неоднократно... заезжал к Чернову под видом оказания медпомощи как малярийно больному, у которого с момента закрытия семейной столовой ссыльными, до того находившейся в квартире с[оциал]-д[емократа] ТАНУТ-РОВА, еженедельно собирается почти большинство политссылных Парабельского района. В целях полного прекращения общений Донского с Черновым последний в ближайшее время будет переброшен из Парабельского района.

В начале июня Донского также посетил с[оциал]-д[емократ] (бундовец) СОРФАСС, который также без разрешения нашего уполномоченного приезжал в Парабель из села Новосельцева.

Партийной работы среди ссыльных, а равно и участия в нелегальных организациях со стороны Донского нами не замечено.

Донской во время выездов к больным часто посещает кулаков Барabanщикова и Скерневского², проживающих в дер. Заозерье, последние в каждый визит радушно принимают его и совместно производят выпивки. Названные выше лица находятся под полным влиянием Донского.

Под его влиянием также находится фельдшерница Парабельской больницы, член РЛКСМ ЛОБАНОВА, которая выполняла все личные поручения Донского. Энергично настаивала перед нашим надзирателем о разрешении Донскому выезда в Колпашево. Получив отрицательный ответ, Лобанова заявила, что она будет в дальнейшем ходатайствовать перед соответствующими учреждениями о разрешении свободного передвижения Донского. Лобанова со службы уволена. Сведения сообщены в у[ездный] ком[итет] РКП.

В беседе с нашим осведомителем по вопросу о возможностях подпольной партработы Донской заявил: вести работу в подполье при современной обстановке почти невозможно, и, если бы он,

Донской, оказался на свободе, то очутился бы в отношении партработы в затруднительном положении, т.к. не знал бы, что ему делать. С одной стороны, никого из старых товарищей по партработе на воле нет, а если и есть кто-либо, то местонахождения их ему не известны; с другой, молодые с[оциал]-р[еволюционеры] идут неправильным путём. Донской сожалеет о том, что придётся окончить жизнь, не увидев с[оциал]-р[еволюционной] свободы, т.к., по его мнению, Соввласть укрепилась настолько, что скорого её падения ожидать невозможно.

Среди местного населения Донской авторитетен, главным образом, как квалифицированный для Нарымкрая медицинский спец. Отмеченный в прошлом докладе ФИЛИПЧЕНКО Юрий Александрович, имеющий письменную связь с Донским, по сведениям Ленинградского ГО ОГПУ, состоит у него на учёте как заподозренный в принадлежности к с[оциал]-р[еволюционерам]. Разработка по выявлению дальнейших связей Филипченко с Донским продолжается.

Руководства работой путём переписки как нарымской ссылки, так и другими со стороны Донского нами не замечено.

В ближайшие месяцы — июль-август — Донской бежать не намерен, т.к. в начале июня к нему прибыл из Москвы на лето его сын Дмитрий. Приезжавшая из Парабели для встречи сына Надежда Донская нами подвергнута обыску, компрометирующих материалов у таковой не обнаружено.

Нач. ГО ОГПУ

(Филатов)

Нач. СОЧ

(Чунтонов)

Нач. СО

(Соколов)

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарии

¹ О Б.В. Чернове см. предисловие, "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий к ним.

² Возможно, имеется в виду кто-то из единоличников г. Заозеро — Скурневский Лавр Семёнович (1855 г.р.) или Скурневский Михаил Иванович (1892 г.р.). Оба в 1930 г. арестовывались, но были освобождены (Большая людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30 — 40-е и начале 50-х годов. Томск, 1992. Т. 3. С. 125).

[Мнение о Парабельском врачебном участке]

8 июля 1926 года мною по поручению Томского окрздрава произведено обследование Парабельского врачебного участка. Данные обследования во всей их полноте будут представлены коллегии окрздрава; в настоящей же книге отмечу лишь некоторые вопросы положения дела здравоохранения в Парабельском районе.

1. Врачебный участок организован в 1924 года, когда из г. Нарыма была переведена больница в с. Парабель. К настоящему времени медпункт является уже мощной организацией, обслуживающей огромный район в сотни вёрст и своей авторитетностью привлекающей население из отдалённых пунктов Нарымского края (Александровский, Каргасокский и проч[ие] районы). Благодаря опыту, энергии зав. врачебным участком доктора ДОНСКОГО, участок достаточно снабжён инструментарием, медикаментами, допускающими возможность применения новейших способов лечения хотя бы в отношении венболезней и малярии; эта возможность и используется доктором ДОНСКИМ во всей полноте. В отношении малярии постановка дела лечения её настолько рациональна, что одной из причин снижения малярии в Парабельском районе является этот фактор. Случаи прекрасного лечебного эффекта при костно-суставном туберкулёзе, имевшие место в Парабельской больнице, создают большую популярность доктору ДОНСКОМУ среди местного населения.

2. Несмотря на полную непригодность больничного здания, оно всё же поддерживается достаточно удовлетворительно в санитарном отношении.

3. Не только отмечается вполне удовлетворительная постановка лечебного дела, но и профилактической работе уделяется должное внимание: ведётся широкая санитарно-просветительная работа; проводится в жизнь наблюдение и за общесанитарным состоянием селений в пределах, возможных для Нарымского края; вполне удовлетворительно осуществляется школьно-санитарный надзор; широко ведётся противозидемическая работа; своевременно оповещается население об опасности, мерах предосторожности и проч[ем].

Все указанные факты ставят Парабельский врачебный участок на место одного из лучших в Томском округе.

Заведующий Нарымской малярной
экспедицией, врач

А. Еселевич

Архив Управления ФСБ по Томской области. Копия. Машинопись.

Выявление: **Уйманов В.Н.**

Закрытое письмо
Парабельского районного комитета ВКП(б)

Совершенно секретно
Секретарю Томского
окружного комитета ВКП(б)

Угловой штамп:

Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

Парабельский районный комитет.

29/XI – 26 г.

№ 11/С

Настоящим письмом Парабельский райком ВКП(б) охватывает помещённые моменты за период 3 месяцев: сентябрь, октябрь и ноябрь 1926 г.

...5. Предвыборная и выборная кампания потребительского общества.

...Несмотря на только что начатую кампанию, в с. Парабель при перевыборах 21 ноября местного правления потребительского общества отмечена организованная вылазка кулаков, выразившаяся в следующем. 18 ноября с.г. вечером под видом игры в карты "пульку" на квартире служащего Парабельского РИКа, бухгалтера, б[ывшего] офицера Климяка состоялось совещание по выдвижению кандидатов в местное правление потребительского общества — б[ывшего] офицера Климяка и б[ывшего] торговца, местного кулака Костарева Иннокентия Андронитовича (лишённый голоса в настоящем). На совещании участвовали: Климяк и его жена, член ЦК эсеров, местный врач Донской со своей женой, быв[ший] зав[едующий] пунктом "Сырьё" в Парабели Абдрашитов, Луговской А.А. — приказчик потребительского общества, завед[ующий] Параб[ельской] почтово-телеграфной конторой Ветошников. Последний передал совещанию случайно слышанный им разговор члена бюро райкома, что коммунисты будут против Климяка. Все указанные лица вели агитацию среди крестьянства за своих кандидатов. В больнице вёл Донской, а остальные — где придётся. В перевыборах правления потребительского общества, пользуясь мелкими недочётами, под пущенную уже ранее указанными выше лицами и кулаками агитацию, чуть было не сведена на нет вся работа старого правления потребительского общества. Последнее выполнило свой план

заготовок и реализации товаров на 50 – 60 % больше, чем было намечено по плану...

Всё это было подтверждено после доклада правления инструктором. Кулаки для своей цели напоили 5 – 6 уполномоченных, которые всё время "бузили", не давая говорить, – тем самым хотели сорвать собрание, проведя кулаков. Благодаря дружного выступления партийцев с беднотой, беднота в своём большинстве заставила убрать пьяных уполномоченных и провалила кандидатов кулаков...

7. Состояние больничного дела

...В районе Парабель существует больница при ссыльном враче Донском, который, несмотря на обещания как со стороны самого окружкома, а также тов. Ширшова из окрздрава и ГПУ, до сих пор остаётся в больнице. Последний под флагом помощи населению ведёт антисоветскую линию, что подтверждается выступлением его 21 ноября с.г. на собрании уполномоченных Параб[ельского] потребительского общества, где он заранее был предупреждён, что с таким предложением не дадут ему выступать. Выставлял он [на обсуждение] отчисление для больницы кооперацией в виде наценки 1 % на все товары сверх наценок, допускаемых потребсоюзом, что является незаконным. Тем более, что для больницы из прибылей было отчислено 350 руб. Всё же Донской в момент закрытия собрания, пользуясь поддержкой для выступления 2-3 кулаков, выступил в открытую и начал громить, что сов[етское] государство на больницу и лечение крестьян средств не отпускает и что, если уполномоченные не примут его предложение, то нечем будет лечить. Предложение его было беднотой провалено и [было] сказано, что отчисления будут только от прибылей, но не от наценок на товары. Эти циничные заявления Донского с извращением фактов дезорганизуют как партийную, так и советскую работу...

Секретарь райкома ВКП(б)

Подпись

(Смирнов)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 397. Л. 4-5. Подлинник. Рукопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 211.

**Докладная записка
для заместителя прокурора тов. Малинина**

На 10 февраля 1927 г.

**"ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТССЫЛКИ
В НАРЫМСКОМ КРАЕ"**

Самым наиактивнейшим и в то же время буйным элементом политической ссылки являются АНАРХИСТЫ (34 человека).

Из агентурных данных видно, что анархисты в условиях ссылки не только активизируются сами, но и стараются активизировать в анархическом духе и окружающие их крестьянские массы, даже деревенские ячейки комсомола.

Отдельным членам комсомола Чигаринская группа анархистов даёт читать анархическую литературу и даже часто собирает у себя на квартирах деревенскую молодёжь, напичкивая таковую идеями анархизма.

Анархист АРТЕМЕНКО только недавно бросил "подпольное" учительство в д. Голубец, где как "деревенский" учитель преподавал не только чтение центральных газет, но и своеобразную политграмоту, т.е., разъясняя крестьянам советское законодательство, безусловно извращал таковое анархической "точкой зрения".

Анархисты ШИРОКОВ и ВЛАСОВ при каждом удобном и неудобном случае ведут среди населения критику мероприятий Соввласти и... ВКП(б), безусловно отмечая случайные ошибки местной власти, чем играют на руку неразвитого крестьянина и данной критикой поднимают перед массой свой авторитет.

Лидеры анархистов, как-то: ВОЛОДАРСКИЙ, НЕМЕРИЦКИЙ — любимцы Д.Д. Донского — заняты организационной работой и стяжают себе лавры в "четырёх стенах", организуя своеобразные кружки по подготовке будущих "работников анархического строя", идя вразрез с желанием своих рядовых членов, что привело к расколу и образованию в нарымской ссылке трёх анархических группировок.

1-я, Чигаринская, группа, ищущая самозабвения в яркой агитации против существующего строя, не отрицающая даже индивидуальный террор — во главе с инвалидом МЯСНИКОВЫМ.

2-я, Б[ольше]-Нестеровская, во главе с РЫСС[ОМ] Самуилом, занимающаяся самовоспитанием и воспитанием будущих анархических "вождей".

3-я, Парабельская, в составе ВОЛОДАРСКОГО, НЕМЕРИЦКОГО и РЕЙДМАН, отрицающая существование первых двух групп и живущая мышлениями Д.Д. Донского.

По поводу поведения 3-й группы 1-я группа в лице Мясникова говорит, что "это — буржуазные анархисты по типу портфельных комиссаров, и первая возможность им даст первую бомбу".

Но, как бы ни была разделена между собою анархическая группа, всё же в лице местного населения она имеет большой авторитет, в особенности — Чигаринская, благодаря своим резким выпадам против существующего строя. Это объясняется тем, что и нарымский крестьянин также своеобразно настроен анархически, чему способствует Е.С.Х.Н.¹, билеты на право охоты, рыбной ловли и проч[ее]. Так как в своё время [всего] этого нарымский крестьянин не знал, т.к. Нарымский край от налогов освобождался, и плюс — чрезмерная отсталость нарымского населения в политическом отношении.

Второй наиболее активной и мощной является группа с[оциал]-д[емократов] (70 человек).

Группа с[оциал]-д[емократов], главным образом, сконцентрирована в наисамых крупных центрах Нарымского края и делится на следующие колонии:

а) Колпашевская	} одно целое
б) Тогурская	
в) Инкинская	
г) Парабельская (объединяет Костарево, Алатаево, Б[ольше]-Нестерово и Чигару)	
д) Нарымская	
е) Каргасокская.	

Группа с[оциал]-д[емократов] по колониям имеет свои библиотеки, столовые, кассы взаимопомощи, в которых, в своём большинстве, проводит всю организационную и внутрипартийную работу.

Основными вопросами, разрабатываемыми группой с[оциал]-д[емократов], являются... "Оппозиционный момент внутри партии РКП(б)", "Рабочее движение от Морозовской стачки до сегодняшних дней", "Экономика Советской России" и ряд других экономических и политических вопросов, которые в конечном итоге с[оциал]-д[емократы] сводят к тому, что "нас большевики пригласят для совместной работы".

Лидером группы с[оциал]-д[емократов] является ЦЕЙТЛИН Семён Соломонович (с. Каргасок), последний распространяет своё влияние на всех с[оциал]-д[емократов] нарымской ссылки.

С[оциал]-д[емократы] по колониям управляются старостатами и, в зависимости от мощности колонии, выдвигается и мощный старостат, как, например, Колпашевская колония (28 чел.) имеет старостат из 3-х человек, который и ставит жизнь и деятельность с[оциал]-д[емократов] Колпашево-Тогурской колонии.

Сплочённой работы среди с[оциал]-д[емократов] нет, что объясняется делением группы на ДВА лагеря — "старых" и "молодых", расхождение которых в основном возникает на почве совместной работы всех полит[ических] группировок Нарымского края.

С[оциал]-д[емократическая] молодёжь стремится к общей работе совместно с с[оциал]-р[еволюционерами], анархистами и др[угими] фракциями, организовали в Колпашевской колонии общую библиотеку, а "старики" с[оциал]-д[емократы] тянут назад и категорически протестуют против данного положения. От организации общей библиотеки "старики" отказались и в таковую не вошли.

Среди населения группа с[оциал]-д[емократов] работы никакой не ведёт и считает её нецелесообразной. Среди местного населения группа с[оциал]-д[емократов] авторитетом не пользуется, что, главным образом, объясняется тем, что на с[оциал]-д[емократов] население смотрит как на "интеллигентиков", не умеющих работать физически и плюс живущих за счёт "присылаемых им откудато денежных переводов", также некоторую роль играет и антисемитизм, так как большинство с[оциал]-д[емократов] по национальности евреи.

В отличие от с[оциал]-д[емократов] и анархистов более сплочённой является группа с[оциал]-р[еволюционеров] (8 чел.). Главным центром группы с[оциал]-р[еволюционеров] является с. Колпашево — группа в составе 5 чел. и управляется старостатом. Лидером с[оциал]-р[еволюционеров] и вообще всей политической ссылки является Д.Д. Донской. Группа с[оциал]-р[еволюционеров] замкнута и работу ведёт только внутри себя. Пользуется частичным авторитетом исключительно среди зажиточного слоя местного населения.

Старостат фракции с[оциал]-р[еволюционеров] авторитетен, и имеются случаи, когда старостат с[оциал]-д[емократов] и отдельные члены фракции с[оциал]-д[емократов] обращаются за советом или помощью в старостат с[оциал]-р[еволюционеров].

Необходимо отметить, что с[оциал]-р[еволюционер] Донской Д.Д. среди местного населения, главным образом в Парабельском районе, пользуется большим авторитетом, что не отрицают даже прочие политические группировки, как-то: с[оциал]-д[емократы], анархисты и пр.

Авторитетность среди населения Донского не отрицается и местными представителями власти, как-то: райисполкомом и райкомом с. Парабель.

Авторитетность Донского, главным образом, возросла за счёт его умения работать среди крестьян как старого земца, умения ставить больничное и лечебное дело и плюс [его] непосредственная связь с центром, в частности с Наркоздравом Семашко, от которого Донской непосредственно получал денежные переводы и медикаменты для Парабельской больницы.

Группа сионистов всех оттенков (36 чел.) разбросана на территории Каргасок — Ильино — Нарым, Вялово — Парабель и Колпашево. Группа тесно замкнута внутри своей фракции, авторитетом как среди местного населения, так и в прочих политических партиях совершенно не пользуется и живёт обособленно.

В своём большинстве сионисты имеют замену ссылки Палестиной.

Последняя категория полит[ической] ссылки — так называемая "прочая", проходящая по учёту СО, как-то: духовенство, сектанство и "статейники" (55 чел.).

Данная группа расселена по всему Нарымскому краю. Из всех прочих политических ссыльных можно только и отметить церковников и сектантов (церк. — 19, сект. — 6); как первые, так и последние, если и не ведут какой-либо вредной работы среди окружающих масс, то, во всяком случае, пользуются со стороны местного населения сочувствием как "страдальцы за Христа", а отсюда — вывод, все эти "духовники" живут за счёт того, что им даёт из жалости само религиозное население.

В прошлом отмечались даже факты влияния ссыльного духовенства на местные религиозные общины, результатом чего в Каргаске обновленчество заменено "тихоновщиной".

Кратко суммируя вышеприведённое, необходимо сказать, что взаимоотношения отдельных полит[ических] группировок между собою крайне ненормальные и, если среди политических и говорят о "едином фронте", так это только и остаётся в разговорах, никакого единения между групп[ами] нет и не будет. Последние агентурные данные говорят за то, что среди политических за последнее

время сильно развивается фракционность и недоверие не только к инакомыслящим группам, но и своим однопартийцам. В каждом новоприбывшем политическом "старые ссыльные" видят "шпики ГПУ", в особенности это наблюдается за Д.Д. Донским.

Упол[номоченный] Том[ского] окр[ужного]
о[тдела] ОГПУ по Нар[ымскому] краю (Перминов)
Пом[ощник] уполномоченного Подпись (Гурьянов)

Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4.
Л. 124-128.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 208.

Комментарий

¹ Единоый сельскохозяйственный налог.

Выписка из доклада Дубровского

... По-моему, Донской всё время следит за политикой, выписывая центральные газеты и литературу. Когда в начале зимы мне пришлось с ним ехать из дер. Чигары, куда он ездил как врач на поднятие трупа, Донской пробовал завести со мной разговор на политтему и спросил меня: "Ну, а каково сейчас наше международное положение?". На [это последовал] мой ответ, что последние газеты ещё не получал, а потому не знаю. Тогда Донской ответил: "Зато я знаю, так как выписываю центральные газеты и довольно аккуратно их получаю", и рассказал, что происходит в дипломатических сферах СССР и буржуазных [стран], какое их отношение к нам.

Кроме того, когда я приезжаю из Колпашева в Парабель, то Донской при встрече со мной всегда спрашивает: "Ну, что нового в Колпашево, как приказали Вам держать нас — строго или нет?". А затем добавляет: "Это — барометр: если приказали строго держать, то это значит, что наше положение на международной платформе слабо — и наоборот". При этом сам смеётся.

Кроме того, у Донского в гостях бывают почти исключительно политссылные, как-то: Чернов, Иоффе, Трусов, Немерицкий¹, Рейдман и другие, которые, ясно, ведут не банальные разговоры "о погоде", а на полит[ическую] тему.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что Донской следит за ходом политических событий и ни в коем случае не остаётся пассивным.

Отношение его к политическим и нэпманам далеко не одинаково. И если он с ними [нэпманами] вежлив и внимателен, то только как доктор, потому что он от них получает деньги, о чём я указывал в предыдущем докладе. Следовательно, это не есть ещё, что он их ставит на одну ногу.

Возьмём пример. Когда уволили адм[инистративно]-ссылного Правдюка, который был самовольно принят Парабельским РИ-Ком на должность агронома, Донской не сказал ни слова. Когда же уволили из кредит. товарищества ТРУСОВА (меньшевик), Донской стал говорить, что это безобразия — "человеком играть, как пешкой, увольнять со службы без всяких причин" и т.д.

Выписка верна:

Подпись

(Рунге)²

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарий

¹ О Б.В. Чернове, В.П. Трусове и Б.Г. Немерицком см. "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарий к ним.

² Заместитель уполномоченного Томского губернского отдела ОГПУ по Нарымскому краю.

Закрытое письмо Парабельского районного комитета ВКП(б)

Угловой штамп:

Всесоюзная коммунистическая партия (большеви́ков).

Парабельский районный комитет.

5/V – 27 г.

№ 61/С

Совершенно секретно.

Секретарю Томского окружного комитета ВКП(б).

Март-апрель 1927 г.

...Просьба к окружному обратить внимание через окрпрофсовет на деятельность Колпашевского райсекретариата профсоюзов. Последний в отчётное время прислал Парабельскому райместкому профсоюза "грозное" отношение с категорическим приказанием принять в члены профсоюза тётку местного ссыльного члена ЦК эсеров – Донскую¹. Последняя подавала до этого заявление в местком, но на общем собрании членов профсоюза, где было около 60 чел..., без всякого давления со стороны парт[ийной] организации она не была принята, т.к. до этого имела в течение 20 лет свою частную лечебницу-роженицу в городе. В настоящий же момент работает временно у Донского в больнице акушеркой с тем, чтобы влезть в профсоюз и уехать в город на службу. После отклонения общим собранием [просьбы о приёме] Донская подала заявление в Колпашевский райсекретариат, который, не знаем – по политическим или другим соображениям, приказал её принять, что местком и вынужден был сделать. Помимо общего собрания и его воли Донская стала членом профсоюза. Спрашивается, где проф[союзная] демократия и устав, когда преподают грозные приказания? Члены профсоюза, сам местком и парт[ийная] организация возмущены подобным действием Новосёлова.

Секретарь райкома ВКП(б)

Подпись

(Иванов)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 397. Л. 32(об.)-33(об.). Подлинник. Рукопись.

Выявление: **Яковлев Я.А.**

Комментарий

¹ *Донская Александра Николаевна – тётя Д.Д. Донского, младшая родная сестра его отца Д.Н. Донского. См. о ней "Воспоминания" Н.М. Донской, комментарий к ним и письма Д.Д. Донского.*

Закрывается писем
Партийного комитета ВКП(б)
Информация
Указов ВКП(б)
Восстановление документов
Партийного комитета ВКП(б)

СТРОГО СЕКРЕТНО. 122

(И в О. П.)

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Бессоюзная Коммунистическая Партия (Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ П114/26-с.

г. Менжинскому.

30 июня 1926 г.

Выписка из протокола № П114 заседания Политбюро ЦК от 30 июня 1926 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

26.-Сообщение т. Мен-
жинского.
(ПВ от 9.IX.25 г.,
пр. № 79, п. 22).

26.- Продолжить административную
ссылку Гоцу, Тимофееву и Донскому
на год, поручив ГПУ несколько об-
легчить ее.

Секретарь ЦК

2-а.л.

Отпечатано 2 (два)	Экз.
Отправлено 1 (один)	Экз.
С. 1 (один)	Экз.
Дополнительно 500-100	
Т. Т.	

Всё, что находится в документах, относящихся к деятельности ЦК, должно быть передано в ЦК. В случае необходимости ЦК имеет право изымать из архивов партийных организаций документы, относящиеся к деятельности ЦК. Настоящие постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 июня 1926 г.

**Выписка
из протокола № 114 заседания Политбюро ЦК от 30
июня 1927 г.**

Строго секретно. (Из ОП).

Подлежит возврату.

30 июня 1927 г.

№ П114/26-с

т. Менжинскому

Слушали:

...26. Сообщение т. Менжинского (ПБ от 9/IX-25 г., пр. № 79, п. 22).

Постановили:

...26. Продолжить административную ссылку Гоцу, Тимофееву и Донскому на год, поручив ГПУ несколько облегчить её.

Секретарь ЦК

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 122. Бланк ЦК ВКП(б).
Машинопись.

Выявление: Красильников С.А.

Характеристика на политссылного Нарымского края, члена ЦК ПСР ДОНСКОГО Д.Д.

ДОНСКОЙ Дмитрий Дмитриевич, 1881 г. рождения, сын врача, с высшим образованием, по профессии врач, в партии с[оциал]-р[евOLUTION]ционеро[в] состоит с 1902 г. За санкцию, будучи секретарём ЦК ПСР, террористических актов над вождями ВКП(б) был приговорён к смертной казни, заменённой ВЦИКом пятью годами заключения в концлагерь, которые и отбыл, после чего, на основании постановления Особого совещания при Кол[легии] ОГПУ от 5. IX. 1924 г., был выслан в Сибирь сроком на ТРИ года, в 1927 г. продлённого на один год и в 1928 г., от 11. V. 1928 г., ещё на один год.

Если первые годы пребывания в ссылке ДОНСКОЙ очень осторожно проявлял эсэровскую деятельность, то за последние два года таковой никакой политической работы как внутри ссылки, так и, судя по перлюстрации документов, за её пределами не ведёт. Своим поведением, как-то: половой распущенностью, активной работой по деревням вместе с работниками райисполкома по самообложению и распространению займов — как политический вождь в лице политссылки свой авторитет потерял, и последняя считается с ним лишь постольку, поскольку он — бывший член ЦК ПСР и вёл активную борьбу с коммунистами (слова чл[ена] ПСР Суханова).

Оставление его в нарымской ссылке, по нашему мнению, нецелесообразно.

Срок ссылки оканчивается 5. IX. 1929 г.

20. V. 1929 г.

Нач. СО

Ст. уп. СО

Шестаков

Мирошник

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

**[Жалоба
коммуниста Олейникова]¹**

Угловой штамп:

Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

Парабельский районный комитет.

5. XII. 1929 г.

№ 2/98

Секретно.

Томскому окружкому ВКП(б).

Копия: уполномоченному

Нарымского края ОГПУ и

секретарю Парабельского

райкома ВКП(б) т. Семёнову.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Для вас небезызвестно, что из себя представляет парабельский медицинский врач Донской. Но полагаю, что не все подробности его пошлых и гнусных проделок известны. А окрздрав, наоборот, его знает только с хорошей стороны. Работая на месте, конечно, можно скорее и лучше оценить работу того или иного специалиста. Я, например, о Донском такого мнения: насколько он хорош как врач, то в сто раз худшая сволочь. Он работает по своей специальности в некоторых случаях хорошо лишь потому, что он пользуется данное положение. Во-первых, получает 185 руб. в месяц жалованья, и нельзя допустить мысли, что он не поддерживал материально политссылных. И, во-вторых, он ссылку лучше лечит, хотя доказать в этом отношении и трудно, не имея специальности. Но всё же это резко заметно.

Приведу пример последнего гнусного инцидента. В РИКе был на службе сторож, некто Козловский — батрак, не имеющий ничего, кроме мозолистых рук, вполне лояльно относящийся к партии и власти. Который тяжело заболел. С начала заболевания т. Козловского [он] всё время обижался на Донского, что он его не хочет лечить, не даёт никаких лекарств и советов. Пока состояние его здоровья было крепче, он был на частной квартире, а когда совершенно ослабел, его из квартиры выгнали. Каковой был вынужден зайти в райком ВКП(б) и попросить содействия, а мной было предложено председателю месткома совторгслужащих оказать содействие в представлении больничной койки т. Козловскому. Донской пред-

седателю месткома бюрократически заявил, что "у нас — не богадельня, а больница; Козловский скоро умрёт, и ложить в больницу его не к чему". Благодаря чего я был вынужден написать официальное отношение РИКу об оказании содействия или же взятии под призор несчастного батрака.

Зам. предрика Сухушин пишет записку Донскому приехать в РИК. Донской отвечает на записке резолюцией: "Мне некогда. Если нужно, зайдите ко мне". Вследствие чего Козловский кое-как дошёл до каталажной камеры и там свалился.

Непредоставление Донским помощи Козловскому он мотивирует, что новая больница не вполне приготовлена, а старые помещения заняты роженицами и тифозниками. Но это, конечно, нахальная ложь: в здании новой больницы... и имелись свободные комнаты, которые отоплены и вполне пригодны для помещения больных.

Что же преследует в этих отношениях Донской? Он прекрасно знает, что Козловский жаловался в райком и выше. Указанным инцидентом он создаёт мнение масс, что он не признаёт никого, и что хочет, то и делает, прикрываясь специальностью. Но в чём же дело? Долго мы будем терпеть такие гнусности и долго ли будет эта сволочь портить нашу кровь? По-моему, дело за окрздравом. Если он нам пришлёт врача, то мы через комфракцию выгоним [Донского] со службы, и этим самым дадим ему почувствовать, что он находится в ссылке. А поэтому просьба в окружном воздействовать на окрздрав о посылке нам врача.

С ком[мунистическим] приветом (Подпись) Олейников

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарий

¹ В документе огромное количество ошибок.

Запрос

Полномочного представительства по Запсибкраю ОГПУ

Угловой штамп:

РСФСР. ОГПУ.

*Полномочное представительство
по Запсибкраю.*

Секретно-политический отдел.

г. Новосибирск.

25. IV. 1931 г. № 24559.

Совершенно секретно.

2 экз.

Томскому оперсектору ОГПУ

Подробно информируйте ПП ОГПУ ЗСК о настроениях и поведении (за последнее время) ссыльного чл[ена] ЦК ПСР ДОНСКОГО, отношение к нему политссылки. Сообщите, имеет ли ДОНСКОЙ намерения во время своего отпуска выехать в г. Новосибирск и в каком положении находится его работа "На советском посту", которую он готовил к выпуску.

Информацию о поведении и настроениях ДОНСКОГО не ослабляйте.

Нач. секр[етно]-полит[ического] отдела

ПП ОГПУ ЗСК

(Подпись)

Лупекин

Нач. 2 отделения

(Подпись)

Чистов

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Рапорт

оперуполномоченного секретно-политического отдела Нарымского оперсектора ОГПУ Толмачёва

Начальнику Нарымского оперсектора ПП ОГПУ ЗСК

Согласно полученного мною в ПП ОГПУ распоряжения 13. I. 1932 г. я приехал в с. Парабель. В с. Парабели моей задачей являлось — передать письмо ДОНСКОМУ Д.Д. от оперуполномоченного ПП ОГПУ ЗСК тов. ДЕРБЕНЁВА и получить от него ответ.

Свидание у меня с ДОНСКИМ было в 7 час. вечера в больнице. Прочитав полученное письмо, ДОНСКОЙ сказал, что ответ на него он напишет на следующий день. Затем, спросив у меня, знаком ли я с содержанием полученного им письма, и получив утвердительный ответ, ДОНСКОЙ сказал: "Можете телеграфировать ДЕРБЕНЁВУ, что я ответ дам положительный. Только меня смущает, почему так настойчиво хотят получить от меня покаяния в прошлом и признания его контрреволюционным. Я не могу сейчас этого сделать. Мне кажется, что не всё у меня в прошлом такое плохое, что нуждалось бы в огульном поругании. Мне казалось, что и ЗАКОВСКИЙ, и ДЕРБЕНЁВ вполне согласятся с тем, что я не могу сейчас, сказав "а", не сказать "б", но я говорю это иначе — в одном "а" совмещаю и "а", и "б". Я отошёл от своих политических прежних установок и сейчас ни идейной, ни организационной связи с с[оциал]-р[еволюционерами] не имею. Мне их политические установки и догматы чужды, как и все остальные установки других партий. Они в нашей действительности, когда мы даже в Нарыме уже "ощущаем дым Кузнецкстроя", по выражению ДЕРБЕНЁВА, являются контрреволюционными. Если я целиком согласен с политикой и программой пути, по которому ведёт партия большевиков к социализму, то, естественно, я осуждаю все иные пути так же, как и всякий, стоящий на моём месте. Вот почему я говорю только "а", не разделяя его "а" и "б".

В процессе дальнейшего разговора с ДОНСКИМ последний несколько раз возвращался к этому своему выводу. Наш разговор несколько раз прерывали звонки, вызывавшие ДОНСКОГО к больным. После одного такого короткого перерыва ДОНСКОЙ говорил: "Я уже подробно говорил с ДЕРБЕНЁВЫМ о причинах, которые заставили меня порвать и изменить прежние убеждения. Сейчас мне хочется указать на одно обстоятельство, которое также способ-

ствовало моему отходу от своих прежних политубеждений. Я имею в виду следующие факты:

I. В годы даже самой чёрной реакции, когда подавлялась и затихала революционная жизнь, молодёжь заполняла изоляторы, тюрьмы, виселицы. "Политика" ссылалась партиями по 50-60 человек. Сейчас же я вижу только несколько десятков стариков, из которых половина представляет из себя такое идейное убожество, о котором и говорить не стоит. Взять бы хотя мою сопроцессницу Иванову-Иранову — она же просто ненормально-больная, старая дева. Я часто встречаюсь с политссылными, моими пациентами, и ни одного среди них не видел, кто бы мог смотреть дальше своей двери. Для многих из них вопросы обывателя стали политической догмой.

II. Второй факт, который подтверждает первый, — это отступление бегства из ссылки политссылки. Я не беру во внимание побег из Парабели двух троцкистов. Один из них был здесь радистом, недобропорядочность которого заключалась уж в том, что он, получая деньги, лишал население возможности слушать радио, так как оно всегда было на замке. Это просто два авантюриста. Политссылные не бегут, и не потому, что трудно. Убежать из Нарымского края очень легко и достать документы тоже можно быстро. Я сам при самой крепкой охране жандармов 3 раза бежал из ссылки. Почему бежал тогда? Потому что была работа. Только что бежавший из ссылки сразу же получал работу, и работать было где. Сейчас совсем не то. Молодёжь валит в комсомол, а не в тюрьму. Я отдыхаю сейчас, когда говорю с молодёжью, она вся горит желанием учиться и работать, она вся тянется к комсомолу. Даже мой сын, он уж должен был бы быть предубеждён против и комсомола, и партии... просто ради солидарности ко мне — он же знает, что я 14-й год в тюрьме и ссылке и моих настоящих убеждений не знает (я два года с ним не виделся), — однако и он вот уже два года пишет мне такие письма, в которых видно, что его подхватила и увлекла волна творческого энтузиазма, и он уже комсомолец. Вы спрашиваете, как же я отношусь к этому. Я его вполне понимаю — сейчас не может быть иного пути".

Вопрос о коллективизации ДОНСКОЙ поставил во время разговора с ним таким образом: "Я был сторонником немедленной социализации земли и немедленной коллективизации крестьянского хозяйства. За последние годы я убедился, что вопрос коллективизации поставлен верно, и она проводится настойчиво, твёрдо. Победа коллективизации с такой установкой у партии — обеспечена. Отсюда и мои выводы: большевики правы, и никакая другая поста-

новка вопроса не может быть рассматриваема иначе, как контрреволюционная. Один факт высылки в Нарымский край кулачества, т.н. спецпереселенцев, для обжитья его и обработки его сырьевых богатств, с одной стороны, и с другой — ликвидация этого паразитического, мешающего в районах коллективизации крестьянства — безусловно, верное решение большевиков, обеспечивающее дальнейший рост колхозного движения в деревне.

В этом вопросе допускались ошибки, недочёты, но они не являлись установкой ни партии, ни Сталина. Это непродуманность, допускаю, даже краевых организаций. Я имею факты в Нарымском крае, когда спецпереселенцы в Парабели в числе нескольких тысяч были высажены на остров Парабели и в течение месяца не была обеспечена развозка их по пунктам расселения, несвоевременная заброска хлеба и т.д. В тот момент я видел, что даже отдельные крестьяне из порядочных тайком провозили через стражу им и хлеб, и рыбу. В крестьянстве было настроение не в пользу Соввласти и коллективизации. Но прошло несколько месяцев, это же крестьянство стало относиться к спецпереселенцам иначе — кулацкие настроения спецпереселенцев оттолкнули от себя их. Попрошайничество даже тогда, когда они обеспечены, не перестало изживаться среди них. Даже ко мне в больницу, когда приходит спецпереселенец, то его сразу видишь по его клянчанию дать то одно, то другое, чтобы за порошок хины выменять себе после хлеба. Переселенцев надо варить ещё долго, чтобы вытравить их кулацкие замашки. Для меня остаётся только одно — правильно ли взята линия на коллективизацию? Она взята прямо и верно. Отсюда и мои взгляды".

Вот основные вопросы, о которых ДОНСКОЙ говорил со мной.

В конце разговора ДОНСКОЙ стал просить меня о возможности перевода его на службу в Колпашево, мотивируя это невозможностью работать в Парабельской больнице благодаря склоке (подробно о которой я изложил в отдельном рапорте), которую создали его сотрудники ДМИТРИЕВА (врач, жена адмссыльного) и ГАЛИНСКАЯ (акушерка, жена адмссыльного, провокатора). В противном случае просил разрядить создавшуюся обстановку для нормальной работы. На данный вопрос ДОНСКОМУ я ответил тем, что против перевода его в Колпашево возражать не буду, но отсоветовал ему переезжать зимой на такое большое расстояние с семьёй, пообещав через РИК перевести из Парабели и ДМИТРИЕВУ, и ГАЛИНСКУЮ (ДМИТРИЕВА 14. I. 1932 г. выехала из Парабели). С последним ДОНСКОЙ согласился. Мною Каргасокскому райотделению ОГПУ на этот счёт даны подробные указания.

На вопрос, когда же ждать ДОНСКОГО в Новосибирске, последний ответил, что, если он в ближайшие недели не прилетит на аэроплане, то приедет только весной на пароходе, так как зимняя дорога на лошадях для него будет утомительна.

Приложение: письмо ДОНСКОГО.

Опер. уполномоченный СПО   *(Подпись)*   *Толмачёв*

ПРИЛОЖЕНИЕ.

с. Парабель
13 января 1932 г.

Уважаемый Василий П...!

Ваша осенняя записка, к сожалению, меня смутила, и я так и не закончил своей работы. Вдобавок наметилась эпидемия, и мне было не до писания. Вкратце (смысл, а не текст) её выводы сводятся к следующему:

1. В небольшом малообжитом районе за период времени 6-7 лет параллельно с ростом всей социально-экономической и культурно-бытовой жизни края... дело здравоохранения трудящихся всё же гигантски выросло, превратившись из отдельных чахлах пунктов лечебной помощи в мощную организацию с разветвлениями по профилактике, ... охране здоровья подростков и т.д. Настолько мощную, что она сравнительно легко справилась со вспышками грозных эпидемий scarлатины, брюшного и сыпного тифов при необычайно трудных условиях (отсутствие дезосредств, огромные расстояния, скученность населения в отдельных пунктах, наличие неустроенных ещё окончательно масс спецпереселенцев в необжитых местностях).

2. В этом росте отразился, как солнце отражается в капле воды, гигантский прогресс во всех отраслях нашего Союза, возникшего на развалинах полукрепостнической буржуазно-феодальной царской России.

3. Очевидно, и тенденции этого роста, не требующие долгих доказательств, являются лучшим свидетельством того, что программа руководящей партии большевиков, её тактика и... генеральная линия исторически (14 лет революции — это уже история!) целиком и полностью оправданы, и всякая иная программа пути к социализму историей отмечена и осуждена, как путь неправильный, т.е. для социалистической революции вредный.

Вот мои и "А", и "Б".

Но должен повторить свою оговорку: публиковать эту статью с заключением я смогу только при условии полного отсутствия даже видимости нажима, чтобы это не имело никакого характера покаяния или просьбы о помиловании. Аргументацию мою Вы, верно, помните и с нею согласитесь. Собираюсь весной привезти её с собой и отдать в журнал. До весны приехать не удастся, вероятно, о причинах Вам расскажет податель. Если обстоятельства сложатся более благоприятно, и я смогу отлучиться на некоторое время из Парабели, то приеду или прилечу раньше.

Хотел перебираться в Колпашево, но мне отсоветовали, гарантировав спокойные оставшиеся два-три месяца.

Желаю всего доброго.

С приветом Д. ДОНСКОЙ.

Архив Управления ФСБ по Томской области. Рапорт – подлинник, письмо - копия. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Спецдонесение

по делу члена ЦК ПСР [Д.Д. Донского], отбывающего срок ссылки в с. Парабель Запсибкрая

Полномочное представительство ОГПУ по Запсибкраю.

Секретно-политический отдел.

19 ноября 1932 г. № 3147 О/СПО. г. Новосибирск.

СПО ОГПУ (2-е отделение). г. Москва.

По состоянию на 15 ноября 1932 г.

В своём донесении по состоянию на 25 января с.г. за № 21005 нами сообщалось, что ссыльный член ЦК ПСР [Д.Д. Донской] в то время работал над составлением брошюры под заголовком "7 лет на посту советского врача". Данная брошюра в октябре мес[яце] с.г. закончена и прислана для печати в Сибкрайздрав.

Вследствие того, что она не отвечает полностью нашим требованиям, которые при составлении были предъявлены [Д.Д. Донскому], её пока что печатанием задерживаем (экземпляр брошюры направляем Вам). С восстановлением связи с Нарымом ... будет вызван в Новосибирск для переговоров о переделке брошюры в нужном нам направлении, т.е. так, как Вами указано № 54089 от 8. IV. 1932 г.

[Д.Д. Донской] в настоящее время отбывает ссылку в с. Парабель Каргасокского района. Ни с кем из политссыльных, в частности с эсэрами, связи не имеет. Круг его знакомства ограничивается 2-3 местными служащими, лояльно настроенными по отношению в соввласти.

На политические темы о своём прошлом ни с кем из окружающих разговоров не ведёт.

В отдельных беседах с нашими сотрудниками даёт оценку прошлому, а также колонии политссыльных, заявляя:

"Сейчас я вижу в ссылке из моих бывших единомышленников только несколько десятков стариков, из которых большая половина представляет из себя такое идейное убожество, о котором и говорить не стоит. Возьмём хотя бы для примера мою сопроцессницу Иванову-Иранову¹. Она же просто ненормально-больная старая дева. Мне приходится часто встречаться с пациентами из политссыльных, и я ни одного из них не видел, кто бы мог смотреть и

видеть дальше своей двери, причём для многих из них вопросы обычного стали политической догмой”.

Другой раз в беседе с нашим сотрудником [Д.Д. Донской] говорил:

“Бурное социалистическое строительство в Советском Союзе под руководством компартии и энтузиазм, который бьёт ключом, многочисленной массы трудящихся показали всю правоту большевиков, и тому, кто не хочет этого понять, остаётся только жить воспоминаниями о прошлом. Я целиком Ваш и готов свою лепту внести в дело социалистического строительства”.

“Будучи в Новосибирске, — продолжает [Д.Д. Донской], — я имел возможность лично посмотреть на действительных ударников Комбайнстроя. Эти люди по-большевистски борются за строительство социализма, и, конечно, такие конкретные показатели являются лучшим доказательством того, что дело строительства социализма в Советском Союзе обеспечено”.

14 октября с.г. из Каргаска на пароходе “Карл Либкнехт” возвращался профессор Томского мединститута САВИНЫХ². Во время остановки парохода у пристани Парабель к САВИНЫХ в каюту приходил [Д.Д. Донской]. Спустя некоторое время из каюты стали слышны громкие разговоры, особенно [Д.Д. Донского], который произнёс тост профессору САВИНЫХ, восхваляя его как знаменитого хирурга, даровитого и умного человека. Разговоров между ними на политическую тему не было.

Наблюдение за [Д.Д. Донским] продолжаем. Для проработки его нами завербован...

ПП ОГПУ по Запсибкраю

Вр. нач. СПО

Алексеев

Чистов

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарии

¹ Иванова Елена Александровна (1883 или 1884 — 1937). Родилась в г. Казани. Активный член ПСР с 1905 г. До 1917 г. входила в Боевую организацию этой партии. Прошла каторгу. Сестра члена ЦК Н.Н. Иванова. На процессе 1922 г. оба входили в “первую группу” обвиняемых. По утверждению Г.И. Семёнова, она не только являлась связной между ЦК и его боевой

группой, передавая террористам распоряжения А.Р. Гоца и Д.Д. Донского, но и непосредственно участвовала в покушениях. В частности, ей инкриминировалась попытка убийства Л.Д. Троцкого. Сама Е.А. Иванова участие в терактах отрицала, и это подтверждалось другими членами боевой группы. Однако трибунал принял версию Г.И. Семёнова без доказательств и приговорил Е.А. Иванову по статье о терроризме к смертной казни, заменённой следом на тюремное заключение. До 1926 г. она с братом содержалась в Бутырской тюрьме, в июле этого года предпринимала попытку самоубийства, пресечённую появлением охраны. Затем они оба были отправлены в ссылку в Самарканд. В 1930 г. сослана в Нарымский край (может быть, поэтому из-за опасения предотвратить обвинение в контактах с ней Д.Д. Донской дал столь недоброжелательный отзыв). В 1937 г. арестована в р.п. Тогуре и расстреляна.

² См. о Савиных Андрее Григорьевиче предисловие, "Воспоминания" Н.М. Донской, письма Д.Д. Донского и комментарии к ним.

**Докладная записка
по члену ЦК ПСР ДОНСКОМУ Д.Д.**

Нарымский окружной отдел ПП ОГПУ ЗСК.
Секретно-политическое отделение.

2 марта 1933 г. № 024. г. Колпашево.

Начальнику СПО ПП ОГПУ по ЗСК
тов. Ильину.

Совершенно секретно

Согласно Вашего указания, ДОНСКОЙ был вызван в окротдел ОГПУ, где мной для маскировки был поставлен перед ним вопрос о неудовлетворительном содержании его статьи "8 лет", особенно её политической части. ДОНСКОЙ по этому вопросу заявил: "Я вполне с Вами согласен, что она носит несовершеннолетний, незрелый характер, что в ней не выявлена обобщающая точка зрения и материал во многом подлежит переделке и переработке, за что я готов взяться. Внесение же личного момента, оценки прошлой своей деятельности, осуждение её, отмежевание и пр. — то, о чём говорится глухо в конце статьи, — сейчас невозможно. Хотя я давно уже понял и решительно осудил те колоссальные ошибки, я бы сказал даже преступления, если бы они диктовались своекорыстными мотивами, которые у меня — в прошлом, и я стараюсь по мере сил и возможности их хоть слегка загладить своей работой и быть полезным делу революции и социализму. Невозможно потому, что это будет звучать неубедительно для всех, т.е. для коммунистов, для беспартийных, для колеблющихся. Контрреволюционеров же, матёрых волков, я переубеждать не собираюсь. Завершение пятилетки и всё строительство социализма давно уже убедило тех, кто хочет видеть и слышать.

Звучать будет неубедительно потому, ибо я нахожусь в ненормальных условиях обычного советского гражданина. Я в ссылке, я без голоса, и мой голос, если я его подаю, будет звучать неубедительно.

Боюсь, что Вы или кто-либо другой ни поняли бы меня превратно, что я добиваюсь освобождения, перевода в лучшие условия, культурный центр или улучшения моих условий жизни здесь. Таких желаний, как Вы знаете, у меня сейчас нет. Я полагаю, что в

данной обстановке я живу небесполезно и делаю всё, что я могу и должен делать в пользу советского севера, и делаю это не хуже других. Я ничего не прошу изменить в моём положении и ничего не жду для себя лично".

Поняв, что перед ним поставлен вопрос декларативного произведения, ДОНСКОЙ указал: "Сейчас международная ситуация такова, что моё декларативное выступление не даст ничего эффективного. Одни скажут, что я просто продался, а другие, что я испугался угроз, репрессий, ибо, как бы то ни было, всё же на мне висит тяжесть обвинения о покушении на Ленина, хотя история в своё время и докажет, что я был к этому непричастен. Другое дело, если обстановка изменится в худшую для Советского Союза сторону (интервенция, война и т.п.). Тогда я сделаю такое выступление в советском духе, о котором вы не предполагаете".

Когда ДОНСКИМ был задет вопрос о покушении на Ленина, то перед ним был поставлен вопрос: "Как же было на самом деле? Ведь не могла же Каплан, член партии, совершить теракт без чьей-то санкции или даже поддержки".

"Я с Вами согласен, но санкции я не давал, хотя она и говорила со мной по этому вопросу, о чём я в своё время давал подробные показания. По-моему мнению, совершение теракта прошло не без участия САВИНКОВА и СЕМЁНОВА Григория Ивановича¹, и вот почему: в 1921 г. СЕМЁНОВ был арестован в Варшаве польской охранкой якобы по обвинению в шпионаже и попытке произвести какой-то диверсионный акт (кажется, взрыв арсенального склада в пользу СССР). По ходатайству САВИНКОВА перед ПИЛСУДСКИМ (были такие слухи) СЕМЁНОВ был отпущен обратно в СССР якобы с террористическими заданиями против вождей СССР. Поэтому я считаю, что КАПЛАН могла получить оружие и поддержку со стороны САВИНКОВА и СЕМЁНОВА при их непосредственном руководстве".

ДОНСКОЙ указал, что этот факт им не был отражён в своих показаниях в период процесса, и, так как этот момент проливает свет в дело ДОНСКОГО, САВИНКОВА, СЕМЁНОВА с совершенно новой стороны, и, кроме того, это указание им сделано по собственной инициативе, на этом основании я до обмена мнениями с Вами по этому вопросу решил не подвергать ДОНСКОГО аресту.

По существу изложенного прошу дать по этому вопросу Ваши указания...

Нач. Нарымским окружным
отделом ОГПУ

(Подпись)

Шестаков

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарий

¹ О Савинкове Борисе Викторовиче и Семёнове Григории Ивановиче см. предисловие, "Воспоминания" Н.М. Донской и комментарии к ним.

Спецдонесение

по разработке бывшего члена ЦК ПСР [Д.Д. Донского], отбывающего ссылку в с. Парабель Нарымского округа Запсибкрая

Полномочное представительство ОГПУ по Запсибкраю.
Секретно-политический отдел.

"..." сентября 1933 г. № ... г. Новосибирск.

Нач. II отделения СПО ОГПУ. г. Москва.

По состоянию на 10 сентября 1933 г.

На протяжении ряда лет, особенно начиная с 1931 г., [Д.Д. Донской] в беседах с представителями органов ОГПУ последовательно и неоднократно заявлял о том, что он — советский человек. Ещё в сентябре 1929 г. он заявил сотруднику Нарымского окротдела ОГПУ:

"Я совершенно никакой политической деятельности не проявляю против Советской власти и политику компартии в большинстве вопросов одобряю, и в нужный момент Вы можете рассчитывать получить от меня поддержку в виде письма и т.д. Теперь же в период нахождения в ссылке такого письма я дать не могу, т.к. практика гачи декларации показала, что ни та, ни другая сторона этим удовлетворена не будет".

В 1931 г., в июле м[еся]це он представителю ПП ОГПУ ЗСК говорил:

"За время моего пребывания в ссылке я никакой антисоветской работы не вёл, не веду и вести не намерен. С политссылкой связи не имею, большинство ссылных считает меня советским человеком, частенько поругивает, но я не обращаю на это внимания. Что я советский человек, Вам это, надо полагать, хорошо известно. Однако бичевать себя, как это сделали другие, как-то: ГРОМАНЫ¹, КОНДРАТЬЕВЫ² и даже САВИНКОВ³ и прочая дребедень — я не хочу. Таких людей презирают не только их бывшие единомышленники, но в не меньшей степени и те, перед которыми они себя бичуют. Я не бичевал себя и тогда, когда известным Вам процессом был приговорён к высшей мере социальной защиты, хотя уже и на процессе занимал обособленное положение по сравнению со всеми активными сопроцессниками. Я особенно брезгливо отношусь к тем из "кающихся", которые бичуют себя перед самым фактом надвигающейся на них кары. Каждое такое покаяние мною расценивается как

акт купли и продажи. Моя прошлая революционная деятельность, участие в баррикадных боях с капитализмом и вообще моя психология не совместимы с такими актами купли и продажи. Я предпочитаю получать по-прежнему наработки к срокам своей ссылки, чем быть в положении вечно кающегося. Я хочу прийти к вам честным путём и подать себя целиком и полностью строительству социализма. Я хочу прийти к ВКП(б) и Советской власти таким примерно путём, каким к Вам пришёл МАРТЫНОВ⁴. Отсюда Вам должно быть понятно, почему я не могу дать удовлетворяющего документа, находясь в ссылке".

Другой раз в беседе с нашим сотрудником [Д.Д. Донской] говорил:

"Бурное социалистическое строительство в Советском Союзе под руководством компартии и энтузиазм, который бьёт ключом, многочисленной массы трудящихся показали всю правоту большевиков, и тому, кто не хочет этого понять, остаётся только жить воспоминаниями о прошлом. Я целиком ваш и готов свою лепту внести в дело социалистического строительства".

В последней своей беседе с нач[альни]ком Нарымского окротодела ОГПУ по поводу неудовлетворительного содержания его статьи "8 лет из жизни врачебного участка в Нарымском крае", особенно политической части её, [Д.Д. Донской] заявил:

"Я вполне с Вами согласен, что статья носит несовершенный, незрелый характер, что в ней не выявлена обобщающая точка [зрения] и материал во многом подлежит переделке и переработке, за что я готов взяться. Внесение же личного момента, оценки прошлой своей деятельности, осуждение её, отмежевание и пр. — то, о чём говорится глухо в конце статьи, — сейчас невозможно. Хотя я давно уже понял и решительно осудил те колоссальные ошибки, я бы сказал даже преступления, если бы они диктовались своекорыстными мотивами, которые были у меня в прошлом, и я стараюсь по мере сил и возможности хоть слегка их загладить своей работой и быть полезным делу революции и социализму. Невозможно потому, что это будет звучать неубедительно для всех, т.е. для коммунистов, для беспартийных, для колеблющихся. Контрреволюционеров же, матёрых волков, я переубедить не собираюсь. Завершение пятилетки и всё строительство социализма давно уже убедило тех, кто хочет видеть и слышать. Звучать будет неубедительно потому, ибо я [нахожусь] в ненормальных условиях [для] обычного советского гражданина. Я в ссылке, я без голоса, и мой голос, если я его подаю, будет звучать неубедительно.

Боюсь, чтобы Вы или кто-либо другой ни поняли бы меня превратно, что я добиваюсь освобождения, перевода в лучшие условия, культурный центр или улучшения моих условий жизни здесь. Таких желаний, как Вы знаете, у меня сейчас нет. Я полагаю, что в данной обстановке я живу небесполезно и делаю всё, что я могу и должен делать в пользу советского севера, и делаю это не хуже других. Я ничего не прошу изменить в моём положении и ничего не жду для себя лично "...

ВЫВОДЫ

В течение ряда лет, начиная с 1929 г., [Д.Д. Донской] последовательно проводит политику доказательства своей лояльности к Советской власти, добиваясь этого исключительно "словесным" путём. В то же время [Д.Д. Донской] упорно уклоняется от политической оценки деятельности ПСР и дачи в условиях ссылки декларативного документа.

ПП ОГПУ

Нач. секрполитотдела

Алексеев

Жабрев

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарии

¹ Громан Владимир Густавович и Громан (Дукачина, в другом случае — Духанина) Екатерина Петровна — активные деятели меньшевистского крыла РСДРП. В.Г. Громан — экономист. В 1917 г. являлся членом Экономического отдела исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, затем — Экономического отдела ВЦИК, Комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда Демократического совета Российской республики (Предпарламента). В последний орган избирался от экономических организаций. Делегат Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов (29 марта — 3 апреля 1917 г.), I Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов (3 — 24 июня 1917 г.). В 1920-х гг. работал в профсоюзе, печатался в центральном печатном органе ВЦСПС журнале "Вестник труда". Е.П. Громан — член фракции меньшевиков-объединенцев Предпарламента.

² Кондратьев Николай Дмитриевич (1892 — 1938). Из семьи крестьян Костромской губ. После окончания церковно-приходской школы учился в церковно-учительской семинарии, из которой был отчислен в 1906 г. за

революционную деятельность. С 1905 г. — член ПСР, с 1906 г. — член Кинешемского комитета этой партии. Подвергался арестам в 1906 г. (на 7 мес.), 1913 г. (на 1 мес.), но кружковую работу вёл до 1917 г. В 1911 г. сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил на юридический факультет Петербургского университета, после окончания которого в 1915 г. был оставлен при кафедре политэкономии. С 1916 г. являлся заведующим статистико-экономическим отделом Земского союза Петрограда. Активно включился в февральскую революцию 1917 г.: был заместителем председателя Государственного продовольственного комитета, секретарём А. Ф. Керенского по делам сельского хозяйства, делегатом I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, на котором был избран в исполком, а позже в этом качестве стал заместителем председателя Общегосударственного продовольственного комитета. Научно развивал и обосновывал эсеровскую программу социализации земли. Во время угрозы Л. Г. Корнилова входил в состав Комитета народной борьбы с контрреволюцией. Был избран членом Временного совета Российской республики (Предпарламента), Учредительного собрания (по списку ПСР от Костромского округа). Октябрьский переворот и большевистскую политику не принял: будучи заместителем министра продовольствия, участвовал в работе подпольного Временного правительства, а в ранге делегата II Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов был в числе тех 347 делегатов, кто покинул официальное заседание и провёл параллельный съезд в защиту Учредительного собрания. Много выступал в печати с критикой продовольственной политики большевиков. Однако очень быстро и решительно изменил свою позицию: в 1919 г. вышел из Партии социалистов-революционеров, занял пост заведующего Экономическим отделом Совета сельскохозяйственной кооперации и ещё несколько официальных высоких должностей, начал преподавание в вузах. В 1920 г. — начальник управления сельскохозяйственной экономики Народного комиссариата земледелия, один из разработчиков первого пятилетнего плана, организатор и глава Конъюнктурного института (1920 — 1929 гг.). В советский период арестовывался: в 1920 г. (был заключён в концлагерь, но через месяц выпущен), 1922 г. (внесён в списки высылаемых за границу, но по настоянию Наркомфина оставлен), 1930 г. (на следующий год по сфабрикованному делу о мифической "Трудовой крестьянской партии" получил 8 лет тюрьмы). В 1938 г. расстрелян. В 1987 г. реабилитирован. Слова Д. Д. Донского о раскаявшемся бывшем однопартийце Н. Д. Кондратьеве были сказаны в год громкого процесса над последним.

³ О Б. В. Савинкове см. предисловие, "Воспоминания" Н. М. Донской и комментарий к ним.

⁴ Мартынов (Пиккер, в другом случае - Пикер) Александр Самойлович (1865 — 1935). Родился в семье лесоторговца. В 1884 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, но через 2 года за участие в народовольческих кружках был из него отчислен, вторично арестован и выслан на родину в г. Пинск. Там последовал новый арест, а за

тем 10-летняя ссылка в Восточную Сибирь, в течение которой А.С. Мартынов провёл ревизию собственных политических убеждений и стал социал-демократом. После возвращения в 1899 г. последовало ещё одно краткосрочное тюремное заключение, а затем эмиграция. С 1900 г. — один из идеологов "экономизма". После II съезда РСДРП в 1903 г. вошёл в число лидеров меньшевизма, стал одним из ведущих публицистов и редакторов многих центральных изданий этого политического направления. В 1906 г. вновь подвергся аресту, после которого опять эмигрировал. Делегат IV и V съездов РСДРП, в 1907 — 1912 гг. — член ЦК РСДРП. Вернулся в Россию после февраля 1917 г., сразу став активным участником революционных событий: членом комитета Петроградского комитета меньшевиков, членом Всероссийского центрального бюро меньшевиков-интернационалистов, членом ЦК РСДРП(о), соредактором журнала "Интернационал", делегатом Объединительного съезда РСДРП, депутатом Временного совета Российской республики (Предпарламента). Октябрьский переворот осудил, но проводил политику сотрудничества с большевиками. Ещё в мае 1918 г. участвовал во Всероссийском совещании меньшевиков, а уже в июне уехал на Украину и отошёл от политической деятельности. С введением НЭПа заявил о полной поддержке линии РКП(б) и на XII съезде в апреле 1923 г. стал её членом. Работал в Институте Маркса и Энгельса, Коминтерне, занимался журналистикой. Подвергался резкой критике со стороны меньшевиков-эмигрантов.

Выписка из протокола №...
Особого совещания при коллегии ОГПУ
от 10 июля 1934 г.

Копия

СЛУШАЛИ:

...15. Пересмотр дела № 9476 гр. ДОНСКОГО Дмитрия Дмитриевича, приг[оворён] пост[ановлением] Ос[обого] сов[ещания] от 5. IX. 1924 г. к высылке в Сибирь сроком на ТРИ года.

Постан[овлением] Ос[обого] сов[ещания] от 13. IV. 1927 г. срок продлён на ОДИН год.

Постан[овлением] Ос[обого] сов[ещания] от 11. V. 1928 г. срок продлён на ОДИН год.

Постан[овлением] Ос[обого] сов[ещания] от 26. VI. 1929 г. срок продлён на ОДИН год.

Постан[овлением] Ос[обого] сов[ещания] от 9. VI. 1930 г. срок продлён на ОДИН год.

Постан[овлением] Коллегии ОГПУ от 22. IX. 1933. лишён права проживания в 12 п[унктах] п[роживания] с прикреплением сроком на ДВА года, считая срок с 5. IX. 1932 г.

ПОСТАНОВИЛИ:

По отбытии срока наказания ДОНСКОМУ Дмитрию Дмитриевичу срок высылки продлить ещё на ДВА года.

Секретарь коллегии

Верно: Уполномоченный УСО ПП ОГПУ по ЗСК

Подпись

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Спецсводка Каргасокского районного отдела ОГПУ

Совершенно секретно.

Начальнику Нарымского окружного
отдела ОГПУ

За отчётный период времени на Донского существенных материалов не поступило. 6. VII. 1934 г. на моё имя Парабельский участковый комендант БЕРЕЗИН рапортом сообщил, что 4. VII. около комендатуры у дверей встретил ДОНСКОГО и с ним зав. Ф[инансовой] Ч[астью] комендатуры АЙДАРОВА¹, которые о чём-то вели разговор. Когда БЕРЕЗИН с ними поравнялся, то ДОНСКОЙ, обращаясь к нему, начал говорить, что на посёлке Бутры болеют малярией спецперселенцы и что у него нет хины для их лечения, и он лечить их не будет, так как барак комендатура не достроила. На это БЕРЕЗИН ему ответил, что барак — одно, а лечить спецперселенцев — другое. ДОНСКОЙ заявил, что "лечить не буду, вас с петлицами я ненавижу, тем более — кто ходит со знаками отличия". Сообщая об этом факте, БЕРЕЗИН просит принять меры в отношении ДОНСКОГО. В данное время ДОНСКОЙ собирается ехать в отпуск, причём явится к Вам просить разрешения о выезде ему в Москву.

Нач. Каргасокского районного
отдела ОГПУ

Галдилин

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарий

¹ Айдаров Николай Петрович. Родился в 1891 г. в г. Острог Волынской губернии. В Парабель, скорее всего, был сослан, поскольку в документах ОГПУ указан капитаном царской армии. Работал бухгалтером участковой комендатуры. В 1937 г. был обвинён, что по заданию Д.Д. Донского комплектовал "эсеровские боевые повстанческие отряды" для формируемого в Парабеле "повстанческого полка". Расстрелян. (Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30 — 40-е и начале 50-х годов. Томск, 1991. Т. 1. С. 24). См. о нём архивные документы далее.

Запрос
Нарымского окружного отдела НКВД

Секретно

НАЧАЛЬНИКУ КАРГАСОКСКОГО РО УНКВД

с. Каргасок

Копия: УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР по ЗСК
(СПО-2 УГБ)

г. Новосибирск

Окротдел предлагает представить объяснение, на основе чего Вами лично отпущен в отпуск на Кавказ отбывающий "минус" в с. Парабели член ЦК ПСР Донской Д.Д.

На каком основании и кем ему выдан паспорт.

По сообщению УНКВД СССР по ЗСК, ДОНСКОМУ отпуск не разрешён.

Ответ ожидается 15. VIII. 1934 г.

ВРИД. нач. окротдела НКВД

(Жук)

ВРИД нач. СПО

(Юркин)

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Спецсводка
по агентурной разработке [Д.Д. Донского]
по состоянию на 1 апреля 1936 г.

Нарымский окружной отдел НКВД по ЗСК
Секретно-политическое отделение. г. Колпашево
Начальнику СПО УНКВД по ЗСК
майору государственной безопасности
тов. Жабреву. г. Новосибирск

С. Парабель. 23. II. 1936 г. в день Красной армии ДОНСКОЙ справлял вечеринку, куда были приглашены сотрудники больницы и его хорошие друзья, посторонние.

ДОНСКОЙ в беседе говорил: "Вот сегодня я сделал 5 операций, и одному из них уже почти закончил операцию, зашил швы, но оказалось, что моча не пошла, и пришлось распороть вторично брюхо".

Данное положение с операциями далеко не единично, но ДОНСКОЙ на всё это смотрит как на обычное явление. Такими фактами могут служить: операция б. III. 1936 г. гр. ПОЛУХИНА, которому сделана операция аппендицита, но сквозь швы просачивается моча, и больному грозит смерть.

В разговоре с медсестрой ПЕРЕВОЗЧИКОВОЙ, работающей в стационаре, последняя сообщила, что в операционной деятельности ДОНСКОГО за 1935 г. имелось 100% брака операций, т.е. все операции были с загниванием во швах. Это характеризуется тем, что 5 оперированных им больных после операции страдали загноением швов.

В разговоре с врачом КАЧАНОВОЙ последняя высказала своё недовольство тем, что браки операции доходят до 100%, и на это ДОНСКОЙ не обращает внимания. Отношение к больным, посещающим больницу, разнообразно в двух направлениях, как-то: больной ответработник при посещении больницы видит в ДОНСКОМ большую заботу, которая выражается в шуме, крике на подчинённых, а больной — простой [человек], — которому нужно внимательное отношение и серьёзная помощь, проходит без всякого внимания, даже не выслушивается, и [ему] устанавливается неправильный диагноз болезни. Для того, чтобы не были вскрыты его браки в работе, ДОНСКОЙ в операционную во время операции никого из опытных людей не пускает, а набрал себе курсанток-си-

делок с явно антисоветского элемента, так: жена зиновьевца, высланного из Ленинграда, ГУДЛО-НАЛИМОВА; жена адмссыльного по ст. 58-6 УК ТРОПОВА; жена заключённого по ст. 58-10-11 УК к 10 годам ЧЕРКАСОВА, она же сама — трудпереселенка; и жена ДОНСКОГО — ИВАНОВА, которые являются ассистентами при операции.

Подбор такого элемента из антисоветских лиц характеризуется настроением самого ДОНСКОГО, который высказывает свои антисоветские взгляды, не стесняясь, а именно: после праздников, ленинских дней, убирались лозунги в больнице; в его кабинете висел лозунг "Да здравствует ВКП(б) и её вождь т. Сталин!". ДОНСКОЙ, выйдя в коридор и подойдя к истопнику, сказал: "Уберите, пожалуйста, у меня в кабинете лозунг, по крайней мере не так будет дико".

Знакомство ДОНСКОГО следующее: КАЧАЛОВА¹, её муж ТВЕРСКОЙ — политссылный, жена уч[асткового] коменданта МИХАЙЛОВА — дочь жандармского офицера и МИХАЙЛОВ — уч[астковый] комендант, член ВКП(б). Знакомство последних заключается в семейственности посещения по выходным дням друга.

Во время проведения вечеринки ..., где присутствовали вышеупомянутые, ДОНСКОЙ охарактеризовал героев Советского Союза челюскинцев так: "Шмидт — это человек, погубивший корабль и сделав[ший] при Соввласти карьеру". Со стороны присутствующих возражений не последовало.

Продолжая разговор, в дальнейшем ТВЕРСКОЙ сказал: "Вот я читал газету, где опубликована беседа Сталина с представителем американской печати Говардом, и мне совершенно непонятно, что Сталин заявляет открыто, что с вступлением в действие новой конституции не будет других партий. Этого, конечно, не будет. Мне больше понятны вопросы Говарда, чем ответы Сталина"...

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарий

¹ Ошибка. Правильно — Кочанова.

Протокол № 5
закрытого заседания Парабельского районного
комитета ВКП(б) от 15 августа 1936 г.

... 1. Обсуждение закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г.

... Высказались...

Тов. Шевченко¹: Письмо ЦК своевременно правильно предупреждает всех коммунистов о повышении большевистской бдительности. У некоторых товарищей не всегда эта бдительность имеет место. Взять, к примеру, тов. Михайлова (уч[астковая] комендатура) — он не всегда достаточно принципиально ставит вопрос, особенно это когда касается трудпереселенцев. Защищая их, он совершенно забывает, что подчас это идёт за счёт колхозов. Он больше пекётся за их благополучие, нежели за благополучие колхозов и колхозников. Подчас тов. Михайлов ставит административно и политических ссыльных выше иного районного работника. Здесь [мы] имеем бесспорное притупление классовой бдительности.

Тов. Арестов²: О Михайлове на одном из районных собраний ещё в Каргаске очень много говорили в связи с его близким знакомством с Донским — участие в проводах сына Донского и т.д. ...

Секретарь Парабельского РК ВКП(б) Подпись (Яскерович)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5. Л. 82. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 211-212).

Комментарии

¹ Член Парабельского райкома ВКП(б).

² Член Парабельского райкома ВКП(б).

Протокол № 1
собрания райпартактива села Парабели,
состоявшегося 16 августа 1936 г.

...Повестка дня:

1. Проработка передовой "Правды" от 7/VIII — с. г.

Прения:

Тов. Исаев: Тов. Макаров в своём докладе предупредил о важности настоящей большевистской бдительности... Вот я имею такой факт: известный нам Донской как заклятый враг партии старается всеми мерами создать себе авторитет. Он сам в больнице провёл работу среди больных о том, чтобы больные написали в газету и его расхвалили, что было и сделано, а мы на это не обратили внимания...

Тов. Цыганова: Для того, чтобы быть политически развитым и хорошо разбираться, нужно организовать политучёбу. Далее тов. Цыганова говорит, что, когда прорабатывался проект о конституции, то Донской говорил, что я, мол, "боролся за такую конституцию 18 лет, был гонимым, был выслан в царское время". В практике своей работы Донской дискредитирует врачей, которые с ним работают и работают в районе — он говорит, что эти врачи ничего не знают, "только мне и приходится всю работу вывозить".

Тов. Кутафьев: У нас в Парабели особенно нужно быть бдительным. Взять Донского: он себя ведёт вызывающе, он старается создать себе авторитет и других своих сотрудников унижить. Я считаю, что Донской имеет связь с Опытным полем¹, а на Опытном поле не благополучно. Как факт — очковтирательство о выведении высокого сорта пшеницы и высокой урожайности 46 цент. с гектара, дача не верных метеорологических сводок и т.д...

Тов. Шевченко: ...Донской через людей написал о себе похвальное письмо в редакцию — я об этом не знал, и, надо прямо сказать, таких маскировок врагов было и впредь будет. От нас требуется усиление бдительности, большевистская бдительность у нас не на должной высоте. Это мы видим на ряде фактов: в нашем районе политссылный печатает на пишмашинке (неизвестно чьей) свои заявления в РИК, и ряд других фактов, о чём мы не знаем...

Тов. Яскерович: Выступали ряд товарищей, и в своих выступлениях мало имело места критики и самокритики... Достаточно ли мы бдительны, можем ли распознать врага, сделали [ли] мы всё, чтобы распознавать врага? Я должен сказать, что в этой области мы

сделали очень мало. Здесь много говорили о Донском, но эти разговоры мы не всегда подкрепляем нужными материалами, а поэтому мы ещё не всё сделали. Мы здесь говорили о Донском, но не нужно забывать и смотреть за действиями других врагов партии, которых у нас здесь немало...

Председатель
Секретарь

Подпись

(Яскерович)
(Каменский)

Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-3. Подлинник. Машинопись.

Указ. на документ: **Бондаренко А.А., Красильников С.А.** Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 212).

Комментарий

¹ *Парабельское межрайонное сельскохозяйственное опытное поле было создано в 1926 г. как опорная станция Васюганской агрометеорологической сети в структуре Сибирского переселенческого управления для научно-практического изучения условий Нарымского края. Среди его основоположников было немало ссыльных, в том числе и наказанный за принадлежность к Партии социалистов-революционеров знаменитый учёный-почвовед Р.С. Ильин. Это научное подразделение сыграло важную роль в развитии производительных сил и культурного строительства региона. В частности, на его базе в 1930 г. возник Парабельский музей, позже переведённый в Колпашево и поныне здравствующий. П.И. Кутафьев в 1936 г. являлся директором музея, но, как коммунист и пропагандист, проводил политзанятия с сотрудниками Опытного поля.*

Донесение
Нарымского окружного отдела НКВД
от 17 сентября 1936 г.

Нарымский окружной отдел НКВД по ЗСК.
Секретно-политическое отделение. г. Колпашево.
Начальнику СПО УНКВД по ЗСК
майору государственной безопасности
тов. Жабреву. г. Новосибирск.

В связи с привлечением к уголовной ответственности по линии прокуратуры врача эсера ДОНСКОГО и вручением последнему обвинительного заключения 10 сентября 1936 г. эсер ДОНСКОЙ явился к начальнику Парабельского РО НКВД сержанту государственной безопасности т. АРТЮХ и заявил, что ему вручено обвинительное заключение по делу, которым он обвиняется по ст. 111 УК РСФСР и что в связи с предстоящим процессом по его делу у него в данный момент появилось плохое моральное состояние. Причём данное состояние усугубляется ещё и тем, что в связи с зиновьевско-троцкистским процессом и "гнётом" прошлого за его плечами, он не гарантирован, что ему не присудят трёхгодичного заключения, в силу чего он может оказаться в кругу воров-растратчиков и рецидивистов, и что, предвидя такое кошмарное будущее в годы 55-летнего возраста, у него появилась мысль покончить свою жизнь самоубийством. Продолжая свой разговор, ДОНСКОЙ сказал: "За 12 лет в Нарыме я немало сделал в области медицины" и что своей работе, которая является, по его выражению, и "политической", отдавал все свои силы и знания, и что за текущие 12 лет органы НКВД, а он якобы в этом уверен, не имеют на него ни одного факта его к[онтр]-р[еволюционной] деятельности, т.к. он ею не занимается, что, по его мнению, и должно было загладить его прошлое. А теперь в связи с возникновением уголовного дела перспектив к жизни он больше не имеет. В то же время ДОНСКОЙ заявил: "Я бы мог согласиться с решением суда тогда, если бы мне дали год, два и даже три принударботы, это бы значительно облегчило мне моральное положение". На вопрос "Что же Вы хотите от органов НКВД?" ДОНСКОЙ ответил: "Я пришёл в орган, в ведении которого нахожусь, изложить своё моральное состояние в связи с делом, чтобы последнему было известно".

Дело по обвинению ДОНСКОГО было назначено к слушанию на 13 сентября, но в связи с тем, что эксперт КИСИЛЁВ в данное время находится в Новосибирске, поэтому разбор дела отложили до приезда последнего...

*Нач. Нарым[ского] о/о НКВД
ст. лейтенант госбезопасности
Нач. СПО УГБ*

*Мартон
Колесников*

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Акт [состояния Д.Д. Донского]

23 сентября 1936 г.

Мы, нижеподписавшиеся, врачи Парабельского района Борисенко О.Г., Манишев И.В., зав. райздравом Борисенко Д.Е. и зав. Нарымским окружным отделом здравоохранения Киселёв Н.Н. составили настоящий акт в следующем.

В 4 часа 45 минут 22. IX. зав. райздравом т. Борисенко Д.Е. зашёл на квартиру к д[окто]ру Донскому Д.Д. для переговоров по служебным делам, застав его на квартире в лежачем положении с явлениями засыпающего человека, с несвязной речью и курящего сигару.

Заподозрив в ненормальном состоянии д[окто]ра Донского, т. Борисенко Д.Е. немедленно обратился к своей жене, врачу Борисенко О.Г., которая пришла на квартиру к д[окто]ру Донскому, обнаружив ослабленные сердцебиение и пульс, бледность лица и помутнение зрачков. Тотчас же, возвратясь на свою квартиру, д[окто]р Борисенко пригласила д[окто]ра Киселёва, с которым возвратились снова на квартиру к Донскому.

Доктором Киселёвым было обнаружено следующее: больной Донской Д.Д. лежит на кушетке, одет в гимнастёрку и брюки, в полном сознании, жена д[окто]ра Донского медсестра Иванова плачет над лежащим на кушетке Донским.

На вопрос "Что случилось?" д[окто]р Донской ответил: "Не знаю. Видимо, от переутомления — сердечный нервный припадок или анемия мозга". При чём мною, Киселёвым, было замечено, что при анемии мозга бывает шум в ушах. Д[окто]р Донской ответил: "Это у меня есть. Немножко тошнит" (рвоты не наблюдалось). На вопрос к Донскому "Принимали ли Вы что-нибудь из яда или нет?" [последний] ответил: "Что вы? Зачем мне это дело? Со мной от переутомления [так] бывает часто".

Присутствующая здесь жена Донского, медсестра Иванова, тоже подтвердила, что это с ним (Донским) бывает часто.

При осмотре д[окто]ром Киселёвым было констатировано: ...бледность лица с выступившим холодным потом; температура — 35,6?; язык белый, сухой; зрачки сужены, на свет не реагируют; пульс — 96 ударов в минуту, слабое наполнение... Было введено... 10% раствора камфары.

... В это время приходит защитник Икатов с намерением посоветовать с д[окто]ром Донским по вопросу о защите. Д[окто]р Донской ответил, что через несколько минут с ним всё это пройдёт, и он будет с защитником говорить.

Предложение доктора Киселёва: Переговоры отложить до утра и дать д[окто]ру Донскому покой и... сегодня надо отложить судебный процесс ввиду болезненного состояния д[окто]ра Донского.

Через $1/2$ часа снова д[окто]р Киселёв посетил квартиру д[окто]ра Донского вместе с зав. райздравом т. Борисенко и находит более удовлетворительное состояние, выражающееся в следующем: д[окто]р Донской находится в полусидячем положении на кушетке, лицо розовое, речь связная. Д[окто]р Донской неоднократно выражал словами: "Как это неприятно и неудобно, что случившийся припадок откладывает судебный процесс".

Д[окто]р Киселёв и жена д[окто]ра Донского пытаются узнать, не принимал ли он что-нибудь из ядов. Но последний категорически отвечает о неприятии ядов.

На предложение доктора Киселёва о создании больничной обстановки доктор Донской заявил, что у него самый близкий человек — его жена, которая обеспечивает ему хороший уход.

После этого он стал объяснять причину своего болезненного состояния о прошлом глубоком наслоении на центральную нервную систему. Т. Иванова заверила д[окто]ра Киселёва о том, что с ним бывают эти припадки очень часто. На вопрос д[окто]ра Киселёва, почему открыта амбулатория больницы, д[окто]р Донской ответил, что он взял замок закрыть амбулаторию. При этом д[окто]р Донской выразил желание предоставить ему покой, и он будет назавтра готов на процесс.

Проверив ещё раз зрачки, пульс и сердечную деятельность и найдя их в более удовлетворительном состоянии, причинило основание д[окто]ру Киселёву дать совет предоставить д[окто]ру Донскому покой... Далее на собрании коллектива медиков находившиеся д[окто]ра Борисенко и Манищев были вызваны сестрой Целищевой к д[окто]ру Донскому, который находился в бессознательном состоянии, с замедленным пульсом, синюшностью лица и совсем нереагирующими зрачками. Температура — $35,6^{\circ}$. Был вызван доктор Киселёв и в присутствии зав. райздравом т. Борисенко, зуб[ного] врача Конторовича, медсестёр Целищевой, Ивановой и Савиных, завхоза Перевозчикова и его жены Перевозчиковой было констатировано д[окто]ром Киселёвым острое отравление морфием и немедленно было произведено: инъекция стрихнина 0,5% в

количестве 1 грамма и трёхкратное промывание желудка марганцевой калией с оставлением около 200,0 в желудке марганцевой калии. После удаления зонда применено искусственное дыхание, тёплое обёртывание, холодный компресс на голову и грение к ногам.

К 1/2 2-му¹ 23. IX. состояние больного без перемен.

Подписи. Киселёв

Борисенко

Манишев

Борисенко

Иванова

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарий

¹ Так в документе. Очевидно, имеется в виду "1 час. 30 мин."

Докладная записка
Парабельского районного отделения НКВД

Парабельское р[айонное] о[тделение] НКВД
с. Парабель
Нарымскому окр[ужному] отделу НКВД по ЗСК
г. Колпашево

25 сентября 1936 г. № 274...

Процесс по рассмотрению дела по обвинению Донского был назначен на 22 сентября 18 часов. Процесс не состоялся ввиду того, что Донской, дабы не стать пред судом, где будет разоблачён в своей уголовной деятельности, отравился путём впрыскивания морфия и был уже в ненормальном состоянии в 16 часов 45 минут.

Отравление было намеренное, заранее подготовленное. Эт[о]м свидетельствует ряд документов, приготовленных им в здравом состоянии, а именно: увольнение в отпуск своей жены Ивановой Таисьи с приготовлением заранее документов ей, а также имеющиеся деньги у него на сберкнижке перевёл на имя своей жены Ивановой.

Наряду с этим после его отравления изъяты следующие документы:

1. Письмо сыну, в котором он пишет, что он кончает жизнь самоубийством и что он не может просьбу своей жены¹ "Подожди умирать" выполнить.

2. Письмо, адресованное всему персоналу больницы, кроме Никольской, где пишет: "Прощайте, друзья..." и т.д. с обращением "берегите больницу, не разбегайтесь".

3. Письмо окрздраву Киселёву: "Прошу не трудиться вскрывать меня, я впрыснул себе под кожу морфия, извините за некоторое беспокойство, поберегите больницу от развала".

4. Парабельскому нарсуду, где раскаивается о своём прошлом и доказывает свою невиновность в смерти Мухачёва.

Произведённым обыском в квартире Донского обнаружено изобилие медикаментов и инструментария, как-то: шприцов — 9 шт., игл к ним — 158 шт., игл для сшивания ран и порезов при операции — 188 шт., в которых больница имела большую нужду, и зачастую употреблялись полунегодные и ржавые, и другие медикаменты от 500 гр. и ниже — 57 наименований. Из коих были медика-

менты, в которых как больница, так и аптека имели большую нужду, но таковые совершенно отсутствовали.

Наряду с этим изъят портрет Троцкого и два фотоснимка, относящиеся к 1917 году, где он как руководитель революционного комитета, с надписью "Руководителю революционеру Д.Д. Донскому" и надписями на знамёнах "Смело идём на врага, свободные граждане!", "Война до победного конца!".

Настроение отдельных лиц соболезнующее, с высказыванием сожаления о его смерти. Как-то медсестра Целищева 24. IX. 1936 г. в присутствии медперсонала заявила: "Затравили невинного и дорогого для нас человека. Хотели вместо звукового кино и спектакля сыграть судом спектакль над невинным человеком, и Донской отравился из-за того, что его травили"...

*Нач. Парабельского р/о НКВД
сержант госбезопасности*

Артюх

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарий

¹ В записке процитированы слова не жены Д.Д. Донского-старшего, а жены его сына — Татьяны Ильиничны Донской.

Спецсообщение**о самоубийстве политссыльного эсера ДОНСКОГО Д.Д.**

Нарымский окружной отдел НКВД по ЗСК

Секретно-политическое отделение. г. Колпашево

ВРИД нач. СПО УНКВД по ЗСК

ст. лейтенанту государственной

безопасности тов. Ягодкину. г. Новосибирск

3 октября 1936 г. № 0703

Совершенно секретно.

В дополнение к нашему спецсообщению от 17 сентября 1936 г. за № 5350 и телеграмме № 0049 сообщаем, что политссыльный эсер ДОНСКОЙ Д.Д., работавший заведующим Парабельской районной больницей, будучи отданным под суд по линии прокуратуры за халатное отношение к служебным обязанностям (о чём отмечено в наших спецсводках) перед тем, как встать перед судом, покончил жизнь самоубийством путём отравления.

Обстоятельства дела таковы.

22 сентября с.г. Парабельским народным судом было назначено к слушанию дело ДОНСКОГО, и ему была вручена повестка. На суд ДОНСКОЙ не явился, и, как потом было выяснено, он оказался у себя на квартире сильно больным. На вопрос врача — зав. окрздравом Киселёва, — осмотревшего ДОНСКОГО, что с ним случилось, последний отравление себя скрыл и заявил, что у него от переутомления произошёл нервный сердечный припадок. С ухудшением состояния ДОНСКОГО врачом КИСЕЛЁВЫМ было констатировано, что он отравился путём впрыскивания себе морфия. Врачебная помощь оказалась безрезультатной, ДОНСКОЙ 25 сентября умер¹.

Произведённым обыском обнаружено четыре предсмертных письма, оставленных ДОНСКИМ на имя сына, персонала больницы, зав. здравотдела КИСЕЛЁВА и Парабельского нарсуда (копии прилагаются).

Это обстоятельство свидетельствует, что самоубийство ДОНСКИМ заранее обдуманно и подготовлено.

О вышеизложенном сообщается для сведения.

Одновременно с этим имеющаяся у нас разработка на ДОНСКОГО... нами прекращена...

Нач. Нарым[ского] о[кругного] о[тдела] НКВД
ст[арший] лейтенант госбезопасности
Нач. СПО УГБ (Подпись)

Мартон
Колесников

Архив Управления ФСБ по Томской области. Подлинник. Машинопись.

Выявление: Уйманов В.Н.

Комментарий

¹ Ошибка. Смерть Д.Д. Донского наступила 24 сентября.

Протокол допроса С.М. Музыкантова

7 июля 1937 г.
г. Колпашево

Музыкантов Семён Михайлович, рождения 1888 г., урожд. д. Мышкова, Велижского района Западной области, русский, из крестьян, образование незаконченное среднее, беспартийный, в 1924 г. судим за участие в банде, приговорён к расстрелу, ЦИК БССР расстрел заменён 10 годами лишения свободы, в 1930 г. для дальнейшего отбытия наказания выслан в Нарым, ссылку отбывал в с. Парабель, Нарымского округа.

Вопрос: На предыдущем допросе вы показали, что, будучи завербованным в контрреволюционную эсеровскую организацию, вы получили указание члена ПСР ДОНСКОГО создать в Парабельском районе повстанческий отряд. Как вы выполнили эти указания?

Ответ: Давая мне указания о создании повстанческого отряда, ДОНСКОЙ рекомендовал приступить к насаждению боевых групп, которые впоследствии можно свести в повстанческий отряд. ДОНСКОЙ говорил: главное дело, подобрать и завербовать авторитетных трудпоселенцев, которым и поручить создание боевых групп.

Следуя этим указаниям ДОНСКОГО, я и начал свою работу о подыскании и вербовке таких лиц, которым можно бы было поручить организацию боевых групп...

Вопрос: Вы говорили им о том, что создаёте организацию по поручению эсера ДОНСКОГО?

Ответ: Нет, этого я не говорил. Но как я уже показывал, с моих слов они знали о том, что вместе с нами работают большие люди. Однако, в интересах конспирации, фамилии ДОНСКОГО я им не называл...

Архив УФСБ по Томской области. Д.П-3235. Л.28-33. Подлинник. Машинопись.

Печ. по: Из истории земли томской. Год 1937... Сборник документов и материалов. Томск, 1998. С. 130-137.

Обвинительное заключение по делу № 7112

По обвинению:

Славинского Фёдора Порфирьевича в преступлении, предусмотренным ст. 58-2, 58-8, 58-11 УК РСФСР

Управлением государственной безопасности УНКВД по ЗСК на территории Западно-Сибирского края вскрыты и ликвидированы контрреволюционные кадетско-монархическая и эсеровская организации, которые по заданиям японской разведки и зарубежной белогвардейской организации, именующей себя "Российский общевойсковой союз", до последнего времени вели активную подготовку к вооружённому выступлению против соввласти, намереваясь поднять вооружённое восстание в момент внешних осложнений.

В 1935 г. один из руководителей к-р кадетско-монархической организации б/генерал ЭСКИН установил в Новосибирске связи с членами т. н. "Сиббюро ПСР" ПЕТЕЛИНЫМ и другими, возглавлявшими к-р эсеровскую организацию в Западной Сибири.

В том же 1935 г. руководители "Сиббюро ПСР" и члены боевого штаба кадетско-монархической организации пришли к убеждению о необходимости объединения повстанческих кадров обоих к-р организаций. Руководство всей боевой и повстанческой работой, по договорённости с руководителем "Сиббюро ПСР" ПЕТЕЛИНЫМ, взял на себя боевой повстанческий штаб, возглавлявшийся б. генералами ЭСКИНЫМ и МИХАЙЛОВЫМ.

Следствием установлено, что с 1931 по июнь 1937 гг. членами боевого повстанческого штаба МИХАЙЛОВЫМ, ЭСКИНЫМ, ДОЛГОРУКОВЫМ и ПИРОЦКИМ в Нарымском округе была сформирована повстанческая дивизия, в состав которой входили ряд войсковых подразделений и отдельных боевых отрядов, возглавлявшихся бывшими офицерами царской и белой армий.

В июне месяце 1937 г. УГБ УНКВД по ЗСК в селе Парабель, Нарымского округа был арестован и привлечён к уголовной ответственности как активный участник контрреволюционной, эсеровско-монархической повстанческой организации — СЛАВИНСКИЙ Фёдор Порфирьевич, в 1933 г. осуждённый в ссылку на пять лет за участие в эсеровской организации, существовавшей в сельскохозяйственной академии...

Следствием установлено, что отбывающий ссылку в селе Парабель Нарымского округа член ЦК ПСР ДОНСКОЙ Дмитрий Дмитриевич развернул активную работу по формированию боевых повстанческих отрядов, диверсионных и террористических групп из числа враждебной части высланного в Нарым кулачества...

В конце 1934 г. ДОНСКИМ был завербован в контрреволюционную эсеровско-монархическую организацию СЛАВИНСКИЙ Фёдор Порфирьевич... последнему ДОНСКОЙ предложил использовать свои связи среди бывшего офицерства, осевшего в аппарате Парабельской участковой комендатуры ОТП, из числа которых произвести вербовку в эсеровскую организацию с целью использования их как командные кадры формируемых повстанческих боевых отрядов...

Выполняя указания ДОНСКОГО о вербовке в эсеровскую организацию командных кадров, СЛАВИНСКИЙ в начале 1935 г. установил организационные связи с главным бухгалтером уч. комендатуры б/капитаном старой армии АЙДАРОВЫМ Николаем Петровичем, проводившим по заданию члена штаба контрреволюционной монархической организации б/штабс-капитана ПИРОЦКОГО формирование повстанческого полка в Парабельском районе...

В соответствии с установками ДОНСКОГО, СЛАВИНСКИЙ договорился с АЙДАРОВЫМ о совместной работе с эсеровской организацией, об укомплектовании АЙДАРОВЫМ эсеровских боевых повстанческих отрядов командными кадрами за счёт привлечённых в контрреволюционную организацию бывших офицеров...

СЛАВИНСКИЙ виновным себя признал...

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО:

СЛАВИНСКИЙ Фёдор Порфирьевич, 1892 г. рождения, из дворян, родился в г. Кронштадте, сын генерал-майора по адмиралтейству Балтийского флота, образование незаконченное высшее, беспартийный, в 1933 г. судим Особой тройкой ПП ОГПУ ЛВО по ст. 58-10-11 УК, приговорён к 5 годам ссылки в Нарым, отбывал наказание, работая статистиком Парабельской участковой комендатуры ОТП УНКВД,

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО:

1. Является активным участником контрреволюционной, эсеровско-монархической повстанческой организации, готовившей вооружённое восстание против советской власти. Завербован в конце 1934 г. членом ЦК ПСР ДОНСКИМ.

Протест

прокурора Сибирского военного округа в военный трибунал Сибирского военного округа по делу Ф.П. Славинского

30 апреля 1959 г.

г. Новосибирск

Секретно

7 августа 1937 г. на основании постановления Тройки УНКВД Западно-Сибирского края подвергнут (без указания статьи УК) высшей мере наказания расстрелу, с конфискацией имущества СЛАВИНСКИЙ Фёдор Порфирьевич...

Согласно обвинительному заключению, СЛАВИНСКИЙ признан виновным в том, что он являлся активным участником созданных ПЕТЕЛИНЫМ, МИХАЙЛОВЫМ, ЭСКИНЫМ, ДОЛГОРУКОВЫМ, ПИРОЦКИМ и др. на территории Западно-Сибирского края по заданию японской разведки контрреволюционных кадетско-монархической (РОВС) и эсеровской организаций, установил связь с ПИРОЦКИМ и АЙДАРОВЫМ и договорился с ними об укомплектовании эсеровских боевых отрядов.

СЛАВИНСКИЙ на предварительном следствии виновным себя признал.

Постановление тройки УНКВД по настоящему делу подлежит отмене, а дело прекращению...

Проверкой также установлено, что указанных в обвинительном заключении кадетско-монархической (РОВС) и эсеровской контрреволюционных организаций и Сиббюро ПСР в Западно-Сибирском крае не существовало и что материалы об их организациях были сфальсифицированы бывшими работниками органов УНКВД ЗСК, которые в 1936 — 1937 гг. систематически арестовывали невинных граждан и на допросах, путём применения запрещённых методов следствия, добивались от арестованных признания своей вины в том, чего они в действительности не совершали...

На основании изложенного и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г. и ст. 25 Положения о прокурорском надзоре в СССР,

ПРОШУ:

постановление тройки УНКВД Западно-Сибирского края от 7 августа 1937 г. по делу СЛАВИНСКОГО Фёдора Порфирьевича отменить, а дело дальнейшим производством в уголовном порядке

прекратить на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР за отсутствием со-
става преступления.

Военный прокурор Сибирского

военного округа

полковник юстиции

Подпись

П. Орлов

Архив УФСБ по Томской области. Д.П-3229. Л.59-61. Подлинник. Ма-
шинопись.

Печ. по: Из истории земли томской. Год 1937... Сборник документов и
материалов. Томск, 1998. С. 341-343.

Использованная литература

Безбережьев С.В. Мария Александровна Спиридонова // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Издательство политической литературы, 1991. С.335-355.

Бова П.А. История и современное состояние здравоохранения Нарымского края. Дис. ... канд. мед. наук. Томск, 1966 // Научная библиотека Сибирского государственного медицинского университета. № 207622.

Бова П.А., Олейниченко В.Ф. Очерки по истории здравоохранения Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986.

Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей. Т. 1-5. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991-1999.

Большая медицинская энциклопедия. Изд. 3. М., 1974-1988.

Большая советская энциклопедия. Изд. 3. М., 1970-1978.

Бонгаренко А.А., Красильников С.А. Дмитрий Дмитриевич Донской в нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всерос. научн. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. II. С. 199-214.

Бородулин В.И. Школа Г.Ф. Ланга // Клиническая медицина. 1975. № 7. С. 139-141.

Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977.

Гражданская война и военная интервенция в СССР / Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1983.

Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963.

Гусев К.В. Партия эсеров: от буржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975.

Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашательства к контрреволюции: (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968.

Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. Новосибирск, 1997.

Е.М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. / Публ. М. Янсена // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1989. Вып. 7. С. 193-231.

Задорожный А.А., Сакс Ф.Ф. Хирург А.Г. Савиных. Томск, 1996.

Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л.: Наука, 1976.

История гражданской войны в СССР. М., 1947. Т. 2.

Каторга и ссылка / Журнал Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921-1930 гг.

Колесниченко Д.А. Виктор Михайлович Чернов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 296-334.

Красильников С.А. Евгений Тимофеев и Макс Гельц: несостоявшийся обмен политзаключёнными в 20-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1994. № 2. С. 59-66.

Крыленко Н.В. Судебные речи. Избранное. М.: Издательство политической литературы, 1964. С. 82-292.

Леонтьев Я. Заложники революции // Общая газета. № 37. 18-24 сент. 1997 г.

Маркелов К. Покушение на цареубийство в 1907 г. // Былое. 1925. № 3. С. 133-176.

Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895-1917 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994.

Меньшевики в 1917 году: В 3 т. М.: РОСПЭН, 1997.

Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934.

Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

Рассамахин Ю.К. Первый музей в Нарымском крае // Земля парабельская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 240-251.

Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М.: Мысль, 1991.

Савиных А.Г. Опыт работы и организации хирургической помощи на севере реки Оби в остяко-самоедско-тунгусских районах // Труды Томского мед. ин-та. Томск, 1933. Вып. 1-3. С. 244-285. То же (фрагм.) // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 222-229.

Советская историческая энциклопедия. М., 1961-1976.

Свирская М.Л. Из воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1989. Вып. 7. С. 19-82.

Советский энциклопедический словарь. М., 1982.

Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Инком НВ, 1991. Т. 5.

Спиригович А. Записки жангарма. М., 1991.

Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М.: Мысль, 1977.

Уразов С. Инициалы «Д.Д.Д.» // Советский север. 9, 20 авг., 1, 6, 17, 22, 27 сент. 1994 г. № 90, 95, 100, 102, 107, 109, 111; То же // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 252-265.

Чернавский М. К характеристике Г.В. Плеханова // Историко-революционный бюллетень. М., 1924. № 2-3. С. 22-27.

Черняк Э.И. Комментарий к очерку С.П. Уразова «Инициалы Д.Д.Д.» // Земля парабельская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 266.

Черняк Э.И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 – начале 1918 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987.

Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1890-1907.

Яковлев Я.А. Дмитрий Дмитриевич и Надежда Михайловна Донские – жизнь революционеров, судьба людей // Сибирский медицинский журнал. Томск, 1998. № 3-4. Т. 13. С. 141-143.

Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М.: Возвращение, 1993.

Янсен М. Суд над эсерами // Огонёк. 1990. № 39. С. 14-17.

Содержание

Яковлев Я.А.

Дмитрий Дмитриевич Донской — имя из небытия	4
Донская Н.М. Воспоминания	102
Донской Д.Д. Восемь лет из жизни врачебного участка в Нарымском крае (1924 — 1932 гг.)	208
Донской Д.Д. Письма	222
Рассказ языком архива	284
Использованная литература	375

**ЯКОВ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЯКОВЛЕВ**

**Дмитрий
Дмитриевич
Донской**

Редактор Сумарокова В.С.

Корректор В.Г. Лихачева

Компьютерная верстка,
сканирование и обработка
фотографий

Лицензия ЛР 040749 от 18.03.96г.

Подписано в печать 20.03.2000г. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага офсетная №1. Гарнитура Baltica C.

Печ. л. 24,25; усл. печ. л. 22,60;

уч.-изд. л. 21,80. Тираж 500 экз. Заказ № 731.

Издательство ТГУ. 634029, Томск, ул. Никитина, 4.

Асиновское полиграфическое объединение,

г.Асино, ул.Проектная,22

В БОРЬБЕ
ОБРЕТЁШЬ
ТЫ ПРАВО СВОЁ